

OSHO

ОШО

УДАНО
Мистическая роза

СОСИСЯ

УДК 291.63
ББК 87.7
О-96

Перевод с английского Ма Прем Пуджи

О-96 Ошо
Мистическая роза / Перев. с англ. — М.: ООО Издательство
«София», 2008. — 480 с.

ISBN 978-5-91250-740-3

Эта книга шаг за шагом ведет вас в зачарованное путешествие слов, молчаний и картин. Она ведет вас в мир, где волшебство оставалось на сцене вечер за вечером и тайна спускалась на землю и играла среди нас.

Смакуйте эту историю, строка за строкой, страница за страницей. Впустите глубоко в сердце рассказы из первых рук...

А когда закончите, просто закройте глаза и почувствуйте... вы сможете услышать смех и рев могучего Йаа-Хуу! Голос Истины, отражающийся эхом в пустом холле, полном людей. И может быть, вы найдете, что в конце концов совершенно не жаль, что вас там не было!

УДК 291.63
ББК 87.7

Copyright © 1988 by Osho International Foundation, Switzerland,
www.osho.com/copyrights
All rights reserved

Originally English title: Yaa-Hoo! The Mystic Rose, Osho
Ошо — зарегистрированная марка Ошо Интернэшнл Фаундэйшн.
Информацию можно получить на сайте osho.com/trademark.

www.osho.com
Osho International,
oshointernational@oshointernational.com,
www.osho.com/oshointernational

Очень подробная Интернет-страничка: несколько рабочих языков, возможность совершить виртуальное путешествие на Медитационный Курорт, информация о проводимых на Курорте мероприятиях, каталог книг и кассет, данные об информационных центрах Ошо в разных странах мира, избранные беседы Ошо.

ISBN 978-5-91250-740-3

© «София», 2008
© ООО Издательство «София», 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Я — начало и конец	9
Нигде и везде	23
В почве сердца, в климате доверия	37
Смейся и отпусти прошлое	51
Все последователи слепы	67
Позволить быть — главный принцип	83
Ни диалог, ни монолог — Йаа-Хуу!	93
Наше стремление — к звездам	107
Скажи до свидания политике, но не науке	127
Это пламя — в вас	151
Одно сердце в двух телах	169
О лебедь, взлети в одинокий полет!	181
Эпидемия здоровья	203
Путешествие отсюда сюда	221
Никогда не спрашивай «Кто я?»	235
Беспомощность — второе название позволения	251
Безвозвратное положение вещей	269
Закон для тех, кто не умеет любить	283
Нет «Я», нет «Вы» — просто отражающее зеркало	303
Лишь проблеск — и дело сделано	317
Я вернулся — меня убедила буря	327

Мой опыт вне слов	339
Просветление — не торгуясь	353
Наслаждайся своим совершенством	365
Скрытое великолепие	383
Будьте спонтанными	399
Люби своего верблюда и доверяй	411
Достаточно искусства слушать	427
Когда твои руки пусты	445
Смех и слезы: очищение сердца	463
Об ОШО	478
Медитативный курорт	479

Введение

*С*имвол мистической розы вызывает к жизни безмерно важные воспоминания... Однажды ранним утром точно такое же собрание искателей, как и вы... но двадцать пять веков назад... ожидало, когда выйдет Гаутама Будда и произнесет утреннюю проповедь. Все были удивлены...

В некотором роде ужасно жаль, что вас там не было.

Было это через двадцать пять веков, и было это грандиознейшим представлением «живого театра», которое только видел мир. И те, кто в нем участвовал, начинают чувствовать лепестки розы, раскрывающейся к солнцу.

Центр сцены: Просветленный Мастер, мистик, мудрец, волшебник и Мастер Церемоний — Ошо.

Входят: два растерянных репортера журнала «Бунте»; два сумасшедших китайца... отшельник в бамбуковой хижине, таинственная женщина в сари, призрак Джавахарлала Неру... и вот, Йаа-Хуу! Мы все упали! И свидетель, и рождение Мистической Розы.

Почва — твоё сердце.

Погода — твоё доверие.

И твоё существо есть мистическая роза — её раскрытие, цветение, высвобождение аромата. Мистическая роза стала просто символом человека, существо которого больше не бездействует, не спит, но полностью проснулось и стало чувствительным ко всему, что только есть истинного, красивого, хорошего, — к самому великолепию существования...

Эта книга ведет вас, шаг за шагом, в зачарованное путешествие слов, молчания и картин. Она ведет вас в мир, где волшебство оставалось на сцене вечер за вечером и тайна спускалась на землю и играла среди нас.

Сцена все более наполнялась странными персонажами. Комизм и безумие накапливались и накалялись... и вот, горячим и ароматным вечером разразилась буря, и сцена внезапно опустела. Осталось лишь несколько сухих листьев, вздымаемых ветром.

Я хотел бы, чтобы вы знали, что, хотя я не дзэнский мастер старого образца, я тоже бью — по-своему, более изощренно. Я тоже разрушаю ваши цепляющиеся эго; я тоже разрушаю то, что вы принимаете меня как должное, потому что однажды внезапно я уйду, как проходит буря. Прежде чем уйти, я хотел бы, чтобы вы расцвели, как самые большие розы.

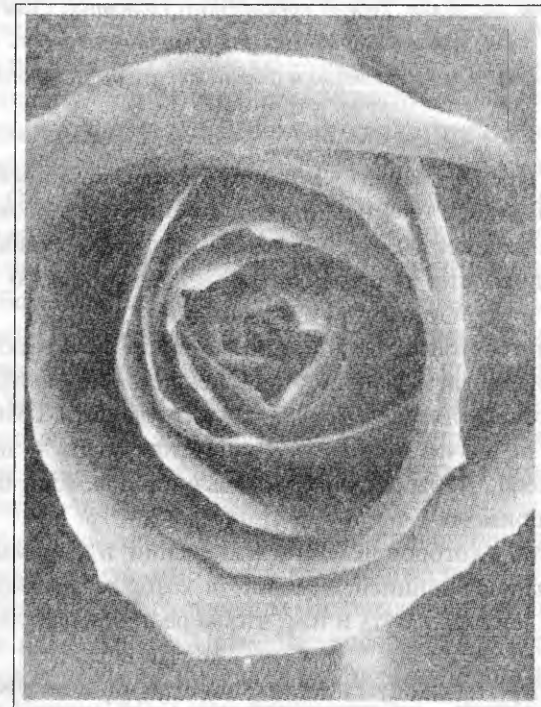
За этим следовали прекрасные дни, когда не оставалось ничего, кроме как «позволить» и праздновать. С возвращением Мастера история продолжается... с более глубоким смехом, с более проникновенным молчанием, с новым осознанием, что это не обычное представление.

Смакуйте эту историю, строка за строкой, страница за страницей. Вкусите атмосферу, созданную прекрасными фотографиями; впустите глубоко в сердце рассказы из первых рук...

А когда закончите, просто закройте глаза и почувствуйте... вы сможете услышать смех и рев могучего Йаа-Хуу! Голос Истины, отражающийся эхом в пустом холле, полном людей. И, может быть, вы найдете, что в конце концов совершенно не жаль, что вас там не было!

Свами Ананд Вимал, Пуна, Индия

Я — начало и конец

Старый стиль для Мастера предписывал быть очень серьезным и держать дистанцию. Позволить близость, позволить дружественность... Было страшно, что его истина и открытие могут затеряться в толпе.

Любимый Ошо,

Все мое существо склоняется к Твоим ногам, но, когда утром Ты приветствуешь нас или прощаешься, уходя, мне очень трудно отвести глаза от Твоего прекрасного сияющего существа. Не теряю ли я, подглядывая? Не эту ли привязанность к Твоему физическому присутствию и форме мне следует трансцендировать?

Кога Прем — то есть «Большая Прем» — ты просто большая; такова твоя невинность, такова твоя любовь... и таково твое невежество! Не любовь к моему присутствию следует трансцендировать; трансцендировать нужно идею о том, что есть ты!

Чтобы тебе было проще понять: когда искателю говорят «трансцендировать любовь, трансцендировать сострадание», чаще всего он понимает, что должен их отбросить. Трансцендировать — не значит отбросить. Трансцендировать — значит отбросить себя, чтобы оставалась лишь чистая любовь, без любящего и любимого.

Чистота, в которой исчезают и любящий, и любимый, называется трансценденцией; доверие, в котором растворяются и мастер, и ученик... Суть в том, чтобы растворилась двойственность.

Посмотри на свой ум и на то, как он функционирует: ты все поняла неправильно — не по своей вине, не в силу предубежденности, но просто потому, что именно так функционирует ум, именно так он себя проецирует.

Ты говоришь: «Все мое существо склоняется к твоим ногам». Если все твое существо склоняется к моим ногам, в нем не должно быть тебя. Если ты по-прежнему есть, существо не тотально. Меня нет, тебя нет... и распускается цветок безмерной благодарности. Ты не должна трансцендировать, потому что в такой трансценденции ты станешь более эгоистичной, в тебе

будет больше «я». Тебе предстоит растворить себя, и в этом растворении сама собой расцветет трансценденция.

Некоторые вещи ты не можешь сделать. Например, ты не можешь уснуть — сон *приходит* к тебе. Спроси людей, которые не могут уснуть, которым трудно уснуть и которые делают для этого всевозможные глупости: принимают горячий душ, совершают обезьяньи упражнения под названием йога, потом, лежа в постели, выполняют трансцендентальную медитацию, а в промежутках смотрят телевизор — но ничего не помогает. Когда ты устаешь от всех этих трансцендентальных медитаций, упражнений в йоге и телевизионного идиотизма, когда ты совершенно изнуряешь себя попытками уснуть, внезапно приходит сон. Он даже не стучится в дверь. Он даже не спрашивает: «Можно войти, сэр?» Он приходит беззвучно, бесшумно. Ты не можешь увидеть его приход — только утром, когда просыпаясь: «Боже мой, я спал!»

Никакое усилие не сможет привести ко сну, потому что любое усилие будит. Усилие по своей природе присуще осознанности, а во сне человек должен обо всем забыть, утонуть в забытии, расслабиться. Не беспокойся даже о сне — когда он придет, тогда придет; если он не приходит — это совершенно не твоя забота, — и он придет.

Ты говоришь: «Но когда утром ты приветствуешь нас или прощаешься, уходя, мне очень трудно отвести глаза от твоего прекрасного сияющего существа. Не теряю ли я, подглядывая?»

Вовсе нет, Большая Прем. Это хорошее упражнение! Мне жаль тех, кто не умеет подглядывать. Ведь ты подглядываешь не в чужую ванную! Не о чем беспокоиться — подглядывай радостно.

Но люди начинают беспокоиться... вчера вечером, чтобы разбудить Нискрию, я приветствовал его нацистским салютом. Даже тогда он не совсем проснулся; он лишь немного пришел в чувство. Все этим наслаждались, но мать Гаримо, Гита, встревожилась. Она подумала, что, кажется, этот Нискрия — нацистский агент.

Бедный Нискрия здесь совершенно ни при чем — он не имеет никакого отношения ни к нацистам, ни к немцам, ни к

чистой нордической крови. Он простой парень. Он так прост, что даже подружки бросают его через день. Но его это не тревожит, он заносит их в список и ожидает новых поступлений. Видя, что здесь он большой человек, он назначает аудиенции: «На этой неделе я забронирован». Он нашел секретаря в лице Сарджано — еще один фашист! Каждая отвергнутая женщина уходит к Сарджано.

Вот что произошло, и вся коммуна наслаждалась, но Гите много лет, и ее воспоминания о событиях Второй мировой войны еще живы. Она вышла из себя. Не знаю... однажды я скажу Нискрии шаркнуть сапогом, что тогда будет с Гитой? Ей столько лет, и я не хочу, чтобы с ней случился сердечный приступ. И, скорее всего, Нискрия не умеет шаркать сапогом. Но Гита пострадала, ее тесть сидел в нацистской тюрьме, ее отец умер в тюремном заключении, и, когда я сделал Нискрии нацистский салют, ожили всевозможные ужасы.

А я просто пытался его разбудить!

Это самое антифашистское место, которое только можно найти в мире. Но я прошу прощения, потому что я упустил из виду некоторых людей старшего поколения — здесь Гита, здесь муж Гиты, и они, должно быть, много страдали. Я не должен был этого делать. Но Нискрия здесь абсолютно ни при чем; во всем виноват я.

Я не Римский Папа, который никогда не ошибается; я совершил ошибку вчера, и — кто знает? — может быть, совершу сегодня, потому что на меня нельзя полагаться. Пусть Нискрия готовится. Конечно, чтобы шаркать сапогами, здесь нет места; нет у него и нужных для этого сапог. Но когда он делает нацистский салют, вы все должны хорошенько ему похлопать! Кто сказал, что монополия на салют принадлежит Адольфу Гитлеру?

Сегодня я получил письмо из Англии. Английская почтовая служба начала печатать на конвертах небольшие рекламы; каждая реклама стоит пятьдесят тысяч фунтов. И эта реклама очень странная. В ней говорится: «Иисус жив». Я предложил своему секретарю написать этому человеку: «Пожалуйста, дайте нам

его адрес или хотя бы номер телефона. Вы были идиотами, когда дали эту рекламу, — это просто значит, что он *не* жив, потому что есть миллионы живых людей, и никто не печатает рекламу: «Я жив». Если Иисус не мертв, в этой рекламе нет смысла».

Точно как некоторые верят, что Иисус жив, есть и люди, которые верят, что жив Адольф Гитлер. Я получил письмо от президента нацистской партии, в котором говорится, что я должен перестать осуждать Адольфа Гитлера и шутить о нем шутки, потому что «это религиозная фигура, и вы не можете оскорблять наши религиозные чувства».

Я никогда не был так изумлен: Адольф Гитлер — и религиозная фигура? И мало того, человек, который убил шесть миллионов евреев... этот «президент» пишет мне, что Адольф Гитлер был реинкарнацией ветхозаветного пророка — еврейского пророка Илии. Странно: почему Илия должен был убить шесть миллионов евреев? Но в этом безумном мире проходит все. И он мне пригрозил: «Если вы не перестанете, нам придется принять против вас меры».

Я ответил: «Прекрасно. Если Адольф Гитлер жив, пусть он придет и встретится со мной». Он идиот, но иногда у идиотов есть некоторые прекрасные качества. Прежде всего, они упорны, упрямы. А человеческие существа очень хрупки. Эти идиоты повторяют одно и то же снова и снова с такой настойчивостью, что обычные человеческие существа начинают чувствовать, что, может быть, этот человек прав.

У него были очень странные методы. У него была очень маленькая партия, в самом начале — всего девятнадцать членов, и все они были комиссованы из армии. Встречаясь в третьесортном ресторане, они основали партию национал-социалистов.

И их стратегия... их было всего девятнадцать, а коммунистическая партия была самой большой в Германии. Было очень возможно, что коммунистическая партия низложит императора и придет к власти в Германии. Но вместо коммунистической партии, которую поддерживало большинство страны, захватить власть удалось полному идиоту. Его стратегия заслуживает изучения.

Каждый раз, когда коммунистическая партия проводила митинг, эти девятнадцать человек рассеивались в толпе и начинали бить тех, кто приходил слушать. Это создавало хаос, и началась повальная драка.

Они взбаламучивали каждый митинг коммунистической партии, и коммунистическая партия испугалась: «Что нам делать? Кто эти люди? Никто их не знает. Кто начинает драку? Несомненно, какие-то люди ее начинают, другие начинают драться с ними, остальные подхватывают — прежде чем ударят тебя, ударь сам...» Группе из девятнадцати человек удалось заставить тысячи драться друг с другом. И прежде, чем их успевали поймать, они ускользали, а люди продолжали драться.

Это вносило смятение во все митинги. В Германии стало широко известно, что никто не должен ходить на эти митинги, потому что с них все возвращались домой с переломами.

Тогда Адольф Гитлер начал свои митинги. Членов его партии было только девятнадцать, все они стояли рядом, и, поскольку они и были зачинщиками, митинги Адольфа Гитлера никто не беспокоил. Вся Германия заинтересовалась — «Странно: одному человеку удалось сделать так, что никто не беспокоит его митинги».

Постепенно люди стали приходить: «Когда говорит Адольф Гитлер, мы в безопасности. Когда говорит кто-то другой, это опасно — отсюда мы вернемся с переломами». Вскоре Адольф Гитлер стал собирать на митингах тысячи людей.

И он говорил так, как учат в ораторских школах: зная, когда ударить по столу, когда повысить голос, а когда понизить его до шепота. Все отрепетировано, подготовлено. В его словах не было ничего значительного, но он говорил по всем правилам ораторского искусства. Люди заинтересовались его митингами в особенности потому, что с его митингов можно было вернуться домой целым и невредимым.

Он пришел к власти странными средствами. А придя к власти, он стал говорить стране: «Пока вы не убьете евреев и не сотрете их полностью с лица Германии, она никогда не сможет исполнить свое предназначение. Это раса Бога, чистая Арийская кровь».

Что такое чистота крови? Есть разные виды крови — и все чистые. Может быть, они разные... И что значит быть арийцем? — арийцы все, кроме негров, японцев и китайцев. В том, чтобы быть арийцем, нет ничего особенного. Поразительно глупая логика: если убить всех евреев... А они были самыми разумными людьми. Сорок процентов Нобелевских премий получают евреи; они многое вложили в человеческое знание, в науку и никогда не вызывали никаких проблем; они создали большое богатство и много страдали. Вся история евреев — это долгий кошмарный сон.

И Адольф Гитлер — это их собственный пророк в новой реинкарнации — и он жив!

Я думаю ответить на оба письма: «Прекрасно! Пришлите обоим ко мне — Иисуса и Адольфа Гитлера. Обоим нужно психиатрическое лечение». К несчастью, оба они мертвы, но мы сделаем все, что в наших силах, чтобы обеспечить психиатрическим лечением даже мертвых. По крайней мере мы можем научить мертвеца лежать в могиле медитативно... и он будет лежать медитативнее, чем любой из вас. Фактически, ему ничего не остается, кроме медитации!

Ты очень невинна, Большая Прем. Ничего не нужно трансцендировать, просто тебе предстоит исчезнуть в любви, в доверии, в глубокой благодати — подобно ребенку. И в Большой Прем есть это качество.

Трое детей — маленький Хайме, маленький Брюс и маленький Эрни — играют вместе в Северной Австралии. Они катаются над рекой на подвешенной к дереву автомобильной крышке.

Маленький Брюс взлетает в воздух, и тут из реки выскакивает крокодил и разом проглатывает Брюса вместе с крышкой.

...Эрни и Хайме стоят и смотрят на круги, расходящиеся по воде.

— Ты пойдешь и скажи его маме, — говорит наконец Эрни, — а я раздобуду новую крышку.

Во время лекции в воскресной школе об аде и природе греха отец Мерфи спрашивает маленького Эрни:

— Знаешь ли ты, куда отправляются маленькие мальчики и девочки, когда они делают нехорошие вещи?

— Знаю, — говорит маленький Эрни. — Они идут в кусты.

Этот вопрос от личного секретаря Нискрии, Сарджано.

Любимый Ошо,

В последнее время Ты изливал на нас столько ошеломляющего дружелюбия, что у меня от этого совершенно едет крыша.

У меня возникает непреодолимое желание встать и свернуться у Тебя на коленях.

Как Тебе удастся быть нам и таким другом, и таким мастером? Разве не полагается мастеру быть отрешенным и холодным, как Будда?

Почему эта близость, хотя и такая сладкая, так меня пугает?

Не забуду ли я луну, не укушу ли Тебя за палец и не приму ли снова как должное?

Сарджано, никто не может сдвинуть тебе крышу; с такой крышей ты родился. Ты говоришь: «У меня непреодолимое желание встать и свернуться у тебя на коленях».

Когда возникает такой позыв, просто походи и свернись на коленях у Нискрии. Он тебе платит!

Ты спрашиваешь меня: «Как тебе удастся быть нам и таким другом, и таким мастером?» Мастер не мастер, если он не друг. Но обратное не верно. Ученик есть ученик, и он не может претендовать на дружбу мастера по одной простой причине: ученик должен подняться к высотам мастера — только тогда он может его обнять.

Я дал тебе заменитель. Он не мастер, он простое человеческое существо, и будет рад от души, если ты свернешься у него на коленях.

Мастер — это всегда друг, но у его дружбы совершенно другой аромат. Это скорее дружественность, чем дружба. Ей по самой ее природе присуще сострадание. Он любит, потому что ничего другого не может. Он хочет поделиться своим опытом, потому что видит, что ты его ищешь, ты его жаждешь. Он открывает тебе доступ к своим родникам чистой воды. Он наслаждается, и он благодарен, если ты принимаешь дары его любви, дружественности, истины.

Но редко встречается такой мастер, потому что в старом традиционном представлении мастер должен быть очень серьезным и держать дистанцию. Допустить близость, дружественность... он боится, что его истина, его открытие затеряется в толпе.

Я начало, я конец: начало мастеров нового вида и конец мастеров старого вида. Конечно, я не похож на Гаутаму Будду; я оставил двадцать пять веков позади. Если бы я был похож на Гаутаму Будду, это бы значило, что за двадцать пять веков сознание не продвинулось ни на шаг с той точки, где он его оставил.

Я говорю вам, сознание выросло и достигло больших высот и глубин, чем при Гаутаме Будде.

Гаутама Будда — прототип всех старых мастеров. Ученика следовало держать на расстоянии. Он должен был научиться дисциплине, выказывать уважение и послушание. В определенном смысле это было духовным рабством.

Я не хочу, чтобы вы были моими рабами, и не хочу, чтобы вы мне подчинялись. Я просто хочу, чтобы вы меня поняли, и, если мой опыт подлинный и ваш разум способен его понять, вы обязательно ему последуете.

Это не повиновение. Я не говорю, что вы должны делать, я говорю: просто поймите — и следуйте своему пониманию, куда бы оно ни вело. Кем бы ты ни стал, я буду этим доволен; просто оставайся правдивым и искренним с собственной сущностью.

Старый мастер просил: «Будь искренним со мной, будь подлинным со мной, повинуйся мне». Я просто не могу причинить такого вреда — особенно тем, кого я люблю.

Я хочу, чтобы вы были искренними с собственной истиной.

Да, я могу указать путь к тому, как найти себя. Но я не могу вам приказывать; это не армия. Старый мир мастеров и учеников был почти как армия: все должно соответствовать правилам, данным мастером. Прошли века, правило сохраняется, и люди следуют ему без понимания. Они не могут даже ответить, почему они это делают — просто потому, что так написано в писаниях, потому, что так сказали великие мастера.

Но времена меняются; меняются обстоятельства. К тому же две индивидуальности — не одна и та же; ни одно правило не может быть применимо ко всем индивидуальностям век за веком. Фактически, никакое правило нельзя применить к вам в это самое мгновение, не говоря о многих веках. Даже в это мгновение все вы отдельные индивидуальности, прекрасные колонны храма — поддерживая одну и ту же крышу, колонны храма все же сохраняют расстояние друг от друга; у каждой — собственная уникальная индивидуальность.

Вы все здесь для того, чтобы исследовать и искать истину своего существа — крышу храма. Все вы подобны колоннам — но каждая колонна должна быть самой собой. Она может поддерживать ту же крышу, но не должна быть продолжением другой колонны. Она должна быть самой собой во всей своей оригинальности.

Я говорю это вам, чтобы вы помнили, что я не принадлежу к старой категории мастеров, и нет категории, к которой я мог бы принадлежать. Не хочу я, и чтобы кто-нибудь из вас был подражателем. Жизнь не танец, если ты — только подражание. Это танец, когда ты остаешься самим собой.

Я ни на кого не похож — ни на Гаутаму Будду, ни на Лао-цзы, ни на Чжуан-цзы. Я люблю этих людей, потому что они уникальны, но я — это я, и я люблю свою уникальность наравне с их уникальностью.

Твой вопрос значителен, когда ты спрашиваешь: «Почему эта близость, хотя и такая сладкая, так меня пугает?»

Это очень просто, Сарджано. Любовь — самая опасная вещь в мире, потому что любовь растворяет тебя, точно как каплю росы растворяет океан. Она не убивает, но, несомненно, делает тебя таким большим, огромным, что ты не можешь мыслить в старых терминах росинки, сидящей на листе лотоса.

Лист лотоса... малейшее дуновение ветра — и росинка начинает скользить в океан. Ты можешь понять страх этой капли. Она видит океан и прекрасно знает, что через мгновение ее не станет.

Близость и любовь — самые опасные вещи, потому что они растворяют твою личность, твое эго, твою самость. Они дают тебе подлинную реальность, но отнимают все, что ложно и не присуще твоему существованию.

Это своего рода смерть. Каждая великая любовь — это смерть и воскресение.

Ты говоришь: «Не забуду ли я луну, не укушу ли тебя за палец и не приму ли снова как должное?»

Сарджано, если ты меня видел, если ты меня любил, ты не сможешь забыть луну. А если ты хочешь кусать чей-то палец, Нискрия всегда рядом — если здесь есть еще какие-то людоеды, кусайте Нискрию. Я не шучу!

Сарджано, никогда не принимай меня как должное. В любви это невозможно, в доверии это невозможно — я знаю твое сердце, я знаю, что ты любишь меня. Именно из любви в тебе возник этот вопрос.

А теперь, Сарджано, время молитвы.

Фактически, всегда время молитвы. Даже если мы говорим серьезно, и вы слушаете серьезно, все равно время молитвы.

Глубоко внутри смех собирается, как дождевое облако; вскоре оно должно излиться. И время пришло.

Глория Великолепная после медосмотра звонит доктору и говорит:

— Доктор, вы случайно не заметили, не оставила ли я у вас в кабинете свои трусики?

Доктор осматривает кабинет, возвращается к телефону и отвечает:

— Боюсь, что их здесь нет.

— Извините за беспокойство, доктор, — говорит Глория. — Позвоню дантисту.

Однажды вечером три парня сидят в баре и обсуждают достоинства своих собак.

Первый парень, продавец, говорит:

— У меня поразительная собака. Я научил ее мне помогать. Смотрите!

Он свистит, собака вскакивает и выбегает за дверь. Через пять минут она возвращается. В зубах у нее подписанные и заверенные бумаги на «кадиллак», который она только что продала. Продавец вынимает коробку печенья и дает кусочек собаке.

— Это ерунда, — говорит другой, врач. В этот момент за дверью раздается визг тормозов и металлический лязг. Доктор свистит, и его собака вскакивает и выбегает за дверь.

Через пять минут собака возвращается в бар, перевязав всех пострадавших и вызвав «Скорую помощь». Доктор дает собаке кусочек печенья.

— Это ерунда, — говорит третий, адвокат.

Он свистит, его собака вскакивает, сжирает все печенье, занимается любовью с первыми двумя и идет обедать.

Ковальский вошел в магазин мороженого и попросил шоколадное.

— Извините, сэр, — говорит продавец, — но шоколадное у нас кончилось.

— Ах вот как, — говорит Ковальский, — в таком случае я возьму немного шоколадного.

— Нет-нет, сэр, — говорит продавец, — вы не понимаете. У нас кончилось шоколадное.

— Ладно, — говорит Ковальский. — Тогда дайте мне немного шоколадного.

Продавец пристально смотрит на Ковальского и говорит:

— О'кей. Как пишется «ван» в слове «ванильный»?

— В-а-н, — говорит Ковальский.

— Как пишется «клуб» в слове «клубника»?

— К-л-у-б, — говорит Ковальский.

— Как пишется «fuck» в слове шоколад?

— В слове «шоколад» нет «fuck»!*

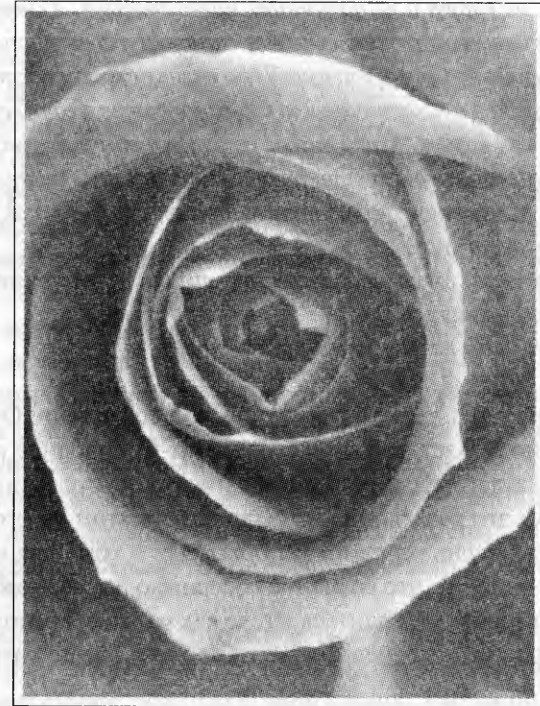
— Ага! — кричит продавец. — Именно это я и пытаюсь вам сказать!

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

* «There is no «fuck» in chocolate!» звучит как: «There is no fucking chocolate!», то есть: «...аного шоколада нет!» — Прим. перев.

Нигде и везде

*Не думай, что, если ты вне тела, ты «нигде».
Никогда не мысли в негативных терминах. Существование —
это позитивная реальность. Зачем говорить «нигде»?
Почему не сказать «везде»? И не только скажи — почувствуй.
Лишь небольшая перемена слова, небольшой нюанс, отличие,
и ты начнешь наслаждаться... Ты везде.*

Любимый Ошо,

Когда мне было шестнадцать лет, я попал в автомобильную катастрофу и вышел из тела. Увидев, что люди, которых я любил, не видят и не понимают моего счастья, я снова вошел в тело и два месяца оставался без сознания в состоянии шока.

Несколько недель я испытываю очень похожее состояние бытия, когда я в медитации или сижу напротив Тебя. Тело становится как воздух, и это такое простое и обычное чувство.

Когда это происходит, почти невозможно общаться с людьми, и я чувствую себя таким отделенным — как будто я «в стране ничто».

Любимый Мастер, я очень хочу выйти из этого гипнотического состояния.

И если бы не Ты, зачем бы я вернулся?

Дхиан Чарьо, ты не в гипнотическом состоянии. Очень редко, но бывает, что происходит что-то подобное в автомобильной катастрофе и тело и сознание становятся отдельными. Поскольку это разделение не было результатом твоего усилия, это чувство очень странно. Ты оставался в коме два месяца — это просто значит, что сознание совершало все возможные усилия, чтобы снова утвердиться в теле как раньше, до катастрофы. Два месяца ему потребовалось, чтобы снова обосноваться в старом доме.

Здесь в медитации ты чувствуешь, что происходит похожий опыт. Медитация намеренна, не случайна. Все усилие в том, чтобы отделить тело от сознания, чтобы стать отстраненным и увидеть собственное тело как объект, разотождествленный с тобой. С тобой это произошло в автомобильной катастрофе; это произошло случайно, и ты не был к этому подготовлен. Память об этом отпечаталась у тебя в бессознательном, и, когда это начинает происходить в медитации, — а с человеком, который

это испытал, рано или поздно это случится, — ты чувствуешь себя странно, ты немного встревожен и испуган.

Но здесь не о чем беспокоиться и нечего бояться. Эта катастрофа была для тебя скрытым благословением. Она показала тебе твое бессмертие, хотя ты его и не понял. С помощью медитации ты сможешь понять его ясно, сознательно. Это не значит, что ты должен оставить тело; ты просто должен увидеть суть: тело — это твой дом, в который ты можешь входить и из которого ты можешь выходить.

Очень красиво иногда выходить из тела и быть частью этого безбрежного существования, раскрывать крылья и лететь к солнцу. Даже солнце не может сжечь твоего сознания.

Это хорошо; тебе повезло. Очень немногие люди оказывались в такой ситуации и случайно приходили в состояние, на достижение которого обычно уходят годы. Но, раз достигнув его, тебе легко снова в него скользнуть. Поначалу тебе будет очень страшно. Тебе будет страшно, потому что ты не знаешь, сможешь ли ты снова войти в тело.

Во-вторых, ты начнешь чувствовать, что если тело — это не ты, зачем о нем заботиться? Ты можешь начать относиться к своему телу разрушительно, незаботливо, без любви. Это ошибка. Это тело — не ты. Твой дом — это не ты. Но это не значит, что ты не должен заботиться о доме, украшать его, праздновать его тепло, его пространство. Нет необходимости с ним отождествляться...

И помни: не думай, что живешь в гипнотическом состоянии, — другие живут в гипнотическом состоянии. Эта автомобильная катастрофа разрушила твой гипноз. Внезапно она открыла дверь, которая была закрыта и для открытия которой обычно требуются усилия, годы, возможно, жизни.

Во-вторых, если ты вне тела, ты не «в стране ничто». Никогда не мысли в негативных терминах. Существование — это позитивная реальность. Зачем говорить «нигде»? Почему не сказать «везде»? И не только скажи — почувствуй. Лишь небольшая перемена слова, небольшой нюанс, отличие, — и ты начнешь наслаждаться.

Ты везде.

Однажды ты поймешь, что быть нигде и быть везде — синонимы. Но начни с позитивного. В конечном итоге нет ни позитивного, ни негативного, только одна реальность. Нет никакого рода двойственности.

Ты спрашиваешь: «Если бы не ты, зачем бы я вернулся?» Ради меня. Ради моей работы, ради моей любви; чтобы распространять послание во все уголки мира, чтобы принести в каждое сердце танец и песню, разрушенную веками эксплуататоров, угнетателей, поработителей с красивыми именами.

Дхиан Чарь, помни значение твоего имени: это значит человек, сама жизнь которого — медитация. Твое возвращение из комы, несомненно, осмысленно. Ты родился заново, ты свежий и новый, и ты можешь понять вещи, которые иначе было бы понять трудно, потому что так называемый предубежденный ум разрушен. Тогда сознание может вернуться в тело, но ум остается пустым. В разделении он утратил все свои предрассудки; ты больше не христианин, не индуист, не буддист. Снова ты ребенок в этой прекрасной Вселенной, и ты можешь начать жизнь с новым видением, с новой ясностью, с новым ароматом.

То, что происходит, красиво.

Ты должен этому радоваться.

Любимый Ошо,

Довольно часто в Твоих последних беседах, когда Ты рассказываешь свои самые дикие и грязные анекдоты, я чувствую, что не могу смеяться!

Я вижу, что реагирую. Какая-то старая феминистка лезет на стенку на заднем плане моего ума, серьезно отмечая «мужскую грубость» Твоих шуток.

Я что, просто подавленная английская жеманница, или Ты здесь что-то затеваешь? Любимый Мастер, пожалуйста, объясни, что происходит.

Премдипа, я никогда в своей жизни не шутил. О чем ты говоришь? Я серьезный человек!

Просто посмотри: я говорю, что я серьезный человек, а они смеются! Я — и рассказываю анекдоты? Странно...

Но кое-что ты указала в своем абсурдном вопросе. Абсурдном, потому что я не шучу. Никто никогда не слышал... думаю, каждый здесь может быть свидетелем. Поднимите руки... (*Каждый с наслаждением выполняет просьбу.*) Никто никогда не слышал! И все же я рассмотрю твой вопрос — несмотря на то, что столько свидетелей...

Это правда — я дикий. Но то, что я говорю, еще не дико. Самое дикое я сохраняю на последний момент; я хочу сказать что-то красивое, прежде чем покинуть тело. И что значит «самые грязные»? В жизни нет ничего, что может вызвать такое чувство. Но в тебе многое было подавлено, и из-за этого подавления ты начинаешь чувствовать, что эти вещи грязны.

Спроси маленького мальчика, есть ли в его теле что-нибудь грязное. И он скажет: «Не знаю. Не вижу ничего грязного. Все прекрасно, здорово и функционально».

То, что ты называешь грязными шутками, — это шутки, осуждаемые вашими религиями. Все религии в своей основе против секса, и все, что имеет отношение к сексу, становится грязным.

На Западе тысячи лет потребовались на то, чтобы родился Зигмунд Фрейд, и ему хватило храбрости говорить о сексе открыто. И он был осужден так называемыми тонкими, культурными, облеченными властью людьми как грязный старик, который говорит о том, о чем не говорят.

Но на Востоке ситуация другая. Не сегодня — сегодня Запад совершенно загрязнил Восток. Почти десять тысяч лет существует прекрасная книга — *Камасутра*. Ее название означает: «Максимы о сексе»; это старейшая книга о сексологии. И Восток не осудил человека, написавшего эту книгу, но отнес к той же категории, что и Гаутаму Будду: мудрец, человек ясности, человек чистоты, человек безмерной мудрости и понимания.

Вы удивитесь, узнав, что — к счастью — ни Зигмунд Фрейд, ни Адлер так никогда и не узнали о *Камасутре*; иначе они почувствовали бы себя новичками. Вся эта наука была доведена

до совершенства другим человеком, жившим десять тысяч лет назад.

Он описывает восемьдесят четыре позы, в которых можно заниматься любовью, — с иллюстрациями. Вы подумаете: восемьдесят четыре? Запад знает только одну позу. Когда христианские миссионеры появились на Востоке, люди были очень озадачены: «Это странные люди. Они привязаны только к одной позе». Эту позу назвали «позой миссионера», потому что христиане были миссионерами — мужчина наверху. Восточные люди думали: «Это грубо — зверь, задавивший красоту, выполняет отжимания. Он может отжиматься где угодно — зачем мучить женщину?» А женщина лежит практически в глубокой медитации; она даже не открывает глаза, потому что это против культуры. Женщина, если она делает какие-то движения, занимаясь любовью, считается некультурной.

Я слышал, что на одном пляже во Франции поймали человека, занимающегося любовью с мертвой женщиной. Он был пьян. На суде он сказал:

— Пьяный или нет, но я занимался любовью с этой женщиной, потому что думал, что она англичанка! Она была как настоящая леди и не делала никаких движений. Она даже не открывала глаза. Чего еще желать? И я не сделал ничего плохого, всего несколько отжиманий.

Ватсаюна осуждает эту позу, и его осуждение очень научно. Оно пока не принято сексологами, но им придется его принять. Женщина должна быть наверху, не мужчина. Мужчина должен оставаться медитативным, а женщина должна делать все, что хочет. Лишь это делает возможным, чтобы и мужчина, и женщина достигали оргазма, потому что между мужчиной и женщиной есть различие: у мужчины эякуляция происходит слишком быстро. У него нет передачи заднего хода; ты не можешь даже сказать: «Стойте! Стойте!» Ничто не поможет, никто тебя не послушает. Началась марафонская гонка. Женщина разогревается очень медленно, и если она сделает несколько отжиманий,

это может помочь ей разогреться. А если мужчина остается медитативным, холодным и спокойным, марафонская гонка может подождать, пока женщина не готова и не подаст сигнал: «Давай!» Лишь тогда они могут вместе пережить опыт, который очень близок к медитации.

Ватсаюна настаивает, что именно из этого оргазмического опыта родилась медитация. Медитация не предшествовала, но была следствием оргазмического опыта. Потому что в оргазмическом опыте ум останавливается, время останавливается; на мгновение ты нигде... или везде. Этот опыт бытия нигде или везде так приятен, что человеку хочется испытывать его самому по себе, не завися от сексуального партнера. И у него есть секрет: если ум останавливается, и время забыто — ни прошлого, ни будущего, лишь это мгновение...

Это мгновение — не часть времени. И если нет никаких мыслей, внезапно — безмерное блаженство — как будто тебя осыпают цветами.

Какой идиот назвал шутки о сексе «грязными»? Ни одна шутка не грязна. Она становится грязной у вас в умах, потому что ваши священники в проповедях осуждали секс. Поскольку секс стал грязным, естественно, становится грязным и все, что с ним связано.

Премдипа, мне тебя жалко. Кажется, ты не познала ничего дикого, не вопила от радости, не танцевала от радости. Пойди к Авирбхаве и научись вопить!

Если любовники действительно любят, вся округа будет запускать фейерверки и звонить в колокола — это случилось! Но людей учили быть молчаливыми и заниматься любовью поздно ночью, когда все спят, и, фактически, сами любовники наполовину спят! «Накройся одеялом и сделай это быстро». Естественно, это становится грязным.

Секс не грязен. Это один из прекраснейших подарков природы живым существам. Он может разбудить в тебе источники высшего сознания.

Мне очень жаль, Премдипа. Тебе нужно выучить несколько действительно грязных и диких анекдотов. Я ничего подобного

не знаю — но только ради тебя я работал изо всех сил и искал самый грязный анекдот. И я нашел...

Но ты говоришь: «Я вижу, что не могу смеяться». Ты что, заморожена? Там, где сидит Премдипа... когда вы видите, что все смеются, а кто-то один не смеется, сделайте что-нибудь с этим человеком — пощекочите! Пусть он, по крайней мере, хихикает, если не может смеяться.

Это дом смеха, не церковь — вот самое грязное слово.

А Премдипа говорит: «Я вижу, что реагирую». Упустить такую прекрасную возможность! Та же энергия, которая могла бы стать смехом, становится реакцией. И что ты выигрываешь в реакции? Она делает человека фашистом, нацистом, фундаменталистским христианином. Ты на пути в ад, помни: можешь шаркнуть сапогом!

Я слышал, что, когда я ушел... я бы не ушел, если бы знал заранее, что Нискрия шаркнет сапогом. Он сделал это превосходно, хотя и неправильно. Он не нацист.

В Будда-холле было кабаре-шоу, и тамада, — обняв

Нискрию и укусив его за плечо! — убедил его встать перед фотоаппаратом и...

Я получил дюжины писем — и все от немцев. Их можно разделить на три части. Первая и большая часть ревнует: «Ты делаешь Нискрию героем». Я не делаю Нискрию героем, он — прирожденный герой. Героями не становятся, героями рождаются.

Вторая часть реагирует как Премдипа — лезет на стенку — «Это неправильно. Это оскорбляет нашу немецкую гордость». Никогда не думал, что среди моих людей здесь прячется несколько немецких фашистов. Великолепно, что вы осознали, что все еще носите эту дурацкую идею о том, что вы немцы.

Я не хочу сказать, что одни немцы дураки. Каждый, кто носит эту идею: «Я индус, я японец, я русский», — все это глупые люди. Разумный человек знает только одно: «Я — человеческое существо». И третья часть злится, потому что Нискрия это сделал с таким энтузиазмом и вовлеченностью, но совер-

шенно неправильно! Они чувствуют гнев: «Это надругательство над немецким наследием».

Вы не можете отбросить свои предрассудки, вы не можете отбросить свою обусловленность — даже здесь. Шаркай сапогом как положено! Иначе я снова буду получать возмущенные письма. И найдите, где находится замороженная Премдипа. Разморозьте ее! О Нискрии я потом позабочусь.

Она делает потрясающие утверждения: «Какая-то старая феминистка лезет на стенку на заднем плане моего ума». Прекрасно, что ты осознала, что на заднем плане твоего ума живет старая феминистка, — пусть себе лезет на стенку!

Моя цель здесь — дать вам возможность. Если вы ее не используете, то упустите возможность, которая больше может не представиться.

Она говорит — «серьезно!» — «...отмечая “мужскую грубость” твоих шуток. Я что, подавленная английская жеманница, или ты здесь что-то затеваешь?» Без сомнений, ты подавленная английская жеманница, а я, конечно, что-то затеваю. Иначе зачем я здесь?

Премдипа, не упускай возможность на этот раз. Я старался изо всех сил, потому что каждая шутка кажется мне такой красивой и полной психологического смысла, глубокой философии, но я так и не смог найти ничего грязного — серьезно! — для тебя. Но я приложил все усилия. Достиг ли я успеха... это докажет ваш смех.

В первый день в школе учительница говорит детям:

— Дети, я хочу, чтобы вы знали, что у меня очень трудное имя, поэтому я напишу его на доске. Завтра, если кто-нибудь вспомнит, как меня зовут, он получит коробку конфет. Меня зовут мисс Приписка. Пишется так: П-р-и-п-и-с-к-а.

Маленький Джузеппе, который только прибыл в Америку из Италии, очень хочет отличаться в новой школе. Вечером он продолжает повторять: Приписка — мисс Приписка.

Старший брат Джузеппе слышит это и спрашивает, в чем дело. Джузеппе объясняет, и брат говорит с усмешкой:

— Это легко запомнить. Просто вспомни слово «пи-писка» и добавь букву Р.

На следующий день взволнованный Джузеппе ждет не дождется, пока его вызовут. Войдя в класс, учительница видит, что Джузеппе уже тянет руку.

— Ладно, Джузеппе, — говорит она, — помнишь ли ты, как меня зовут?

Охваченный внезапной паникой, Джузеппе вспоминает совет брата и выпаливает:

— Вас зовут... эээ... мисс Призда!

И ты называешь это грязным? Посмотрите, кто еще заморожен! Нискрия, оглянись вокруг. Нискрия, ты кого-нибудь видишь? Нет? Попытаемся снова.

Крошка Эрни однажды после школы подходит к отцу.

— Папа, — говорит Эрни, — учитель сегодня начал говорить об экономике, и я ничего не понял.

— Ну, — говорит отец, немного подумав. — Скажем так: в нашем домашнем хозяйстве я приношу деньги, значит, я — капитал. Твоя мама ведет хозяйство; это правительство. Служанка выполняет работу — это рабочий класс. А твой маленький брат — это будущее.

Ночью маленький Эрни просыпается среди ночи от крика маленького брата, которому нужно поменять подгузник. Эрни идет в спальню родителей и находит там крепко спящую мать. Тогда он идет в комнату служанки и застает там отца, занимающегося с ней любовью. Он заменяет подгузник сам. Возвращаясь в кровать, маленький Эрни рассуждает:

— Теперь я понимаю экономику. Правительство спит, капитал трахает рабочий класс, и будущее пахнет дерьмом.

Любимый Ошо,

В последний раз, когда я уезжал из Пуны на Запад, Ты сказал мне: «Помоги моим людям там». Сейчас я еду на Запад, несмотря на тот факт, что в прошлый раз ничем не помог Твоим людям.

Когда я сюда приехал четырнадцать месяцев назад, я обещал себе, что никогда Тебя не покину до самой своей смерти. И вот я со своим грязным чемоданом опять направляюсь в Италию, и я по-прежнему не знаю, кто Твои люди и как им помочь.

Любимый Мастер, я действительно не знаю, что сказать Твоим людям в Италии. Думаешь ли Ты, что подойдет улыбка? Я хотел бы привезти с собой немного вкуса Твоего молчания. Не мог бы Ты мне помочь?

Сарджано, ты думаешь, ты жив? Согласно твоим обещаниям, ты давно умер!

Но вокруг ходит множество мертвых людей. И ты говоришь, что в прошлый раз ничем не помог моим людям. Ты очень сострадательный человек!

В прошлый раз, по крайней мере, ты был жив. В этот раз, пожалуйста, никому не помогай. Лучше всего будет сначала почистить грязный чемодан. И зачем ехать в Италию? Вся Италия едет сюда! Я этого совершенно не понимаю. Если ты хочешь помочь итальянцам, здесь ты найдешь больше итальянцев, чем в Италии.

Только вчера мне кто-то сказал, что в самолете авиакомпании Люфтганза, пролетающем над Пуной, объявили: «Мы пролетаем над домом Ошо Раджниша». Это объявление беспрецедентно. Ты пролетаешь над Кремлем, Белым Домом, Гадж-Махалом... но отмечать таким вниманием дом бедного человека, у которого ничего нет, кроме грязных шуток...

Куда ты едешь? Но если ты уже решил и не передумаешь, я расскажу тебе несколько анекдотов. Расскажи их моим людям. Проблема в том, как определить, кто мои люди. Мои люди бывают разных видов: некоторые — мои друзья, а большинс-

тво — мои враги. Поэтому, кому бы ты ни помогал, ты помогаешь моим людям. У меня только две категории — правильно, Нискрия?

Богу Ану-бре-Буху за пять тысяч лет наскучило сидеть на облаке, и вот он решил спуститься на землю и немного поразвлечься.

В Лас-Вегасе он встретил Великолепную Глорию, и вскоре они оказались в постели.

Там они и оставались три дня и три ночи. На четвертое утро перед уходом он решил открыть Глории, какая ей выпала честь.

— Да будет тебе известно, моя дорогая, — объявил он, — я — Ану-бре-Бух.

— Ты а-ну-припух, — говорит она, — и я а-тоже ану-припухла: даже писать а-не могу*.

Сарджано, ты не выдержишь долго в Италии. Ты прилетишь обратно следующим рейсом, так что у тебя будет мало времени. Но я дам тебе еще одну шутку — на всякий случай.

Солдат, проводивший десять лет в армии, посылают на медосмотр. Солдаты снимают одежду и входят в кабинет по одному.

Врач прикладывает стетоскоп к груди первого и говорит:
— Софи Лорен.

Сердце солдата бьется быстро: «Бум! Бум! Бум!»

— Рабель Уелш, — говорит доктор. — «Бум! Бум! Бум!»

— Ваша жена, — говорит доктор. — «Бум!»

* Анекдот, построенный на игре слов:

The Cod Thor is getting bored sitting around Valhalla drinking mead all the time, so he comes down to earth for some fun. He meets Gorgeous Gloria in Las-Vegas and they soon go to bed together.

They stay there for three days and three nights in a row. On the forth morning as he is leaving, he decides to tell Gloria how she has been honored.

“My dear”, he announces, “I am Thor”.

“You are thore,” says Gloria, “I am thore, too — I can’t even pith!”

— Полный порядок, — объявляет доктор. — Идите и встаньте вон там.

Следующего обследуют тем же методом.

— Мэрилин Монро, — говорит доктор.— «Бум! Бум! Бум!»

— Ваша жена. — Полная тишина.

— Хорошо, — говорит доктор. — Пойдите и встаньте рядом с первым.

Следующий входит в кабинет.

— Софи Лорен, — говорит доктор.— «Бум... бум... бум...»

— Бриджит Бардо, — говорит доктор. — «Бум... Бум... Бум...»

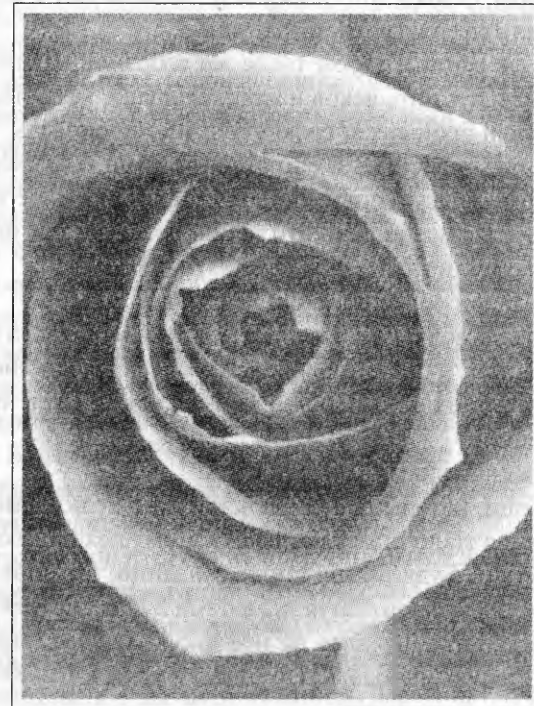
— Ваша жена. — «...Бум...»

— Странно, — говорит доктор. — В остальном вы в полном порядке. Все равно, идите вон туда и встаньте рядом с другими. — «Бум! Бум! Бум! Бум!»

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

В почве сердца,
в климате доверия

*Все, что рождено, умирает. Только это мгновение реально;
ты не можешь быть уверенным в следующем мгновении.
Цветок символизирует саму основу подхода Будды:
мгновенность.*

Любимый Ошо,

В какой почве и в каком климате можно найти мистическую розу?

Маниша, символ мистической розы вызывает к жизни безмерно важные воспоминания...

Однажды ранним утром такое же собрание искателей, как вы... но двадцать пять веков назад... ожидало, когда выйдет Гаутама Будда и произнесет свою утреннюю проповедь.

Все были удивлены... В обычное время он появился с розой в руках. Они слушали его много лет, но никогда ничего не было у него в руках. Все гадали: что это за роза, почему он ее принес? — но сидели молча: может быть, он объяснит.

И правда, он объяснил — но не словами.

Он сидел в молчании и смотрел на розу. Роза была безмерно прекрасна. Как и его глаза, как и это молчаливое мгновение — беременное, полное ожидания: вот-вот он скажет что-то необыкновенное.

И так и случилось — но не в словах.

Есть вещи, которые можно показать, но нельзя высказать.

Молчание стало тяжелым; люди к этому не привыкли. Поведение Гаутамы Будды было так неожиданно, так ново. Каждый сидел, как мраморная статуя, а Гаутама Будда смотрел на розу в таком блаженстве, изливая на нее такую любовь, такое благословение, такую благодать, что никто не посмел прервать его и спросить, что происходит.

В это самое мгновение...

...Махакашьяпа был очень странным учеником Будды; он известен как основатель долгой традиции дзэн.

И это мгновение, когда Гаутама Будда смотрел на розу, стало источником цветения, которое продолжается до сих пор.

Может быть, это единственная роза, которая не увяла. Многие другие розы отцвели и увяли.

Смех Махакашьяпы потряс всех. Они не могли даже набраться храбрости, чтобы задать вопрос, а этот странный парень — он был странным с самого начала... С тех пор как он пришел, он не задал ни единого вопроса. Он присвоил дерево, под которым не смел садиться никто другой. Приходил ли он раньше или опаздывал, его место было за ним.

Люди даже сомневались — понимает ли он вообще, что говорит Гаутама Будда?.. или просто погружается в сладкий утренний сон?.. потому что он всегда слушает с закрытыми глазами. Он никогда ни с кем не дружит; даже если кто-то и хочет с ним заговорить, он только показывает один простой знак.

Именно этот знак подает мне Авирбхава. Когда я хочу ей что-то сказать, она либо кричит, чтобы меня остановить, либо делает этот знак...

Мало-помалу люди привыкли к тому, что этот Махакашьяпа немного не в себе... но он очень молчаливый и красивый человек. Он был принцем, но оставил свое королевство. Он пришел увидеться с Гаутамой Буддой, и так никогда и не вернулся. Он даже никогда не просил посвящения. Он просто коснулся ног Гаутамы Будды, и со слезами на глазах сказал:

— Я благодарен тебе за посвящение.

Присутствующие при этом сказали:

— Странно, он взял все на себя. Он коснулся его ног, заплакал и говорит Гаутаме Будде: «Спасибо, ты меня посвятил». И с тех пор между Махакашьяпой и Гаутамой Буддой не было никакого общения, по крайней мере словесного.

Но в этот день — прошло, наверное, десять лет — он рассмеялся, и люди снова осознали его присутствие. Они начали о нем забывать. Человек, который не производит никакого шума десять лет, естественно, воспринимается как должное. Как принимали дерево, так принимали и его.

Но его внезапный смех...

Гаутама Будда подлозвал его и дал ему розу. Он сказал десяти тысячам других учеников:

— То, что я мог дать в словах, я вам дал. А то, что я не могу дать в словах, я передаю Махакашьяпе.

Это положило начало странной передаче глубочайшего внутреннего опыта истины от мастера к ученику. Махакашьяпа никогда ничего не писал и никогда ничего не делал. Неизвестно, как он давал посвящение. Не только этот человек был странным; странны были и его методы.

Перед смертью он передал свою рясу человеку, которому никогда не сказал ни слова. И этот человек коснулся ног Махакашьяпы, и снова та же история... слезы радости, благодарности и признательности. Этот человек сказал:

— Ты — великий мастер; ты возлагаешь на меня великую ответственность, но я обещаю исполнять ее всем своим сердцем.

Этот человек стал Вторым Патриархом Дзэн-буддизма. И, поскольку Махакашьяпа передал ему свою рясу, это стало формой выбора преемника. Все эти двадцать пять веков мастера дзэн отмечали своих преемников, передавая им свою чашу для подаяния, свою рясу.

Это называется передачей света, раскрытием мистической розы.

Ты спрашиваешь: «В какой почве и в каком климате можно найти мистическую розу?»

В почве твоего сердца.

В климате твоего доверия.

И твое существо и есть мистическая роза — ее раскрытие, цветение, ее аромат.

Мистическая роза стала просто символом человека, сущность которого больше не бездействует, больше не спит, но полностью проснулась, раскрыла свои лепестки и стала чувствительной ко всему, что есть истинного, красивого, хорошего, — к самому аромату существования. Его существо стало частью вечного и бессмертного. Он больше не тот человек, которым был раньше. Он нашел свою настоящую природу, свое истинное лицо.

Единственный путь — смотреть вовнутрь: почва там. Смотреть с доверием, смотреть с любовью и с уверенностью, что, если другие люди нашли себя, нет никаких причин, по которым не можешь найти себя ты.

В тот день, когда стал просветленным Гаутама Будда, что-то проснулось и в тебе. Ни один человек — не остров; все мы соединены глубоко внутри, в своих корнях. Я тоже участвую в пробуждении Гаутамы Будды, в смехе Махакашьяпы. В то мгновение, когда я понял красоту и молчание этих слез, что-то откликнулось и во мне.

Только в этом веке Карл Густав Юнг смог назвать правильным словом то, что в прошлом называлось передачей, переносом, причастием. Слово Юнга, несомненно, очень значительно — хотя и не мистик, он был человеком великого разума. Он называет это синхронизацией. По сушей случайности он обнаружил это слово.

Он жил с другом в старом замке. В старом замке было двое старинных настенных часов, и загадка этих часов была в том, что они висели на одной и той же стене — люди приходили на них смотреть — и всегда показывали одно и то же время. Даже если ты их подведешь, — одни немного вперед, а другие назад, — через несколько минут, к твоему удивлению, они снова начнут показывать одно и то же, приближаясь друг к другу.

Карл Густав Юнг был заинтригован — что это за чудо? На самом деле чуда не было, все было очень просто, но никто до Юнга об этом не беспокоился. Каждый думал, что это нечто таинственное. Это и было нечто таинственное, но не непостижимое. Тайна заключалась в том, что и те и другие часы были подвешены к одной и той же доске очень чувствительного дерева, и «тик-так» одних часов слышали другие часы — «тик-так» — и постепенно они находили, что идут не в ритм. Что-то вибрировало в дереве, и часы попадали в ритм.

Юнг был в большом затруднении, ища правильное название. Что происходит с этими двумя часами? Он придумал слово «синхронизация» — нечто подобное глубокому сопереживанию, глубокой любви, в которой они не могут идти не в ритм.

Мистическая роза... Когда она была передана Махакашьяпе, многие ученики спрашивали Будду:

— Мы озадачены: что происходит? Ты не сказал ни слова; ни слова не сказал и он, даже в благодарность. Ты дал ему розу, и он ее принял. Ни одна из сторон не прибегла к помощи языка.

— Именно с этой целью я принес розу, — сказал Будда. — Роза очень символична, потому что сердце так красиво, твое существо в его святая святых так красиво, что с ним не сравнится никакая роза, но роза — ближайший символ. И когда она распускается... аромат — тоже ближайший символ, потому что тот же самый аромат — высшего уровня, более мистический — роза может символизировать в мире обыденной реальности.

Эта роза, которую я дал Махакашьяпе, умрет. Сейчас она такая живая, такая красивая и молодая. Но уже к вечеру ее лепестки начнут опадать, умирать. Сегодня она есть — завтра от нее не останется и следа. Завтра невозможно будет представить, какая красота, какой аромат существовал в реальности сегодня.

Одна из основных отпавных точек в философии Гаутамы Будды — мгновенность. Все есть лишь на мгновение. Все меняется. Ничто не постоянно. Единственное, что кажется постоянным, — это ваша неспособность видеть это непостоянство! Иначе... горы исчезают, континенты исчезают, звезды исчезают, что же сказать о цветах? Все, что рождено, умирает. Только это мгновение реально; ты не можешь быть уверенным в следующем мгновении.

Цветок символизирует саму основу его подхода: мгновенность.

Натарадж задал очень значительный вопрос, который я считаю нужным рассмотреть в этом свете. Это поможет тебе понять мистическую розу, а ему — ответ на этот вопрос. Он спросил:

Пожалуйста, расскажи нам об этих строках Омара Хайяма:

Время бежит... Так лей, не жалея!

Нам ли грустить об умершем вчера,

Или о завтра, что не рождено? —

Если сегодня сладко вино!

Лишь только миг до смертного сна —

Жизни колодец выпей до дна!

Звезды тускнеют, и караван

Уходит к рассвету ничто — о, скорей!

До Гаутамы Будды не было ни одного мистика, который так подчеркивал изменчивость реальности, мгновенность вещей. После Гаутамы Будды были некоторые люди, Гераклит в Греции... Омар Хайям, который в поэтической форме сказал — Наполни кубки! Вчера умерло, и кто знает о завтра? Караван вот-вот умчится в ничто. Скорей! Не упusti этот миг, эту возможность подлинно быть самим собой.

Очень странно, но Гаутама Будда, Гераклит, Омар Хайям — все они очень разные люди. Различны их подходы к реальности. Все они подчеркивают переменчивость, но, если ты просто понимаешь, что они проповедуют перемены, ты все перепутал. За этим переменчивым явлением — пламя, которое вечно, безвременно... которое просто есть.

Это твое существо, твой свидетель. Иначе кто будет свидетельствовать перемены?

Они подчеркивают переменчивое, чтобы найти неизменное. Очень странный подход, но очень значительный: этот метод сделал просветленными больше людей, чем какой-либо другой. Просто наблюдай все, что меняется, и в конце концов останется только свидетель.

Все движется, остается только зеркало.

Это зеркало — ты.

Осознать это — величайший опыт жизни.

Те, кто не познал этой мистической розы, вообще не жили. Они просто притворялись живыми, нося чемоданы... Я сказал Сарджано: «Очисти грязь со своего чемодана». Но есть и второе, чего я ему не сказал, — я думал, он поймет сам, — он должен раскрыть чемодан и отдать вещи обратно тем, кому они принадлежат. Я думал, он поймет. Но теперь каждый, кто чего-то недосчитался, может пойти к Сарджано — прежде чем тот уедет в Италию. Конечно, эти вещи будут немного грязными,

но все же это лучше, чем ничего. Я подозреваю, что даже чемодан — не его. И вот он, сидит...

Не пытайся найти почву больше нигде; не жди никакого другого климата, никакого другого сезона для того, что уже у тебя внутри.

Именно поэтому смеялся Махакашьяпа. Никто за эти двадцать пять веков не смог объяснить, почему он смеялся. В традиции дзэн об этом постоянно спрашивали — в Китае, в Японии, в Тайване, в Корее, на всем Востоке — в каждой мистической школе спрашивали: «Почему смеялся Махакашьяпа?»

И я никогда не мог понять, почему никто не мог ответить на этот вопрос. Может быть, молчание и есть ответ? Но я чувствую, что есть нечто большее, чем молчание, что можно передать вам при помощи языка.

Вот почему Махакашьяпа смеялся, когда Гаутама Будда дал ему розу: «То, что ты мне даешь, уже у меня внутри. Что это за шутка?.. Если ты даешь мне цветок, который умрет, — а я *знаю* цветок, я познал его в твоём присутствии, — ты был причиной, курком, запустившим процесс. Теперь, после этого всего, ты даешь мне эту розу!»

Должно быть, он смеялся над десятью тысячами серьезных людей — происходит что-то красивое, а они даже не хлопают!

Серьезные люди — это психологически больные люди. Даже если они смеются, то смеются, лишь когда момент упущен. Они смеются, потому что смеются другие, значит, в этом должно быть что-то. Позже они подумают: «Боже мой, я смеялся?» Не имея ни малейшего понятия о том, в чем же дело!

Люди все принимают серьезно. Просто посмотрите на бедного Нискрию — теперь он стал китайцем. Теперь он неизлечим. Я подумывал о том, чтобы объявить, что он — реинкарнация пророка Илии, и вот он сидит с закрытыми глазами.

Сначала немцы были очень злы, потому что они так и не смогли простить Адольфа Гитлера — и правильно сделали. Этот человек абсолютно ненормален, он свел с ума всю страну и умудрился убить сорок миллионов человек во Второй мировой войне. Он единственный, кто может сравниться с Чингисха-

ном. Естественно, каждого немца ранит то, что он или его прадед поддерживал этого безумного человека.

Теперь злятся евреи. Кое-как мне удалось успокоить немцев, дать им побольше мороженого. Теперь евреи лезут на стенку. И у них есть на то причины! Но нужно понять, что, что бы ни происходило, мы тоже в этом участвуем. Если были люди, которые были поработаны, за это ответственны не только работодатели, но и поработанные ответственны в равной мере. По крайней мере они могли покончить с собой.

Я никогда не думал... эта страна двадцать столетий была в рабстве у той или другой страны, той или другой расы... Мой отец боролся за свободу, но он всегда говорил мне: «Ты должен помнить, что раб настолько же ответствен за свое рабство, как и тот, кто его поработил. Такая большая страна, целый континент — приходит небольшая кучка людей, и ты теряешь свою свободу. Это просто непостижимо».

Если Адольф Гитлер мог убить шесть миллионов человек — я осуждаю то, что он сделал, но не могу быть очень сострадательным и к евреям, которые это ему позволили. Шесть миллионов человек! Лучше было бы совершить самоубийство, чем позволить этому человеку себя убивать. По крайней мере вы сохранили бы свое достоинство и свободу.

Но я могу понять, что эти времена прошли, но рана осталась. Даже если рана будет исцелена, останется шрам. А мое усилие здесь в том, чтобы отнять у вас все ваши раны и шрамы, чтобы вы осознали, что вы просто свидетели — которых нельзя ранить; их не может пронзить ни одна пуля, их не может уничтожить ни одна бомба.

Но теперь из-за чудачества Нискрии... теперь разозлятся китайцы. По счастью, китаец здесь только один, и с ним я разберусь отдельно — а он очень разумный человек. Но этого Нискрию нужно привести в порядок. Это нехорошо. Просто встань! Просто... Внимание!

Любимый Ошо,

Вчера вечером, прежде чем уйти, Ты приветствовал нас жестом, который в Германии мы называем гитлеровским салютом.

Не могу ли я спросить, с каким умыслом Ты это сделал? Что Ты передавал этим жестом?

Смотри, Нискрия, сколько ты создаешь мне проблем! Этот вопрос от Хилмар Пабель и Инге Бихан, фотографа и журналиста журнала «Бунте». Вскоре вы найдете мою фотографию в позе нацистского салюта на обложке «Бунте»... надеюсь, в сопровождении ругательной статьи. Я наслаждаюсь ругательными статьями!

Пабель, я знаю, что ты не настроена негативно. Ты любила это место, ты любила моих людей. Теперь ты окажешься в затруднении. Тебе придется писать ложь. Но пиши! Если ты напишешь обо мне что-нибудь хорошее, статья не будет напечатана.

Я просто вас предупреждаю: если вы хотите, чтобы ваши фотографии и статьи были опубликованы, сделайте их как можно негативнее. Я люблю всевозможные вещи!

Ваш вопрос кажется другим поверхностным — но это не так. Что касается меня, есть разные приветствия. Индуисты приветствуют друг друга сложенными вместе руками. Их коварное объяснение в том, что они кланяются твоей божественности, богу у тебя внутри.

Но я называю это коварным, потому что их святые этого не делают. Если ты пойдешь к индуистскому святому, *шанкарачарье*, ты приветствуешь его индуистским жестом, но он не ответит тем же. Из-за этого дурацкого жеста я напрасно стал врагом индийского премьер-министра, Морарджи Десаи.

Мы оба были приглашены джайнским *ачарьей*, Тулси. Он сидел на очень высоком пьедестале. Для меня не было никаких проблем, потому что еще выше него сидел таракан. Поэтому я не обратил никакого внимания, но Морарджи Десаи не удалось сдержаться.

— Эта встреча, — сказал он, — а там было еще двадцать пандитов, — созвана, чтобы обсуждать значительные аспекты жизни, но, прежде чем начать, я хочу задать два вопроса. Вот мой первый вопрос: когда я вошел и сделал *намаскар*, индуистский жест приветствия, почему ты не ответил тем же?

...Потому что ни джайнский монах, ни индуистский святой не могут этого сделать. Им не разрешает традиция. Он выше тебя — как он может сделать такой же жест? Он здоровается, но жестом благословения. Все индуистские монахи, джайнские монахи, буддистские монахи — все они в приветствии благословляют.

Но Морарджи — очень упрямый тип. Он сказал:

— Я не твой ученик и пришел сюда не для того, чтобы просить благословения, — к чему этот жест?

Собрание из двадцати ученых... я сидел рядом с Морарджи Десаи. Каждый почувствовал, что теперь стало трудно прийти к какому-либо соглашению по какому-либо вопросу; уже сейчас создалась странная ситуация.

И Морарджи сказал:

— Во-вторых, почему ты сидишь так высоко, а мы — так низко? Если бы ты выступал на общественном собрании, я мог бы это понять, потому что тогда ты должен был бы сидеть немного выше, чтобы все тебя видели. Но это не общественное собрание, а небольшая группа, двадцать человек. Почему мы не можем сидеть на одной и той же земле? Почему ты висишь, подвешенный к небу?

В то время Морарджи Десаи был министром финансов Индии. У Ачарьи Тулси не хватило духу ничего ему сказать; не было у него и достаточно простоты, чтобы спуститься вниз и сделать *намаскар*. Не нужно было никакого ответа, но он остался сидеть, как замороженный. Он не смог ни сделать *намаскар*, — потому что был духовным лидером, — ни спуститься. Повисло молчание.

Я сказал Ачарье Тулси:

— Вопрос был задан не мне, а вам, но у вас, кажется, язык отнялся, поэтому позвольте мне ответить.

И я сказал Морарджи Десаи:

— Хотя вопрос и не ко мне, но Ачарья Тулси, кажется, умер — должен же кто-то ответить! Я готов ответить — готовы ли вы выслушать?

Мгновение он смотрел на меня... мы узнали друг друга, и вся группа осознала, что начались проблемы. Я сказал:

— Здесь двадцать человек. Каждый из них образованнее и культурнее вас, но никто не задал ему вопрос, почему он сидит выше. Это просто показывает, что этот человек глуп, а ваш вопрос относит вас к той же категории! Пусть висит, где ему хочется, — чем это вам повредит? Должно быть, это ранит ваше эго. Дело не в том, что он сидит выше; дело в вашем эго и в том, что вас, министра финансов Индии, приравнили к простым смертным!

Во-вторых, вы приветствовали его сложенными вместе руками — это не значит, что он должен делать то же самое. Вы сделали свой жест скромности. Он — не скромный человек. Но само то, что вас беспокоит, что ваш скромный жест не получил ответа, показывает, что вы сами — не скромный человек. Вы ожидали, что вас примут как равного духовному лидеру. А этот духовный лидер абсолютно мертв, потому что я бью его так больно, а он продолжает просто сидеть. Давайте оставим его в покое и начнем дискуссию. Это глупые вопросы — мы не для этого здесь собрались...

Но за этими жестами стоит глубокая история. Придаваемое ему значение поверхностно; настоящая причина в другом. Настоящий исток восходит к войне, к самозащите. Все эти жесты породила война.

Когда два человека встречаются, этот жест показывает две вещи: во-первых, ты дружелюбен, во-вторых, ты не прячешь в руках никакого опасного оружия. Настоящая история происхождения этого жеста — война.

То же самое с рукопожатием. Почему вы не пожимаете друг другу левую руку? Вы пожимаете правую руку, потому что правая рука способна скрыть оружие и ударить. Левая рука для этого не так хороша.

Жест, который использовал Адольф Гитлер, тоже укоренен в двух вещах: во-первых, ты показываешь правую руку — она пуста, в ней нет оружия, ты не опасен, тебя можно принять как друга. Во-вторых, это показывает желание: «Мы победим, мы поднимаемся выше и выше в небо». Это показывает стремление и желание завоевать мир.

Черчилль использовал этот символ, V, что значило *victory*, победа — «Мы будем победителями!».

Все эти символы восходят корнями к войне, постоянной войне. Человечество сражалось и сражалось. За три тысячи лет произошло пять тысяч войн. Кажется, у нас нет других дел, кроме как убивать друг друга, нет другого занятия, кроме войны.

Люди, которые здесь собрались, не солдаты и никоим образом не заинтересованы в том, чтобы происходило какое-либо насилие, разрушение. Они знают, и я хочу, чтобы знали вы и читатели «Бунте», что я — несерьезный человек. Я просто пошутил. И я выбрал Нискрию из-за того, как он выглядит... Попросить его снова встать?

Теперь лучше... когда я уйду, я дам вам еще один шанс сделать фотографию — не мою, но всех остальных! Пусть читатели «Бунте» тоже наслаждаются!

Пабель, прости меня, но пришло время для молитвы.

Пэдди принимает несколько напитков во время ланча и едет домой на автобусе. В это время входит женщина с ребенком. Пэдди сидит, уставившись на них, не веря своим глазам.

В конце концов не в силах больше сдерживаться, он наклоняется к женщине и говорит:

— Леди, это самый уродливый ребенок, которого я только видел в своей жизни!

Женщина выходит из себя и начинает громко плакать.

Кондуктор останавливает автобус, чтобы посмотреть, что стряслось, но женщина слишком расстроена, чтобы говорить.

— Ладно, мадам, — говорит кондуктор, — я пойду в кафе и принесу вам чашку чаю; это вас утешит. А по пути я раздобуду банан для вашей обезьянки.

А это специально для «Бунте»...

Мервин обходит вокруг полного людей бассейна и поднимается на вышку, чтобы совершить блистательный прыжок.

Он поднимает брызги, но, всплыв на поверхность, обнаруживает, что потерял плавки. Несколько минут он оглядывается по сторонам, пытаясь засечь их местонахождение.

Он сдается и отплывает в угол бассейна, чтобы попытаться сообразить, как выбраться из воды незамеченным.

В конце концов он складывает руки чашечкой над членом, выпрыгивает из воды и бежит к раздевалке, вопя:

— Бешеный пес! Бешеный пес!

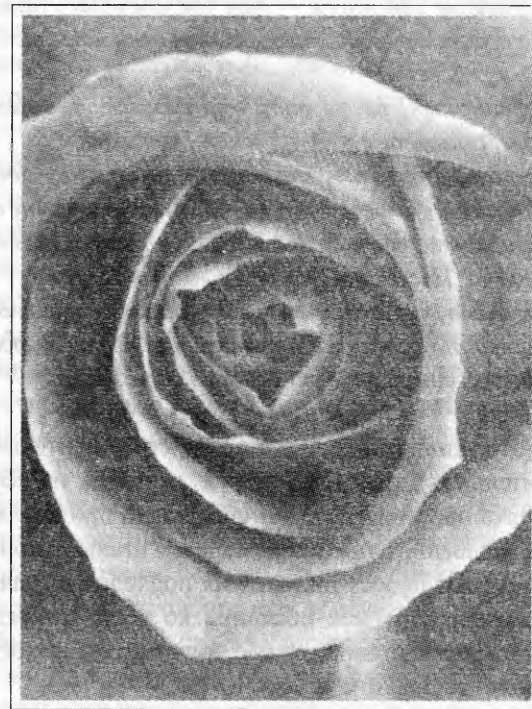
Почти на пороге раздевалки пышная блондинка в бикини преграждает ему дорогу, стаскивает с себя бикини и кричит:

— Давай обезвредим этого сукина сына!

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Смейся и отпусти прошлое

*Зачем входить в царство кого-то другого?
Зачем без необходимости становиться овцой или козой только
потому, что какой-то идиот настолько безумен,
что хочет быть пастухом, лидером, спасителем?*

Любимый Ошо,

Вчера вечером я изумилась тому, что люди из «Бунте» были расстроены Твоими замечаниями во время дискурса. Я — как и другие немецкие саньясины — так наслаждалась тем, как Ты так мягко и забавно потешаешься над всей нацистской историей.

Смех помог мне растворить всю тяжесть прошлого и чувство вины, связанное с гитлеровской Германией.

Но репортер «Бунте», Инге Бихан, не смогла увидеть шутки. Она пришла в бешенство и хотела уйти посередине дискурса. Она сказала, что то, что Ты делаешь, — ужасное оскорбление человечества. После дискурса она вопила от гнева.

Ошо, мне так грустно, что эта глупая женщина повела себя так безумно. Я прошу у Тебя прощения за нее и благодарю Тебя из глубины сердца за то, что Ты меня освободил.

Турия, это удивительно, и все же ничего удивительного. Это удивительно, потому что старая женщина из «Бунте» не смогла понять простой шутки. Я абсолютно против любой нацистской идеологии. Будь она немецкой, итальянской или индийской — я против всех нацистских подходов к реальности в самой их основе. Вот мое послание ко всем: никогда ни на мгновение не желайте никого себе подчинить и никогда никому не позволяйте подчинить себя.

Сама идея власти должна исчезнуть из мира. Лишь тогда мы сможем назвать этот мир человеческой реальностью. Иначе он абсолютно бесчеловечен. Миллионы людей во всем мире стоят с заряженным оружием наготове, ожидая только приказа. Ядерные ракеты готовы, стоит лишь нажать кнопку, что может сделать любой идиот. Чтобы нажать кнопку, не нужно много ума.

И весь мир будет просто гигантским костром. Даже трава не будет расти миллионы лет. Я пошутил по поводу Адольфа Гитлера, но, чтобы понять шутку, нужно чувство юмора — особен-

но человеку из Германии; особенно пожилой журналистке из третъесортного желтого журнала. Именно поэтому я говорю, что это удивительно — и все же ничего удивительного.

Она хотела закричать. Мне тоже грустно — не потому, что она хотела закричать, мне грустно, потому что она не закричала. Нам бы это понравилось, мы закричали бы вместе с ней! Это было бы таким поразительным откровением; она была бы шокирована тем, что происходит вокруг. Она перестала бы кричать первой! Но, к несчастью, она не закричала. Ей даже не хватило храбрости выразить то, от чего разрывалось все ее существо.

В чем была ее проблема? И не только ее — в большей или меньшей мере это проблема всех немецких саньясинов. Но это естественно. Под властью Адольфа Гитлера Германия нанесла сердцу человечества такие раны, что каждый немец, хотя он в этом и не участвовал и даже, может быть, во времена Второй мировой войны еще не родился — и все же достаточно просто быть немцем, и что-то внутри болит: «моя страна, мой народ был так отвратителен, так разрушителен, так бесчеловечен». Они навсегда разрушили здоровое сердце, свободное от всякого чувства вины.

Я просто пытался заставить вас посмеяться над всей историей, ведь что прошло, то прошло. Вы не ответственны за то, что сделал Адольф Гитлер. Если вы сможете смеяться, раны могут быть исцелены, чувство вины может исчезнуть. Но если вместо того, чтобы смеяться, вы хотите вопить, это просто доказывает, что у вас внутри по-прежнему царит фашистский подход. По-прежнему вы считаете себя высшей, сверхчеловеческой расой; Вторая мировая война была лишь небольшим сражением, настоящая война еще предстоит, и настоящая арийская немецкая кровь будет править миром.

Может быть, эти идеи в вас не осознанны. Но вся атмосфера, в которой вы выросли, оставила отпечатки в вашем бессознательном. И пока вы не начнете смеяться над самой глупостью идеи о том, чтобы править всем миром, быть особенными, выше всех остальных... Смех — великое лекарство. Это чрезвычайно мощная терапия. Если вы можете смеяться над

собственным бессознательным, оно теряет силу. В самом этом смехе исчезнет ваше чувство вины, исчезнут раны.

Эти две старые немецкие козы... это было специально для них! Много месяцев у меня болела рука, но при мысли об этих бедных ребятах из Германии я забыл о руке. Они так разозлились, что, хотя и собирались сегодня брать интервью у саньясинов, из-за этого гнева они тут же уехали из Пуны — пригрозив Турии, потому что Турия — принцесса Ганноверская, и эта старушка, которой хотелось завопить, снова и снова называла Турию «Вашим Высочеством»... Бедной Турии было стыдно, потому что старая коза говорила: «Вы принцесса, в ваших жилах течет королевская кровь, вы последняя наследница немецкого императора, старейшей королевской династии в мире — а здесь вы водитесь с этими простолюдинами?» Она сказала Турии: «Я напишу статью против Ошо».

Я рассмеялся, потому что я предлагал ей это заранее! Она действительно глупа; иначе я помог бы ей еще лучше. Со своей стороны я сделал все, что только мог. Если она хотела написать... это было специально для этой цели, потому что журнал «Бунте» и другие журналы и газеты такого рода никогда не ищут, где происходит что-то хорошее. Они ищут что-то грязное, отвратительное. Они шарят по помойкам. К несчастью, у нас здесь нет никаких помоек.

Именно поэтому я ей сказал: «Если ты напишешь положительную статью... если ты напишешь правду, если ты напишешь положительную статью — потому что нельзя найти в мире группы людей более радостной, смеющейся, забавной, живущей от мгновения к мгновению...» Иначе... Турия не идиотка. Она живет здесь с «простолюдинами». Но старая коза не знает, что здесь происходит некая алхимия, которая всех вас превращает в графов и графинь — даже если у вас нет никакого счета в банке! Какая разница? Я могу выдать тебе сертификат, что ты Иранский Шах — и нет закона, который мог бы мне помешать.

Есть только пять настоящих королей: четыре в игральных картах и пятая — Турия, принцесса! Я должен начать называть вас всех: «Ваше Святейшество»... «Ее Высочество»... «Божествен-

ное Безбожие»... Никто не может мне помешать; я могу присвоить тебе титул: «Божественное Безбожие».

Чего еще можно желать? Крошечная Германия, Индия, Пакистан... Забудьте все эти вещи. Я сделаю вас Королями Луны, Королевами Марса. Дайте мне только подумать до завтра, и я присвою вам титулы — и посмотрим, какой суд сможет это оспорить.

Эта старая коза угрожала, что напишет против меня. Я сказал ей сам: «Пожалуйста, пиши против меня, потому что никто против меня не пишет, а я так наслаждаюсь всеми видами лжи и вымысла. Мне нечего терять». Все эти идиоты сделали меня всемирной знаменитостью, а я просто обычный человек.

Но она уехала в сильном гневе. Я ей сказал: «Пусть моя фотография в позе гитлеровского салюта будет на обложке «Бунте», а вокруг еще семь тысяч поднятых рук». И она не смогла понять, что это была шутка, очень мягкий и любящий способ вам показать, что вы по-прежнему носите в себе свое прошлое. Не имеет значения то, что вы носите в себе немецкое прошлое — *каждый* носит прошлое, а мое усилие в том, чтобы разрушить прошлое, чтобы освободить вас от прошлого.

Вчера Нискрия сидел здесь в обличье китайца. А теперь смотрите, рядом с ним... сидит китаец. Пожалуйста, встань.

Вот китаец. Посмотрите на него. Вот он не злится. Я вам говорил, у нас есть только один китаец... и он должен быть очень сострадательным ко мне, а я должен его везде высматривать. Вот он сидит рядом с Нискрией со звездой — красной звездой, коммунистическим символом — на шапке. Вот *это* разумно! Нет и речи о том, чтобы злиться, потому что здесь вся цель в том, чтобы удалить весь мусор, который — о чем вы сами не знаете — продолжает изливаться на вас прошлое. Вы живете под бременем. А если кто-то что-то против этого говорит, вы думаете, что это говорится против вас.

Ваше прошлое — это не вы, ваше будущее — это не вы. Только настоящее — это вы — чистое от прошлого, которое мертво, чистое от будущего, которое не более чем ваш сон, желание, стремление.

Простое, кристально чистое, сущее настоящее — вот что такое вы. И если вы можете это обнаружить, вы нашли Царство Бога, ваше собственное царство.

Зачем беспокоиться о Боге? Зачем входить в царство кого-то другого? Зачем без необходимости становиться овцой или козой только потому, что какой-то идиот настолько безумен, что хочет быть пастухом, лидером, спасителем?

Просто войди в собственное царство. Царство, которое никем не может быть завоевано — непобедимое. Царство, которое, найденное однажды, не может быть утрачено. Царство, которое цветет в каждом.

Вчера я говорил об этом царстве как о мистической розе. Но эта старая коза не услышала ни слова из того, что я говорил. Ее слишком заботило то, что я «оскорбляю человечество». Не вижу никакой связи между гитлеровским салютом и человечеством. Адольф Гитлер убивал человечество, оскорблял человечество. Сорок миллионов человек — хороший счет! — он убил, замутил, отправил в газовые камеры. И эта старушка не думает, что он оскорбил человечество.

Я просто заставляю тебя осознать, что если какая-то часть тебя по-прежнему несет — помимо твоего знания — тот мусор, который всегда оставляет за собой прошлое... и его продолжают передавать из поколения в поколение. Пусть он испарится в великом смехе. Отбрось его. Забудь, что ты немец, забудь, что ты индус, забудь, что ты англичанин.

Достаточно просто быть человеческим существом.

Из-за этих других имен вы совершенно забыли человечность, прикрытую «немецкостью». Если кто-то что-то скажет против человечности, не думаю, что кто-то начнет протестовать. Ты скажешь: «Какое я к этому имею отношение? Пусть человечество возражает, а я — немец. Я итальянец — пусть только скажет что-то об итальянцах, и я ему покажу...» Это покрывает твою человечность, как пыль покрывает зеркало, и пыль стала ценнее самого зеркала.

Основа моего подхода к человеческим проблемам в том, чтобы не принимать их серьезно, потому что, принимая их серьезно, вы сами становитесь частью проблемы. Наблюдайте и

свидетельствуйте все проблемы человечества с чувством невинности, отстраненности. Может быть, тогда вы сможете быть справедливыми; может быть, тогда вы сможете создать лучшее человечество, более любящее, более радостное.

Это маленькая планета. Первый астронавт, вышедший за пределы земной атмосферы... атмосфера Земли распространяется только на двести миль. И, увидев Землю из этой точки, он стал смеяться над этой глупостью — такая маленькая, красивая, сияющая планета, и на ней не видно никаких линий, которым мы учим каждого ребенка: вот это Пакистан; ты не можешь пересечь эту линию без разрешения преступных политиков, узурпировавших определенную территорию.

Нигде нет никаких линий. Все карты нужно сжечь. Ни в школе, ни в колледже, ни в университете не должно быть никаких карт. И нет необходимости ни в каких линиях. Человек должен востребовать свое простое право на перемещение, свободу перемещения. Если человек хочет пойти и жить в Гималаях, это очень красиво. Почему это должно волновать других?

После всемирного тура я хотел, чтобы коммуна была в Гималаях, но правительство штата Химачал встревожилось. Впервые я осознал, что даже в Индии... я не могу купить землю в пределах Индии, потому что я не гражданин этого штата. Правительство Химачал-Прадеш сообщило мне: «Если вы не проживаете постоянно в Химачале, вы не можете купить землю».

Я сказал:

— Что мне тогда дает мое гражданство? Именно поэтому меня депортировала двадцать одна страна мира — я не проживал постоянно.

В моей собственной стране я не могу купить дом в Кашмире, Химачале или Ассаме, потому что эти штаты не хотят, чтобы кто-то въезжал на их территорию.

Странное дело: в тот день, когда я приехал в Пуну, через два часа... Я спал, и вдруг пришла полиция и принесла мне повестку, что я должен немедленно покинуть Пуну. Я сказал:

— По крайней мере позвольте мне отдохнуть — мы можем решить все утром. Кроме того, я жил в Пуне. По крайней мере

вы не можете депортировать меня из Пуны, в Пуне у меня уже есть собственность. И на каких основаниях вы требуете, чтобы я покинул Пуну?

Основания были те же, что и во всем остальном мире: мое присутствие может быть опасным, может развратить мораль молодого поколения. Прошло уже два года, но я так и не развратил ни одного жителя Пуны. Я не хожу в этот грязный город. Для развращения, по крайней мере, я должен выйти за ворота! Но если кто-нибудь хочет быть развращенным, он может прийти сюда. Добро пожаловать! Что я могу сделать? Если вы так хотите быть развращенными, что приезжаете ради этого из дальних стран, я говорю: «Ладно, давайте развращаться».

Сегодня я развращу этого китайца. Сними свою китайскую шапку и будь развращен!

Правильно! Незачем подвергаться ненужной дискриминации.

Принцесса Турия через несколько дней уезжает в Германию. Я хотел бы, чтобы она пришла в офис этого журнала, «Бунте», и сказала издателю или владельцу: «Когда вы посылаете людей в Пуну, по крайней мере посылайте разумных людей — потому что это совершенно другой мир, абсолютно развращенный, и если вы будете посылать старых коз, они будут развращены очень быстро. Их не остановит даже преклонный возраст, так что забудьте об этом. Молодая коза или старая, для них не имеет значения. Посылайте очень разумных людей».

И не то чтобы очень разумные журналисты со всего мира сюда не приезжали. Но когда — тоже из Германии — приехал другой опытный журналист, он был развращен. Он был слишком разумен, он увидел суть. Он стал саньясином. Он где-то здесь... а когда он вернулся, его журнал просто отказался напечатать его статью — я их вчера предупреждал! — потому что он написал красивую статью: «Здесь происходит что-то новое. Люди всех религий и рас встречаются в одном месте и учатся быть молчаливыми, прилагают все возможные усилия, чтобы достичь своего внутреннего существа. Нет ни борьбы, ни преступ-

лений. Эту коммуну с полным правом можно назвать коммуной любви».

Он написал красивую статью, но журнал ему сказал:

— Вас загипнотизировали.

Он сказал:

— Я журналист с большим опытом, и вы думаете, меня можно загипнотизировать? Я готов — поехали со мной, и я вам покажу.

Но никто не был готов ехать, потому что тогда бы загипнотизировали и его! Они отказались печатать его статью. Они сказали:

— Пока вы не сделаете несколько исправлений... исправлений, которые мы предложим.

Этого саньясина звали Сатьянанда. Он сказал:

— Вы там не были — как вы можете предлагать исправления? Вы внесете в статью исправления? Я там был, а вы мне говорите, что нужно вырезать? Лучше вы напишите статью, потому что вы не загипнотизированы; естественно, ваша статья будет правильной.

Они его уволили и написали что-то вымышленное от себя. Когда Сатьянанда вернулся, я сказал ему:

— Это неизбежно должно было случиться. Ты должен был вставить что-то негативное, против меня; мне ничто не повредит. Ты должен был рассказать несколько придуманных историй, исправлений, потому что меня не заботит, что думают обо мне другие люди. И они напечатали бы твою статью и похвалили бы тебя за то, что тебе удалось выйти из коммуны, не поддавшись гипнозу. Но ты меня не послушался.

Он сказал:

— Я абсолютно счастлив, что не послушался тебя. Я описал в точности, что происходит, и меня не волнует, что меня уволили. Это к лучшему. Здесь я совершенно счастлив.

И он был здесь со мной, он был в моей коммуне в Америке, а когда я вернулся, он снова здесь. И он совершенно счастлив.

Проблема престижа, респектабельности мешает людям войти в двери этой коммуны. В Америке я получил странный опыт. В первый же день, когда я оказался в Нью-Джерси, губернатор

Калифорнии, Джерри Браун, прислал специальное уведомление, что хочет со мной встретиться, потому что очень интересуется дзэн. Но он не может увидеться со мной в Нью-Джерси; это вопрос его престижа, поста, власти. Он готов был прислать самолет, чтобы доставить меня в Калифорнию... и он хотел встретиться со мной так, чтобы об этом никто не знал, особенно средства массовой информации. Я сказал:

— Человек, который интересуется дзэн... — если у него даже недостаточно храбрости, чтобы со мной встретиться, не боясь, что об этом узнает весь мир, тогда я отказываюсь ехать к нему. Если хочешь со мной встретиться, тебе придется приехать, и об этом узнают средства массовой информации.

Он так никогда и не приехал, не ответил.

Когда я был в Америке, люди из Индии... вы будете удивлены: даже люди из Пуны и Бомбея, из Дели и Калькутты, великие индустриалисты, политики, стали звонить мне в Америку и говорить:

— Мы хотим приехать и увидеться с тобой. Я выезжаю из Пуны.

— Я изумлен! — говорил я. — Я жил в Пуне семь лет.

— В Пуне встречаться с тобой было опасно. Люди узнали бы об этом.

Я говорил:

— Мы встретимся в Пуне и больше нигде. Если жизнь снова приведет меня в Пуну, вы можете со мной встретиться.

Жизнь привела меня обратно в Пуну, но этот парень не пришел. Я сообщал ему много раз. Он сказал моим людям:

— Я знаю — вам не нужно приходить так часто, потому что соседи начнут подозревать... зачем сюда приходят саньясины?

Люди из Бомбея не могут приехать, хотя это всего пятнадцать минут на самолете. Но они готовы были приехать из Нью-Йорка в Портленд, чтобы встретиться со мной. Я отказал. Я не допустил к себе ни одного индуса, который хотел встретиться со мной там и не был со мной здесь. Те, кто пришел сюда, там приветствовались; не было вопросов. Они — смелые люди.

То, что этот мир называет развращением, на самом деле просто осознание уродливых вещей; но твоя традиция, страна, раса обусловила твой ум этими вещами. Например, голландский парламент решил, что я не могу быть допущен на территорию Голландии. Причина в том, что я что-то сказал о гомосексуалистах, и «мы не хотим беспокоить гомосексуалистов Голландии». Никогда не знал, что гомосексуализм — это религия Голландии! Это развращение; я развратил бы людей, потому что, несомненно, я выступал бы против гомосексуализма.

Двадцать одно правительство во всем мире выдвинуло различные причины, настолько абсурдные, что невозможно поверить, будто мы живем на нормальной планете. Может быть, когда кто-нибудь сходит с ума на других планетах, их присылают сюда — это специально отведенное место. Другого объяснения нет.

В Америке я не выходил за пределы своей коммуны. Правительственные агентства, которые обычно арестовывают преступников, отказались меня арестовать. Они сказали:

— Покажите, какие преступления он совершил! Он не выходил из этой коммуны, он никого не убил. У нас нет никаких улик — не выставляйте нас на посмешище.

А когда два агентства отказались, оставалось только обратиться к армии, чтобы меня арестовать.

Генерал армии посмеялся над самой этой идеей. Когда к нему обратился правительственный адвокат, он сказал:

— Никогда в истории человечества никто не призывал армию, чтобы арестовать человека, который не совершил никакого преступления. Почему его не могут арестовать ваши собственные агентства? Армии должны бороться с нациями, не с индивидуальностями.

И по каким причинам? То же самое — «Если его слушать, это оказывает опасный эффект».

Сплю в своей постели и беспокоюсь: я не совершил никакого преступления; неужели я самый опасный из живущих людей?

За итальянским правительством стоит Папа. Два года итальянские саньясины выступали на улицах и в Парламенте; мно-

гие члены Парламента — мои саньясины. Ответ был такой же: «Этот человек опасен, и его влияние развращает умы молодого поколения». Но никто не говорит, в чем состоит это развращение. Не в том ли развращение, что я говорю людям правду — что христианская троица Бога, Святого Духа и Иисуса Христа — очень аморальная троица? Именно Святой Дух сделал Марию беременной — и все же он остается Святым Духом! Кто же тогда не святой? Значит, все духи должны приложить все усилия к тому, чтобы сделать беременными как можно больше девиц и остаться святыми.

Если я говорю правду... Иисус Христос — сын бедного плотника, необразованный — собрал кучку из двенадцати человек того же бедного, необразованного типа: крестьяне, рыбаки, дровосеки. Ни единого раввина, ни единого ученого, ни единого мудреца — и переезжал с одного места на другое на осле, объявляя себя «единственным сыном Божиим».

Мне это кажется забавным. Я скажу своим саньясинам в Италии раздобыть себе ослов и объявлять: «Я двоюродный брат Иисуса Христа, единственный двоюродный брат». Какие доказательства приводит Иисус Христос в своих притязаниях? И еще одно странно, если Мария забеременела от Святого Духа... почему Бог становится отцом? Самое большее, он может быть дядей.

Эти дурацкие идеи... когда я это проясняю, они не противоречат, — потому что не могут. Но что они могут сделать, так это провести в Парламенте закон, что я не могу въехать в эту страну.

Но я в нее *введу* — в частности, Италию я не могу обойти стороной. Я сказал своим саньясином: «Создайте великое общественное движение; Папа не может оставаться и главой государства, и главой церкви. Святому не полагается царствовать. Ватикан должен раствориться в Италии». Это такая дурацкая идея. Восемь квадратных миль Ватикана — совершенная страна, нация. И Папа выступает в обеих ролях: он и главный священник католиков, и король страны, Ватикана.

Отлично! Мы можем объявить, что если восемь квадратных миль достаточно, чтобы быть страной... В Америке в нашей

коммуне было сто двадцать шесть квадратных миль; мы могли бы объявить себя независимой страной.

Мы могли бы найти себе Папу — любого поляка — и сказать: «Он наш главный священник и наш король».

Дать людям возможность думать — вот что считается развращающим влиянием. Заставить их осознавать их суеверия — вот что считается величайшим преступлением.

Но если *это* преступление, я хочу, чтобы вы все были преступниками. Я хочу, чтобы вы все были развращены, если быть разумным — значит быть развращенным.

Вы должны быть абсолютными бунтарями в этом сумасшедшем мире.

Поэтому, Принцесса Турия, на этот раз ты здесь единственная принцесса. Но когда через несколько недель ты вернешься, то найдешь здесь много принцесс, принцев, королей и королев. Поэтому наслаждайся еще четыре недели — пока ты здесь единственная принцесса. В эти четыре недели я начну выдавать сертификаты. Кто хочет быть королем Марса... какой в этом вред? Он может наслаждаться и прекрасно себя чувствовать без всякой борьбы. Никого не убивая, он может быть Александром Великим!

Нискрия, выбери планету, королем которой ты хочешь быть. Каждый может выбрать. И не только выбрать — оформить верительные грамоты; выбирайте как можно более удаленные звезды. Даже если хочешь быть Главным Государем Всей Вселенной — пожалуйста.

Эти дурацкие идеи Турия оставила позади. Эта женщина сама называла ее «Вашим Высочеством». Ее муж, Вималкирти, был моим телохранителем. Он был единственным отпрыском последнего императора Германии. Принц Филипп в Англии был его дядей; королева Англии была его тетей. Он был связан с ними, потому что королевские фамилии продолжают жениться друг на друге. Они сделали такую кашу из этих свадеб. Они продолжают смешивать кровь родственников, и в результате получают умственно отсталые люди.

Турия на самом деле не происходит ни из какой королевской семьи, она простолюдника. Вималкирти был достаточно разумен, чтобы на ней жениться вопреки всем королевским семьям Европы. Это было началом революции. Он взбунтовался и сказал: «Я не буду жениться ни на каких королевских семьях». Это научный факт: нельзя жениться на ближайших родственниках; иначе вы родите отсталых детей. И это заметно: посмотрите на Принца Уэльского, который приходится Вималкирти двоюродным братом. Сама его фотография показывает, что этот парень безнадежен.

Прекрасно, что эти королевские семьи мало-помалу исчезают, почти исчезли. Кровь одна и та же; нельзя установить разницу... идея о королевской крови особенно абсурдна и ненаучна.

В викторианскую эпоху королевы носили одежду, сшитую таким образом, чтобы никто не видел их ног. Во всей Европе была распространена идея, что королевы отличаются от обычных женщин; их бедра соединены вместе. Именно поэтому они так медленно ходят. Именно поэтому они скрываются под длинными платьями — чтобы никто не мог увидеть их бедра.

Никому не позволялось видеть, невозможно было никакое расследование. Лишь несколько лет назад... сестра королевы Элизабет была на морском пляже, и ветры не заботятся о том, кто ты. Ветер приподнял ее платье, показав обе ноги — отдельные. Во всем мире была напечатана эта фотография, и великое суеверие умерло. Теперь никто об этом не говорит. Но если бы тогда кто-нибудь сказал: «нужно медицинское обследование, лишь тогда можно принять эту идею», его сочли бы развращающим человеческие умы.

А теперь пришло время развратить ваши умы.

Мендель Кравитц стоит перед урином и замечает прямо перед глазами табличку: «Смотри вверх!» и большую стрелку, указывающую вверх.

Мендель не может устоять перед искушением и смотрит вверх. Несколько выше он видит другую табличку: «Выше!»

Мендель смотрит выше, и на потолке видит табличку: «Еще выше!»

Мендель смотрит так высоко, как только может, и видит, что на потолке невнятными буквами нацарапано: «Скорее! Смотри вниз, ты писаешь на собственные ботинки!»

Китаец в Париже знакомится с девушкой и приводит ее к себе в комнату в гостинице.

Он открывает окно в спальне и глубоко вздыхает. Затем они забираются вместе в постель и занимаются любовью. Через некоторое время китаец говорит:

— Извини, но я немного устал.

Он встает с постели, подходит к окну и глубоко вздыхает. Затем он скатывается под кровать и появляется с другой стороны. Он прыгает в постель и снова начинает заниматься любовью.

Через некоторое время он встает и говорит:

— Извини, я немного устал.

Снова он подходит к окну, глубоко вздыхает, закатывается под кровать, выползает с другой стороны и снова начинает заниматься любовью.

Когда это происходит пять раз, девушка встает и говорит:

— Извини, я тоже немного устала.

Она подходит к окну, делает глубокий вздох, смотрит под кровать и видит там четырех китайцев.

Последняя молитва — Богу, который умер...

Раввин Насбаум был на конвенции раввинов в Чикаго. Когда она закончилась, он выписался из гостиницы, добрался до вокзала, и только там вспомнил, что забыл свой зонтик. Вернувшись обратно, он обнаружил, что его комната уже занята молодоженами.

Только он собрался постучать в дверь, как услышал мужской голос:

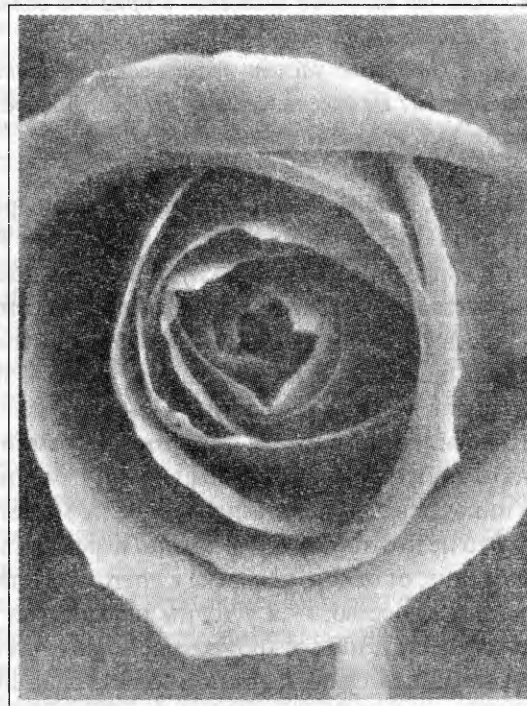
— Чьи эти маленькие губы?

— Твои, дорогой, твои, — проворковал женский голос.
 — А чьи эти маленькие груди?
 — Твои, дорогой, твои!
 — А чьи эти маленькие бедра?
 — Твои, дорогой, твои!
 — Эй! — закричал раввин Насбаум через замочную скважину. — Когда вы доберетесь до зонтика, имейте в виду, он мой!

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Все последователи слепы

Женись, роди детей, стань членом клубов, стань членом церкви — подойдет любой глупый цирк, но не будь один! Любое абсурдное верование, если оно сделает тебя частью, членом общества, религии, поможет — не найти истину, но избежать истины.

Любимый Мастер,

Я читал, что Георгий Гурджиев сказал: «Журналисты и другие умники, которые пытаются на меня нападать, думают, что создать какое-то массовое движение и привлечь большое количество глупых последователей — простое дело».

Любимый Ошо, как насчет последователей таких людей, как Билли Грэхэм? Не расскажешь ли Ты о слепых последователях и настоящих, подлинных искателях?

Дживан Мада, чтобы искать истину, жаждать реального, нужно быть чрезвычайно разумным. И нужен не только разум, но и великая храбрость рискнуть всем ложным, всеми суевериями, всем тем, что просто верование, — всем тем, что было дано тебе другими и не было твоим собственным опытом. Храбрость быть одному против всего человечества — против их религий, их политических идеологий — несомненно, требует безмерной любви, которая готова пожертвовать самой жизнью, но не принять ничего, что не является подлинным опытом.

Истина никогда не заимствована; ее тебе не может дать никто другой. Это не что-то такое, что можно передавать из поколения в поколение, от одного человека к другому. Истина — это твое внутреннее существо, — а у толпы нет доступа к твоему внутреннему существу; никто, кроме тебя, не может в него войти. Это простой закон существования: только одна индивидуальность может подняться к высотам сознания и осознанности. Чем более ты принадлежишь к толпе, тем глубже падаешь во тьму.

Но должна быть какая-то причина, по которой столько людей, миллионы людей остаются частью толп — христианской, еврейской, индуистской, всех видов толп, немецкой, индийской, японской, китайской — толп внутри толп. Они создают меньшие толпы, потому что большие толпы становятся очень отдаленным явлением. Они создают небольшие семьи, неболь-

шие сообщества, небольшие секты, культы. И если и это их не удовлетворяет, они создают Ротари-клубы, Клубы Львов, но им всегда нужна толпа, чтобы к ней принадлежать.

За этим должна быть какая-то глубокая психология. Принадлежность к толпе, какой бы ни была природа этой толпы, — религиозная, политическая, социальная, но принадлежность к толпе, — это желание бежать от себя, избежать самого себя. Это значит смотреть на других, чтобы не осознавать собственного существа.

Этот страх — страх самого себя.

Но почему люди должны бояться самих себя? Наверное, внутри есть великая рана, которая мешает им быть самим по себе.

В моем видении... Не знаю, думает ли Гурджиев в том же направлении, но для меня страх одиночества возникает из того, что каждый мужчина и каждая женщина девять месяцев проводят в утробе матери, в абсолютной темноте и одиночестве. Что касается нас, это девять месяцев, но для ребенка в утробе матери это вечность, потому что он понятия не имеет о времени. Но он не бессознателен, он не в коме; эти девять месяцев одиночества оставляют рану в каждом человеческом существе. Он боится снова остаться один. Женись, роди детей, стань членом клубов, стань членом церкви — подойдет любой глупый цирк, но не будь один!

Любое абсурдное верование, если оно сделает тебя частью, членом общества, религии, поможет — не найти истину, но избежать истины. Само слово «верование» означает, что *ты* не знаешь; *другие* знают. А кто эти другие?

В моей деревне был один известный ученый, брамин, священник, очень уважаемый — всеми, кроме меня. И у меня были причины, чтобы его не уважать. Люди думали: «Все, что он говорит, исходит из источников мудрости; он знает, а мы не знаем». Именно это он пропагандировал.

Все священники мира пропагандируют одно и то же: «Мы знаем, а вы не знаете. Примите то, что мы говорим, сделайте

это своим верованием, никогда не сомневайтесь, будьте послушными толпе, и вы будете уважаемыми».

Этот священник жил всего в полумиле от моего дома, напротив гигантского сада. Сад принадлежал секте, главой которой был этот священник; он стал почти его частной собственностью.

Мой отец дружил с этим человеком, и он всегда приводил меня к нему и говорил: «Научи чему-нибудь моего мальчика, потому что он кажется странным. Ты его о чем-то спрашиваешь, а он в ответ задает другой вопрос. Он никогда ни на что не отвечает!»

Даже в мелочах: я говорю ему сходить на рынок и принести овощей, а он отвечает: «Почему бы тебе самому не сходить? Ты сидишь совершенно без толку, а я хотя бы медитирую». И его медитация — его собственное изобретение. Он просто закрывает глаза, — никто не знает, не заснул ли он, — и называет это медитацией. А все остальные, по его мнению, делают бесполезные вещи — «Пошли кого-то другого!»

О чем его ни спросишь... Мы устали! Голый, он ходит на реку. И я говорю: «Послушай, нехорошо ходить голым на реку», а он отвечает: «Почему? Человек рождается голым, и ходить голым — его право от рождения. А если люди будут возражать, я о них сам позабочусь; я знаю, что каждый из них голый под одеждой, так какой смысл? Я просто правдив; они лицемеры, прячущиеся за одеждой».

Этот старый священник ответил: «Я его наставлю на ум. Иди и оставь его со мной. Я его кое-чему научу».

Мой отец оставил меня с этим священником... и вы можете себе представить, что случилось со священником! Что бы он ни говорил, я спорил. Это было что-то очень новое, потому что все общество... никто никогда не бросал ему вызов. Он сказал мне:

— Смотри, вот это *Веды*, древние индуистские священные писания.

— Приведите мне доказательства, — сказал я. — На каких основаниях вы говорите, что они священны?

— Доказательства? — сказал он. — Это признанный факт!

— А я его не признаю! — говорил я. — Вы должны мне доказать, что эти грязные, сгнившие книги... Если вы начнете их продавать, их не примут даже на рынке макулатуры. А если вы мне не верите, пойдете со мной; берите их сами. Я не хочу их касаться.

— Твой отец был прав, — сказал он.

— А теперь сообразите, как от меня избавиться!

— Что ты имеешь в виду?

— Я собираюсь остаться здесь. Вы попросили моего отца меня оставить. Теперь, пока я сам не решу уйти, никто не может меня отослать.

Его жена вышла из дома и сказала:

— Не спорь с этим мальчиком, он меня обидел.

— Ты обидел мою жену? — сказал священник.

— Сначала докажите, что она ваша жена! — сказал я. — Потому что многие другие говорили мне, что эта женщина их жена. Кому верить? Покажите мне свидетельство!

— Боже мой... разве ты не видишь моих детей?

— Это еще труднее. Вы можете получить свидетельство в суде, что это ваша жена, но никакой суд не может доказать, что это ваши дети.

Жена сказала:

— Не спорь с этим мальчиком, потому что он обидит меня еще больше.

— Где он тебя обижает? — спросил священник.

— Везде! Когда я иду на реку, он стоит там голый, а когда я говорю: «Это нехорошо!», он отвечает: «Закройте глаза!» И я думаю, что, может быть, он прав: какое я имею право говорить ему это? Если я не хочу видеть его голым, я могу закрыть глаза. С тех пор я о нем не беспокоилась.

Старый священник сказал мне:

— Послушай, ты еще не вырос; ты должен вести себя как культурный, воспитанный мальчик.

— А я всегда так себя и веду. Когда я вам сказал, что вы не можете доказать, что эти дети ваши, разве я не вел себя разумно? А вы очень неразумно верили, что эти дети ваши. И у вас

нет никаких доказательств! И будучи священником... вы потакаете себе в грязном сексе?

— Боже мой! — сказал он. — Убирайся сейчас же из моего дома!

— Теперь я собираюсь навещать этот дом, когда мне вздумается. Иначе я расскажу всей деревне, что этот идиот не может ответить на самые простые вопросы и при этом говорит, что Бог существует. Он не может даже доказать, что его дети — его дети.

— Послушай, подожди — давай пойдем на компромисс!

— Зачем? Компромисс? Почему я должен идти на компромисс?

— Нет, обожди...

Он сказал жене:

— Принеси сладости и другие вещи.

— Хорошо, — сказал я, — но это не будет постоянным решением проблемы. Может быть, сегодня я не буду вас беспокоить, но каждый раз, когда мне понадобятся сладости...

Через два или три дня я снова пришел к нему домой, и, как только я вошел, он сказал:

— Не нужно спорить; просто обожди. Я скажу жене принести сладости.

— Но это будет ненужной обузой, — сказала жена.

— Все в ваших руках, — сказал я. — Вы можете прекратить переговоры.

И этот человек стал ссориться с женой: «Ты не должна встречать, когда я с кем-то разговариваю. Просто принеси сладости; иначе этот мальчик может разрушить весь мой престиж. Он говорит такие странные вещи! Теперь я знаю, почему его отец взвалил на меня этот груз!»

Он сказал моему отцу:

— Я не могу учить вашего мальчика. Вам придется отдать его кому-то другому.

— Я перепробовал всех, — ответил мой отец. — И каждому пришлось пойти с ним на переговоры.

— Переговоры? Он вам сказал?

— Каждый раз, когда я его кому-то отдаю, — сказал мой отец, — старому другу адвокату, старому другу врачу, — дело

кончается переговорами. И в ходе переговоров он просто предоставляет временную передышку и получает от кого только захочет сладости или все, что хочет, и при этом дает понять: «Это только начало отношений, которые продолжатся до конца твоей жизни», и, несомненно, он проживет дольше.

Я никогда в своей жизни не находил человека, у которого не было бы верований. А верования — это сушая глупость. Это значит, что ты не знаешь, и все же притворяешься. Ты не обманываешь других — ты обманываешь сам себя, и сам об этом знаешь. Когда ты идешь в церковь или в храм, твое ли это знание?

Как раз напротив моего дома был храм Шивы, и, как вы знаете, Шиву символизирует фаллический символ. Я обычно дразнил священника и спрашивал его, что это такое.

— Если у вас есть хоть немного здравого смысла, прикройте его какой-нибудь тряпкой.

— Умоляю тебя, — говорил он. — Ты беспокоишь моих клиентов.

— Тогда — переговоры. Кто тебе сказал, что Бог имеет такой вид?

— Это знает каждый.

— Я видел, как на него писали собаки.

Собаки — очень скептический народ; они находят странные места для того, чтобы писать. Особенно их привлекает Шивалингам, статуя Шивы, — совсем как мраморный уринал, и им нужно только задрать лапу, Шива им как раз по росту.

Священник сказал:

— Не мучь меня всеми этими вещами. Я знаю, что это бывает. Я должен чистить, мыть... и я не понимаю, почему столько собак это делает?

— Это очень просто. Когда у меня есть время, я нахожу собак и привожу их — «Куда вы идете? Вы без необходимости ищете место... просто идите сюда!»

Он обычно давал мне взятки.

Я всегда недоумевал, что это за религиозные люди? Во что они верят, и почему за ними следуют толпы? С самого детства я искал человека, который скажет: «Это мой опыт». Но всегда «это говорится в священной книге», или сказано Иисусом Христом, или записано в Бхагавад-Гите.

То, что говорит Гурджиев, — а он был одним из самых важных людей этого века, но не смог собрать большого числа сторонников... Конечно, никаких толп — как католический Папа и его шесть миллионов человек. И весь мир его осуждал за высказывания, которые были абсолютно истинны согласно его опыту.

Человек не обязан говорить вещи, которые написаны в книгах религий; ты можешь сказать что-то такое, чего нет ни в одной книге. Твой собственный опыт — высшая ценность. На этой планете есть тысячи религиозных книг и триста религий, и все они противоречат друг другу. Несомненно, истина одна. Может быть, ее выражения немного разнятся из-за различий между личностями людей, но ты видишь: в этом одна суть.

Гаутама Будда говорит, что Бога нет. Махавира говорит, что Бога нет. А Иисус Христос говорит: «Я — единственный сын Бога». Кому верить? И несомненно, Иисус по масштабу меньше Махавиры и Гаутамы Будды, в смысле опыта, и в смысле разума. Все, что он говорил, было повторением ветхозаветных пророков. Ни единого произнесенного им слова нельзя считать вкладом в человеческое знание. Но половина человечества верит в Иисуса Христа и эту дурацкую идею о том, что он — единственный сын Бога.

Что случилось с Богом? Не стал ли он импотентом? — естественное заключение, потому что я не думаю, что он использует методы контрацепции. Ни в Ветхом, ни в Новом Завете нет ни малейшего упоминания о контрацепции, и все же... это будет продолжаться вечно! Такое долгое безбрачие сведет с ума кого угодно. И никто, ни один христианин не задается вопросом, что это немного глупо, что только один Иисус...

И идеи такого рода не только в уме Иисуса. В психологии это называется «мегаломания».

Хазрат Мухаммед говорит: «Я — последнее и окончательное слово Божье. После меня пророков не будет». Но по каким причинам? Перестал ли Бог посылать посланцев? До Мухаммеда он послал много посланцев — двадцать четыре *тирханкары* джайнов, двадцать четыре *аватары* индуистов, его собственный сын Иисус Христос. Может быть, у него не нашлось никого другого, и бедный Хазрат Мухаммед... Кажется, с тех пор Бог не смог никого найти, чтобы послать.

Но эта мегаломания имеет причину: Мухаммед хочет, чтобы Коран был последним словом. Если Бог будет продолжать посылать пророков, они обязательно будут говорить вещи, противоречащие Корану, и он не может этого стерпеть.

Толпы следовали этим людям, даже не спросив Мухаммеда, не поинтересовавшись: «Где ты встретил Бога? Дал ли он тебе какой-нибудь символ в доказательство того, что ты настоящий пророк? Почему мы должны верить, что ты настоящий пророк?» Потому что Коран не имеет литературной ценности. Обычные поэты пишут лучше.

Он был необразован, он не умел даже написать собственное имя. Ему приходилось диктовать, и то не за один раз; неграмотный человек — лишь изредка ему что-то удавалось. Коран он диктовал всю жизнь; только одна книга — одно предложение сегодня, другое завтра, когда ему удавалось связно выразить какую-то мысль. Бог кажется очень заторможенным в выборе посланников — и всегда посылает неправильных людей.

И в этих книгах бездна противоречий, но последователи слепы.

Утверждение Гурджиева, что последователи слепы, абсолютно правильно. И слепые очень злятся на того, кто говорит, что они слепы. Только скажи слепому: «Послушай, приятель, ты слепой». Слепые приходят в полную ярость, если кто-то им это говорит. А если им сказать: «Есть свет», они скажут: «Приведи доказательства» или: «Мы проголосуем, проведем референдум!»

Если в этом слепом мире провести голосование о том, есть ли свет, заключение нетрудно предсказать: «Света не существует».

Гурджиев не смог сделать ничего больше, как только собрать небольшую группу людей. Причина проста. Может быть, на Востоке он нашел бы больше искателей, но он пытался это сделать на Западе. И он сам был очень странным и уникальным мастером. Его методы были так странны, что обычные люди избегали даже проблесков. Все, что он говорил, имело такое значение, но лишь для тех, кто знал.

Например, он говорил, что не у каждого человека есть душа. Это неправильно; я знаю, что у каждого есть душа. И все же я говорю, что Гурджиев сослужил великую службу, говоря, что душа есть не у каждого, потому что идея, что у тебя есть душа, удерживает тебя от поисков. Эта идея, что она у тебя уже есть... какой тогда смысл искать?

Это простая логика. Все религии говорили, что у тебя есть душа, так какой смысл искать? У нас она есть! И все религии говорят, что ты не можешь ее потерять, даже если захочешь. Превосходно! — делай все остальное, пока продолжается жизнь. Душа всегда будет с тобой, даже после смерти.

Естественно, конечным результатом этого было человечество, не ищущее, не исследующее, занятое только обыденным, материальным, мелочами — потому что пока ты не начнешь искать что-то большее, чем ты, ты не можешь расцвести. Гурджиев был прав, но каждый, кто его слушал, злился. Если бы ты пришел к нему, и он бы тебе сказал: «Послушай, у тебя нет никакой души. Ты просто пустой, пустая коробка, без ничего внутри. Иди домой»...

Он настаивал на очень странных вещах, очень оригинальных: «Если хочешь иметь душу, тебе придется ее создать; тебе придется что-то сделать. Назови это медитацией, назови это дисциплиной, но, как бы это ни называлось, ты должен стать кристаллизованным в сознании. Кристаллизованное сознание есть душа, а ты не кристаллизован. Ты фрагментарен, один фрагмент идет на север, другой — на юг... Ты размазан повсюду вокруг. Просто собери себя».

Естественно, люди злились: «Это оскорбительно!» Сказать, что ты — пустая коробка... Но те, кто был разумен, остались с этим человеком, потому что это был человек такого присут-

ствия, что если им хватало храбрости посмотреть ему в глаза, если им хватало храбрости остаться с ним на несколько дней, они понимали — если он и говорит, что у тебя нет души, это просто средство, чтобы они начали открывать сами, чтобы они начали идти вовнутрь. Прав он был или нет, он провоцировал, бросал им вызов.

Он не был против Гаутамы Будды или Кришны, он не был против тех великих душ, которые реализовали себя. Он говорил, что толпа, которая приняла идею души как верование, — ее верование, должно быть разбито, разбито вдребезги.

И пока ты не разобьешь вдребезги свою систему верований, ты ни на дюйм не продвинешься в своем росте. Люди очень злились на него.

Может быть, я — единственный человек, на которого злятся больше людей, потому что Гурджиев не был известен всему миру. Его знала только небольшая группа во Франции, в Англии, в Америке, но не весь мир.

Но, Дживан Мада, твой вопрос значителен: «Как различить слепых последователей и настоящих, подлинных искателей?»

Первое, что нужно помнить: последователи слепы. Не бывает так, что одни последователи слепы, а другие — нет. Слепота и следование — синонимы.

А все подлинные искатели — неверующие. Все подлинные искатели обязательно находят себя одни. Они не могут быть приняты толпой. Они слишком опасны для толпы, потому что могут разрушить системы верований других, могут разрушить утешения других.

Фридрих Ницше был заключен в сумасшедший дом, — сильно, — хотя и не был сумасшедшим. Но то, что он говорил, выглядело действительно сумасшедшим в глазах толпы; например, он говорил: Бог умер, вы об этом слышали?

Люди думали: «Это уже слишком. Он *против* Бога. Мы слышали о людях, которые не верят в Бога, а он пошел еще дальше. Он говорит: Вопрос о веровании или неверовании не возникает; этот парень просто умер. И знаете, кто его убил? *Вы!*»

Естественно, люди подумали, что он совершенно сошел с ума и лучше поместить его в специальный приют и позаботиться о нем. Он настаивал, но что он мог сделать? Одна индивидуальность, величайшего разума, была принуждена год жить в сумасшедшем доме. Но в каком-то смысле, в завуалированном виде, этот год оказался для него благословением. За этот год в сумасшедшем доме он смог найти время, чтобы написать свою самую важную книгу, «Воля к власти». Каждый, кто сможет понять эту книгу, «Воля к власти», присягнет, что написавший ее человек не сумасшедший. Ни один сумасшедший не смог бы написать такую блестящую книгу. Но его утверждения были очень болезненными для толпы.

Он подходил к церквям, и, когда люди начинали выходить, он им говорил:

— Послушайте, остерегайтесь этого парня, Иисуса Христа. Он учил абсурдным и нелогичным вещам.

Говорить это христианам, выходящим из церкви, наслушавшись проповедей образованных идиотов... но его аргументы были очень ясными.

Иисус сказал: «Делайте другим то, что хотели бы, чтобы они делали с вами». У Ницше была такая блестящая ясность — он сказал: «А что, если ваши желания разные? Делайте с другими то, что хотите, чтобы они делали с вами, — но что, если ваши желания разные?» Несомненно, сначала нужно узнать, каковы их желания и хотят ли они то, что ты им даешь.

Второе и более важное... это было сказано о том, что, если кто-то ударит тебя по одной щеке, — «Подставь ему и другую». Выглядит красиво, очень ненасильственно, очень мирно. Но прозрение Фридриха Ницше гораздо глубже. Он говорит:

«А если тебя ударят и по второй щеке? У тебя нет третьей щеки — что ты будешь делать? Тогда ты растеряешься и будешь выглядеть глупо.

Кроме того, если кто-то бьет тебя по лицу, а ты подставляешь ему другую щеку, это для него оскорбительно. Ты оскорбляешь его человечность, ты показываешь, что ты Бог, высшее существо; ты не ведешь себя как животное. Ты доказываешь свое превосходство, подставляя другую щеку.

Это абсолютно оскорбительно».

Самое лучшее, если кто-то бьет тебя по щеке, как следует дать ему в ответ, чтобы доказать: «Мы равны, мы оба — человеческие существа». Это выглядит странно, но в этом есть смысл: люди, которые пытаются представить себя высшими человеческими существами, на самом деле пытаются заставить других чувствовать себя ниже. Они отнимают у них достоинство.

Вокруг такого человека, как Гурджиев, было мало людей. Их принимал не как последователей, но просто как искателей, товарищей по путешествию. И путь был тяжел. Его путь был очень тяжел, но результат — безмерно прекрасен. Если кто-то следовал до самого конца тому, что он говорил, — не просто верил, но делал это, исследовал, переживал на опыте, — он становился кристаллизованным, светящимся. На Западе для этого нет слова; но Восток знает, что такой человек стал буддой, просветленным, пробужденным.

Дживан Мада, ты спрашиваешь: «Как насчет последователей таких людей, как Билли Грэхэм?»

Слепое следование слепо. Билли Грэхэм — один из величайших идиотов современности. Естественно, у него было много последователей: мелкие идиоты доступны повсюду; когда появляется большой идиот, маленькие немедленно попадают в ловушку.

Просто посмотри на лицо Билли Грэхэма... Я бы не поверил, что человек с таким лицом смог бы найти хотя бы одного последователя. Такой умственно отсталый, такой уродливый, никакой грации — но он один из величайших христианских проповедников. А все, что он проповедует, — это та же старая чепуха, которую повторяют уже две тысячи лет, — ничего оригинального.

Но люди хотят таких лидеров, как Билли Грэхэм; они дают вам определенное утешение. Они никоим образом за всю свою жизнь никого не поколебали в его верованиях. Они поддерживают твои верования, утешают тебя, говорят: «Верь в Иисуса, и рай — твой».

И если рай доступен так дешево, не думаю, что ты его упустишь. Почему бы его не принять, если он доступен? Тебе не нужно даже покупать билет; просто верь, верь, что Иисус — сын Божий и после смерти наступит Судный День.

Странно, прошло две тысячи лет, а Судный День так и не наступил. Когда он придет, все поднимутся из могил... Просто на мгновение представь себе эту сцену — потому что из могил поднимутся только скелеты. Люди, пробывшие в могилах тысячи лет, не могли сохранить ничего, кроме костей, и их будет так много, и всего один день суда — скорее всего, с одиннадцати до пяти, день кончился, и Бог снова выходит в отставку.

И не забывай, что половина из этих скелетов будет состоять из женщин. Будет столько болтовни, представить себе невозможно, и ссор, и каждая будет высматривать: где муж? Много жизней... Если речь идет о Востоке, каждый мужчина был мужем многих женщин, а каждая женщина была женой многих мужчин — будет столько борьбы и бокса, что Бог не сможет совершить никакого суда, по крайней мере не в этот день.

Но люди верят...

Рональд Рейган и Эдвин Миз гуляют во дворе Белого Дома и видят большую собаку, вылизывающую свои личные места.

— Вот это да, — говорит Рейган. — Хотел бы я, чтобы я тоже так мог.

— Тогда попробуй, — говорит Миз, — но на твоём месте я сначала попытался бы подружиться с собакой.

Это те самые люди... оба они ходят слушать Билли Грэхэма.

Илия Лоботович однажды вечером читает газету. Входит его пятнадцатилетняя дочь, Сади, и говорит:

— Папа, можно я спрошу у тебя что-то такое, что повлияет на всю мою жизнь?

— Конечно, дорогая, — говорит он. — Что это?

— Папа, — говорит Сади, — что значит порок?

Лоботович отбрасывает газету и бормочет:

— Садись, я тебе расскажу.

И он проходит через Десять Заповедей, уделяя особенное внимание предмету прелюбодеяния. После двух часов подробного описания он говорит:

— Ну, теперь ты знаешь о пороке. А почему ты спросила?

— Ты знаешь, я играю в баскетбольной команде. Вчера меня выбрали вице-капитаном*.

Во время Второй мировой войны Пэдди, Син и Симус боролись против нацистов во Франции. К несчастью, они были взяты в плен и отправлены в концентрационный лагерь. В день рождения Адольфа Гитлера начальник лагеря был в хорошем настроении и позвал троих ирландцев в свой офис.

— Слушайте, придурки, — сказал он. — Сегодня день рождения Адольфа Гитлера, и я отпущу вас на свободу, если вы угадаете пол птицы на моем шлеме.

Син угадывает первым и говорит:

— Женский.

Симус соглашается, что пол женский, но Пэдди настаивает:

— Определенно мужской.

— Ты прав, — говорит начальник Пэдди, — но как ты узнал?

— Какой же еще у нее может быть пол, — отвечает Пэдди, направляясь к двери, — с таким х...ем, как ты, снизу!

Это люди, это толпа. Что еще от них ожидать, кроме того, что они последуют за идиотом, который больше, чем они.

Хайме Голдберг и его друг Мойше сидят в баре в перерыве между скачками.

— Странная вещь случилась со мной несколько лет назад, — говорит Хайме. — Это было в седьмой день седьмого месяца, и моему маленькому Гершелю в тот день исполня-

* Игра слов. *Vicescaptain*; *vice* также значит «порок». — Прим. перев.

лось семь лет. Мы жили в седьмой квартире, и я прибыл на ипподром в семь часов семь минут.

— Ты должен был поставить все на седьмую лошадь! — говорит Мойше.

— Конечно, я так и сделал, — говорит Хайме.

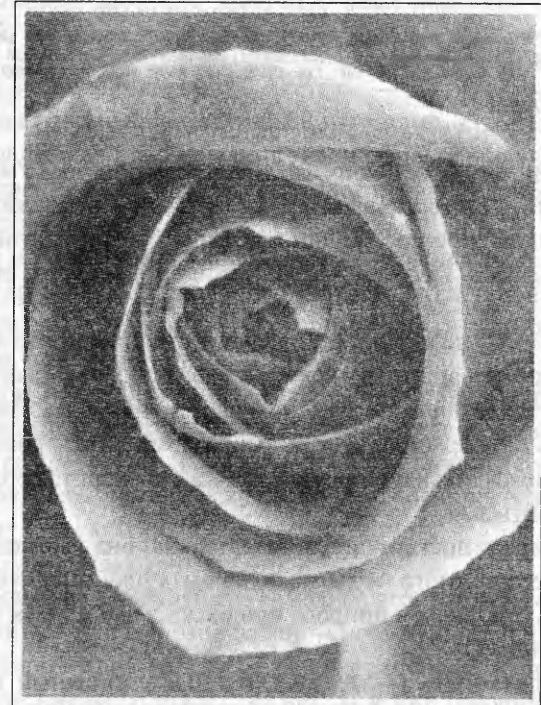
— И конечно, она победила.

— Нет, — вздыхает Хайме. — Она пришла седьмой!

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Позволить быть — главный принцип

Существование нужно не понимать, но пить допьяна...

Проглоти его залпом... и рухни на пол лицом вниз!

Что еще об этом можно сказать?

Любимый Ошо,

Недавно Ты заключил дискурс словами: «Помните, позволить быть* — важнейшее слово в существовании». Это пронзило меня, как стрела. С тех пор Твои слова преследовали меня.

Любимый Мастер, не расскажешь ли Ты еще немного об искусстве позволить быть? Кажется, это проще простого, и в то же время это труднее всего. Нужен ли какой-то особенный навык? Не сожжешь ли Ты еще раз мое невежество молнией своих стрел?

Дживан Мада, конечно, труднее всего простое. Ум, естественно, заинтересован в трудном; он хочет избежать всего, что слишком просто. Причина очень ясна: простое — это смерть для ума. Трудное — его питание, его жизнь, его существо.

Странно, — но истина всегда очень странна, — что человеку приходится спрашивать, как расслабиться, как заснуть. По счастью, природа немного оставила в твоих руках. Иначе тебе пришлось бы спрашивать, как дышать: «Это так просто, Ошо, но дай мне стратегию: как дышать? Как позволить сердцу продолжать биться?»

Но природа достаточно сострадательна, она не отдала тебе в руки ничего важного — ты можешь быть членом Клуба Спортивного Картофеля, а природа продолжает заботиться обо всем существенном.

Позволить быть — это самый фундаментальный принцип религиозности. Это просто означает, что нет никакой цели, никакого желания, никакого стремления, никакого прошлого, никакого будущего — ты просто здесь, во всей своей тотальности, тонуший в этом молчании, без всякого сопротивления.

* Слово Ошо «let-go» переведено как «позволить быть» условно; примерно это означает «отпустить, позволить, выпустить из рук». — Прим. перев.

Нет ни искусства, ни навыка, ни метода; лишь простое понимание. Кто тебе мешает? Твое собственное прошлое, которое ты считаешь ценным... как его отбросить? Это сокровище, это твое наследство! Будущее... как ты можешь его отбросить? — хотя у тебя его и нет. Однако ты беспокоишься о том, как его отбросить: «Как человек может отбросить будущее? Будущее — это все, что у нас есть. Все сны, все завтра, все великие вещи, которым предстоит случиться, находятся в будущем».

И когда я тебе говорю: «Отбрось прошлое, отбрось будущее, просто будь»...

В это мгновение простого бытия безмерные благословения нисходят на тебя, молчания, экстазы — без всяких усилий. И поскольку ты не приложил никаких усилий, а цветы продолжают тебя осыпать, это создает в твоём существе новое измерение: измерение благодарности, которое религии ошибочно интерпретировали как молитву.

Ты не можешь молиться, вначале не познав *отпускание*. Все церкви и храмы полны людей, которые молятся, но они не знают; они не в том состоянии, в котором молитва возникает сама собой, как благодарность.

Молитва не может значить ничего, кроме благодарности — благодарности за то, что тебе дается так много в каждое мгновение, а ты даже ни о чем не просил. Ты и представить себе не мог ничего большего, чем происходит в это мгновение, если ты *позволишь* ему произойти.

И это *позволение* очень просто:

Ни прошлого, ни будущего — только это мгновение.

Дживан Мада, ты спрашиваешь: «Любимый Мастер, не расскажешь ли ты еще немного об искусстве *позволить быть*?» На самом деле никакого искусства нет. И я уже говорил об этом больше, чем следует.

Дзэнский мастер сидит на берегу моря, и мимо идет король этой страны. Видя такую возможность... король много раз думал о том, чтобы пойти к этому человеку, о котором он столько слышал. Но вы знаете заботы короля, проблемы и тревоги. Он не смог найти времени.

И это произошло случайно; дзэнский мастер сидел на берегу. Король остановил караван и сказал:

— Я хотел бы встретиться с этим мастером. Пожалуйста, подождите здесь, а я пойду один.

Он сказал мастеру:

— Я слышал о тебе и много раз собирался прийти, но не получилось. Я рад, что сегодня увидел человека молчания. Не расскажешь ли Ты мне, какое искусство практикуешь, какое искусство привело Тебя к этому сияющему молчанию? У меня очень немного времени.

Мастер дзэн сказал:

— Не волнуйся о времени, потому что и я могу сказать очень немного.

И воцарилось молчание.

Король ждал и ждал, но мастер продолжал смотреть на море. Солнце садилось, и оно было так прекрасно — оно рассыпало золото во всему океану.

Король подумал: «Этот человек кажется немного странным. Я задал вопрос, а он смотрит на море. Кажется, он забыл мой вопрос».

Он напомнил о себе:

— Может быть, ты не знаешь: я король этой страны, и я задал тебе вопрос, а ты не ответил.

Бедный мастер сказал:

— Я изо всех сил пытался ответить.

— Либо ты сумасшедший, либо я. Я не слышал ни единого слова.

— Ага! — сказал мастер. — Это и есть ответ — ты не слышал ни единого слова! Ты все понял. Вот оно!

— Ты, несомненно, сумасшедший! Ты не сказал ни единого слова.

— Вопрос таков, что ни единого слова нельзя сказать в ответ. Я попытаюсь снова, хотя уже и сказал больше, чем позволяет существование. Но ради тебя я совершу некоторое падение.

И он написал на песке: «дзэн» — и снова стал смотреть на океан.

Король сказал:

— Дзэн? Пожалуйста, разъясни мне это.

— Я и так сказал слишком много, — ответил мастер. — Я иду против себя. А ты просишь объяснений? Но ты король... и с великой скромностью я попытаюсь дать еще немного объяснений.

И он написал большими буквами: «ДЗЭН!»

Король сказал:

— Не думаешь ли ты, что у меня плохое зрение и я не могу прочитать? Это все твое объяснение?

— Я могу написать еще большими буквами, но не более... Я не могу согрешить против существования. Есть некоторые вещи, которые ты либо понимаешь, либо не понимаешь.

Вот это молчание — *позволение*.

Ты его не создаешь.

Оно окружает тебя.

Оно до краев полно *здесь*.

Оно всюду вокруг. Если оно коснется твоего сердца, ты понял больше, чем кто-либо может объяснить.

О'Рэйли вошел в бар, заказал тройной виски, проглотил одним махом, покачнулся и рухнул на пол лицом вниз.

— За что я люблю О'Рэйли, — заметил бармен другим посетителям бара, — так это за то, что он всегда знает, когда должен остановиться.

Просто научись чему-то у О'Рэйли. Существование нужно не понимать, но пить допьяна. Оно алкогольно, никакой другой наркотик не сделает тебя более молчаливым, более праздничным, более сонастроенным с существованием. Проглоти его залпом... и рухни на пол лицом вниз! Что еще об этом можно сказать? Это происходит каждый день почти с каждым, — кро-

ме некоторых «тормозов». Пол для них неубедителен, и они раскачиваются и раскачиваются, но не падают.

Если хотите, на один день я могу это разрешить... Не беспокойся о том, кто сидит спереди и сзади. Просто рухни! И наслаждайся *позволением*.

Нискрия... (*Нискрия позволяет!*) Вот так, правильно!.. Сегодня мы сделаем это в конце, после молитвы.

Вот несколько молитв, чтобы подготовить окончательное позволение.

Посмотрим, сколько у нас «тормозов». Время от времени хорошо проверять.

Где-то в районе Северного полюса, на небольшом айсберге, маленький медвежонок подходит к матери и говорит:

— Мама, какой я медведь?

— Ты полярный медведь, — говорит она.

— А ты уверена, что я не бурый медведь? — спрашивает он.

— Совершенно уверена, — отвечает она. — Ты полярный медведь.

Но маленький медвежонок не удовлетворен.

— Мама, — говорит он, — а может быть, я гризли?

— Зачем ты задаешь все эти вопросы, сынок? — говорит мама. — Ты полярный медведь.

И вот маленький медвежонок пересекает айсберг и подходит к отцу.

— Папа, — говорит он, — а я случайно не панда?

— Нет, сынок, — говорит отец, — ты полярный медведь.

— И не коала? — спрашивает медвежонок.

— Нет, ты полярный медведь, — отвечает отец. — Но почему ты задаешь все эти вопросы?

— Потому что, — стонет медвежонок, — мне холодно!

Рубен, молодой человек без образования и социального статуса, влюбляется в дочь миллионера. Она приглашает его на обед к родителям.

Подан роскошный обед, и Рубен только начинает расслабляться, как вдруг громко пукает. Отец девушки смотрит на большую собаку, лежащую у ног Рубена.

— Ровер, — говорит он, и собака виляет хвостом.

Рубен вздыхает с облегчением, потому что во всем обвинили собаку, но как раз в этот момент снова громко пукает. Хозяин смотрит на собаку и говорит громче:

— Ровер!

Собака поднимает глаза, зевает и засыпает. Через несколько минут Рубен снова пукает. Богатый отец с искаженным лицом кричит на собаку:

— Ровер, убирайся отсюда, пока он на тебя не нагадил!

Хорошенькая девушка едет по Американскому Западу, и в машине кончается бензин. Мимо проезжает индеец, и он подвозит ее до ближайшей заправочной станции на своем пони. Пока они едут, каждые несколько минут он издает дикий вопль, который эхом отражается в холмах. Наконец он ее ссаживает с последним «Йаа-Хуу!».

— Боже мой, — говорит владелец заправочной станции, — что вы сделали с этим индейцем, что заставило его так кричать?

— Ничего, — сказала девушка. — Я просто сидела позади него, обхватив его руками и держась за луку его седла.

— Мисс, — сказал владелец, — индейцы ездят без седел.

А теперь, прежде чем перейти к *позволить быть*, несколько вопросов, которые ждали так долго. Маниша, ты можешь задать эти вопросы, прежде чем случится великое «Йаа-Хуу!».

Оно обязательно случится, нет способа его избежать. Как еще вам научиться *позволению*?

...Теперь «тормоза» выглядят очень испуганными. Я вижу вокруг много «тормозов».

Только делайте это осторожно, потому что у бедного Нискрии — камера, у кого-то — очки. Делайте «Йаа-Хуу!», но толь-

ко с оглядкой. А тем временем я отвечу на несколько вопросов. Оглянитесь как следует, в какую сторону лучше делать «Йаа-Хуу!». И не делайте его на бедных музыкантов. Нужно принять некоторые меры предосторожности.

Итак, еще один вопрос...

Любимый Ошо,

Когда я пишу этот вопрос, у меня дрожат руки.

(Ввиду приподнятого настроения собравшихся, серьезный тон вопроса вызывает взрыв общего хохота. Маниша вынуждена остановиться. Сам Ошо смеется, вызывая тем самым еще больше смеха в зале.)

Скоро... не только руки, все задрожит! Хорошо, пусть дрожат.

Ты задаешь вопрос. Продолжай!

Теперь смеются даже «тормоза». К тому времени, как мы покончим с твоим вопросом, не останется никого, кто осмелится бы не войти в позволение.

Читая главу под названием «Бродяга» в «Звуке бегущей воды», я увидел, что кульминация она достигает в предложении: «И все же зов услышан, как будто где-то в глубине наших существ мы помним обещание». Эти слова вызвали взрыв энергии в моем сердце, и слезы навернулись мне на глаза.

Да, это случится снова. Случится взрыв. И на глазах будут слезы — они уже наворачиваются!

...Закончи вопрос.

(Продолжение чтения сопровождается новыми взрывами хохота, которые накатываются, как волны, и Маниша снова и снова вынуждена останавливаться. Годы серьезных духовных исследований растворяются в этом веселье — как

будто до всего зала, полного Махакашьяп, внезапно дошла шутка — и Ошо кажется зачинщиком всего этого хаоса.)

(Традиционный этикет «вопрос-ответ» пущен ко всем чертям. Он превращается в диалог, танец между Ошо и Манишей, которому на заднем плане музыка создает фон.)

Тебе всегда было страшно, но сейчас он случится!

Просто наберись храбрости.

Продолжай.

Ошо, я всегда знал — но мне так страшно: даже когда случился взрыв...

...Даже когда случился взрыв, я пытался бежать. Ошо, я называю Тебя «Любимым Мастером», но все равно прячусь от Тебя.

(Следует пауза; Ошо просматривает свой блокнот. По всей видимости, в нем нет шутки забавнее следующего вопроса.)

Теперь прочитай следующий вопрос, потому что чтение ваших вопросов подготавливает людей. Продолжай.

Любимый Мастер,

Десять лет саньясы привели меня в тотальный хаос.

Аплодисменты! Кто-то пришел в тотальный хаос!

Но тотальный хаос тебе еще предстоит — только подожди...

С одной стороны, я его приветствую; с другой, во мне столько страха: смогу ли я из него выйти?

Никакой надежды нет — раз ты в него вошел, нет пути обратно. Никто еще никогда не выходил из хаоса.

...Просто закончи вопрос.

И этот «тигр», о котором Ты говоришь, подходит ближе и ближе.

Это правда.

(Каждый в зале просто корчится от смеха. Не за что держаться — что говорить о том, чтобы отпустить?)

Что делать при такой встрече? Я боюсь, что умру или у меня поедет крыша.

Скорее всего, поедет крыша, потому что в *разрешении* никто не умирает. Некоторые люди закричат «Йаа-Хуу!» — это значит, у них поехала крыша. Некоторые останутся в своем уме и попытаются... но это будет очень глупо. Такие шансы представляются в жизни редко.

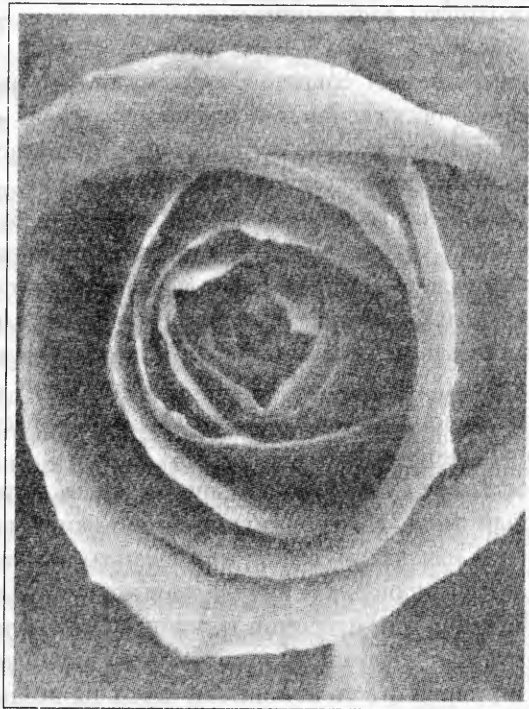
Любимый Ошо, мое сердце дрожит. Не скажешь ли Ты что-нибудь?

Право, не знаю, что сказать! Не начать ли нам упражнение?

Нискрия, встань. Так. Теперь подай команду — «Йаа-Хуу!»
Хорошо! Теперь... стоп!
Возвращайтесь...

Хорошо, Маниша?
Да, Ошо.

Ни диалог, ни монолог —
Йаа-Хуу!

В любой точке мира, когда встречаются два саньясина, приветствуйте друг друга... и пусть у людей дрожат руки, пусть с ними случаются сердечные приступы; пусть так и будет — это их проблемы, не ваши — но ваше «Йаа-Хуу!» должно быть на высоте.

Любимый Ошо,

Не движемся ли мы теперь в сократовскую диалогическую форму дискурсов?

Но я отмечаю существенную разницу. Сократ говорит: «Познай себя». Ты говоришь: «Позволь себя!»

Пожалуйста, прокомментируй.

Маниша, предмет сократовского диалога — специальная тема для обсуждения. Он использовал слово «диалог» в очень оригинальном смысле; он имеет в виду, что истину можно обнаружить в дружеской и уважительной беседе.

Этот способ нахождения истины обязательно будет очень рациональным. Сократа нельзя считать достигшим одних высот с Гаутамой Буддой — потому что в высшем пике этого опыта нет диалога, только монолог. Ты один. Нет никого, кому ты мог бы что-то сказать, и нечего сказать. И в то мгновение, когда исчезает другой, ты тоже исчезаешь — потому что «я» и «ты» существуют вместе; их нельзя разделить, они существуют как две стороны одной монеты.

Я не согласен с Сократом. Его слова красивы, когда он говорит: «Познай себя». Но Гурджиев гораздо важнее, потому что он говорит: «Сначала *будь* собой; иначе как ты познаешь? Сначала будь интегрированной индивидуальностью, открой свою свободу. В самом этом открытии ты найдешь свое существо».

Сократа почитали двадцать пять веков, но в его словах много изъянов. Во-первых, в то мгновение, когда тыходишь в мир своего существа, больше никого нет; поэтому нет возможности ни диалога, ни монолога. И если ты думаешь, что есть возможность диалога между двумя просветленными, то ошибаешься. В то мгновение, когда два просветленных столкнулись друг с другом, посмотрели друг другу в глаза, диалог окончен, потому что они оба знают, что сказать нечего.

Я рассказывал вам случай с Кабиром и Фаридом. Их встреча безмерно важна. Два дня они провели вместе, и между ними не было произнесено ни единого слова. Они улыбались, смеялись, обнимали и целовали друг друга, но не произнесли ни единого слова.

Присутствовавшие при этом сотни учеников Кабира и Фариды не могли поверить своим глазам — что случилось с этими людьми? Они так мудры, а ведут себя как маленькие дети! Люди пришли издалека, чтобы услышать диалог двух просветленных, но диалог не состоялся.

Через два дня, когда Фарид отправился в паломничество, Кабира спросили:

— Что с тобой случилось? Ты говоришь с нами каждый день, но в эти два дня, когда мы были готовы слушать и так ждали, что ты скажешь, были так внимательны, чтобы не упустить ни слова из того, что вы скажете друг другу... что с тобой случилось? Почему ты стал таким молчаливым?

— Все, что знаю я, знает и он, — ответил Кабир. — И произнесший первое слово просто доказал бы, что он по-прежнему в пути, что он не достиг.

Гаутама Будда и Махавира были современниками; почти сотню лет они постоянно путешествовали по одной и той же провинции Бихар. Само название провинции Бихар происходит от их путешествий — «бихар» значит «путешествие».

Они проезжали тысячи деревень и много раз останавливались в одной и той же деревне, в одном и том же городе. Однажды они стояли в одном караван-сараях: половину его занимал Гаутама Будда со своими учениками, половину — Махавира со своими. Но никакого диалога не было — хотя бы просто «Йаа-Хуу!».

Я не остался бы в молчании, это я могу вам сказать. Просветление или нет, я сделал бы хотя бы это, потому что это так мило... Это ничего не значит, просто прекрасное приветствие, к которому не присоединено никакого смысла.

Если не сказать даже «Йаа-Хуу!», это выглядит несколько холодно. Когда я их встречу — где-то в вечном путешествии это обязательно случится; время бесконечно, возможно все, — я

собираюсь устроить им хорошее приветствие, «Йаа-Хуу!». Потому что только вчера мы обнаружили поразительный эффект этой мантры...

Я решил, что с сегодняшнего дня это станет саньясинским приветствием. Когда встречаются два саньясина — «Йаа-Хуу!» Не нужно быть таким холодным. Просветление приемлемо, но оно не должно делать тебя таким бесчеловечным. Приветствие не может потревожить просветление... хотя «Йаа-Хуу!» имеет огромную силу.

Однажды, когда я жил за городом, меня вызвали в суд, потому что там находилось мусульманское кладбище, и люди приходили туда медитировать. Мусульмане приходили и возмущались:

— Это нехорошо; твои ученики беспокоят наших спящих.

— Почему? Как они их беспокоят?

— Они все время говорят: «Хуу, хуу». Даже мертвому захочется встать из могилы и посмотреть: «Кто этот парень?»

— Мы не можем этого изменить, — сказал я. — И к тому же это последняя часть *Аллах-хуу*. Это мусульманская мантра!

— Ты очень умный, — сказали они, — но мы никогда не слышали об *Аллах-хуу*. *Аллах* — это понятно, но *хуу*?

— Можете делать, что хотите, — сказал я. — Если ваши привидения выйдут из могил, это *наша* проблема, мы здесь живем. Мы будем наслаждаться, мы их развлечем; не беспокойтесь.

— Этот человек трудный, — сказали они. — Мы пойдем в суд.

— Прекрасно, идите куда хотите! — сказал я.

Даже судья признал:

— Это не преступление. Нигде, ни в какой книге законов, ни в одной конституции не написано, что говорить «Хуу» преступно. И не впутывайте меня ни во что с этим человеком, потому что я его знаю.

Но они настаивали. Они сказали:

— Если ты не примешь мер, произойдут индо-мусульманские беспорядки.

— Но он не индуст, — сказал судья. — При чем тут индусты?

— Кто бы он ни был... если вблизи нашего кладбища кто-то будет кричать «Хуу», будут проблемы. Тогда не говори нам, что мы нарушаем закон.

Судья меня вызвал. Я пришел туда с сотней учеников. Для начала мы сделали «Хуу» в суде. Судья испугался до смерти и сказал:

— Подождите! Я не могу сказать, что это оскорбление суда, потому что не было никаких прецедентов, чтобы кто-то кого-то оскорблял, говоря «Хуу». Все в полном порядке — но вы меня напугали! Может быть, бедные мусульмане правы, и если вы час вот так кричите, даже мертвые оживут. И естественно, что они хотят защитить своих мертвых; иначе мертвые подумают, что Судный День уже пришел... Вы можете делать эту медитацию где-то в другом месте... — ведь там, где я жил, было большое озеро и горы.

— Вы можете переехать куда угодно. Никто ничего не может против вас предпринять. Зачем без необходимости создавать проблемы?

И сегодня я получил вопрос: «Десять лет я делала твою медитацию. Алла-Хуу, но вчера вечером я увидела эффект Йаа-Хуу, и вот я попробовала — Йаа-Хуу вместо Алла-Хуу. Это принесло такую поразительную трансформацию, что собралась целая толпа и люди подумали: «Что делать с этой женщиной?» Я сказала: «Я делаю свою медитацию». Они сказали: «Никогда не слышали о такой медитации...»

Они правы: они никогда не слышали, потому что она абсолютно свежая и новая, рожденная только вчера вечером.

Видя ее вопрос... пришло много подобных вопросов: «Происходят потрясающие вещи. Мы никогда не ожидали, что так быстро тысячи людей могут войти в *позволение*».

Я думаю, это очень хорошая медитация, но еще лучше медитации эта мантра — в качестве приветствия. В любой точке мира, когда встречаются два саньясина, приветствуйте друг друга... и пусть у людей дрожат руки, пусть с ними случаются сердечные приступы; пусть так и будет — это их проблемы, не ваши, — но ваше «Йаа-Хуу!» должно быть на высоте. А чтобы оно было на высоте, нужно постараться!

Маниша, никогда не бывало диалога между двумя просветленными людьми. Если ты остаешься одна, возможен монолог, — но монолог — это монополия сумасшедших. Только сумасшедшие говорят сами с собой. Вы их найдете, если встанете у обочины дороги — не нужно идти в сумасшедший дом, вы уже в сумасшедшем доме. Просто сидите у обочины дороги: кто-то говорит, кто-то жестикулирует, кто-то думает, и вы видите — губы шевелятся, кто-то принял решение: нет... А на дороге больше никого нет. Это монолог.

Ни один просветленный не будет вести и монолог. И открыть истину в диалоге никогда не было возможно. Диалог возможен лишь между двумя невежественными людьми.

Есть три возможности:

Двое просветленных, — первая возможность, — никакого диалога.

Вторая возможность: двое невежд — большая вероятность диалога, но никакой возможности заключения.

Один просветленный — один он будет в молчании. Что говорить о диалоге, когда нет даже монолога.

У диалога есть лишь одна небольшая возможность — диалог между мастером и учеником; один знает, другой готов знать. Но в греческой традиции нет места явлению мастер/ученик. Это случилось только на Востоке, — особенно в этой стране, которая положила начало, — когда кто-то узнает, его долг поделиться этим опытом с теми, кто не знает. Слушают они или нет, это не должно его заботить.

Если ты говоришь с сотней людей, может быть, один слушает. Это достаточная награда: ты открыл глаза одному человеку среди тысяч слепых. Поэтому, хотя диалог и связан с именем Сократа, в жизни самого Сократа диалог не случился. Он сам не был просветленным до самого последнего мгновения своей жизни. Он стал просветленным, когда ему дали яд, но тогда уже не осталось времени ни для какого диалога.

И все же он попытался сказать несколько вещей, потому что его основным кредо было: «Пока я не знаю сам, как я могу сказать вам? Вы спрашиваете у меня, что такое смерть, а я еще

жив — как я могу сказать, что такое смерть? Дайте мне сперва умереть».

Но люди сказали:

— Многие обманывали нас; они говорили: «Дайте нам сперва умереть», потом умирали и даже не писали писем. Они просто исчезали. Где гарантия, что если ты умрешь, то скажешь нам истину?

— Я сделаю все, что только смогу, — сказал Сократ, и действительно сделал все, что мог. Не после смерти, но в промежуточном состоянии, потому что он умер от яда, а действие яда занимает некоторое время. Несколько минут он висел между жизнью и смертью. За эти несколько минут он сказал самые важные вещи. Это единственный диалог, который заслуживает того, чтобы его назвали значительным.

Он сказал, когда ему дали яд:

— Моя правая нога потеряла чувствительность, я не чувствую ногу, но я по-прежнему целый. Внутри я не чувствую, что чего-то не хватает. Мои руки холодеют, я не чувствую, что у меня есть руки. Я вижу их, но они как мертвые. Но внутри я по-прежнему настолько же целый, как и всегда. Я не вижу, чтобы во мне чего-то не хватало. Мое сердце тонет; возможно, я больше ничего не смогу сказать. Может быть, это мои последние слова, но смерть только разделяет мое тело и сознание; она не убивает, потому что я по-прежнему абсолютно целый. Я ничего не потерял. Мое сознание настолько же чисто и живо, как и когда-либо раньше.

Это был единственный подлинный диалог. Но и он произошел между человеком, который приближался к истине смерти, и людьми, не имевшими понятия о том, что такое смерть. А если ты не имеешь понятия о том, что такое смерть, ты не можешь ничего понимать и о том, что такое жизнь. Они всегда вместе. Человек медитации...

А Сократ не был человеком медитации. Он был великим рационалистом, великим философом и мыслителем, но не мистиком. Мистиком он был только в эти три или четыре минуты между его отравлением и смертью. Но, может быть, он был острейшим умом, какой только знал мир. Его слова: «Познай

себя» абсолютно истинны, но невозможно познать себя в диалоге.

С кем ты будешь вести диалог? С женой? С мужем? С кем? Оглянись вокруг — попроси людей — «Пожалуйста, давайте вести диалог». И они скажут: «Убирайся — к черту диалог! При чем тут я? Диалоги происходят в фильмах, а это реальная жизнь!»

Во всей истории Греции Сократ был первым, кто по крайней мере указал на высшую истину познания себя. Но он не смог разработать методы и стратегии, которые помогли бы человеку достичь себя. Он не смог найти пути для паломников, искателей. Он остался философом. Он не смог стать просветленным, пробужденным, буддой. К несчастью, этот великий разумный человек, гигант истории, потратил жизнь понапрасну на дискуссии с другими людьми.

Насколько понимаю я, он был убит не потому, что делал что-то вредное, — людям стало скучно, он им докучал. Диалог — вот что его убило. Говорят, что, завидев его, люди обходили его стороной, потому что просто встретить его значило ввязаться в диалог. Скажи что-то — и немедленно это станет вопросом, и он подойдет к глубочайшим корням проблемы.

— Но, — говорите вы, — мы идем на рынок, и сейчас не время вникать во все эти великие вещи, о которых ты говоришь! Однажды, когда у нас будет время, мы придем снова.

Афинам все это так надоело, что от этого старика нужно было как-то избавиться. Он не совершил никакого преступления, но развратил умы людей, озадачил, привел в замешательство. Они жили мирно с утешением, что есть Бог, а он создал подозрение. Он создает в умах людей сомнение во всем. Он даже говорит:

— Что доказывает, что существует мир? Можешь ли ты это доказать? Где доказательства, что ты реален?

Очень трудно. Кто знает, реален ли ты или ты просто персонаж в чьем-то сне?

Один египетский фараон велел огласить в Египте приказ:

— Я хочу, чтобы каждый знал, что никто не имеет права входить в мои сны, потому что я не хочу, чтобы по ночам

меня беспокоили. Дня достаточно; ночь безраздельно принадлежит мне. Если кто-то войдет — на следующий день он будет казнен.

Люди очень испугались.

— Странно; никто не входит ни в чьи сны...

Министры попытались его убедить:

— Это неправильно! Скорее всего, *мы* будем людьми, входящими в твои сны. Но *мы* не входим; *ты* видишь сны о нас.

— Не пытайтесь меня обмануть, — говорил он. — Когда кто-то войдет в мой сон, я узнаю его лицо, и завтра он будет висеть на воротах.

— Мы подаем в отставку, — сказали министры, — потому что быть рядом с тобой опасно.

Тебе не снятся люди, которых ты не знаешь. Эскимосы не появляются в твоих снах. В твоих снах появляется жена соседа. Несомненно, *твоя* жена никогда тебе не приснится. Я никогда не встречал мужчины, которому снилась бы его собственная жена. Но жены соседей очень опасны, они всегда смущают всех вокруг. Может быть, твоя жена будет смущать соседей, но это другое дело.

Сократ в определенном смысле оставил очень неправильное наследие, потому что заложил фундамент для западного ума. То, что случилось на Западе... произрастает от Сократа. Именно из-за его советов расцвели такие цветы, как Хиросима и Нагасаки, и ядерные ракеты готовы в любое мгновение уничтожить мир, хотя вы и не видите прямой связи. Но он был человеком, настаивавшим на обострении логического ума, интеллекта, и это он считал познанием себя.

Это не так. Хотя он и сказал: «Познай себя», на самом деле он имеет в виду: «Познай свой разум».

Он не имеет в виду то же самое, что имею в виду я, когда говорю «познать себя» — слова одни и те же, но смысл разный. Когда я говорю «познать себя», я предлагаю отложить в сторону ум, рассудок, мысли, логику, рациональность — отложить в

сторону все и познать простое, невинное, молчаливое небо своего существа. Сократ, несомненно, не вкладывал в свои слова такого смысла.

Маниша, ты меня не расслышала. Ты говоришь: «Я отмечаю существенную разницу: Сократ говорит: “Познай себя”, Ты говоришь: “*Позволь себя!*”».

Я говорю просто «позволь быть». Ты услышала «себя»; не знаю откуда. Здесь тысячи свидетелей.

Если бы мне пришлось использовать слово «себя», я сказал бы: «Убей себя, чтобы ты мог быть».

Будь. Этого достаточно.

И в глубоком молчании нет знания, есть лишь некий вкус, своего рода аромат, красота, чувство вечности, бессмертия. Но не очень определенное знание, о котором ты можешь написать своему другу: «Я познала все это, одно за другим, весь список».

Я не говорил, Маниша: «Позволь себя».

Но если ты действительно хочешь, тогда мы можем придать этому новое значение: отпусти себя, чтобы ты могла быть. Тогда смысл будет полностью отличаться от смысла Сократа. Но это одно небольшое слово, добавленное тобой, — себя — создает огромное различие. *Позволение* это простое явление. Дело не в том, кто входит в это *позволение быть*. Когда вчера вечером вы вошли в *позволение*, здесь не было никого. Никого не стало.

Видя, что никого нет, я тоже ушел. Я хотел есть, и я сказал: «Не знаю, вернутся ли эти люди обратно». И я послал Шунью проверить, вернулись ли они или их все нет. Она сказала: «Не волнуйся; некоторые вернулись, но большинство до сих пор лежит. Некоторые возвращаются, некоторые движутся по направлению к столовой...» Но теперь я вижу, что все вернулись.

Это *позволение* прекрасно: ты погружаешься — и возвращаешься свежим и молодым.

Должно быть, вчерашний вечер был самым красивым вечером в вашей жизни.

...Кажется, пришло время молитвы. Это время молитвы приходит слишком быстро и уходит слишком скоро.

Хамиш Мак-Тавиш, шатаясь, входит в бар гольф-клуба и дрожащим голосом заказывает большой виски.

— Святые небеса! — кричит бармен. — Что с вами произошло?

— Десятая лунка... — задыхаясь, рассказывает Мак-Тавиш. — Я запустил в поле новехонький мячик Данлоп и нигде не смог его найти. И тут я увидел, что рядом стоит корова и приподнял ей хвост. И вот, пожалуйста: там застрял мячик. Но это был мячик Гудболл.

И тут мимо идет женщина, ищет, значит, свой мячик. Я снова приподнимаю хвост коровы и говорю: «На ваше не похоже?», а она мне как даст клюшкой по голове!

Рамананда спросил:

Я говорю во сне. Вчера утром подружка... прошу прощения, *МОЯ подружка* — сказала мне, смеясь: «*Прошлой ночью ты был такой забавный. Ты сказал, что ты просветленный, три раза, а затем спел песню.*»

Любимый Ошо, кто же просветленный?

Я думаю, наверное, подружка. Ты спал, и, без сомнений, ты не можешь быть просветленным во сне. Только подружка бодрствовала — и кажется, подружка была постоянная, потому что, если бы она была временной, она не задумалась бы о том, просветлен ли ты один раз или три раза. Может быть, она даже ударила бы тебя, потому что ты поешь во сне песню и беспокошь ее сон.

Я думаю, Рамананда... ты, без сомнений, не просветленный. Остается только подружка. Ты можешь стать учеником своей подружки. Столько радости... Я хочу, чтобы стали мастерами и некоторые женщины, потому что в прошлом мужчины им не позволяли. Хотя у них есть прекрасные качества... иначе кому какое дело до того, что ты говоришь во сне? Она могла бы закрыть тебе лицо подушкой, и утром у нас было бы празднование!

Странные вопросы мне приходят. Вот этот от Христианы:

Я приехала из Бельгии только для того, чтобы тебя увидеть,
и всего на два дня.

Почему я чувствую себя как летучая мышь

Среди птиц,

Я чувствую себя крысой

Среди крыс,

Я говорю, что я птица, —

К чему я принадлежу?

Я люблю твои книги,

Они заставляют меня смеяться и плакать

И еще жить.

Это сложная проблема. Одно определенно: ты не птица, ты крыса. Мне всегда было интересно — кто это ест мои книги? Конечно, крысы; птицы не едят книги. Приехать из Бельгии только для того, чтобы есть книги? И всего на два дня? Ты могла бы прислать открытку: «Пожалуйста, пришлите мне все поврежденные книги. Я ими питаюсь, я смеюсь, я ем, я крыса!»

Надеюсь, ты не останешься дольше, чем на два дня. Ты уже уничтожила много книг. Это нехорошо, тебя ведь зовут Христиана. Это не по-христиански!

А сейчас, я думаю, должна начаться молитва...

Отец послал Херби в Нью-Йорк обучаться похоронному делу у легендарного Мойше Финкельштейна. Через несколько месяцев Херби возвращается, и отец спрашивает, чему он научился.

— Я многому научился, папа, — говорит Херби. — Это было очень интересно, и один ужасный случай преподавал мне хороший урок.

— Что случилось, сынок?

— Ну, — говорит Херби, — однажды нам позвонили из лучшей гостиницы Нью-Йорка. Мужчина и женщина умерли в постели, совершенно голые.

— Боже мой! — говорит отец. — И что же сделал мистер Финкельштейн?

— Ну, — говорит Херби, — мы оделись в наши лучшие костюмы и приехали на место в лимузине. Мы прибыли в комнату спокойно и с достоинством.

— Вот это да! — воскликнул отец. — И что дальше?

— Ну, — продолжает Херби, — мистер Финкельштейн открыл дверь своей позолоченной тростью, и мы спокойно вошли вовнутрь. И правда, на кровати лежит на спине обнаженная пара. Немедленно мистер Финкельштейн оценил проблему: у мужчины большая эрекция.

— И что вы сделали?

— Ну, — говорит Херби, — как всегда, мистер Финкельштейн оказался готов к ситуации. Он размахнулся своей позолоченной тростью и элегантно смахнул его член.

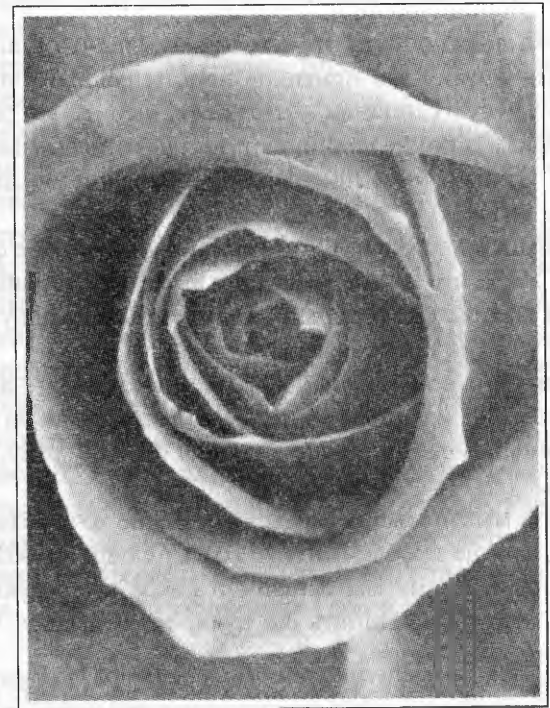
— И что? — спросил отец.

— А то, — говорит Херби, — что тут началось светопреставление! Видишь ли, мы вошли не в ту комнату!

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Наше стремление — к звездам

*...Все приветствия во всем мире рождены войной.
Наше приветствие будет единственным, которое рождено
смехом, любовью — фактически, шуткой.*

Любимый Ошо,

Что Ты под этим подразумеваешь, когда поднимаешь руки вверх и кричишь: «Йаа-Хуу!»?

Нилам, должно быть, ты сегодня видела, что я поднял обе руки, потому что немецкие идиоты решили, что поднять одну руку в Германии — это преступление. Что делать бедным собакам? Они не поднимают руку, они поднимают ногу — по всей Отчизне — и писают! Вот настоящие последователи Адольфа Гитлера.

Я раньше не осознавал, что Германия никогда не станет разумной. Жаль, что мне не позволили въехать в Германию; иначе теперь я был бы уже в тюрьме, получил бы еще одну депортацию... Я упустил такой опыт!

Потому что, если ты видишь немецкую тюрьму — американская по сравнению с ней ничто, — ты видишь сам ад. Но сами немцы мне помешали; иначе я поднял бы одну руку, не поленился бы!

Но при мысли о моих саньясинах... Я не хочу создавать для вас еще больше проблем. Я уже создал слишком большие затруднения. Поэтому мы оставим в покое этого сукина сына Гитлера. Я буду поднимать обе руки, имея в виду, что наше стремление — к звездам.

Что касается «Йаа-Хуу!», это ничего не значит, но имеет безмерную важность. Это создает в тебе некие вибрации, ничего не говоря; просто скажи «Йаа-Хуу!» — и что-то отзовется у тебя в животе...

И, как я уже говорил, все приветствия во всем мире рождены войной. Наше приветствие будет единственным, которое рождено смехом, любовью — фактически, шуткой. Я целый день искал индейцев, но безуспешно, потому что в Индии можно найти индийцев, но индейцев... очень трудно. Но в Америку

мне не позволили въехать; иначе я поискал бы и там и спросил бы этого парня: «Так в чем было дело?»

Но все великие салюты должны иметь какой-то смысл. Всем словам смысл придаем мы; ни одно слово не имеет смысла само по себе. Должно быть, вы слышали, как мусульмане говорят: *Йа Аллах*. Это значит «Ах, Бог». *Йаа-Хуу* значит «А, Бог».

Найти смысл нетрудно, нужно только провести небольшое исследование. Я лентяй — я не смог найти ни одного индейца. Что говорить об индейцах — здесь трудно найти даже *индийца*. Я оглянулся по сторонам; тогда в конце концов я подумал: «Лучше приложить некоторое усилие и установить смысл самому». Теперь он абсолютно ясен и прозрачен: «А, Бог!» Поэтому не волнуйтесь, если кто-то вас спросит, что это значит.

И естественно, руки, поднятые к звездам... вы должны закричать «А, Бог» — на *нашем* языке; почему мы должны заимствовать язык кого-то другого? Сам Адольф Гитлер заимствовал свою свастику у Индии; мы никогда не протестовали. А теперь — я поднял одну руку и в парламенте обсуждают: «Еще одна причина, по которой этот человек преступник». И конечно, согласно этому определению, я становлюсь преступником.

К несчастью, я не на их территории и они ничего не могут мне сделать. Но многие саньясины — из Германии. Ради них я должен выкрутиться. Однако я не из тех, кто отступает. Я не такой человек, чтобы сделать шаг назад, и от одной руки я перешел к двум. Теперь пусть принимают закон против двух поднятых рук...

И вы называете эти страны демократическими — где нельзя даже поднять руку! Это преступление, собаки свободны, а человек закован во всевозможные цепи. В первый день, когда я поднял одну руку, Премда... он врач и мой личный оптик. Он испугался, потому что сидел в первом ряду и его тоже сфотографировали. Он попытался найти способ... «Если каким-то образом эта фотография обнаружится в Германии, со мной все конечно!»

Фактически, я сказал своим людям: «Не давайте ему удалить свою фотографию»... потому что именно это происходит, когда он заправляет в темной комнате! Тогда я также понял, что Нис-

крия выглядит невинным, а на самом деле не так прост: этот хитрец поднял обе руки, прекрасно зная, что одна поднятая рука создаст ему проблемы в Отчизне!

Я подумал: «В чем дело? Почему он поднимает обе руки?» Но беспокоиться не о чем. Теперь, зная, что эти идиоты провели закон о том, что поднимать одну руку — преступление... Я даже проконсультировался с одним из моих саньясинов, — он адвокат в Германии, — и он сказал: «Одна поднятая рука будет вызывать большие проблемы, если только мы не сможем доказать, что она поднята в комедии или драме».

Я сказал: «Это будет очень трудно, потому что это не комедия и не драма. И даже если бы это была драма, из-за меня ни один суд не поверил бы в это». И я сказал моему саньясину-адвокату, Садху, что я это изменю.

Почему бы не найти что-то лучшее? Зачем беспокоиться о грязном прошлом, об этом уродливом кошмарном сне? Я поднял одну руку лишь для того, чтобы спровоцировать этих «тормозов» из журнала «Бунте». Дело сделано. Теперь мы остановимся на двух руках и хорошем сердечном «Йаа-Хуу!»

Проведем небольшую демонстрацию...

Хорошо!

Любимый Ошо,

В книге «Диалоги с Гурджиевым» я прочитал, что Георгий Гурджиев так описывает свою работу:

«Она больше всех слов, но меньше всех снов. Она ужасна для глаз, но радостна в опыте. Это соединение концов великого тайного круга — закрытие промежутка между всем и ничем — вот что такое работа».

Любимый Мастер, как бы Ты определил свою работу?

Дживан Мада, я люблю Георгия Гурджиева, но я с ним не согласен. Он называл свой поиск «работой». И он говорил это не без причины: причина была в том, что все остальное, что ты делаешь, так же тщетно, как и строить на песке замки, которые исчезнут. Делай что-то, что действительно вечно твое и всегда будет частью твоего существа.

Из-за этого он называл свой стиль жизни, свои учения, свою философию «работой». Он говорил: «Кроме этого все остальное глупо, инфантильно. Люди тратят время впустую, время, которое безмерно ценно, в которое они могли бы кристаллизироваться, в которое они могли бы стать тем, что в них скрыто: золотым великолепием».

В определенном смысле он прав. Но я не называю свой поиск «работой», потому что для меня... «работа»... само слово пахнет потом! Оно ужасно воняет. Я называю это игрой, я называю это радостью, я называю это забавным поиском. И, несомненно, он забавен, потому что ты ищешь *самого себя!*

Просто скажи «Йаа-Хуу!» и будь самим собой — в этом нет великого поиска. Я не могу называть это «работой».

Мои люди — не рабочие, не рабы.

Мои люди — влюбленные в истину.

В предельном смысле это любовное приключение.

Это не может быть ничем другим, кроме как любовным приключением, сонастраиванием с существованием, танцем с деревьями и ветрами, молчанием со звездами и небом, слушанием ревущего океана и чувством, что все это — твоя империя.

В то мгновение, когда твое сердце бьется в ритм с сердцем Вселенной, больше ничего не нужно. Это не работа, это любовь; любовь в предельном смысле.

Гурджиев говорит: «Она ужасна для взгляда, но радостна в опыте. Это соединение концов великого тайного круга — закрытие промежутка между всем и ничем — вот что такое работа».

Я уже говорил, в одном смысле он прав. В очень обыденном смысле он прав. Он не был поэтом. Он был безмерно красивым человеком, но у него не было чувства красоты. Для него все было тяжелой работой, и смысл, который он придает своей ра-

боте, создает «тайный круг — закрытие промежутка между всем и ничем». Но этот промежуток может быть закрыт только любящим молчанием, не какой-либо работой.

И в этом поиске не нужно далеко ходить. Прямо в это мгновение, если ты молчалив, ты — все и ничто. Промежуток закрыт. И, несомненно, это не работа. Это просто разум, любящий разум. Но Гурджиев никогда не знал никакой любви. Хотя он и оставил после себя, может быть, в дюжине стран, мальчиков и девочек — он занимался любовью со многими женщинами, — но это была не любовь. Он никогда не спрашивал женщину: «Как тебя зовут?», потому что никогда не хотел видеть ее снова; какой смысл без необходимости записывать ее адрес и номер телефона?

Я встретил одну девушку... в то мгновение, когда я ее увидел — она пришла ко мне, — я не мог поверить своим глазам. Она была так похожа на Гурджиева. Я ее спросил:

— Знаешь ли ты имя своего отца?

— Странно, — сказала она. — Ты не спрашиваешь *мое* имя, ты спрашиваешь имя моего отца.

— Твое имя я спрошу потом; сначала удовлетвори мое любопытство. Как зовут твоего отца?

— Ты напрасно обижаешь меня, — сказала она. — Я его не знаю. Моя мать никогда не говорила мне имени моего отца, сказала только, что он был очень странный и очень сильный человек.

— Мои подозрения кажутся абсолютно правильными, — сказал я. — Я тебе говорю: твоего отца звали Георгий Гурджиев.

— Странно — откуда ты знаешь?

— Твое лицо, цвет, цвет волос, твоих глаз... и я никогда не видел такой сильной женщины. Ты не можешь быть никем другим, кроме как дочерью Гурджиева.

Она заплакала от радости. Она сказала:

— Многие это подозревали, но я никогда не верила. Но когда это говоришь ты, ты говоришь так уверенно, что мне стыдно. Я плачу от радости, что я дочь такого человека, как Георгий Гурджиев.

Я сказал:

— Не только *ты* его дочь — у тебя, должно быть, по крайней мере дюжина сводных братьев и сестер во всем мире!

Потому что он верил в свободное разбрасывание семян; он никогда не беспокоился о том, пришло ли для этого правильное время, правильный сезон. И он никогда больше не делал себе труда узнать о дальнейшей судьбе побегов.

Он был, несомненно, очень странным человеком. Он не был хорошо образован — фактически, вообще без образования. Его отец умер, когда ему было девять лет, и принадлежал он к одному из кочевых племен Северного Кавказа, нецивилизованной части Советского Союза. Никаких школ... все, чему он научился, пришло из опыта. Чтобы написать одну страницу, ему требовались месяцы, потому что он совершенно не умел выражать свои мысли. Он знал много языков, потому что жил во многих племенах — что-то оттуда, что-то отсюда, но все это было перемешано у него в голове.

Говорить с ним было сплошным мучением, потому что он говорил такие слова... никто и не подозревал, что такие слова существуют. Кроме того, он придумывал собственные слова. И его способ писать это объясняет. Он что-то писал, и потому каждый вечер выбирал ученика, чтобы это читать, а он сидел рядом и смотрел на лицо учеников, на их реакцию. Никто так не писал, он был уникален во всех смыслах. И если он видел, что никакой реакции нет, что ничто не шевелится в их сердцах; или, если он видел, что люди зевают и хотят спать, — это было поздно ночью, за несколько часов до рассвета, — он спрашивал, что они предлагают изменить.

И тогда статья передавалась из рук в руки, и каждый ученик что-то менял, несколько слов. Они добавляли несколько предложений, удаляли несколько предложений. На следующий день он снова переписывал статью со всеми исправлениями. Одна единственная статья переделывалась таким образом, может быть, тридцать раз. А когда исправлений больше не было... И у меня такое чувство, что люди просто уставали — сколько можно вносить исправления? Всему есть предел. Однажды никто ничего не исправлял, и анонимно статья принималась, хотя никто ничего в ней не понимал.

Когда была опубликована его первая книга — «Все и Ничто», тысяча страниц, труд всей жизни, — его издатель предложил... потому что никто не хотел ее печатать и ему пришлось собрать деньги с учеников. Издатель предложил одну вещь: «Я не могу сообразить, что здесь написано, но, поскольку вы вкладываете деньги, я это напечатаю. Я рискую добрым именем своего издательства! Вам придется согласиться только с одним: мы разрежем сто страниц, а остальные девятьсот оставим соединенными, неразрезанными. В начале книги мы напишем: «Сначала прочтите первые сто страниц, и, если почувствуете, что можете читать дальше, разрежьте остальные девятьсот. Если же вы почувствуете, что этого достаточно, верните нам книгу, и вы получите обратно свои деньги».

Фактически, даже эти сто страниц прочитать очень трудно, потому что иногда одно предложение продолжается целую страницу. К тому времени, как ты доходишь до конца, ты забываешь начало. Тогда ты подглядываешь в начало, но тут теряется середина.

Большинство проданных экземпляров было принесено обратно; никто не осмелился разрезать оставшиеся девятьсот страниц. Этих ста страниц было достаточно, чтобы никогда больше не прикасаться к книгам этого человека! Но он продал свои книги... обычная книга стоила сто долларов, но он продавал свои книги за тысячу долларов. Он всегда носил с собой несколько книг — а он был очень внушительным человеком, словно выкованным из стали; он интересовал каждого — и он говорил: «Если ты действительно хочешь меня понять, сначала прочитай книгу. Она стоит тысячу долларов, и ее нельзя вернуть, потому что это предупреждение действительно, только если книга куплена у издателя». Но издатель отдал все книги ему со словами: «Это невозможно. Некоторые люди их покупают, но, прочитав две страницы, тут же прибегают обратно: «Отдайте нам наши деньги, мы не хотим этих проблем. Из-за этого человека нам снятся кошмары! Мы не можем сообразить, ни что он пишет, ни зачем он это пишет, ни в чем его цель»».

Эта книга... Он был очень изобретателен — ему приходилось восполнять отсутствие образования своими племенными навы-

ками. Слышали ли вы когда-нибудь имя Бельзебуб*? Так называлась первая глава — Бельзебуб. Боже мой, что это за «Бельзебуб»? В определенном племени кочевников Бельзебуб — это имя дьявола. Но нет никакого способа об этом узнать. И этот Бельзебуб рассказывает о таких вещах, как создание мира; фактически, он создал мир, а этот парень, Бог, — просто вымысел.

Это раздражало людей — «Кто, прежде всего, этот Бельзебуб? Мы никогда даже не слышали этого имени, а он объявляет себя создателем мира и отцом нас всех».

Это раздражало людей: «Мы не хотим быть детьми Бельзебуба. Возьмите эту книгу назад — такая чепуха за сто долларов?» В этих ста страницах — может быть, я единственный живой человек, который прочитал их от начала до конца, — не более десяти страниц... Одно предложение здесь, другое там... которые можно уместить на небольшой открытке — в которых есть хоть какой-то смысл.

Но в чем было его влияние? Его влияние было не в книге; не был он и интеллектуалом. Он был человеком другого рода, которому нет параллелей. Он обучался во всех этих кочевых племенах, а эти народы очень примитивны. И он начал, когда был очень молод, вступая в различные суфийские монастыри, собирая всюду по крупицам. Ему удалось научиться практическим методам, которые он не мог объяснить теоретически, но эффект которых мог продемонстрировать в работе. Именно поэтому он настаивает на названии «работа».

Например, одному англичанину, Беннетту, он сказал в первый же день его посвящения:

— Пойди в сад и вон от того и до вот этого дерева вырой яму в три фута шириной и три фута глубиной. Когда яма будет готова, — а работа должна быть непрерывной; ты не можешь останавливаться даже на перекур, — когда работа будет окончена, я приду и дам инструкции, что делать дальше.

— Боже мой, — сказал человек. — А еда?

— Это моя забота, — сказал Гурджиев. — Хочешь быть моим учеником или нет?

* Англ. «Вельзевул».

— Я пришел, чтобы быть твоим учеником, — ответил Беннетт. — Я столько о тебе слышал; я вырою яму.

Он продолжал целый день; день был жаркий. Он копал и копал. К вечеру он устал и захотел пить и есть. Пришел Гурджиев со своей позолоченной тростью, оглядел яму и сказал:

— А теперь закопай ее! Сделай так, словно ее и не было.

— Но я ничего не ел! — сказал Беннетт.

— Человек может жить без еды девятью днями, — ответил Гурджиев. — Не беспокойся. Это мое дело. Ты мой ученик или мой мастер?

И бедный парень начал закапывать яму. К полуночи яма была зарыта. В своих мемуарах Беннетт пишет: «Вначале я почувствовал гнев, раздражение, и мне захотелось все бросить и пойти домой. Что это за чепуха? Кто слышал о том, чтобы найти Бога, копая ямы?» Он представлял себе некую молитву, священное писание... А этот Гурджиев — заядлый курильщик, всегда держащий бутылку в кармане своего черного пальто, и в любое время он мог вынуть бутылку и сделать глоток и спрятать ее обратно... но никогда не был пьян.

Беннетт сказал:

— Я вляпался в совершенно глупую историю.

Но там были другие, и он узнавал: некоторые пробыли там два года, кто-то — пять лет. Некоторые русские жили с ним двадцать лет, и он видел, что у этих людей было что-то, чего не было больше ни у кого в мире. Именно это Гурджиев называл душой. Беннетт недоумевал... «Как можно получить душу, копая ямы?» Но он решил: «Попытаюсь хотя бы неделю».

Но даже в первую же ночь он получил великий опыт. Он устал, потому что принадлежал к королевской семье и никогда не работал. Он никогда не думал, что сможет выкопать такую яму! К середине дня он был совершенно изнурен. Гурджиев снова и снова приходил и наблюдал, потому что все ученики делали те или другие глупые вещи.

Кто-то рубил дрова, кто-то носил большие камни и складывал. И Беннетт подумал: «Что это за ситуация?» Но он решил: «Я должен подождать, по крайней мере семь дней; если эти люди смотрели вовнутрь двадцать лет... И кажется, у них есть

что-то, чего нет больше ни у кого. У них такие сияющие глаза; кажется, они сделаны из стали. В них есть определенное присутствие, определенный авторитет. Они выглядят почти как статуи. Это неплохо. Это мучение, но семь дней...»

К середине дня, когда у него закончились все силы и он почувствовал, что вот-вот сам свалится в яму — жужжащий ум, усталость и жара, и вот он почувствовал себя так, словно копает себе могилу; больше ему не выбраться из этой ямы. Но в самое последнее мгновение, когда он почувствовал, что с ним все кончено, а он так и не примирился с Богом... Христиане мирятся с Богом — последняя молитва. У него не было ни времени, ни сил, чтобы даже повторить последнюю молитву Богу.

Но внезапно он почувствовал такой прилив энергии, какого никогда не испытывал в жизни. Очень свежая энергия, будто он стал на десять лет моложе. Он сказал:

— Боже мой, это странно — просто копая яму! Этот человек что-то знает.

Он снова стал копать с новыми силами.

К тому времени, как село солнце, он снова почувствовал усталость и сказал:

— Теперь все кончено. Кажется, это была резервная энергия.

Он подсчитал в уме, что, должно быть, есть некоторое количество резервной энергии, как запасной бензин в машине. По крайней мере, его хватит до ближайшей заправки. Но теперь кончилась даже эта энергия.

Гурджиев сидел под деревом с зажженной сигарой... Странный парень! Он сам не ест — а он провел в саду целый день, — и не позволяет есть никому другому. Что это за компания? И когда наступит время обеда? О завтраке нет вопроса; время завтрака прошло давным-давно. Теперь время обеда! Но снова Беннетт почувствовал, что *на этот раз* точно упадет в обморок. В последний раз он видит закат; никогда больше он не увидит солнца.

И снова случилось то же самое: в последнее мгновение его переполнила волна энергии, которая была даже больше пер-

вой, — прилив. Снова он почувствовал себя на *двадцать* лет моложе. Он сказал:

— Боже мой, этот человек, кажется, волшебник. Я ничего не ел и не пил, а этот парень просто курит сигары. В промежутках он потягивает свою водку и кладет ее обратно в карман. Никто ничего не ел, никаких разговоров, никаких духовных дискуссий...

Среди ночи, когда он полностью засыпал яму, он снова был полон сил — как никогда в жизни, как рано утром после долгого, глубокого сна. И Гурджиев позвал всех:

— Завтрак готов.

Он был великолепным поваром. Люди, которые с ним жили, никогда не видели подобного повара, потому что он научился этому искусству у разных племен и народов, и у него была такая большая кухня... полная странных и причудливых вещей, которых люди никогда не видели.

И когда был подан завтрак, Гурджиев в первый раз заговорил с Беннеттом.

— Научился ли ты чему-нибудь? У человека есть поверхностный слой сил, который он использует в повседневной работе и думает, что это все. Если он его исчерпывает... что бывает редко, если только не приложить специального усилия, чтобы его исчерпать. Вот что ты делал, копая яму. Второй слой был резервным. Если первый исчерпан, второй приходит в действие. Он больше, сильнее, глубже.

За ним следует третий слой — в мире очень мало людей, которые узнали о третьем слое. Но если исчерпать и третий слой, ты узнаешь четвертый, космический, в котором ты соединен со вселенской энергией. Она больше не твоя — теперь через тебя может течь энергия всей Вселенной. Но никто не доходит до этой точки...

Гурджиев сказал:

— Я знаю, что, должно быть, ты чувствовал гнев, раздражение: что это за учение? Но мое учение — работа. Я не умею философствовать; сначала я даю тебе опыт, потом объясняю. Я не ученый человек и не стремлюсь сделать ученым тебя. Я хочу, чтобы ты получил опыт.

Вот почему он называл это «работой».

Но очень немногие смогли с ним оставаться — не больше, чем несколько дюжин. Он был в Америке, он был в Европе, он был в Англии, но люди оставались два или три дня и исчезали, потому что то, что нужно было делать, было так тяжело, и этот человек был абсолютно лишен сострадания. Так это выглядело.

Это неправда; этот человек был очень сострадателен. Но был мастером своего особого рода.

Ты спрашиваешь, Дживан Мада: «Как бы ты определил свою работу?» Прежде всего, мне не нравится это слово, и я не определяю происходящее здесь как работу. Я хочу, чтобы вы были более игривыми и радостными. Это совершенно другой подход. Вы достигнете той же точки, но если вы можете достичь, смеясь, зачем достигать, плача?

Гурджиев никогда не упоминал о медитации, он не имел о ней никакого понятия. В его работе она не участвовала. Но то, что происходит в его работе с большими тяготами, может произойти в молчании, без всякого усилия, просто в состоянии *позволения*.

Я называю мою дисциплину *позволением быть*. Просто отбрось все, будь здесь в молчании, и ты прибыл — потому что никогда не уходил.

Не ходи кругами понапрасну.

Ты там, где и был всегда.

И в конце концов однажды ты найдешь, что именно здесь ты всегда был — ища и исследуя во всех направлениях, ожидая где-то найти себя. Это игра, это любовь, это танец.

Но, без сомнений, это не работа. Это очень расслабленный подход к реальности. Поскольку мы ее части — если мы расслабимся, то растаем и сольемся с нею.

Гаримо определила мою работу очень хорошо. Она предлагает новую версию древней молитвы:

Ты сумасшедший,

Мы сумасшедшие,

Господи, помилуй нас.

Йаа-Хуу!*

Это так просто. Не нужно больших усилий, чтобы быть «орехом». Только не кокосовым. Для кокосов нужен такой мастер, как Гурджиев. Для орехов я вполне подхожу.

Приближается время молитвы, но, прежде чем оно придет, я должен ответить на один вопрос, который ожидал своей очереди много недель. Ответ очень простой, но вопрос очень сложный. Он спрашивает:

Любимый Ошо,

Что происходит? В последние несколько недель это накапливалось у меня внутри, и я чувствую, что вот-вот взорвусь.

Кто тебе мешает? Все знают, что происходит. Это происходит так явно и громко, и сегодня это произойдет снова. А Вимал пытается быть теоретиком — «говоря теоретически», он спрашивает, что происходит.

Все происходит!

Он говорит:

Я чувствую, что недостоин тебя.

Боже правый! Я не вижу, почему кто угодно в этом мире должен чувствовать себя недостойным меня. Каждый достоин — и особенно здесь, где весь мой подход в том, чтобы помочь вам избавиться от этой дурацкой идеи, что вы недостойны и должны стать достойными. Я тебе говорю, ты достоин таким, как есть. Ты не должен становиться. Если ты попытаешься стать кем-то другим, чем ты есть, ты будешь фальшивым.

Будь реальным — и ты будешь достоин.

* You are nuts,
We are nuts,
Lord have mercy on us!
Англ. *nuts* — орехи.

Я принимаю тебя всем сердцем; я никогда в жизни ни отвергну ни одного человека ни по каким причинам. Но я знаю твою проблему; именно поэтому я говорю, что решение очень просто, почему ты чувствуешь себя таким недостойным, и все эти теоретические глупости...

И Вимал чувствует себя как трус:

Все мои отношения с людьми фальшивы!

А чего ты хочешь? *Настоящих* отношений? Отношения и должны быть фальшивыми; иначе вы так прилипнете друг к другу, что жить станет действительно трудно! Этого я не понимаю.

Он говорит:

Я чувствую себя подлым.

Очень хорошо! Кто тебя заставляет не чувствовать себя подлым? — чувствуй себя подлым, *совершенно* подлым! И здесь мои люди этим наслаждаются. «Вон идет парень... Он *совершенно* подлый. Просто избегайте его!» Но эти люди даже лучше, чем ты думаешь, подлее, чем ты думаешь. Видел Сарджано? В тот день, когда я сказал ему открыть чемодан и отдать все вещи людям, которым они принадлежат, он исчез! Он сказал: «Это уж слишком». Он вернется, и я тебя уверяю, когда он вернется... открой его чемодан — и ты увидишь: он пустой. Он всегда приезжает, наполняет чемодан и снова уезжает. И всего через два или три дня возвращается.

Поэтому ни в коем случае не чувствуй себя единственным подлым человеком. Есть ребята похлеще — и все они уважаемы. Я люблю Сарджано, он очень выразителен. А ты говоришь...

Я чувствую себя подлым, скучным и ни в каком смысле не отдающим себя. И хуже всего то, что я чувствую, что все время прячусь, никогда и никому не позволяя увидеть, кто я такой.

Кажется, ты подумываешь о том, чтобы голым выйти на подиум, чтобы каждый увидел, кто ты такой. Каждый знает, кто ты такой. Почему это тебя волнует? Все, кроме тебя, знают — но тебя это не волнует. Тебя не заботит познание себя, тебя забо-

тит вот что: «Никто обо мне не знает, кто я такой, что я думаю или чувствую».

Почему они должны знать? Люди заняты своими вещами — почему они должны заботиться о тебе? Твои эмоции, твои чувства, твои мысли... у них не останется никакого времени на самих себя.

И, в конце концов:

Я чувствую, что мне надоела жизнь...

Это очень хорошо. Каждому великому человеку всегда надоедает жизнь. Гаутаме Будде наскучила жизнь. Ты на правильном пути. Только не надо ехать в Гоа. Потому что ты говоришь:

...и появляются мысли о том, чтобы куда-нибудь уехать...

Это «куда-то» не должно быть в Гоа. Если тебе действительно надоела жизнь... ты думаешь Гоа хорошее место, чтобы покончить с собой?

Странные мысли:

...где действительно безопасно, и существовать как овощ.

Если ты действительно этого хочешь: «безопасно существовать как овощ», вступи в Клуб Тренировки Картофеля. Я скажу Авирбхаве открыть офис и записывать людей, которые хотят стать картофелинами.

Вимал говорит:

У меня такое чувство, что это больше, чем просто лень, как будто я просто хочу умереть.

Вимал, люди, которые хотят умереть, просто умирают. Они никому не досаждают. А ты досаждаешь мне. Ты хочешь, чтобы я дал тебе инструкции, как умереть? Меня преследуют все правительства, меня оштрафовали на четыреста тысяч долларов на том основании, что я организовал сфабрикованную свадьбу, и это их величайшее наказание. Можешь пойти и убить президента — наказание будет таким же... А я был против брака всю жизнь.

И теперь ты просишь у меня указаний, как умереть? Есть простые способы — пожалуйста, не впутывай меня в это. Можешь спросить кого угодно; каждый знает, как умереть, это простое дело.

Но ты не хочешь умирать, ты хочешь обсуждать. И я со своей стороны ничего не говорю. Твой вопрос кончается словами:

С того места, где Ты сидишь, не виден ли Тебе свет в конце моего туннеля?

Каждый должен видеть свет в собственном туннеле. Я вижу свет в своем собственном туннеле. Это невозможно, мы не можем обмениваться туннелями. И я не люблю подглядывать в чужие туннели. Если ты не можешь его найти — а ты жил в собственном туннеле так долго, — как может в него заглянуть чужой человек и найти свет? И какая в этом необходимость? Просто купи несколько свеч.

Теперь я перейду к сути.

Вся эта чепуха, которую пишет Вимал, нужна для того, чтобы скрыть его настоящую проблему. Я знал, что произойдет, и говорил Манише: «Ты не должна болеть». Но она продолжает время от времени болеть. И я знал, что, кто бы ни читал вместо нее вопросы и сутры, рано или поздно начнет думать, что он тоже на это способен — почему он должен быть заменителем? Он может это делать. Он это *делал*. А эта Маниша снова возвращается, и Вимал...

Вот что дает ему чувство того, что он недостоин, желание куда-то уехать или даже умереть. А единственное, чего он хочет, — это читать вопросы.

Но именно так функционирует ум людей. Он может даже не осознавать, что это его настоящий вопрос, и если завтра я разрешу ему читать вопросы, ему больше не будет надоедать жизнь, никуда не захочется ехать и все проблемы исчезнут. Но моя проблема в том, что та же самая проблема окажется у Маниши! И вы все прекрасно знаете, что женщины способны поднять больше шума и устроить больше истерик, а она живет как раз у меня над головой. Это очень трудно: они начинают плакать, рыдать.

Ты можешь быть прав, но женщина никогда не ошибается.

Как только женщина заняла позицию — все кончено! Ты должен радоваться, что она хоть иногда болеет — просто молись Богу, чтобы он почаще посылал ей месячные. Не сдавайся, настаивай. Пытайся снова и снова! Я ничем не могу помочь.

Но вы не должны прятать свои настоящие проблемы за такими вещами. Именно поэтому я держал твою проблему две недели: может быть, ты успокоишься, а там посмотрим. Потому что человек, который хочет умереть, не ждет ответа две недели.

В три часа утра в ночной приемной гостиницы звонит телефон. Ночной портье, О'Грэди, снимает трубку.

— Алло, — говорит Пэдди пьяным голосом. — Во сколько вы открываете бар?

— В десять часов утра, — отвечает О'Грэди и кладет трубку.

В пять часов утра телефон снова звонит.

— Во сколько вы открываете бар? — спрашивает Пэдди, который еще пьянее.

— Я же сказал, в десять, — говорит О'Грэди раздраженно, — и, когда он откроется, ты туда не войдешь.

Он собирается швырнуть трубку, но Пэдди ноет:

— Я и не хочу входить, я хочу отсюда выйти!

Симус, спотыкаясь, выбирается из бара и забредает на местное кладбище, где падает в свежерыкопанную могилу и засыпает. Утром он просыпается от звуков фабричной сирены, становится на ноги и оглядывается.

— Боже мой, — говорит он, заткнув руками уши. — Судный День... и я самый первый!

Одним очень жарким днем вождь Бурый Медведь и его жена путешествуют в старом поезде. Вождю хочется пить, и он приказывает своей скво принести ему питьевой воды. Она

бредет по коридору и вскоре возвращается с полной чашкой воды.

Выпив воду залпом, вождь требует еще. Она снова выходит в коридор. Выпив вторую чашку, вождь требует еще. Скво снова идет к источнику воды, но вскоре возвращается с пустой чашкой.

— Где вода? — требовательно спрашивает вождь.

— Извини, — говорит скво. — Белый человек сидит на колоде.

Человек заходит в бар, заказывает выпивку и две минуты громко смеется. Все поворачиваются к нему, и внезапно он прекращает смеяться и раздражается рыданиями. Это продолжается две минуты, улыбка возвращается на его лицо, и вот он снова неудержимо хохочет.

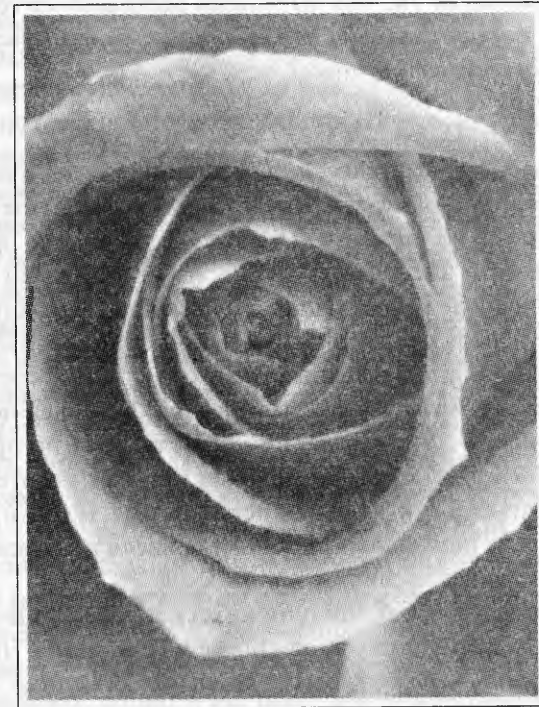
Так повторяется несколько раз — слезы и снова смех. Через двадцать минут смеха и слез он замечает недоуменные лица окружающих и объясняет:

— Пожалуйста, простите меня, но сегодня теща сорвалась с обрыва в моем новом «роллс-ройсе».

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Скажи до свидания политике,
но не науке

*Ни наука, ни технология не опасны; опасны идиоты,
в руках которых находится власть, даваемая наукой.
И они хотят только разрушения, войны.*

Любимый Ошо,

Завтрашний мир увидит возрастание роли науки и технологии. Как неизбежный результат, это резко изменит жизни людей — что уже происходит: иногда в лучшую сторону, иногда наоборот.

Думаешь ли Ты, что мы должны распрощаться со всей наукой и технологией; если нет, как нам подготовиться к тому, чтобы встретить будущее?

Каков Твой совет?

Сатиш Сетх, фактически, в своем вопросе ты в косвенной форме подсовываешь мне идеологию Махатмы Ганди — но тебе меня не провести. Нет пути вернуться к природе, а именно в этом заключается твой вопрос: следует ли нам вернуться к природе и распрощаться с наукой и технологией?

Ты не использовал слов «вернуться к природе». Но если мы простимся с наукой и технологией, следствием будет именно это. Не может быть ничего более опасного, чем идея «возвращения к природе». Это правда, в науке и технологии произошло множество вещей, которые заставили многих мыслителей мира призадуматься, не пора ли нам остановиться. Наука и технология принесли нам ядерное оружие и привели нас к возможности полного уничтожения жизни на Земле.

Но все же я говорю, что пути назад нет. Это не значит, что я говорю «да» всему, что сделали наука и технология. Человек — во всех сферах — работал бессознательно. Он не знал, что делает. Он продолжает двигаться ошупью; иногда он ничего не находит. И до сих пор ему не удалось трансформировать науку из чего-то случайного во что-то намеренное.

Вот мое предложение: наука должна быть намеренной. Она не должна двигаться ошупью, она олжна иметь чувство направления. Все открытия, которые повредят человечеству или экологии Земли, должны быть немедленно отброшены. Все попыт-

ки создать более разрушительные вооружения для войны должны быть прекращены.

И тем же людям, тем же ученым и технологам нужно дать чувство направления; тогда эта Земля может стать раем. Дело не в том, что они давали только то, что вредно; они дали вам электричество, иначе Земля оставалась бы во тьме. Они дали вам изощренную медицину, хирургию; иначе многие из живущих людей давно были бы мертвы. Все это произошло благодаря научному росту.

Например, в Индии только пятьдесят лет назад из десяти рожденных детей только один выживал после двух лет. Девять были обречены на смерть. За пятьдесят лет ситуация изменилась до полной противоположности. Теперь из десяти детей умирает только один, а девять живет.

Наука может быть очень жизнелюбивой. Она может создать новые измерения радости, новые измерения комфорта; она может дать больше здоровья и долголетия, а это имеет безмерно важные последствия. Например, если мы можем дать более долгую жизнь Альберту Эйнштейну, если вместо обычных семидесяти лет он может жить триста лет, может быть, он сможет достичь понимания новых тайн — понимания, которого невозможно достичь так, как мы делаем это сейчас. Сейчас те, у кого есть опыт, уходят от дел — не только в смысле работы, но и в смысле самой жизни. А тех, у кого опыта нет, встречают с оркестром! Теперь их нужно учить, тратить время, и все же дело может кончиться идиотским политиком или почтовым клерком. Нет гарантии, что таким случайным образом можно найти Альберта Эйнштейна.

И даже если ты сможешь найти человека такого же калибра, к тому моменту, когда он достигнет той точки в физике, в которой ее оставил Альберт Эйнштейн, ему придется начинать с азов. Э, Ю, Я физики всегда остаются отдаленным горизонтом. И такая же ситуация во всех измерениях жизни. Это может быть наука или искусство, поэзия или драматургия, литература или музыка.

Но проблема не в ученых или технологах, Сатиш Сетх; проблема в политиках.

Насколько я понимаю, Сатиш Сетх сам работает на правительство в Нью-Дели. Все ученые и технологи работают на глупых политиков, потому что у них есть власть и они могут инвестировать деньги. Их интересы очень обыденны. Я никогда не встречал политика, — а я объехал весь мир, — которого интересовал бы Калидас, которого интересовал бы Моцарт, которого интересовал бы Рабиндранат, которого интересовал бы Микеланджело.

Их интересы глупы: их интересует только, как получить больше власти, как главенствовать. Глубоко внутри их сжигает то же желание, что и Александра Великого, Чингисхана, Тамерлана, Иосифа Сталина, Адольфа Гитлера, Бенито Муссолини, — то же самое желание. Каждый искатель власти против жизни. У всех искателей власти вместе взятых недостаточно разума, даже чтобы понять картину Пикассо, роман Достоевского, стихотворение Рабиндраната Тагора.

Эти люди направляют образование согласно своим интересам: как создавать больше рабов, как создавать больше послушных людей. Не людей, у которых есть индивидуальность, не людей, которые могут думать, но людей, подобных роботам: когда им говорят «поверни налево», они поворачивают налево; они даже не спрашивают зачем. Они не обучены спрашивать зачем, они обучены подчиняться.

И наука стала такой изощренной... прошли времена Галилея, когда ученый мог что-то сделать один, сам по себе, в собственном доме. Теперь это так сложно, и для исследовательской работы требуются миллионы долларов. Ученый должен отдать себя на милость либо политическим интересам, либо капиталовложениям, но он больше не свободен.

Естественно, мы не можем его осуждать.

Есть тысячи изобретений, лежащих на полках в бюро регистрации, которые не используют, потому что их использование идет против круговой поруки. Например, один из моих саньясинов из Австралии изобрел небольшой инструмент, который можно просто взять в руку, и через несколько минут он покажет, сколько в крови сахара. Не нужно брать кровь, отправлять ее в лабораторию, чтобы там проверили... Если ты в таком мес-

те, как Пуна, одна лаборатория говорит одно, другая — другое... Я испробовал три лаборатории и получил три разных результата! Мой личный врач, Амрито, сказал: «Что делать?»

Я сказал: «Постарайся найти, нет ли чего-то общего в этих трех результатах. Что-то похожее...»

Этот небольшой механизм разрушит миллионы лабораторий во всем мире, сделает их бесполезными, и технический персонал, обслуживающий их, останется без работы. Никто не хочет производить этот инструмент; все хотят взять патент и удерживать его! Патент останется лежать на полках, и никто не узнает, что существует этот безмерно важный инструмент, что его можно иметь в каждом доме, чтобы не нужно было сдавать анализ крови.

И можно сделать многое; такой инструмент мог бы не только определять, сколько сахара в крови, но и устанавливать, есть ли в крови вирус СПИДа...

Естественно, ни одно правительство не готово объявить, сколько людей в его стране гомосексуалисты и сколько людей заражено СПИДом, потому что это вопрос престижа. Мои саньясины мне сообщили — потому что многие из моих саньясинов в разных странах ученые, — что им приказали: «Даже если вы найдете человека, зараженного СПИДом, дайте ему отрицательный сертификат». Причины ясны: «Мы не хотим, чтобы мир узнал, что в нашей стране есть гомосексуалисты, что люди страдают смертельными болезнями».

И если ты говоришь, что заражен СПИДом, последствия этого ужасны. Этого человека возненавидит его собственная семья, собственные дети, собственная жена, родители, друзья. Но это не проблема для правительства. Проблема правительства в том, что его нужно положить в больницу, а ни один врач не хочет лечить человека, больного СПИДом, — потому что очень вероятно, что будет заражен и врач.

Даже пот переносит этот вирус. Именно поэтому я дал вам новое приветствие: «Йаа-Хуу!» Никогда не пожимайте друг другу руки, потому что... кто знает? Может быть, на другой руке есть немного пота, и ты напрасно создаешь себе проблемы!

Лучше сказать «Йаа-Хуу!» и убежать — чистым, гигиеничным. Перестаньте обниматься.

Медсестры не хотят обслуживать человека, у которого СПИД, потому что дело не только в сексуальном контакте. Его слюна переносит вирус... Никогда, даже из сострадания — если вы найдете маленького ребенка с сопливым носом, не прикасайтесь к нему, потому что даже дети рождаются с врожденным вирусом СПИДа. Тогда текущий нос — это очень опасная вещь.

Исследования показывают, что у вируса есть и другие пути распространения. Его переносит все, что выходит из тела. Очень опасно есть в ресторане; никто не знает, кто мыл тарелки.

Ни одно правительство не хочет оказаться в такой опасной ситуации. Ни один врач не хочет, чтобы в этом участвовала его больница. Поэтому проще всего просто дать человеку отрицательный сертификат. Но это очень бесчеловечно, потому что если у этого человека отрицательный сертификат... Может быть, во всем мире это единственное место, свободное от СПИДа. Но мы были обеспокоены, когда обнаружилось, что люди приносили отрицательные сертификаты от врачей, которые дают их из страха, что иначе им придется их лечить. В некоторых бедных странах врачи даже продают отрицательные сертификаты. Нам пришлось заказать машину и установить ее в ашраме, чтобы мы могли проверять каждый сертификат и подтверждать, подлинный он или нет.

Есть тысячи изобретений, сделанных учеными, которые саботирует правительство. Не поддержат их и капиталисты, индустриалисты — потому что эти изобретения их разрушат; они обанкротятся.

Например, в Калькутте я встретил ученого, который говорит — он работал над этим всю жизнь, он хорошо известный ученый в Университете Калькутты, — что количество бензина ограничено, рано или поздно весь бензин кончится. А наша жизнь зависит от бензина все больше и больше — машины, поезда и самолеты, для всего этого нужна нефть. Этот ученый всю жизнь работал над тем, как сделать так, чтобы такого же количества бензина, которого хватает самолету на пятьдесят миль, хва-

тало бы на пятьсот. И по его словам — он говорит, что у него есть патент, — он обнаружил, что, если смешать бензин с определенным количеством ртути, это дает ему энергию работать в двадцать раз эффективнее.

Ни один нефтяной император не допустит, чтобы произошло нечто подобное; иначе его империя растворится. Никаким сторонам, каким-то образом вовлеченным в продажу бензина, не понравится это изобретение — хотя оно и очень полезно для человечества, для его будущего, потому что мы исчерпываем наши ресурсы.

И на глазах этого ученого были слезы, когда он сказал мне:

— Я бедный человек; что я могу сделать? Я не могу его производить, у меня нет таких денег, чтобы обеспечить ртуть и другие вещи, необходимые для создания этого инструмента. Его можно поместить в каждую машину, в каждый поезд, в каждый самолет, и это сделает горючее в двадцать раз более эффективным, но, кажется, это никого не интересует.

И это не отдельный случай. Многие лекарства никогда не появляются на рынке, потому что эти лекарства немедленно прекратят использование других; в сравнении с новыми старые окажутся очень неэффективными.

Поэтому нужно признать тот факт, что не ученые и технологи опасны для мира. Вопрос в политиках, правительствах, которые играют на руку группам власти. И их не интересует человек и будущее человека. Весь их интерес в том, как получить больше власти.

Даже беднейшие страны, где люди тысячами умирают от голода, покупают новейшее атомное оружие. Невозможно поверить, что этот мир нормален. Семьдесят пять процентов всей энергии, денег, власти растрачивается на войну. Прямо сейчас есть пять ядерных стран. Пять лет назад их было только две. К концу века в этом клубе будет двадцать пять членов. Даже самые бедные страны пытаются стать ядерными.

Ученый абсолютно беспомощен. Он должен либо перестать работать и умереть от голода, либо начать делать вещи, которые никогда не хотел делать.

Именно Альберт Эйнштейн написал президенту Рузвельту... видя, что Германия и Япония постоянно побеждали в последние пять лет и нет способа их остановить, он сказал: «Я готов помочь создать атомные бомбы, которые могут немедленно остановить войну».

Рузвельт был очень доволен, он принял предложение Альберта Эйнштейна и дал ему все необходимое. Альберт Эйнштейн создавал бомбу не для того, чтобы кого-то уничтожить, — достаточно было бы угрозы, что у Америки есть атомные бомбы. Лучше сдаться, потому что отказ вызовет смерть миллионов людей. Германия капитулировала. Япония раздумывала над этим фактом: Что делать?... потому что им было не под силу бороться с врагом, у которого было атомное оружие. Их вооружение было очень примитивным.

Япония собиралась капитулировать через неделю, но американские политики... Рузвельт больше не был президентом; президентом стал Трумэн. Он поспешил сбросить атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Теперь его переписка с Альбертом Эйнштейном открыла, что он хотел использовать атомные бомбы как можно быстрее, чтобы увидеть их настоящую ценность, действительно ли они могут уничтожить столько людей, как говорил Альберт Эйнштейн. Он хотел их испытать, убив два больших города, таких, как Бомбей или Нью-Йорк... Хиросиму и Нагасаки.

И он разрушил эти два города. Его собственные военные эксперты говорили ему: «Абсолютно глупо их убивать. Они об этом думают, идут переговоры, наши и их генералы встречаются каждый день и обсуждают условия, на которых можно остановиться и прекратить войну. Вопрос, самое большее, в одной неделе. Япония понимает ситуацию. Как капитулировала Германия, так капитулирует и Япония; нет никаких вопросов».

Трумэн торопился; если Япония сдастся, в ближайшем будущем не будет никакой возможности испытать бомбы и посмотреть, на что они способны. Сколько людей можно убить за несколько минут?

И Альберт Эйнштейн писал Трумэну: «Нет необходимости использовать атомные бомбы, достаточно того, что они у вас

есть. Германия капитулировала, и Япония не продержится долго. Она сдастся. Я вас умоляю: пожалуйста, не используйте их!»

Но как только ты даешь власть в руки политиков, какое им до тебя дело? Трумэн так и не ответил на это письмо. И Альберт Эйнштейн умер в таком разочаровании: «Я был причиной того, что без необходимости погибло двести тысяч человек».

В тот день, когда он умирал, журналист ему сказал:

— Если бы вам была дана еще одна жизнь, надеюсь, вы продолжали бы исследовать глубже и глубже физику и энергию, которую содержит материя.

— Никогда, — сказал Эйнштейн. — Если я буду рожден снова, я попрошу Бога сделать меня водопроводчиком, но только не физиком. Одного раза достаточно.

Водопроводчик не может причинить никакого вреда; самое большее, он может не довести работу до конца и у тебя будет протекать ванна, но он не может убить Хиросиму и Нагасаки. Его слова: «Я хотел бы быть водопроводчиком»... самая низшая категория, в которую только можно стремиться; я никогда не встречал никого, у кого были бы амбиции стать водопроводчиком. Это печальный, очень печальный комментарий к ситуации, в которой сейчас находится наука.

Сатиш Сетх, такие люди, как Махатма Ганди, осуждают науку и технологию. Они не осуждают политиков, потому что сами политики. Больно знать... Махатма Ганди постоянно учил философии ненасилия, и когда Ллойд Фишер спросил его, что он собирается делать с огромной армией, фабриками и вооружениями, когда страна станет независимой, он ответил:

— Я брошу все оружие в океан, закрою все военные фабрики и отправлю все армии в поля, работать фермерами, садовниками. Эта страна будет ненасильственной.

На вопрос, что он будет делать, если кто-то вторгнется в Индию, он ответил:

— Если кто-то вторгнется в Индию, мы скажем: «Добро пожаловать, вы можете здесь обосноваться. Никто не приходит в этот мир навсегда, и вся Земля едина. Если вы устали жить в вашей стране, вы можете жить здесь».

Это так красиво в теории, но, когда Индия стала независимой, оружие не было брошено в океан, и фабрики не были закрыты.

Напротив, Махатма Ганди благословил первых три самолета, три бомбардировщика, которые отправлялись бомбить Пакистан. Он вышел из своего дома в Дели в парк Бирла-хаус, потому что армия попросила его благословения, — и первых три самолета пролетели как можно ближе к его дому, чтобы получить благословение.

Что случилось с философией ненасилия? Все забыто. И после достижения независимости Индия вкладывала семьдесят процентов своей энергии, денег, власти в то, чтобы стать мировой силой, — огромное желание быть членом ядерного клуба.

К концу этого века пятьдесят процентов индусов умрут от голода. И ждать не так долго — сейчас 1988 год. Всего двенадцать лет.

Когда Индия стала независимой, ее население составляло четыреста миллионов. Сегодня — девятьсот миллионов. Мы великие производители! Никто во всем мире не может с нами состязаться в том, что касается воспроизводства. Всего за сорок лет мы произвели пятьсот миллионов человек, и к концу этого века, к 2000 году, Индия впервые будет самой многочисленной нацией в мире.

До сих пор это было прерогативой Китая, но теперь китайцы стали разумнее. Они используют методы контроля рождаемости, и они гораздо счастливее.

Но в Индии... Сатиш Сетх, ты должен спросить политиков и твоих *шанкарачарий*; все они против контроля рождаемости. Просто из страха, что, если ты скажешь, что необходим принудительный контроль рождаемости, мир осудит нас как недемократическую страну. Люди не будут за тебя голосовать.

У индусов есть только одно развлечение, для которого не нужно ни тратить деньги, ни стоять в очереди, ни покупать билет на черном рынке; просто походи домой, и твоя жена готова! Индия — это единственная страна, где жена не может сказать «нет». Жену веками учили быть служанкой, рабыней, и мужчина превратил женщину в фабрику по производству детей.

Мужчина читал газету и внезапно сказал своей жене, которая готовила еду:

— В газете написано, что из каждых пяти человек один — китаец.

— Боже мой! — сказала женщина. — Я тебе говорила, что пора остановиться. Сейчас у нас четверо детей, и если родится пятый, он будет китайцем!

После двухтысячного года пятый ребенок будет индусом. Индия абсолютно обогнала Китай. Но это положение невозможно удерживать долго. Если к двухтысячному году население достигнет миллиарда, половина страны умрет от голода.

Однако индийских политиков это совершенно не интересует. Просто представить себе идею... всюду вокруг будут трупы, и не будет даже достаточного числа людей, чтобы отнести их на кладбище или погребальный костер. Единственными, кому это принесет пользу, будут стервятники. Сейчас им приносят пользу только парсы...

Стоит пойти и увидеть место в Бомбее, в котором парсы оставляют своих мертвых, — красивое место, окруженное древними деревьями. А вокруг деревьев тысячи стервятников. Невозможно себе представить, что где-то в мире есть место, где встречается столько стервятников. Конференция продолжается, потому что парсы продолжают умирать, и у них есть только одно место: ни один другой город им не позволяет.

Фактически, у них мало пространства; их мир состоит только из Бомбея, небольшие отделения там и здесь — Пуна, Лонавала, Кхандала и Сурат, самое большое, эта небольшая территория. Стервятники так рады парсам...

Даже стервятники придут в растерянность: как переработать пятьсот миллионов человек?

Но вместо того, чтобы поощрять ученых и технологов к созданию более производительных и научных сельскохозяйственных методов, ваши глупые политики продолжают говорить: «Используйте прядильное колесо, и просто прядильные колеса решат проблему».

Не могу себе представить, как можно решить все проблемы просто прядильными колесами. А ваши *шанкарачарьи*, они говорят: «Нет никаких проблем, просто поклоняйся каждый день, повторяй имя Рамы, делай трансцендентальную медитацию...»

Даже это не поможет. Без жизнеутверждающей науки и технологии эта страна обречена. Весь мир обречен.

До сих пор наука была бессельной. Но не обвиняй *ее* — все религии мира пытались помешать науке; она противоречит их писаниям. Их дурацкая идея — никто не должен доказать ошибочность того, что написано в их писаниях.

Когда Галилей написал, что не Солнце вращается вокруг Земли, но, наоборот, Земля вращается вокруг Солнца, — он был очень стар, ему было семьдесят восемь лет, — Папа вызвал его в суд. Папа сказал ему:

— Ты должен изменить это утверждение, потому что в Библии говорится, что Солнце вращается вокруг Земли, а Библия написана Богом. Думаешь ли ты, что Бог совершил ошибку? — Бог, который создал Солнце, который создал Землю? Кто знает больше, он или ты?»

Галилей сказал:

— Конечно, он знает больше. И абсолютно правильно, что я должен это исправить, но я должен напомнить: мое исправление не будет иметь никакого значения.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что Земля будет продолжать вращаться вокруг Солнца. Она не заботится ни о тебе, ни обо мне, ни о твоём Боге.

Он изменил свою книгу, но в сноске написал: «Я ничего не могу поделать; заставить Солнце вращаться вокруг Земли за пределами моих возможностей, я просто констатирую факт, который открыл: Земля вращается вокруг Солнца».

И с тех пор все эти триста лет религия постоянно и во всем препятствовала науке. И иногда это так глупо, что невозможно поверить...

Я жил в Райпуре — несколько месяцев я был профессором в Райпуре. Всего несколько месяцев, потому что никто не мог меня вытерпеть.

Один из самых уважаемых индуистских святых, Карпатри, читал лекцию в колледже, и я вынужден был слушать. Это было через несколько дней после того, как правительство завершило строительство большой плотины, и электричество, вырабатываемое этой плотинной, было проведено в отдаленные деревни. И этот великий святой Карпатри говорил, — и во всем университете ни один профессор не возразил, даже в отделении науки, — он говорил: «Когда вода проходит через плотину, плотина забирает электричество, и вода становится бессильной. Скажите людям не использовать эту воду для полива. Она разрушит их всходы, потому что она лишена эссенции».

Я посмотрел на главу отделения науки... все они слушали без возражений! Мне пришлось встать... Я сказал:

— Это не мое дело, я не крестьянин и не ученый. Но я хочу вам сказать, что электричество нельзя удалить из воды, — и вода становится *бессильной*? Я поражен, что весь университет и все профессора молчат, потому что никто не хочет противоречить святому. Но я не могу этого потерпеть. Тебе придется мне доказать, что ты знаешь об электричестве и что ты знаешь о воде. Ты когда-нибудь что-то выращивал?

И по этой причине я был немедленно переведен в другое место:

— Это беспокойство; был оскорблен великий святой.

Поскольку он не мог ответить, он нес околесицу!

Настоящая проблема в том, как создать в мире больше сознания, чтобы посредственные и глупые люди не шли в политику, чтобы их не выбирали. Я никогда в своей жизни не голосовал и не думаю, что когда-нибудь буду голосовать, потому что какой смысл? Голосовать в пользу одного идиота и против другого идиота... оба они идиоты.

И именно в этих людях настоящая проблема. Сатиш Сетх сам озабочен правительственным отделом, занимающимся наукой и технологией. Если у него достаточно храбрости, ему сле-

довало бы сделать для себя абсолютно ясным, что ни наука, ни технология не опасны; опасны идиоты, в руках которых находится власть, даваемая наукой. И они хотят только разрушения, войны.

В автобиографии Адольфа Гитлера есть прекрасное утверждение: «Если хочешь стать великим героем, ты должен создать великую войну». Без войны нет героев; это правда. Слышали ли вы когда-нибудь о каком-то герое без войны?

Только в этом небольшом кампусе — другое дело. Здесь есть герои — вот Нискроя герой, — но войны нет. Он просто невинный человек; он оглядывается по сторонам... «Что случилось?»

Но во всей вашей истории — что ни герой, то военный. Если война исчезнет из мира, исчезнут и герои. Они будут только актерами в фильмах. Это очень хорошо.

Ты говоришь: «Завтрашний мир увидит возрастание роли науки и технологии».

Почему завтрашний? Сегодня мы тоже видим «возрастание роли науки и технологии».

Всего два года назад в Нью-Йорке на три дня случился сбой электричества. Ты не можешь себе представить, какие это вызвало проблемы: кто-то застрял в стоэтажном доме; спуститься или подняться было достаточно, чтобы его доконать. Но человеку нужна вода, нужна еда; дети плачут... И ничего нельзя сделать, потому что телефоны не работают. Вся электрическая система дала сбой. За эти три дня Нью-Йорк пережил самые первобытные времена ужасным, кошмарным образом.

Вся ваша жизнь сейчас зависит от науки: ваша медицина, ваш свет, все, о чем только можно подумать, от иголки до самолета; все это продукт науки. Только потому, что ты к этому привык, ты об этом не думаешь. Ты думаешь, что самолеты растут в лесу, далеко в Гималаях, в тайных местах. Эти поезда привозят с других планет.

Когда первый поезд отправился в первое путешествие, — всего десять миль, от Лондона до другого города, — вся церковь, архиепископ объявил... церкви были переполнены, и все были в таком ужасе, потому что архиепископ объявил: «Бог никогда не

создавал железнодорожный поезд. Должно быть, это изобретение дьявола». К тому же эти старые поезда и их «лица» были похожи на дьявола, выглядели опасно.

В поезде бесплатно предоставлялся завтрак и обед, не нужно было билета, но никто не хотел ехать. Людей убеждали — ученые, создавшие этот поезд, пытались убедить людей. Но даже их жены и родители плакали: «Вы не должны в него входить! То, что вы сделали, настолько против Бога... сначала дайте нам доказательство: если этот поезд поедет и никогда не остановится, что вы будете делать?»

Не было никакого способа это гарантировать. Архиепископ говорил: «Не тратьте свою жизнь напрасно всего лишь за завтрак и обед! Этот поезд, несомненно, поедет, но он никогда не остановится. Если вы устали от жизни — и хотите с ней покончить, — проститесь со своими семьями и езжайте. Возьмите с собой Библию».

Поезд был предназначен для того, чтобы перевозить двести человек, но только восемь человек удалось убедить войти в поезд. И эти восемь человек были смельчаками. В самое последнее мгновение люди кричали им: «Выходите, еще не поздно! Вы раскаетесь, вы идете против Бога!»

Но всегда есть люди, достаточно храбрые для того, чтобы что-то сделать даже против Бога. Поезд поехал, и тысячи людей стояли с обеих сторон, печально наблюдая. Они молились за этих восьмерых заблудших, чтобы Бог был к милостив к этим идиотам.

Теперь ты не берешь с собой Библию в поезд, не идешь в церковь и не молишься: «этот поезд, в котором я еду, должен остановиться». Фактически, молиться нужно о том, чтобы он поехал!

Я путешествовал много лет; никогда ни один поезд не отправлялся вовремя. Однажды это случилось. Я был в Аллахабале, ждал на платформе, и точно вовремя появился поезд — это было так невероятно!

Я сказал:

— Это доказывает, что чудеса происходят. Иисус ходил по воде. Если в Индии поезд может появиться вовремя, тогда возможно любое чудо.

И я подошел к машинисту и поблагодарил его. Я сказал:

— Я тобой горжусь, ты — великий сын Индии.

Но он был смущен, он сказал:

— Не смущай меня еще больше.

— Но я же тебя хвалю! — сказал я. — Это первый и, я думаю, последний опыт в моей жизни, когда поезд пришел вовремя.

Собралась толпа, пришел начальник вокзала, и в конце концов я спросил машиниста, почему ему стыдно.

— Фактически, — сказал он, — это вчерашний поезд. И от того, что ты говоришь, мне хочется совершить самоубийство.

Начальник вокзала пришел, чтобы его спасти, пришли охранники, и они сказали:

— Не обижай его.

— Но я не знал, что это вчерашний поезд, — сказал я. — Но зачем вы тогда вывешиваете расписание?

— Мы должны вывешивать расписание, чтобы знать, на сколько поезд опаздывает!

— Это правильно, — сказал я. — Если бы не было расписания, никто бы не знал, в каком он едет поезде, куда и зачем...

И я впервые осознал, что расписание — это самая религиозная вещь, почти духовная.

Все, что вы видите вокруг, — ваша одежда, ваша обувь... оглянитесь по сторонам, и вы обнаружите, что всем этим обязаны не Богу, который создал мир за четыре тысячи лет до рождения Христа. Все то, что вы видите, — это триста лет труда, безмерного разума и гениальности, которые наука влила в жизнь мира.

Не нужно ждать завтра. Ты можешь увидеть это сегодня. А если ты не можешь увидеть это сегодня, то не сможешь увидеть и завтра, потому что завтра никогда не придет. Когда приходит завтра, это всегда сегодня. Лучше увидеть это сегодня — вчера тоже было завтра. Так что хорошего в ожидании завтра?

Ты говоришь: «Это резко изменит жизни людей».

Уже изменило. Ты, кажется, протак. Как ты добрался до Пуны, ни на мгновение не задумавшись, что наука воздействует на жизни людей? Ты приехал в Пуну из Нью-Дели в воловьей упряжке?

Все, что вокруг нас, наше образование, наше тело, наша жизнь... даже небольшие вещи создают большие перемены, если на них не обращать внимания.

Лишь недавно психологи обнаружили, что изобретение машины разрушило брак. Никто никогда не думал, что машина... что машина имеет общего с браком? Машина создала новое явление — бойфрендов и гелфрендов. До изобретения машины были мужья и жены, не бойфренды и гелфренды. Машина явилась причиной.

Но как это удалось машине? Без машины, сидя в воловьей упряжке, далеко ли ты доберешься? С машиной ты можешь уехать далеко, где люди тебя не знают и не заботятся о том, чтобы девушка, которая с тобой, была твоей женой, а ты ее мужем. Без машины это было почти невозможно. В воловьей упряжке ты не можешь уехать достаточно далеко. И каждый день ты должен возвращаться назад; всю жизнь у тебя нет... на одну жизнь приходится одна жена и один любовный роман... С машиной это стало возможным: утром одна девушка, вечером другая. У людей назначены встречи, свидания; иначе кому нужен календарь?

Машина изменила всю структуру общества. Но там, куда еще не добрались машины, можно заметить разницу. В маленькой индийской деревне не может быть никаких подружек. Тебя побыют, и ты никогда больше не будешь думать о подружках! В маленькой деревне не существует ни дружков, ни подружек. Ты даже не можешь поговорить с чьей-то женой или дочерью. Это очень странная проблема; ты не можешь говорить даже с собственной женой, потому что она не даст тебе говорить, и не можешь говорить с женой кого-то другого. Именно поэтому каждый язык называется «материнским»: потому что ребенок никогда не слышит отца...

В маленькой деревне, куда не вошла наука, ты не можешь жениться согласно своим желаниям и по любви. Твои родители

устраивают свадьбу, тебя никто не спрашивает. Все решения принимают другие. Даже звезды, отдаленные звезды принимают решение о твоей свадьбе, а тебя никто не спрашивает. Ты не можешь поговорить со своей женой перед старшими, ты не можешь играть со своим ребенком перед старшими — в глазах жителей этой деревни это абсолютно нецивилизованно.

В индийских деревнях ты видишь свою жену только ночью, когда все спят. И даже тогда нет возможности диалога из фильмов. Ты не можешь производить никакого шума — молча, никто не должен знать. *Каждый* знает, все ждут и слушают: что происходит? Потому что в одном доме, под одной крышей живет дюжина человек, старики, младшие братья, дяди, отец... и очень редко ты можешь увидеть свою жену, узнать, как она выглядит. Днем ты не можешь ее увидеть...

Вот почему в индийских деревнях нет вопроса о разводе. Ты даже не видел свою жену, не говоря уже о том, чтобы она тебе надоела. Тебе по-прежнему любопытно узнать: «Кто эта женщина?» Вы пытаетесь встретиться где-то в таком месте, где нет старших... но они всегда рядом. Развод возможен только потому, что исчезают деревни, благодаря научному росту.

А в больших городах никто никого не знает. Ты заключен в небольшие коробки, которые называются квартирами, с одной и той же женой каждый день. Оба пытаются измениться — прическа, одежда, духи, — но ты знаешь, кто за этой прической, кто за этой помадой. Ты знаешь реальную женщину. И все это показывает... вскоре тебе надоест, и ты начинаешь смотреть по сторонам, и машина в этом помогает. Ты можешь уехать далеко, вернуться вовремя, и никто об этом не узнает.

Фактически, когда тебя нет, нет и твоей жены, поэтому в настоящих семьях две машины. И благодаря машинам стало возможно, что ты идешь на пляж с женой кого-то другого, потому что ее муж пошел на пляж с еще чьей-то женой, и все наслаждаются, и жизнь прекрасна! И все благодаря машине.

Ты говоришь о завтра, а я вижу это сегодня — всю ту роль науки, которая так резко возросла.

Ты утверждаешь «...иногда в лучшую сторону, иногда наоборот».

Это «наоборот» исходит от твоих политиков. Ни у одного ученого нет причин создавать что-то против жизни, если его не принудит к этому политик. Разум ученого, его гениальность ему помешает. Ему помешает его творчество.

Наука должна быть освобождена из рук правительств. Нужна всемирная академия творческих наук, искусства и сознания.

И эта мировая академия не должна быть липовой институцией наподобие Лиги Наций или ООН. Эта академия должна быть мировой институцией, и ей должны быть подчинены все университеты мира. И все правительства мира должны вносить свой вклад в мировую академию — но у них не должно быть никакой власти; мировая академия должна иметь власть решать, что производить, чего не производить.

Правительства должны быть трансформированы в такие же функциональные учреждения, как почта, что очень невинно. Почта не может причинить большого вреда — самое большее, вскрыть твое любовное письмо и прочесть его. Пусть читают! Правительство может управлять почтой, поездами, самолетами, но оно не должно — и ему нельзя позволять — помыкать наукой, искусством и методами создания большего сознания в человечестве.

Все образование и все образовательные учреждения должны быть частями мировой академии, и каждый ребенок должен учить два языка: во-первых, родной язык — и английский в любом случае стал международным языком; нет никаких причин его отвергать. Итак, один международный язык и один родной. Родной язык должен быть факультативным. Ты должен его изучать, но не должен сдавать экзамены. Международный язык должен быть обязательным, потому что мы хотим создать один мир, постепенно растворяя различия в языках, религиях, расе, цвете.

Мировая академия науки и искусств постепенно разовьет и мировое правительство. Нет никакой необходимости в нациях: они не служат никакой цели, кроме войн. И ученые абсолютно уверены, что, если власть перейдет в руки науки, не только пять миллиардов человек — но двадцать пять миллиардов смогут

жить радостно, долго, с большим здоровьем. Никому не нужно голодать.

Фактически, нации устарели. Правительства просто плетутся по инерции, и из-за этих наций и правительств человек безмерно страдает.

Ты говоришь: «Думаешь ли ты, что мы должны распрощаться с наукой и технологией? Если нет, как нам подготовиться к тому, чтобы встретить будущее? Каков твой совет?»

Я бы сказал:

Распрощайтесь со всей политикой.

Распрощайтесь со всеми правительствами.

Но не с наукой, не с технологией — в них будущее человека, золотое будущее.

Пэдди нашел новую работу, и ему нужно заполнить длинную анкету.

Дойдя до вопроса «Что вам нравилось меньше всего в вашей предыдущей работе?», Пэдди пишет: «Все было в хаосе, не было никакого чувства направления».

Через полчаса он встречает вопрос: «Что вам нравилось больше всего в вашей предыдущей работе?»

Пэдди пишет:

«Я был начальником».

Эти начальники, которые создают в мире хаос, должны быть устранены от дел. Они умственно отсталые, им нужна пенсия. Им нужно выдать плюшевых медвежат, чтобы они с ними играли.

Я слышал, что ученый, хирург и политик вели разговор. Ученый сказал:

— Если Бог создал мир, тогда это, несомненно, произведение науки и Бог был ученым.

Хирург сказал:

— Это правда, но ты должен вспомнить Адама, первого мужчину, и Еву, первую женщину, что доказывает, что Бог

был хирургом. Потому что он создал Еву с помощью хирургии, вынув ребро из Адама во время сна. И, должно быть, он был великим хирургом, потому что он извлек из Адама целое ребро без всякой анестезии, без всякого хлороформа. Это доказывает, что он был великим хирургом.

— А до этого, — сказал ученый, — был хаос.

— Ага! — сказал политик. — А кто создал хаос? Бог создал мир, ладно, но кто создал хаос, из которого он создал мир? Это доказывает, что Бог был политиком!

Мы, несомненно, должны распрощаться — но с правительствами, с политикой. Мир, находящийся в руках хорошо образованных, разумных ученых, художников, музыкантов, танцоров, будет раем.

А теперь пришло время для небольшой молитвы. Может быть, Сатиш не знает о наших молитвах. У нас новые и совершенно свежие молитвы, которые никогда не использовались раньше.

— А теперь я хочу полной тишины! — говорит мисс Гудбоди классу. — Я хочу, чтобы было так тихо, чтобы слышно было, как падает иголка!

В классе воцаряется глубокая тишина.

Через две минуты маленький Эрни кричит с задней парты:

— Ради Бога, пусть же она наконец падает!

Большой черный парень заходит в овощной магазин и просит половину капусты.

Продавец говорит:

— Извините, сэр, но мы не продаем половину капусты.

Черный парень настаивает, что ему нужна половина, и продавец говорит:

— Одну минуту, сэр, я спрошу менеджера в задней комнате.

Он входит вовнутрь, не замечая, что негр следует за ним. Продавец говорит менеджеру:

— Там, в магазине, большой черномазый хочет половину капусты.

Тогда он слышит позади себя шум, осознает, что произошло, и поспешно добавляет:

— А этот цветной джентльмен хочет другую половину!

Луиджи работает гидом по Ватикану. Однажды он показывает группе туристов папский дворец, дом Папы Польского.

— Если э-вы смотреть э-налево, — говорит Луиджи, — вы... э-ну-видите большое окно. Это... э-ну-кабинет Папы.

— Эх, — говорит один из туристов. — Желал бы я увидеть хоть мельком Его Святейшество.

— Ладно, — говорит Луиджи. Оглянувшись по сторонам, он находит большой камень и швыряет его в окно.

Тотчас же за разбитым стеклом появляется красное от ярости лицо и кричит что-то неразборчивое по-польски.

— Вот, пожалуйста! — воскликнул Луиджи. — Это э-всегда достает старого козла.

Пэдди очень растолстел оттого, что пил слишком много пива. Однажды его жена, Маурин, жалуется на это.

— Почему бы тебе не сходить в клинику здоровья? — спрашивает она. — Я слышала, что там ты можешь сбросить вес на сколько захочешь.

И вот Пэдди идет в клинику здоровья и платит десять долларов за курс понижения веса на десять фунтов.

Его проводят в небольшую комнату, и там он находит хошенькую шатенку.

— Если сможешь меня поймать, — говорит она Пэдди, — можешь меня любить.

Через полчаса Пэдди выходит с весом на десять фунтов меньше и довольной усмешкой на лице.

Маурин так довольна новым, более стройным мужем, что на следующий день снова посылает Пэдди пройти курс понижения веса на пятьдесят фунтов за пятьдесят долларов.

Пэдди платит деньги, и его проводят в комнату и запирают за ним дверь.

Пэдди выжидательно оглядывается по сторонам — и вдруг замечает стоящую в углу гориллу. Пэдди немного сбит с толку, но вот горилла начинает приближаться, и он замечает у нее на шее табличку: «Если я тебя поймаю, я буду тебя любить!»

И последнее:

Нискрия прислал вопрос:

Любимый Ошо,

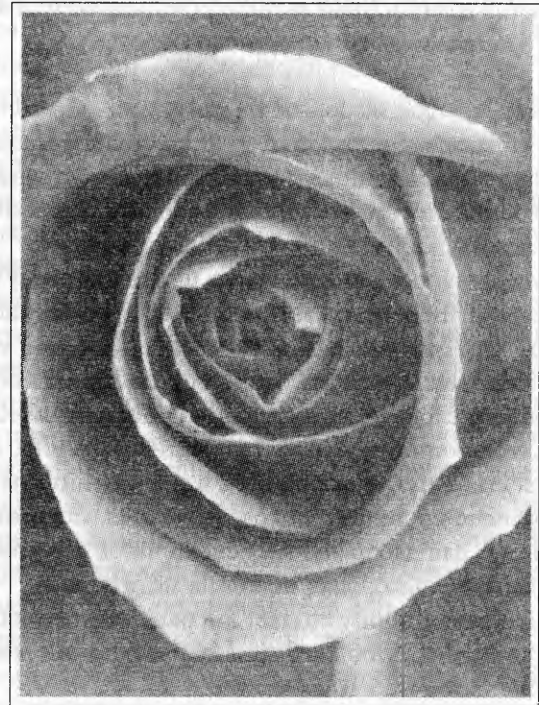
Мы любим Твое приветствие двумя поднятыми руками, но у нас такое чувство, что оно более подходит ученикам, чем мастеру, и было бы хорошо, если бы Ты отвечал нам своим благословением.

Кажется, Нискрия, ты прав. В любом случае, я часто забываю, кто здесь мастер, а кто ученик. Это будет мне также напоминать, что я мастер, а ты ученик. И я принимаю твое предложение...

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Это пламя — в вас

Медитация — это не нечто такое, что может дать машина. Но, несомненно, эти машины могут быть очень полезны, и их можно использовать для того, чтобы подготовить почву, на которой может расти медитация.

Любимый Ошо,

Кажется, западные умы рвутся к новым ощущениям. Если медитация более заботится о переживающем, чем о переживаемом, каким образом новые высокотехнологичные приспособления могут приблизить нас к медитации?

Прадипа, вопрос, который ты задал, очень важен, потому что во всем мире разрабатывается столько машин, которые выдаются за машины, приводящие к состоянию медитации. Тебе просто нужно вставить в уши наушники, и через десять минут ты достигнешь состояния медитации.

Это сушая глупость. Но эта мысль пришла в голову техникам не без причин. Всю ответственность несет Махариши Махеш Йоги. То, что он называет «трансцендентальной медитацией», — это длительное повторение определенной мантры или просто любого слова — не дающее уму никаких шансов создавать мысли, эмоции, сентименты... и, несомненно, если тебе удастся десять минут удерживать ум в подчинении, ты ощутишь очень красивое состояние покоя, молчания. Это может быть даже полезно для здоровья, несколько часов ты можешь чувствовать себя очень хорошо, но это не медитация.

Эти машины, которые создает высокая технология... Я заказал лучшие из них, чтобы их привезли сюда и вы могли пережить на опыте то, что я говорю.

Когда ум пробужден, он функционирует на одной волне; когда он видит сны, он функционирует на другой волне. Когда он глубоко спит, он функционирует на третьей волне. Но ни одна из этих волн — это не медитация.

Тысячи лет мы называли медитацию *турийей*, «четвертым». Когда ты выходишь за пределы глубочайшего сна, в то же время продолжая осознавать, эта осознанность и есть медитация. Это не опыт — это ты, само твое существо.

Но эти высокотехнологичные машины в правильных руках могут принести огромную пользу. Они могут создать у тебя в уме волну, которая позволит тебе ощутить такое расслабление, будто ты наполовину спишь, — мысли исчезают, и на мгновение все в тебе становится молчаливым. Это мгновение волн глубокого сна. Ты не будешь осознавать этого глубокого сна, но через десять минут, когда машина выключится, почувствуешь эффект: ты тихий, спокойный, мирный. Ни беспокойства, ни напряжения — жизнь кажется более игривой и радостной. Человек чувствует себя так, словно принял внутреннюю ванну. Все твое существо тихо и спокойно.

То, что может дать трансцендентальная медитация Махариши Махеш Йоги, машины могут делать гораздо лучше, наверняка, без сбоев — не имеет значения с кем, потому что со стороны человека не требуется никаких усилий.

В трансцендентальной медитации ты пытаешься, сам того не зная, создать такие же волны. Ты только осознаешь повторение определенной мантры, но если повторять — что угодно — достаточно долго, это создает скуку. Скука очень расслабляет... и именно поэтому по воскресеньям во время утренней проповеди в церквах вы найдете так сладко дремлющих людей.

Странно, что это происходит по всему миру, во всех церквах — люди, пришедшие послушать проповедь, спят. Ведь проповеди одни и те же — та же Библия, те же слова, те же толкования. Фактически, у проповедников есть несколько заготовленных проповедей: пять, шесть, семь. Они их постоянно меняют — на одной неделе одна проповедь, на другой — другая. Те, кто приходит слушать их годами, знают каждую проповедь; в то мгновение, когда проповедник начинает говорить, они уже знают, что будет дальше, и вот они расслабляются и закрывают глаза.

Но с машинами все очень определено, потому что они не зависят ни от каких твоих действий. Это все равно что слушать музыку: ты чувствуешь себя мирным, гармоничным. Эти машины приведут тебя к третьему состоянию: глубокому сну, сну без снов.

И я их заказал: вскоре они прибудут, и к одной машине можно будет подключить сто человек. Десять минут — сто человек, еще десять минут — еще сто человек, затем еще сто человек... целый день машина будет продолжать создавать медитативные волны.

Но если ты думаешь, что это медитация, то ошибаешься. Я скажу, что это хороший опыт, и, пока ты в состоянии глубокого сна... Если ты можешь быть осознанным с самого начала, когда ум начнет изменять волны, — ты должен быть более бдительным, пробужденным и наблюдать, что происходит, — ты увидишь, что ум постепенно засыпает. Если ты можешь видеть, как ум засыпает, тот, кто видит, как засыпает ум, и есть твое существо. И в этом подлинная цель медитации.

Поэтому эти машины не могут создать осознанность — эту осознанность должен создать ты. Но, несомненно, эти машины за десять минут могут создать возможность, которую ты можешь не создать за годы усилий. Поэтому я не против высокотехнологических инструментов, я всецело за. Я только хочу, чтобы люди, распространяющие эти машины во всем мире, знали, что делают хорошую работу, но эта работа не окончена.

Она будет окончена, лишь когда человек в глубочайшем молчании еще и бдителен, — осознанность продолжает гореть, как небольшое пламя. Все исчезает, всюду вокруг темнота, молчание и мир, но непоколебимое пламя сознания остается прежним.

Если эта машина окажется в правильных руках и людей научат, что самое главное исходит не от машины, она может создать очень существенную почву для того, чтобы это пламя могло расти. Но это пламя — в вас, не в машине.

Таким образом, я всецело за эти машины, с одной стороны, и абсолютно против, с другой, потому что многие, многие люди подумают: «Это медитация».

И обманутся. То, что не под силу Махариши Махеш Йоги, — эти машины могут — причинить огромный вред. Он причинил вред многим, но эти машины вскоре распространятся по всему миру. Они просты, в них нет ничего особенного. Дело только в том, чтобы создать определенные волны.

Наши музыканты могут научиться у этих машин создавать такие же волны при помощи своих музыкальных инструментов. Не нужно и машин, музыканты могут создавать для вас эти волны, и все вы начнете засыпать! Но если вы можете оставаться пробужденными даже в глубочайшем сне, когда вы увидите, что еще один шаг — и вы потеряете сознание, вы знаете секрет. Машина может быть прекрасно использована.

То же можно сказать и обо всех машинах мира. В правильных руках они могут быть использованы с безмерной пользой для человечества. В неправильных руках они могут стать препятствиями. И, к несчастью, есть столько неправильных рук... Эти машины уже распространяются в Америке, в Европе, механизмы совершенствуются.

Один из моих саньясинов... может быть, вы помните Пропера Сагара. Сегодня мне пришло от него письмо... потому что его не впустили в бомбейский аэропорт. Он не смог въехать в Индию. Он попытался через Катманду — и там ему отказали, потому что его имя занесено в список в каждом аэропорту Индии, и ему запрещен въезд. И вот в конце концов он отправился на Гавайи, встретил женщину, которая работает с кристаллами, и стал работать с ней вместе. Женщина была старая, и ей нужен был хороший, здоровый молодой помощник.

Сейчас Пропер Сагар создал ковер. Ковер окружен кристаллами, а внутри него проведены электрические провода. И при помощи этих электрических проводов он создает ту же длину волны. Не нужно даже втыкать в уши наушники, достаточно просто лечь на ковер, и ковер делает медитацию! Ты чувствуешь себя потрясающе, а Пропер Сагар сидит и меняет длину волны.

Он прислал мне фотографии этого ковра. Это потрясающе, но сколько человек может уместиться на одном ковре? Им можно обернуть весь Будда-холл! Это простая технология, стоит только изменить длину волны — и все вы почувствуете дремоту, сонливость.

Но это не медитация, это опасный обман. Если ковер не в правильных руках, человек подумает, что медитировал, а он всего лишь лежал на ковре Пропера Сагара! Ни Пропер Сагар

не знает, что такое медитация, ни этот парень не имеет ни малейшего понятия о том, что медитировал. И люди платят деньги, сто долларов за десять минут. Недорого... если настоящая медитация доступна по сто долларов за десять минут, не думаю, что это слишком дорого.

Но это не медитация, это просто изменение радиоволн, которые постоянно движутся вокруг вас в воздухе.

Думаю, через неделю машина будет здесь. Сначала вы можете испытать то, что может дать эта машина, и тогда я вам скажу, что вы можете получить от этой машины, — и чего машина не может вам дать, — но, несомненно, это будет полезно как опыт. Иначе для многих людей медитация останется просто словом. Они будут думать, что когда-нибудь начнут медитировать, и у них всегда будет сохраняться сомнение, медитирует ли вообще кто-то или нет.

Пропер Сагар сообщил мне: «Ошо, теперь я пытаюсь сделать так, чтобы на этом ковре можно было делать даже Динамическую Медитацию». И я думаю, это возможно, потому что вопрос в том... вы будете прыгать на ковре, и ковер будет менять электрические волны в ваших телах. А он еще не знает о «Йаа-Хуу!» Иначе, с «Йаа-Хуу!» и его волшебным ковром... тыходишь в кабинку, а через десять минут выходит Гаутама Будда!

Всего лишь небольшой танец, «Йаа-Хуу!» и — увидимся в другом мире! Не нужно даже повторять.

На Западе ум механический, подход механический; они хотят низвести все до уровня машины, и им это удастся.

Но есть вещи, которые за пределами возможностей машины. Осознанность не может быть создана машиной, она за пределами досягаемости любых высоких технологий. Тем не менее то, что дает высокая технология, несомненно, можно использовать, поэтому, когда мне сообщили, я тотчас же заказал самые лучшие, новейшие машины, чтобы я мог показать своим людям и то, и другое. Я могу им показать, что может машина, и сказать, что это не медитация, но что эту машину можно использовать как прекрасную взлетную полосу для медитации.

И однажды испытав вкус осознанности — может быть, несколько раз машина поможет, и осознанность будет становиться более и более ясной и отдельной от молчания, созданного машиной... Тогда ты можешь начать это делать без машины. И если ты научишься делать это без машины, значит, машина оказала безмерную помощь.

Но люди не должны слишком верить в машины.

Я слышал о человеке, который был неграмотен и не умел читать. Он пришел к окулисту и сказал:

— Посмотрите и проверьте мое зрение, потому что я не могу читать.

Окулист сказал:

— Нет никаких проблем, я проверю зрение, дам вам очки, и вы сможете читать.

— Вы уверены? — сказал человек.

— Никаких проблем, я делаю это каждый день.

— Но вы должны знать одно: я неграмотный!

— Тогда это очень трудно, — сказал окулист. — Очки я вам могу дать, но образование? Если вы не знаете даже алфавита, очки не помогут. Может быть, у вас с глазами все в полном порядке и очки не нужны, но вам нужно определенное образование.

Но очки могут помочь, если ты не можешь читать, потому что глаза не действуют как следует. Тогда очки увеличат силу глаз, помогут глазам. И так же с каждой машиной.

Прадипа, всего через несколько дней... потому что в Индии все занимает столько времени. Может быть, эта машина уже в бомбейском аэропорту, но сколько времени уйдет на то, чтобы провезти их через таможню, можно только гадать: неделя, две недели, три недели... Здесь все движется очень медленно.

Один из моих друзей... он очень стар, но у него со мной глубокое созвучие. В 1915 году против него было начато судебное дело, потому что он написал книгу по истории, которая отлича-

ется от одобряемой британским правительством точки зрения. Хотя он и был прав, британское правительство не хотело, чтобы эти факты преподавали людям, потому что они выставляли британское правительство в нелестном свете.

Поэтому дело было начато против него, издателя, начальника типографии и владельца типографии — с четырех сторон. И дело было таким сложным, потому что написанное им было абсолютно правильно; этого нельзя было отрицать. Это было самоочевидно. И вот дело передавалось из одного суда в другой, в высший суд, в верховный суд. Из четырех три стороны умерли — остался только писатель.

Его звали Пандит Сандерлал. Он действительно был очень подлинным, искренним человеком. Все судьи, разбиравшие его дело, умерли. Никого из адвокатов — были ли они за или против — больше не было. Поскольку дело продолжалось и продолжалось... даже начавшее его правительство перестало существовать в 1947 году. Но дело продолжалось.

Я спросил его в 1975 году, — он был очень стар, — «Когда закончится твое дело?» Он сказал:

— Никогда, пока я не умру. Тогда его закроют, иначе оно будет продолжаться, потому что они не могут принять поражение и позволить мне выиграть. Все факты говорят в мою пользу, и самое странное, что это дело начало британское правительство — этого правительства больше нет, страна стала независимой. Но странны пути бюрократии. Эти папки должны быть закрыты, но никто ничего не делает. Они продолжают откладывать, просто дожидаясь, пока я не умру.

Он умер, и дело было закрыто. Шестьдесят лет... дело, которое можно было разобрать за шесть месяцев, не больше! Но в этой стране...

Я узнал, что в одной семье, в которой я жил, получили письмо, адресованное их бабушке, который умер почти пятьдесят лет назад. И письмо было отправлено не с дальней планеты, но из деревни в восьмидесяти милях от их деревни. Оно шло так медленно... даже я был изумлен, как ему удалось идти так медленно. Восемьдесят миль за пятьдесят лет?

Но это происходит во многих местах. Каждый год происходит какой-либо случай; одно письмо идет тридцать шесть лет; некоторые письма вообще не доходят — они отправляются в путешествие, но... Может быть, когда-нибудь они дойдут, но тогда уже не будет ни тебя, ни человека, которому ты написал письмо.

Папки не сдвинешь с места. Просто походи в любую контору и посмотри: на каждом столе груды папок. Кажется, ни у кого нет другого занятия, как только каждый день защищать эти папки. И люди продолжают давать им взятки: «Вот *моя* папка — вытащи ее первой». Но никогда не знаешь наверное; придет кто-то другой, и *он* даст взятку — и его папка окажется лежащей поверх твоей. И ничего нельзя сделать, а эти люди продолжают собирать взятки.

В этой стране взяточничество не преступление, это просто выражение дружеских чувств. Веками Индия давала взятки даже Богу. Люди приходили в храм и говорили: «Если у моей жены родится ребенок и это будет мальчик, помни — я принесу тебе в подарок кокосовый орех и сладости». Если это не взяточничество, то что это такое?

В этой стране это вошло в традицию. Никто, кажется, не находит в этом ничего зазорного: я делаю твою работу, вытаскиваю наверх твою папку из сотен папок. Естественно, какой-то *прасад*, какой-то *бакшиш*, какой-то дружеский жест... Но если придет кто-то другой, тогда настанет черед *его* папки... И никто не хочет, чтобы его стол освобождался от папок, потому что папки так производительны. Если у тебя на столе нет папок, ты нищий; у тебя ничего нет.

Я слышал об одном друге, который стал клерком в коллекторате... а он был очень эффективным человеком. Ему удалось избавиться от всех папок за один день. Его вызвал сам коллектор:

— Ты идиот! — сказал он. — Какие у тебя теперь источники дохода? Уж не думаешь ли ты, что сможешь прожить только на свое жалованье? Эти папки были на столе... никто не знает, сколько лет. Сменилось много коллекторов, но папки остались на месте. Они были источником дохода.

Но теперь эти машины могут стать источником дохода. Так же, как сейчас ты ходишь в парихмахерскую, ты будешь ходить в лавку медитировать, платить сто долларов, — в Америке; в Индии хватит и ста рупий, — медитировать десять минут и идти домой... И считать себя великим религиозным человеком.

Эти механизмы опасны. Вскоре вы увидите, что церкви, храмы и мечети установят эти машины, потому что иначе они потеряют свою клиентуру.

Я рассказывал вам историю... Один старик приходил со своим внуком в церковь и засыпал. С этим не было никаких проблем; проблема была в том, что он начинал храпеть. Много раз проповедник говорил ему с глаза на глаз:

— Ты прекрасный член нашей конгрегации, но твой храп беспокоит сон многих других. У меня нет возражений, но многие приходят ко мне и говорят: «Этот старик храпит слишком громко. Мы совсем не можем уснуть. И он такой постоянный человек, что приходит каждое воскресенье».

В конце концов священник нашел выход. Он договорился с ребенком. Он сказал:

— Когда он начнет храпеть, ударь его. Он разозлится, но ты получишь одну рупию.

— Решено! Посмотрим, что получится, — сказал тот.

Весь день мальчик не позволял своему дедушке храпеть. Старик был очень сердит. Много раз он смотрел на него и говорил:

— Ты никогда раньше такого не делал... что ты делаешь? Слушай проповедь.

По дороге домой он сказал:

— В чем дело? Почему ты донимаешь меня?

— Это бизнес, — ответил мальчик. — Священник дает мне одну рупию, чтобы я тебя будил.

— Ты идиот! — сказал старик. — Я дам тебе две рупии, и позволь мне спать спокойно. И помни, священник будет делать тебе знаки: «Разбуди старика!» Но ты не обращай внимания, просто смотри прямо на него без всякого страха.

Мальчик сказал:

— Я хочу деньги вперед, потому что ты всегда хорошо говоришь, но ничего не происходит.

— Это уже слишком. Вперед?

— Иначе я собираюсь последовать совету священника. Он уже дал мне одну рупию.

И старик дал ему две рупии, и в следующее воскресенье спал спокойно и храпел так громко, как это только было возможно, без всякого страха.

Священник был очень обеспокоен. Он смотрел на ребенка, но ребенок выглядел так, словно совершенно обо всем позабыл. Много раз священник делал знаки, но ребенок не обращал никакого внимания. И вот после собрания он отвел ребенка в сторону и сказал:

— Какой ты обманщик! Я тебе сказал и дал одну рупию; сегодня я собирался дать тебе еще одну рупию.

Мальчик сказал:

— Теперь одной рупии недостаточно. Мой старик выдал мне авансом две рупии. Хватит ли у тебя духу дать мне авансом три рупии?

Священник сказал:

— Я бедный священник, и это соревнование... ты ужасный парень!

— Бизнес есть бизнес, — сказал мальчик. — Иначе я последую совету своего дедушки.

В церквях, синагогах — одни разговоры и разговоры, бессмысленные разговоры, которые люди слышали тысячи раз. Но они просто должны туда ходить, чтобы себя показать, показать, что они принадлежат к обществу. Это формальность. Иначе, если бы люди начали думать, они бы взбунтовались или что-то пошло бы не так. Это просто социальная функция.

Когда психоанализ распространился в западных странах, и люди, обычно ходившие за исповедью и советом к священнику... они были покупателями, потому что священник накладывал на них наказание: десять долларов, двадцать долларов —

в зависимости от расценок. Те же люди стали ходить к психоаналитику, который более образован, более изощрен, хотя ему и нужно платить больше. Но у людей странные умы. Если тебе приходится платить больше, ты думаешь, что действительно получаешь что-то потрясающее. Если ты ничего не платишь, то думаешь, что это не имеет никакой ценности.

Психоаналитик сейчас зарабатывает больше любого другого профессионала в мире. А клиенты те же самые — те же, кто раньше исповедовался в католической исповедальне, теперь исповедуются на кушетке психоаналитика. Священники встретились — «Возникло соревнование, и это опасная вещь; она растет. Психоаналитиков становится больше и больше, больше и больше терапий, и люди исчезают из церквей».

Теперь изучение психоанализа стало частью образования любого христианского миссионера. Меня пригласили в один из теологических колледжей, самый большой на Востоке. К своему удивлению, я увидел отделение психоанализа. Я сказал:

— Что вы делаете с психоанализом? Иисус об этом не говорил. Фактически, ему самому нужен был психоаналитик! Но евреи понятия не имели, что нужно было сделать...

Если бы Зигмунд Фрейд родился раньше Иисуса, — а он тоже был евреем, — Иисус не был бы распят. Он лежал бы на кушетке Зигмунда Фрейда и исповедовался:

— Меня изводит идея, что я единородный сын Божий. Что бы я ни делал, она меня не покидает. Она мне снится. Даже в часы бодрствования я чувствую, что я единородный сын Божий.

Не было бы никакого христианства. Но, по счастью, Зигмунд Фрейд родился на две тысячи лет позже.

Оба они были евреи, оба беспокоили евреев, и оба зарабатывали больше любой другой фирмы в мире — и были конкурентами!

Эти машины вскоре можно будет найти в каждой церкви, потому что иначе церкви окажутся неконкурентоспособными. Это даст вам определенного рода утешение. Именно поэтому я заинтересован в том, чтобы, прежде чем распространится эта

болезнь, мы дали миру понять, что эти машины не дают медитации.

Медитация — это не нечто такое, что может дать машина. Но, несомненно, эти машины могут быть очень полезны, и их можно использовать для того, чтобы подготовить почву, на которой может расти медитация. Поэтому в одном смысле я очень за, в другом — абсолютно против. То, что могут сделать эти машины, опасно в том смысле, что ты можешь обмануться и начать чувствовать себя великим медитирующим. У тебя есть машина... есть небольшие машины, которые могут быть у каждого. Есть большие машины, в которые может поместиться четыре человека. И к большей машине, в которой четыре человека могут вместе медитировать, можно добавить больше и больше наушников, чтобы сотни людей могли вместе медитировать. Мы это здесь устроим, потому что миру нужно прояснить, что это не медитация, но очень хорошая подготовка к медитации.

И когда ты несколько раз получаешь этот опыт, машину использовать больше не нужно. Тогда ты знаешь, что происходит: ты можешь закрыть глаза и сам это сделать. Тогда в этом есть собственная красота.

Поэтому, Прадипа, тебе не о чем волноваться. Твоя Группа випассаны вне опасности!

А теперь, перед нашей медитацией... Премдила пишет:

Любимый Ошо,

† Недавно, когда Ты говорил о медитации, во мне возникло чувство вины за то, что я не медитирую.

А я тебе говорю раз за разом, никогда не чувствуй себя виноватым ни по какому поводу! Лучше забудь все о медитации, но не нужно чувствовать вину. Потому что чувство вины разрушит твою жизнь больше, чем что-либо другое. Оно разрушит твою радость, оно разрушит твою любовь, оно разрушит твой мир. И по какой причине тебе не хочется медитировать?

Ты говоришь:

Я чувствую, что так полон эмоций, вдаваясь в соки жизни и наслаждаясь просто тем, что я здесь, что не хочу даже медитировать.

А кто заставляет тебя медитировать? По крайней мере меня ты в этом не можешь обвинить. Вот все, что я говорю: наслаждайся жизнью и ее соками и просто будь здесь, не нужно никакой медитации.

Медитация происходит от того же корня, что и «медицина». Если ты достаточно здоров, не нужно чувствовать вину за то, что ты не принимаешь лекарство. Больным людям нужно лекарство. Ты совершенно здоров и наслаждаешься жизнью и ее соками, наслаждаешься просто тем, что ты здесь. Все в полном порядке. Тебе не нужно просить прощения...

...Прости, что я это говорю, потому что я знаю, что Ты столько говорил о красоте и расслаблении медитации.

Фактически, я должен просить прощения: Прости, что я столько говорил о красоте и расслаблении медитации, что это создало в тебе чувство вины.

Теперь ты создаешь чувство вины во *мне!*

И я испытал проблески чистого экстаза и безграничной радости, которые совершенно невыразимы.

Великолепно, Премдипа! Какой еще ты хочешь медитации? Она у тебя уже есть. Но проблема в том... ты говоришь:

Но я здесь так наслаждаюсь этой любовью, этим безумием — даже Твоей сердечной хирургией, — что даже не думаю о медитации.

Кто же тогда написал этот вопрос?

Я люблю Тебя всем своим существом.

Пожалуйста, не делай этого! Потому что я один, а вас так много — если каждый начнет любить меня всем своим существом, вы меня убьете! Бедная душа... всем своим существом! Спроси кого угодно — каждый любит меня всем своим существом, и я должен прятаться у себя в комнате, потому что, если кто-то придет и начнет меня любить всем своим существом, это меня прикончит!

Лишь немного любви достаточно.

Я очень удовлетворенный человек, я не прошу многого. Хватит лишь небольшого «Йаа-Хуу!».

И я не могу достаточно поблагодарить Тебя за все.

Боже правый! Не помню, чтобы я для тебя что-то сделал!

Но у меня нет желания снова преследовать эти проблески. Может ли быть так или я на совершенно неправильном пути?

Надеюсь, ты на совершенно неправильном пути, потому что не хотел бы я встретить человека, который любит меня всем своим существом, не хочет медитировать и у которого уже есть проблески опыта чистого экстаза и безграничной радости, которые совершенно невыразимы. И который не хочет медитировать — не только медитировать, но даже и думать об этом!

Тогда я озадачен: либо ты на неверном пути... либо, может быть, у тебя не на месте крыша!

Папа Польский в кругосветном паломничестве. Он останавливается в Сан-Франциско, чтобы благословить людей и принять участие в святой мессе в соборе.

Случайно трансвестит Клод оказывается рядом, и Папа проходит мимо него к алтарю, размахивая кадиллом.

— Эй, милашка, — говорит Клод вздрогнувшему Папе Польскому, — я тащусь от твоей ночной рубашки. Но знаешь ли ты, что у тебя сумочка горит?

Должно быть, ты человек того же типа.

Эзра Грюбельберг выпал из окна четвертого этажа. Пока он лежит, распростертый на земле, вокруг него собирается толпа, и полицейский подходит осведомиться, что случилось.

— Не знаю, — говорит Эзра. — Я сам только что пришел.

Бабушка Фагинбаум входит в бар с попугаем на пальце. Она поднимает его и говорит:

— Я полюблю того, кто угадает вес этого попугая.

После долгого молчания пьяный кричит из дальнего угла:

— Двести килограмм.

Бабушка оборачивается и говорит:

— Горячо!

Кажется, ты принадлежишь к таким людям.

Однажды вечером Пэдди и Сэм бредут по железнодорожным рельсам. Сэм оборачивается к Пэдди и говорит:

— Ненавижу эту лестницу. Ступеньки слишком далеко друг от друга.

— Я против этого ничего не имею, — говорит Пэдди, — но меня просто убивают эти низкие перила.

Берни Бернштейн звонит Голдбергу и Финкельштейну, торговцам.

— Соедините меня, пожалуйста, с мистером Финкельштейном, — говорит Берни.

— Боюсь, что мистера Финкельштейна нет, — отвечает секретарша.

— Тогда позовите мне мистера Голдберга, — говорит Берни.

— Боюсь, что в данный момент это невозможно. Он очень занят.

— Объясните ему, что у меня срочное дело.

— Он буквально связан по рукам и ногам.

— Ладно, — говорит Берни. — Я перезвоню позже.

Проходит десять минут.

— Мистера Голдберга, — говорит Берни.

— Мне ужасно жаль, сэр, — отвечает секретарша, — но мистер Голдберг все еще связан по рукам и ногам.

— Я перезвоню позже, — говорит Берни.

Проходит полчаса.

— Голдберга мне! — кричит Берни.

— У меня ужасные новости, сэр, — отвечает секретарша. — Голдберг по-прежнему связан.

— Боже правый! — стонет Берни. — Ну что это за бизнес, если одного все время нет, а до другого не дозвонишься! Что там у вас происходит?

— Видите ли, сэр, — отвечает секретарша. — Каждый раз, когда мистер Финкельштейн уходит, он связывает мистера Голдберга по рукам и ногам.

Предстоящее увольнение вызывает у почтальона смешанные чувства. С одной стороны, он рад уйти на покой, с другой, ему будет так не хватать ежедневных посещений молодой замужней женщины, на которую он давно положил глаз.

В последний день на службе он радостно потрясен, когда она открывает ему дверь, имея на себе только прозрачный пеньюар, и приглашает войти. Она затаскивает его в спальню и страстно занимается с ним любовью.

После этого она готовит ему вкусный завтрак. Когда он собирается идти, она вынимает из кошелька доллар и вручает ему.

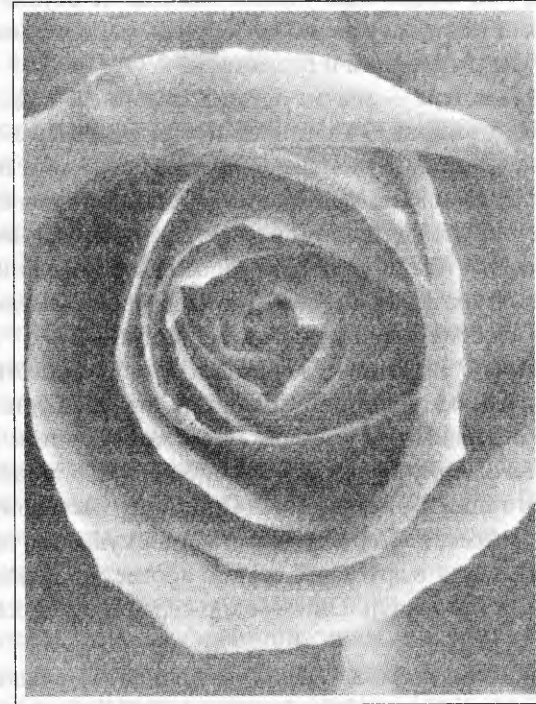
— Не понимаю, — говорит довольный почтальон. — Вы мне еще и платите?

— Это идея моего мужа. Когда я ему сказала, что вы уходите на пенсию, и предложила что-то подарить, он сказал: «Черт бы его взял*, дай ему доллар». А завтрак, — добавляет она гордо, — это моя идея.

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Одно сердце в двух телах

...Ученик дышит мастером; в определенном смысле, мастер и его собственное существо так глубоко вовлечены друг в друга, что трудно провести разграничение, где ученик, а где мастер.

Они — одно сердце, бьющееся в двух телах.

* Screw him. буквально значит: «трахни его». — Прим. перев.

Любимый Ошо,

Когда свобода ученика переходит в осуждение мастера?

Миларепа, подлинный ученик никогда не осудит мастера. Фактически, он и не может осудить мастера; мастер стал его собственным сердцем и существом.

Осудить мастера — значит осудить самого себя. Да, есть так называемые ученики. Этот вопрос может относиться только к этим так называемым ученикам. Прежде всего, они не ученики — это осуждение не мастера, но их собственного существа, их собственной искренности, их собственной подлинности.

Что касается мастера, он *есть* свобода своего ученика. Если существо мастера каким бы то ни было образом становится препятствием свободе ученика, мастер не истинный.

Твой вопрос затрагивает очень сложный опыт отношений мастера и ученика. Если они подлинны, тогда ученик не ощущает себя отдельным от мастера. Не может быть и речи о том, чтобы он во имя религии или чего-либо другого пошел против мастера. Это просто невозможно. Он дышит мастером; в определенном смысле, мастер и его собственное существо так глубоко вовлечены друг в друга, что трудно провести разграничение, где ученик, а где мастер. Они — одно сердце, бьющееся в двух телах.

Но если ученик ложный, не на сто процентов, а наполовину, если он не горит, а тлеет, тогда рано или поздно он осудит мастера. Тогда он почти обречен прийти к осуждению мастера, потому что мастер и его существо так и не слились воедино. Он так и не смог тотально раствориться в мастере — или позволить мастеру тотально раствориться в себе. Он не может этого простить; не может он и забыть. Он намеренно пойдет против мастера и его учений; он осудит его просто ради самозащиты: «Почему я отделился? Потому что мастер был недостоин меня, и мне пришлось отделиться. Мастер не был поистине мастером,

поэтому не может быть речи о том, чтобы я был его учеником». Он должен осудить мастера, чтобы защитить свое эго. А единственный способ его осудить — это начать делать вещи, прямо противоположные его учению.

В каждом вдохе и выдохе мастера — только одна преданность: неведомому экстазу, определенному опыту, и за пределами его нет ничего выше и священнее. Ученик идет против мастера, лишь чтобы защитить свое эго. Если мастер тоже ложный, он почувствует осуждение, и его реакция будет гневной. Он осудит ученика в ответ.

Но если мастер подлинный, он просто посмеется над глубиной этого невежественного человека, который не знает, что рубит сук, на котором сидит, — своими действиями он просто выставляет себя на посмешище. Но ни на мгновение истинный мастер не может подумать, что его можно осудить. Тысячи могут быть против него, тысячи могут ему противостоять, тысячи могут прийти и стать его учениками и покинуть его в определенной точке, но он не почувствует никакого осуждения. Просто великое сострадание: они не виноваты.

Если ты продаешь очки, — спроси Премду, моего окулиста, — если ты продаешь очки в городе слепых, ты должен знать, что никто не воспримет это как принесенное тобою благословение. Люди слепы, они никогда ничего не видели, и твои очки им не помогут.

А все великие мастера продавали очки слепым. Если слепые готовы последовать всем инструкциям, подчинить себя дисциплине, может быть, у них начнут раскрываться глаза, потому что никто не рождается духовно слепым. Глаза всего лишь закрыты, и вы разучились их открывать.

Вся функция мастера состоит в том, чтобы помочь вам открыть глаза. Иногда это больно. Это хирургия. А когда ученику больно, он чувствует себя обиженным. Но в намерение мастера никогда не входит причинить боль; его единственное намерение — помочь тебе прийти к лучшей, более духовной, более красивой, более бессмертной жизни.

Как человек может даже помыслить о том, чтобы во имя религии сделать что-то против собственного мастера? Мастер

есть его свобода, и если что-то идет против мастера, это не свобода. Ты идешь против самого себя и против свободы. На поверхностный взгляд может показаться, что ты действуешь себе на благо, но ты только себе вредишь. Если ты считаешь свободой вредить себе, разрушать работу, которую мастер проводил над твоими глазами... если ты считаешь свободой разбить очки, которыми обеспечил тебя мастер, ты ведешь себя абсолютно по-идиотски.

Найти мастера — это благословение, раствориться в мастере — это самый блаженный опыт — опыт радости и свободы, своего рода освобождение от бремени и всего ненужного груза, опыт легкости и смеха...

Но очень трудно увидеть собственные недостатки. По самой нашей природе нам свойственно легко видеть недостатки других, но своих собственных мы не видим. И наш собственный недостаток может быть достаточно большим; даже тогда мы не можем его увидеть, потому что он наш. Мы с ним отождествились, это наша личность. Если кто-то на это укажет, для нас это будет болезненно.

Вот древняя суфийская поговорка: «Человек может увидеть песчинку в глазу другого, но не может увидеть верблюда в собственном глазу».

Однажды в Гоа большеротая лягушка сидела в пруду. К ней подходит тигр и говорит:

— Эй, парень, ты слышал? Сегодня на пляже большой праздник по случаю полнолуния.

Лягушка открывает свой гигантский рот и говорит:

— Клааасс!

— Да, — говорит тигр, — и там будет танцевать много саньясинских девушек.

— Клааасс! — говорит лягушка.

— И будет много джаза и скинхедов, — говорит тигр.

— Клааасс! — говорит лягушка.

— И будет много выпивки и жратвы.

— Клааасс!

— Только одно нужно помнить, — говорит тигр, — туда не пускают ребят с большим ртом.

Лягушка с лязгом закрывает рот и говорит:

— Бедный крокодил, он будет так разочарован.

Клааасс!

Любимый Ошо,

Когда я пишу вопрос, внутри я весь содрогаюсь. Моя подружка хочет быть дзэнским мастером. У нее нет дзэнской палки, но она довольно хорошо трясет перьями на хвосте, когда что-то «не по ней». До сих пор я пытался отстаивать свою небольшую долю истины.

Но, услышав Твои последние слова о том, что ты хочешь, чтобы было много женщин-мастеров, я подумал, что, может быть, я должен прекратить борьбу и безоговорочно капитулировать и оказаться абсолютно, тотально под каблуком!

Сатьям Амбодж, в этом вопросе я с тобой согласен. Только об одном я хочу тебе напомнить, потому что ты, кажется, думаешь, что должен оказаться под каблуком; реальность в том, что, как только ты попадаешь в руки к девушке, ты нигде и никто, ты просто муж-подкаблучник! Только ради тебя я представляю выражение «друг под каблуком», потому что «друзья» думают, что все это применимо только к мужьям.

Дело не в мужьях. Это сама природа отношений с женщиной: она мастер. Но она достаточно хитра, чтобы позволить тебе притворяться, что мастер ты.

Ты говоришь: «Когда я пишу этот вопрос, внутри я весь содрогаюсь. Моя подружка, — ...нет такой вещи, как подружка; есть только повражки... что за чепуху ты говоришь? — хочет быть дзэнским мастером».

Что в этом плохого? Каждая женщина — прирожденный дзэнский мастер. Именно поэтому известно так мало женщин-

мастеров — потому что *каждая* женщина — мастер... Бедный мужчина — не все мужчины мастера; лишь изредка случается Гаутама Будда, и их можно пересчитать по пальцам. Но что касается женщин, целый океан...

А ты говоришь: «У нее нет дзэнской палки». Не волнуйся, я ее снабжу. У меня есть дзэнская палка, которой я никогда не пользуюсь, поэтому просто спроси Анандо, где она, возьми и дай своей повражке.

Ты говоришь: «До сих пор я пытался отстаивать свою небольшую долю истины». Не борись. Ни у кого не может быть небольшой доли истины. Либо она есть у тебя вся, либо ее нет вообще. Пожалуйста, прекрати — зачем себя мучить? Истину нельзя разделить. Ты не просишь много, лишь небольшую порцию, но женщина, — особенно женщина, которая мой ученик, — абсолютно бескомпромиссна. Она поставила тебя на место.

Ты спрашиваешь *меня!* А все это случилось давно...

«Услышав твои слова о том, что ты хочешь, чтобы было много женщин-мастеров, я подумал, что должен прекратить бороться и безоговорочно капитулировать и оказаться абсолютно, тотально под каблуком».

Потрясающее, великое прозрение! Почти откровение!

Хайме Голдберг, снова пьяный, разглагольствует в баре.

— Восемнадцать лет, — говорит он своему другу Мойше, — восемнадцать лет мы с моей женой были счастливейшими людьми в мире!

— И что случилось потом? — говорит Мойше.

— Потом, — всхлипывает Хайме, — мы повстречались!

Жить с женщиной — худший из ужасов мира.

...Нискрия на седьмом небе, потому что одна женщина мучила его почти пять месяцев, и ему потребовалось пять месяцев, чтобы от нее избавиться. Но недолго он смог наслаждаться свободой. Не прошло и нескольких минут, как на него набросилась другая женщина. И теперь каждое утро он выходит на свободу,

но вечером снова поработен. Непонятно, почему мучают Нискрию, когда вокруг столько других? Он так прост, что никому не говорит нет, поэтому его может захватить любая женщина и ему приходится сдаваться.

Он устал... целый день он работает со своей камерой, он великий, трудолюбивый ученый... потому что однажды я упомянул, что вскоре появятся камеры с трехмерным изображением. С тех пор он работает над производством трехмерного изображения. Это очень трудно, но это ему удалось. Немец в конце концов есть немец. Одной камеры ему мало; ему пришлось объединить две и снимать двумя.

Это тяжелая работа: каждый раз соединять две камеры, потом разъединять, соединять и разъединять.

И многие люди, которым он показывал свои лучшие результаты... все они говорили: «...потрясающе, очень хорошо», а мне они говорили: «...мы ничего не видим, но не хотим обижать его чувства».

Я сказал: «Вот это да! Он показывает людям трехмерные фотографии, а они ничего не видят и говорят: «Потрясающе, Нискрия, тебе это удалось!»

В конце концов он осознал, что в том, что он показывал этим людям, ничего не было. Ему пришлось начать работать в другом направлении. И ему это удалось: теперь он приходит с небольшой коробкой, в которую вкладывают слайды, и получается трехмерное изображение.

Но сделать этот слайд — такая мука. Когда мои фотографии хотят сделать фотографии, они говорят: «Только не пускай сюда этого Нискрию, потому что ему на все наплевать, и он всем мешает. Его волнует только трехмерное изображение». И вот, вместо одной камеры у него на тележке их две, и он их постоянно за собой возит.

Он ни на кого не смотрит. Ему не приходит в голову, что есть другие фотографии, он сразу занимает центральную позицию. Они говорят:

— Если придет Нискрия, нам нет смысла приходить, потому что он ни на кого не смотрит и ни с кем не разговаривает.

Он так поглощен своей работой. Вот поистине научный ум...

Поэтому его даже не беспокоит, что за женщина ему докучает: ну и пусть докучает, если ей хочется. Иногда та же самая женщина продолжает ему докучать несколько дней. К этому времени он забывает ее лицо. Я слышал, что одна женщина докучала ему три раза, а он думал, что это три разные.

Но, фактически, он никогда не смотрит, кто это и что происходит, он совершенно удовлетворен своей камерой. И если бедной женщине нужно немного времени, он выделяет ей время, но его ум продолжает думать о трехмерном изображении. Кто смотрит на женщину? — он думает о новых приборах. Может быть, это та же женщина, которая приходила вчера, может быть, кто-то другой, а может быть, вообще никого нет; он просто думает, что женщина сидит у него за спиной.

Но он счастливый человек, в том смысле, что не должен никому сдаваться. Он даже не знает, как тебя зовут, не узнает тебя — повражка?..

Сатьям Амбодж, оказаться абсолютно и тотально под каблуком — это великий опыт, потому что тогда ты абсолютно спокоен. Вместо того, чтобы отречься от женщин и бежать в Гималаи... где никогда не знаешь, не встретится ли тебе другая женщина, потому что эти создания есть всюду. У них разные лица, разные тела, но под чехлом одна и та же машина. Ты можешь посмотреть на чехол и подумать, что это кто-то другой: «Может быть, это и есть нужная женщина, она словно рождена для меня... Клянусь Богом, я ее нашел!»

Но твое счастье не продлится и двенадцати часов. Как только женщина убедится, что ты у нее в руках, ты будешь удивлен: «Это совершенно другая женщина, но ведет себя точно так же, как и та, от которой я отрекся!»

Я слышал, что один человек в Калифорнии женился восемь раз. И каждый раз через три месяца он обнаруживал, что, хотя женщина и другая, все остальное — то же самое. Те же самые ссоры, та же борьба, та же ревность, те же требования. На восьмой раз случилось чудо: он женился на женщине, на которой был женат в первый раз, но это было так давно, что он забыл ее. Через три дня — он начал приходить в чувство — он вспомнил:

— Я тебя где-то видел.

— Я тебя тоже где-то видела! — сказала она. — Я дала тебе достаточно длинный поводок; теперь о разводе можешь и не думать. Я ждала: куда ты денешься? В конце концов тебе придется прийти ко мне, потому что каждая женщина будет делать то же самое, что и я. Фактически, по пути ты должен был вспоминать меня: «Та женщина была гораздо лучше».

В природе ума забывать то, что не очень хорошо, и помнить только то, что красиво. С течением времени прошлое становится золотым. «Это были совершенно другие времена...» И, конечно, он больше с нею не развелся, потому что какой в этом смысл? Напрасно идти в суд, чтобы там тебя мучили судьи и адвокаты, и в конце концов оказаться с другой женщиной...

Те, кто бежал от мира, бежали не от мира, на самом деле они бежали от женщины.

Для такого медитативного человека как ты, Сатьям Амбодж, очень хорошо тотально сдать. Простершись на земле, в индуистском стиле! Касаясь ног повражки и говоря:

— Я твой слуга. Ты моя хозяйка. Приказывай, и я буду повиняться.

И ты будешь удивлен, сколько мира и покоя... думаю, не только ты, но и другие сделают то же самое, потому что каждый ищет покоя. Такой простой индуистский прием! Растянься на земле и положи голову на ногу врага. Христиане не смогли понять, что имеет в виду Иисус, когда говорит: «Люби своего врага». Я впервые даю правильное истолкование!

Кажется, подошло время молитвы... В этой конгрегации оно приходит скоро.

Папа Польский председательствует на собрании Мирового Совета Церквей в 1988 году.

Во время прений у него выходит разногласие с Братом Джессом Джексоном, американском кандидатом в президиум, о том, белый Бог или черный.

Вскоре Совет присоединяется к свалке, в которой Папа вопит о превосходстве белых и дико бьет кулаком по подлокотнику своего папского трона.

В конце концов этот ужасный шум будит Бога ото сна. Его это очень достает, и вот он раздвигает облака и кричит громовым голосом:

— Я — тот, кто я есть!

Над Советом воцаряется гробовое молчание; Папа Польский оглядывается по сторонам и говорит:

— Видишь, черный идиот? Я же говорил, что он белый, и вот тебе доказательство!

— Что ты имеешь в виду? — говорит Брат Джесс. — Он только сказал несколько слов.

— Ага! — говорит Папа. — Но черный сказал бы: «Моя — та, кто моя есть!»

Папа Польский стоит у Жемчужных Врат, требуя, чтобы его пропустили. Святой Петр его пропускает, но с предупреждением:

— Ты еще не в раю! Здесь на небесах мы ввели несколько изменений. Прежде чем тебя окончательно примут, ты должен пройти по этому коридору. Если у тебя в голове появится хоть одна плохая мысль, под твоими ногами раскроется люк и ты упадешь прямо в ад!

Папа Польский принимает вызов и начинает свой путь по коридору. Когда он проходит полдороги, Святой Петр не может устоять перед искушением и говорит шепотом:

— Ошо!

Немедленно распахивается люк, и Папа Польский падает в ад.

Через короткое время появляется Рональд Рейган. Святой Петр дает ему те же самые инструкции. Снова искушение одолевает Святого Петра, и он шепчет:

— Ошо! — и в то же мгновение люк распахивается, и Рональд Рейган падает в ад.

Через некоторое время Ошо, совершающий круговселенское путешествие, прибывает к Жемчужным Вратам, где его приветствует Святой Петр, показывает проход в рай и дает инструкции о люке. На полпути к раю Ошо медленно оборачивается, поднимает правую руку к небу и говорит:

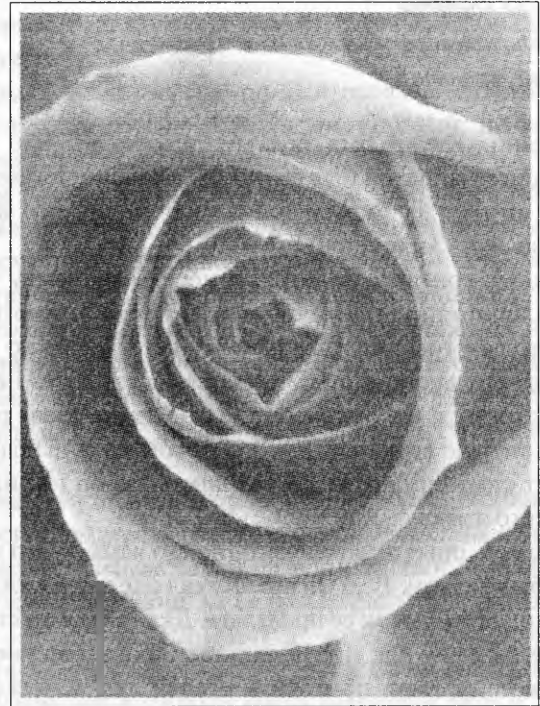
— Йаа-Хуу!

Распахивается люк, и Святой Петр падает в ад.

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

О лебедь,
взлети в одинокий полет!

*...Мы не принадлежим к этому обыденному миру.
Это не наш дом. Рано или поздно приходит мгновение:
сознание раскрывает крылья и летит домой.*

Любимый Ошо,

Я прочитал, что Кабир говорит:

«Неповрежденным я оставляю свой плащ позади.

Я носил его с великой заботой,

А затем отложил таким же, как и нашел,

Никак не повредив.

О лебедь, взлети в одинокий полет!»

Ошо, что это?

Ниведано, Кабир был бедным человеком. Что касается внешнего мира, он был никто. Но что касается внутреннего мира, он принадлежит к той же категории, что и Гаутама Будда, Лао-цзы, Заратустра.

Его слова, конечно, не могли относиться к языку ученых и знающих. И это ни в каком смысле не плохо; напротив, очень удачно, что он говорит языком обычных людей, но вносит в свои слова столько красоты, что никакая ученость не может с ними состязаться. Он привносит в обыденные слова рыночной площади столько великолепия... ты никогда бы не подумал, что они могут стать символом высочайшего. Но он не знает никакого другого языка.

У него есть опыт высочайшего, но его язык — это язык ткача — он был ткачом. Вся жизнь он ткал одежду и каждое воскресенье ходил на рынок ее продавать. Даже когда он стал известен везде и всюду как пробужденное, просветленное существо, — и к нему стали приходить тысячи людей, даже короли, даже богатейшие люди, — но он так и не оставил свою работу. Он продолжал ткать.

Должно быть, тысяча и один раз ученики просили его:

— Мы позаботимся обо всех твоих потребностях. И тебе нужно не так много...

Его семья состояла только из его сына, жены и его самого, и они жили в полной бедности. Но он всегда отказывался. Он говорил:

— Бог создал меня ткачом, и я не могу быть никем другим. И вы совсем не думаете о людях, которые получают сотканную мною одежду. Я тку ее с такой любовью и радостью, так празднично, так сознательно, что никто другой так не сможет. Что будет с моими покупателями? Я всегда тку для покупателей, потому что каждый мой покупатель — это представитель божественного. Я на службе у божественного — пожалуйста, не отвлекайте меня.

Его язык, — потому что он был ткачом, — снова и снова отражает его профессию и тот язык, который, по-видимому, использовался людьми его профессии.

В этом прекрасном утверждении, которого не смог бы сделать никто другой — Будда не смог бы об этом и помыслить...

«Я прочитал, — спрашивает Ниведано, — что Кабир говорит: “Неповрежденным я оставляю свой плащ позади”».

Это утверждение он сделал перед смертью, за несколько мгновений до смерти. Он говорит: я оставляю свой плащ позади. «Я носил его с великой заботой, а затем отложил таким же, как нашел, никак не повредив. О лебедь, взлети в одинокий полет!»

Мгновение ухода — окончательного ухода сознания из тела... В восточном мистическом языке лебедь символизирует душу, потому что лебедь такой белый и чистый — особенно лебедь из Гималаев, такой же белый и чистый, как гималайские снега.

Из-за его белизны и чистоты... И он живет далеко в Гималаях, куда удавалось добраться очень немногим людям, на самом высоком горном озере мира — Мансароваре. Девять месяцев из двенадцати оно покрыто льдом; только на три месяца лед тает. На девять месяцев лебедь спускается на равнину, но всегда через девять месяцев возвращается к Мансаровару.

И странная тайна в том, что именно в эти месяцы, когда лебедь не в Мансароваре, он рождает детей. Лебеди уже улетают, а их птенцы еще не вылупились из яиц. Когда приходит

время, они покидают яйца и летят к Мансаровару. Тайна в том, что родители никогда не встречаются с детьми. Ребенок никогда не путешествовал по этому пути; он ничего не знает о Мансароваре, но, когда приходит время и из яйца вылупляется маленький лебедь, он тут же отправляется в путь к Мансаровару.

Из-за этого факта лебедь стал очень важным символом: ты не знаешь, где твой дом; нет ни путеводителя, ни карты, и ты должен идти один. Но каждый ребенок непременно достигает Мансаровара.

Говоря метафорически, мы не принадлежим к этому обыденному миру. Это не наш дом. Рано или поздно приходит мгновение: сознание раскрывает крылья и летит домой.

Кабир говорит эти слова прямо перед тем, как оставить тело. Тело символизирует плащ. На хинди он называется *чадарья*.

Я оставляю свой плащ неповрежденным. Точно в таком же виде, как ты мне его дал: я его не испортил, на нем нет ни дыры, ни даже пятна. Такой же белый, свежий и чистый, каким ты мне его дал, я откладываю его в сторону.

Я носил плащ с великой заботой. Это нужно понять. Он не против тела. Он говорит: Я носил плащ с великой заботой, я использовал свое тело с великой заботой, с любовью, и я откладываю его таким же, как нашел. Теперь пришел момент отложить его в сторону, и я откладываю его точно таким же, как и нашел.

Слова Кабира очень красивы. Почти непередаваемы в своей красоте. В них есть определенная музыка, которая теряется в любом переводе, и все же вы должны услышать эти слова:

Джьон ки тьон дхари динхи чадарья

Кхуб джатан кар одхи чадарья.

С великими усилиями я использовал плащ, который ты мне дал, и я возвращаю его обратно — *джьон ки тьон* — точно таким же, каким ты мне его дал, не испортив его, никак его не повредив. О лебедь, — это он говорит самому себе, — О лебедь, взлети в одинокий полет.

Теперь даже этот плащ, эту *чадарью*, которую ты использовал всю жизнь, ты не можешь взять с собой. Ни жену, ни сына, ни друзей, ни учеников — никто не может отправиться вместе с тобой; ты должен идти один. Это полет от одинокого к одиночеству.

О лебедь, взлети в одинокий полет.

И Кабир благословил своих учеников. Прежде чем закрыть глаза, он сказал — *чадарья* похожа на простыню, ее можно обернуть вокруг тела, — он сказал ученикам: «Накройте меня *чадарьей*, плащом».

Кто-то спросил зачем.

— Ты поймешь позднее, — сказал Кабир.

И его тело было покрыто тем же куском ткани, который он носил всю жизнь.

До сих пор не решено, был ли Кабир индуистом или мусульманином. Это создало огромные проблемы. У него были и индуистские ученики, и мусульманские ученики. И они постоянно ссорились из-за того, кем был он. Когда Кабира спрашивали, он просто смеялся. Он говорил:

— Я это я! Что у меня общего с индуизмом или исламом? Я совершенно счастлив быть самим собой.

И он никогда не отвечал; вопрос оставался открытым. После своей смерти он приобрел огромную важность, потому что мусульмане кладут тело в могилу, а индуисты кладут тело на погребальный костер. Что теперь было делать? Обе стороны противостояли друг другу, готовые бороться, убивать друг друга!

Проблема эта возникла с самого начала — потому что его имя, Кабир, было мусульманским. Оно значит «Бог» — в исламе у Бога сто имен. Девяносто девять имен можно произносить, сотое остается неназваемым. Одно из первых девяноста девяти имен — Кабир, и что касалось его имени, то оно было мусульманским.

Но, кажется, его родители по какой-то своей причине — может быть, он был незаконнорожденным ребенком, — хотя ни один ребенок не бывает незаконным, бывают только незаконные родители, — оставили ребенка на ступенях Ганга. И вели-

кий индуистский святой, Рамананда, пришел рано утром... было еще темно; ребенку, должно быть, не было и двух лет.

Когда Рамананда возвращался после омовения, ребенок схватил его за ноги — когда Рамананда проходил мимо, ребенок схватил его за ноги. Рамананда в темноте решил, что какой-то ученик касается его ног, и сказал:

— Благослови тебя Бог.

Не услышав ответа, он присмотрелся: там сидел маленький ребенок. Но Рамананда принял его в ученики, будучи человеком обещания и слова, и принес его домой.

Его ученики очень разозлились. Они сказали:

— Что ты сделал? Прежде всего, этот ребенок явно незаконнорожденный; иначе кто бы оставил такого красивого ребенка на ступенях набережной холодной зимней ночью?

И на его руке было написано по-арабски его имя, Кабир.

— Во-первых, он незаконнорожденный, во-вторых, он мусульманин!

Рамананда сказал:

— Это не имеет значения. Кем бы он ни был, он принял мое благословение. Я его посвятил, он коснулся моих ног. Я не могу его отвергнуть. Он будет жить со мной. Не важно, индуист он или мусульманин, он просто ребенок, который ничего не знает о том, кто он такой.

Это наделало столько шума, что многие ученики Рамананды от него ушли, говоря:

— Это совершенно противно индуистской традиции. Он не следует традиции и допускает в дом мусульманина — и не только допускает, но и воспитывает его!

Но Рамананда был очень храбрым человеком. Будь он обычным индуистским святым, он не рискнул бы своей репутацией. Столько учеников от него уходит, столько учеников его осуждают: «Он поддерживает незаконнорожденных детей. Своим действием он не говорит, что незаконных детей нужно отвергать, чтобы никто никогда не попытался поступить так снова».

Рамананда вытерпел все это осуждение и вырастил Кабира. Он никогда не спрашивал Кабира:

— Какая твоя религия?

Фактически, человек религии не может спросить другого человека религии, какая у него религия. Потому что религия — это не что-то такое, как ученая степень... «Ты бакалавр, магистр или доктор?»

Религия это качество. И Рамананда смог увидеть в этом ребенке больше религиозности, чем во всех своих учениках. Для него было достаточно того, что Кабир был правдив, искренен, медитативен; он совершал постоянные усилия, чтобы познать себя.

Есть мемуары людей, которые видели Кабира, растущего под крылом Рамананды, и они говорят, что даже ребенком он выглядел как будда — такой молчаливый, такой мирный, что невозможно было поверить, что это ребенок. Он никогда не делал ничего детского. Вскоре люди даже стали задавать ему вопросы, касаться его ног. Даже в присутствии Рамананды Кабир стал известным святым — а он был очень молодым человеком.

Он сказал Рамананде:

— Я чувствую себя в большом затруднении, потому что люди, которым следовало бы приходить к тебе, приходят ко мне.

— Не волнуйся, — говорил Рамананда, — я тебя благословляю от души. Фактически, это я отправляю к тебе людей, которые приходят ко мне! Ты более свежий. Ты не обусловлен никакой религией, ты не обусловлен никакими родителями, никакой традицией, никакой церковью. Ты чище. Я горжусь тем, что у меня есть такой ученик, как ты.

Рамананда никогда не слушал, когда ему говорили:

— По крайней мере, нужно установить, к какой религии он принадлежит. Это вызывает замешательство.

Рамананда умер; он так ничего об этом и не сказал. Он просто сказал:

— Он религиозный человек, и больше мне нечего о нем сказать.

И вот, когда Кабир умирал, он знал: «После моей смерти среди моих учеников произойдет великая ссора. Они просто

ждут момента — “пусть только умрет, и посмотрим, кто победит”».

И, конечно, одна сторона имела преимущество: у него на руке было написано «Кабир». Преимущество другой стороны было в том, что его воспитал Рамананда, который был великим индуистским святым: «Если ты ученик индуистского святого, не важно, что написано у тебя на руке. Вы можете взять себе его руку, но его тело принадлежит нам».

И вы будете удивлены: чтобы избежать беспорядков, в которых могли быть убиты тысячи людей, было решено: «Мы должны разрубить Кабира на две части. Половина достанется индуистам, половина — мусульманам».

Иногда я думаю, что придется разрубить и меня — на столько частей... двух частей не хватит!

Кабир, предвидя эту ситуацию заранее, сказал:

— Накройте мое тело плащом, — и умер.

И когда они это решили, они подняли плащ, но не нашли там ничего, кроме груды прекрасных роз.

Это безмерно красивая история. И голос — они услышали голос — сказал:

— Теперь вы можете разделить цветы.

Когда в Индии кто-то умирает — особенно со времен Кабира, — когда человек умирает и его сжигают, на третий день собирают его кости. Эти кости называются «цветами» — просто воспоминание. Может быть, люди забыли, кто был источником, почему кости стали называть цветами, но, несомненно, такой человек, как Кабир...

Эта история не может быть фактической, не может быть исторической, но она просто показывает, что, пытаясь поделить тело такого человека, как Кабир, вы найдете только цветы и ничего больше. Это мое понимание. Я не согласен с учеными, которые отрицают эту историю; не поддерживаю я и тех, кто говорит, что она фактична.

Я говорю, что она очень символична: она говорит, что даже если ты решишь разделить тело Кабира, то не найдешь ничего, кроме груды роз.

Я был в том месте, где умер Кабир, совсем рядом с Варанаси, на другой стороне Ганга. На одной стороне стоит великий город Варанаси — по словам индуистов, дрейнейший город мира. Он так и выглядит. По нему нельзя ездить на машине, потому что улицы такие узкие, что по ним можно только ходить, но ни на чем нельзя ездить. Наверное, они были созданы до того, как изобрели воловью упряжку. Иначе их сделали бы по крайней мере в ширину воловьей упряжки.

В древней части Варанаси дороги очень прохладные — потому что дома высокие, а дорога такая узкая, что только два человека могут идти рядом. Лишь на несколько секунд, когда солнце в зените, лучи падают на дорогу — и снова тень. Снова они прохладны, почти как в комнате с кондиционером — и многие века кондиционирования...

А на другой стороне Ганга маленькая деревушка Магхар, где умер Кабир. *Самади*, мемориал, разделен перегородкой. Половина принадлежит мусульманам, половина — индуистам. Такая человеческая глупость. Вы поклоняетесь одному и тому же человеку, любите одного и того же человека. Вы вдохнули его философию, одни и те же слова, но обусловленность человеческого ума...

Мусульмане сделали могилу для своей доли цветов, а индуисты сожгли свою долю на погребальном костре. И обе стороны создали мемориал, но со стеной посередине: одна половина принадлежит индуистам, другая — мусульманам. Мусульмане не входят на индуистскую территорию, а индуисты — на мусульманскую. И это мемориал одного и того же человека!

Важно вам напомнить, что Кабир всю жизнь жил в Варанаси. И по странным причинам... есть много мест. В Пенджабе есть место, которое называется Хошьярпур... Это значит «город мудрых». Один человек из Хошьярпура...

Теперь все понимают, почему Сардар-джи, как его все любовно называют, расхохотался, услышав название города. Он широко известен всему ашраму как благодаря своему красочному пенджаби, так и своему медвежьему раскатистому смеху.

Никогда не спрашивайте никого в Пенджабе: «Где ты живешь?», потому что, если он из Хошьярпура, он тут же вытащит меч: «Что ты имеешь в виду? Почему ты спросил? Как ты узнал, что я из Хошьярпура?» Веками всем известно, что Хошьярпур — город идиотов. Никто не может сказать: «Я из Хошьярпура», никто не может спросить. Если ты спросишь, то тем самым поставишь человека в неловкое положение, потому что он не может ни признать этого, ни отрицать.

Есть много мест — наверное, во всем мире есть такие места. Например, в Иудее, где был распят Иисус... как будто он был в этом виноват! Он родился в небольшой деревне, Вифлееме, и ему говорили:

— Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы в таком месте, как Вифлеем, родился пророк? Только *потому*, что ты родился в Вифлееме, ты не можешь быть пророком! Никогда не слышал — никто и вообразить не может, что в такое глупое место, как Вифлеем, Бог пошлет своего единственного единородного сына. Он что, не мог найти лучшего места?

Таким же образом, в Индии есть такая концепция, что, если ты умираешь в Варанаси, не важно, хороший ты человек или плохой, святой или грешник — это не имеет значения; если ты умираешь в Варанаси, ты попадаешь прямо в рай.

И в Варанаси — вы будете удивлены — население совершенно особенное. Когда люди устают, они начинают двигаться в сторону Варанаси. Приближается время смерти, они совершили все возможные грехи, и теперь единственный шанс попасть в рай — умереть в Варанаси. Вы найдете это странным... но я там был, и, несомненно, я странный парень. Я смотрю на то, о чем никто не беспокоится.

Я жил у друга Джидду Кришнамурти. Именно из-за Кришнамурти он со мной познакомился. Я выступал в Теософском обществе Варанаси, и он заинтересовался мной и сказал:

— У меня большой дом. Почему ты живешь в гостинице? Живи у меня.

И я ему сказал:

— Я оглядываюсь по сторонам, и мне кажется, что здесь очень много стариков. Ни в одном другом городе нет столько стариков, они бы уже давно умерли. Что они здесь делают?

— Здесь это проблема. Ты найдешь здесь людей, которые приехали сюда умирать, но смерть не в твоих руках. Когда она приходит, тогда приходит...

Большее число этих стариков — женщины, потому что у женщин продолжительность жизни на пять лет больше, чем у мужчин. Там тысячи вдов, потому что в индуизме, если ты женщина, ты не можешь снова выйти замуж. Вдовы по всему городу...

И третье — и самое опасное — это тысячи быков. Поскольку Варанаси — это город Шивы, считается, что, если ты подаришь Шиве быка, можешь просить что угодно — и все исполнится. И люди приводят быков — а быки очень дешевые, потому что от них мало толку. Один бык может обслужить дюжину коров, и оставшиеся одиннадцать быков, если они рождаются в равном количестве, бесполезны. Либо их отправляют к мяснику... но индустры не могут продавать их мясникам. Они посылают их в Варанаси.

И если ты едешь по Варанаси на машине — в более новой части Варанаси; в старой части об этом и речи быть не может, — повсюду на дороге лежат быки. Ты можешь продолжать сигнализировать, им нет до тебя никакого дела. Они не обычные быки, они *быки Шивы!* Они заходят в магазины, поедают овощи и фрукты, и никто не может им помешать, потому что мешать быкам Шивы против традиции индуизма.

Может быть, вы видели много быков, но быки Варанаси — это совершенно другой опыт — очень сильный народ. Им все доступно, никто ни в чем не мешает. Тебе приходится вылезать из машины и их подталкивать. Они не обращают внимания на сигнал, их нужно отталкивать с дороги. Их нельзя даже бить. Если ты их будешь бить, тут же побьют тебя — потому что ты бьешь быка Шивы. Ты можешь убедить, любовно подтолкнуть быка... «Пожалуйста, ради Шивы, отойди в сторонку и дай мне проехать!»

Точно так же как считалось, что каждый, кто умер в Варанаси, подпадает в рай, во времена Кабира считалось, что каждый, кто умирает в Магхаре, — который на другой стороне Ганга, — после смерти становится ослом.

Я долго пытался найти истоки этого поверья... зачем напрасно осуждать бедных жителей Магхара?

Кабир перед смертью — а он всю жизнь прожил в Варанаси — сказал своим людям:

— Отнесите меня в Магхар, я хочу умереть в Магхаре.

Они сказали:

— Ты что, сошел с ума? Наверное, это старческий маразм! Каждый, кто умирает в Магхаре... это хуже ада, он становится ослом. Ты хочешь быть ослом?

— Ослом или не ослом, но я хочу быть самим собой. Я не хочу попасть на небеса только из-за Варанаси. Если я попаду на небеса, то я должен попасть туда благодаря самому себе. И кроме того, я хочу защитить бедных магхарцев, потому что, если я умру в Магхаре, никто не сможет больше их осуждать и говорить, что каждый, кто умирает в Магхаре, становится ослом.

...Ведь никто не может вообразить, чтобы такой человек, как Кабир, стал ослом. Где бы он ни умер, где бы он ни жил, где бы он ни был и где бы он ни оказался, это небеса.

Ученики попытались его разубедить; даже махараджа Варанаси попытался его разубедить:

— Это нехорошо — кто знает? Может быть, в этом веровании есть доля правды. А мы не хотим, чтобы ты стал ослом. Если тысячи твоих последователей увидят тебя в обличье осла, это их ранит. Я представляю все королевство и хочу, чтобы ты оставался здесь.

— Я умру в Магхаре, — сказал Кабир. — И если есть небеса, я достигну их из Магхара, чтобы никто не мог осуждать магхарцев. Если мне суждено стать ослом, все в полном порядке. Я хочу разрушить идею о том, что в подобных вещах место имеет какое-то значение. Дело в вашем сознании — не в том, где вы, в Магхаре или в Варанаси.

Оказавшись в Варанаси, вы будете удивлены: люди, которые умерли в близлежащих деревнях — уже мертвых их везут в Ва-

ранаси, чтобы провести Бога: как будто бы они умерли в Варанаси. Я спрашивал многих — я часто сидел на ступеньках набережной Ганга, где... Варанаси — это единственное место, где люди могут бросать в реку полусожженные тела, потому что они торопятся домой, а жечь человека до конца слишком долго.

Я спросил:

— В чем дело? Почему вы так торопитесь? Если этот человек умер...

— Нет, он не умер, — сказали они. — Он еще дышал.

— Он еще дышал? Тогда зачем вы его сожгли? Я отведу вас в полицейский участок!

— Вы напрасно вмешиваетесь в наши религиозные дела, — сказали они. — Это между нами и Богом, полицейский участок тут не при чем. Фактически, когда мы выехали из деревни, он еще дышал. Когда мы достигли Варанаси, он перестал дышать.

Люди просто... Я им сказал:

— Вы пытаетесь и Бога обмануть? Вы обманываете себя, обманываете Бога и считаете себя религиозными людьми! А этот парень, который умер где-то в другом месте, если индуизм прав, не сможет достичь небес. И что будет с остальными людьми во всем мире? Если только умершие в Варанаси попадают в рай, как насчет Пуны?

После смерти Кабира Магхар, по крайней мере, больше не осуждают, потому что Кабир уважаем, и уважаем как мусульманами, так и индуистами. Теперь в Магхаре можно умирать без всякого страха.

Мусульмане верят, что, если они не могут хотя бы один раз в жизни побывать в Каабе, они не могут достичь небес. И самые бедные из мусульман продают дома, фермы и все свои небольшие пожитки, чтобы совершить хотя бы одно путешествие в Каабу. И все только из-за идеи о том, что, если ты не поедешь и не сможешь показать Богу, что был там хотя бы один раз, тебя не впустят.

Эти религии внушали людям такую чепуху и глупость. Я вам говорю: ни Варанаси, ни Иерусалим, ни Мекка ничего не меняют. Дело в вашем сознании. Если ты умираешь сознательно, то

достигаешь предельного блаженства — которое никому не принадлежит и не является монополией никакой религии.

Но тебе придется идти одному. Не толпа, к которой ты принадлежишь, гарантирует, что ты достигнешь предельной истины. Предельная истина всегда индивидуальна.

О лебедь, взлети в одинокий полет.

Пришло время для молитвы, а перед этим — прекрасный вопрос от Маниши. Она сказала:

Любимый Ошо,

В последнее время я чувствую себя такой древней, не в смысле мудрой, но в том смысле, что я сморщенная старая жеманница.

Маниша, многие любят сморщенных старых жеманниц. Я их не люблю, это правда. Лишь несколько дней назад Шунью привела ко мне сморщенных старых жеманниц. Я сказал:

— Шунью, никогда больше этого не делай!

Но это не значит, что их не любят другие люди. Кто-то прислал их мне в подарок. Они приехали прямо из Отчизны, Германии.

Чувствовать себя древним так прекрасно! Если ты не чувствуешь себя мудрой, будь какой хочешь, но не грусти. Это особенно сложная проблема на Западе, особенно для западных женщин — чувствовать себя древними. Даже древняя старушка, божий одуванчик, красится и делает прическу. И трудно предположить, живы они или мертвы, и к какому столетию они относятся.

Особенно на Западе я был удивлен — увидев некоторых женщин... Боже мой! Насколько я вижу, они давным-давно должны были быть в могилах, а они все занимаются шоппингом! Особенно старушки — им нечего делать, кроме как заниматься шоппингом.

Поэтому не волнуйся о своей древности — наслаждайся! Если ты можешь наслаждаться детством, молодостью, старостью... тогда внезапно ты осознаешь, что никогда не была ребенком,

никогда не была молодой, никогда не была старой. Ты — просто сознание, которое не относится ни к одной группе.

Все проблемы создаются ориентированным на тело умом, который слишком отождествлен с телом. Западная женщина в основном ориентирована на тело, и не без причины — потому что молодость длится недостаточно долго. Это быстротечное явление. А Запад заинтересован в молодости больше, чем в чем-либо другом. По пересечении границы молодости ты годишься только для мусорного ведра; никто на тебя не обращает внимания, даже не смотрит.

На Востоке ситуация другая. На Востоке чем человек старше, тем больше его уважают, потому что он более опытный, он прожил жизнь, он знает гораздо больше, и тебе предстоит пройти через тот же самый опыт. Его уважать хорошо, потому что вскоре *ты* состаришься, и, если войдет в моду идея, что в старости нет ничего плохого, что она приносит опыт и уважение, твои дети будут уважать тебя, когда ты состаришься. Но ты должен сам создать эту идею, уважая тех, кто уже стар.

Запад совершенно разрушил респектабельность старого человека, отобрал у него все достоинство. И поэтому старые мужчины и женщины, — особенно женщины, потому что мужчины быстрее умирают; они счастливее, потому что умирают на пять лет раньше. И когда они умирают, их женам приходится жить, по крайней мере еще пять лет, — одиноким, старым, брошенным. Никто не говорит ей: «Милая». Она ждет и ждет, вспоминая старые времена, прекрасные времена, золотые времена, когда ее тоже называли: «Дорогая».

Теперь на нее никто не обращает внимания, и она выставляет себя на посмешище, потому что хочет внимания: используя всевозможную косметику, крася волосы... скорее всего, она уже лысеет, но надевает мертвые волосы какой-то другой женщины...

Так странно, что люди носят парики. Парик означает, что ты носишь чьи-то чужие, мертвые волосы! И тебе совершенно не стыдно.

Они пытаются вести себя как молодые, курят сигары... Есть и старые дураки. Каждый день в газетах пишут, что кто-то же-

нился, мужчине девяносто семь лет, женщине девяносто четыре, и обоим одевали друзья. И тогда происходит странная вещь: они даже отправляются в свадебное путешествие и пишут на чемоданах: «Только что поженились».

Так забавно видеть таких людей.

Одна пара молодоженов прибыла в отель на берегу моря. Женщина тут же пошла в ванную и сказала:

— Выключи свет.

— Почему? — спросил мужчина. — Сначала выйдешь ты, потом я, а потом мы ляжем в постель и выключим свет.

— Нет, — сказала она. — Сначала выключи свет. Сначала я лягу в постель, потом ты пойдешь в ванную.

— Странно, — сказал мужчина. — Это первая ночь нашего медового месяца, мы еще и не начали, а уже ссоримся.

— Почему ты не хочешь выключить свет? — спросила женщина.

— Естественно, я хочу тебя увидеть, кто ты такая. Со всей этой косметикой, может быть, ты лысая или еще чего-нибудь не хватает. Естественно — я твой муж и хочу знать всю территорию. Я оставлю свет включенным.

— Если ты настаиваешь, ладно. Но когда ты пойдешь в ванную, я тоже оставлю свет включенным.

— Этого ты не можешь сделать, я твой муж.

— Это невозможно; в этом веке мужчины и женщины равны. И я уже не ребенок — мне девяносто четыре года. И я знаю, что, конечно, и в тебе чего-то не хватает. В девяносто семь лет ты не можешь остаться в полной сохранности!

— Это очень странно, — сказал мужчина. — Ну ладно, я признаюсь, что у меня одна нога деревянная.

— Еще что-нибудь?

— Неправильно спрашивать о таких вещах, мы не настолько хорошо знакомы! Ну ладно, у меня один глаз искусственный.

Женщина рассмеялась. Она сказала:

— Теперь ты можешь оставить свет включенным, потому что у меня нет ни одной груди. Ты постоянно смотрел на мою грудь — это просто резина. И ты прав, — она сняла волосы, — возьми этот парик. Только ради тебя я надела этот парик — а зубы я оставляю в ванной!

И что... зачем жениться? Чтобы мучить друг друга? Я видел столько людей, пока ездил по миру. Я не мог поверить: почему они не спят молча в могилах? Кажется, нет никаких других причин, разве что продолжать понапрасну донимать других.

И ты, Маниша, еще недостаточно древняя. Если почувствуешь себя древней, крикни «Йаа-Хуу!» И тогда ты почувствуешь себя гораздо моложе, здоровее. Глубоко вздохни, и с каждым «Йаа-Хуу!» начни становиться моложе, моложе и моложе. Только не перестарайся, а то опоздаешь в школу. Это волшебная формула.

Я тебе скажу... если кто-то по ошибке перестарается и попадет в детство, растеряется и не будет знать, что делать... и для него есть формула, чтобы вернуть его к подлинному возрасту: «Йаа-Буу!» Эта формула не имеет другого назначения. «Йаа-Хуу» вполне религиозно, но «Йаа-Буу» это относится к колдовству. Они относятся к разным секциям — наверное, вы слышали о черной и белой магии. «Йаа-Хуу!» это белая магия, «Йаа-Буу!» — черная.

Я просто вас предупреждаю, что, если случайно вы сделаете ошибку, есть способ ее исправить.

Маниша, ты говоришь:

Я хотела бы относиться к этому так же, как Сократ к своему отравлению, — просто наблюдать телесные перемены по мере того, как они приходят, и знать, что это не я.

Должно быть, эта идея пришла к тебе из-за этого великого парня Вимала. Он собирался совершить самоубийство, но из-за того, что столько людей кричало «Йаа-Хуу!», не смог умереть.

Я его видел, и он сам делал «Йаа-Хуу!». Две недели он ждал моего ответа и собирался совершить самоубийство.

Теперь та же самая глупость... ты попала под влияние этого Вимала, который вместо того, чтобы умереть, едет в Гоа. Через два или три дня он вернется.

Здесь это случается со многими. Когда они становятся слишком старыми, они едут в Гоа, а через два дня возвращаются домой.

И не нужно умирать, как Сократ. Вы все добиваетесь, чтобы я так или иначе стал преступником! Должен ли я обеспечить тебя ядом? Вимал хотел узнать, как ему совершить самоубийство, — не нужно ни совершать самоубийство, ни умирать, как Сократ. Просто умрите, как умирают человеческие существа, в постели, молча, не поднимая вокруг этого никакого шума.

Она говорит:

А пока...

Значит, она не собирается умирать так скоро!

А пока мне нравится наряжаться для Тебя на дискурсе, и я хочу казаться Тебе красивой.

Ты совершаешь напрасные усилия. Я и так знаю, что ты красива. Даже Нискрия смеется, сидя рядом с Манишей.

Не нужно наряжаться. Я тебя люблю, даже если ты сморщенная старая жеманница. Я тебя не съем, это можно сказать с уверенностью. Я могу тебя любить, но буду любить на расстоянии.

Она спрашивает меня:

С такого расстояния Тебе не видны мои морщины. Ошо, что Ты видишь?

Это такой вселенский вопрос — каждого волнует, вижу я его или нет! Просто чтобы избежать этого вопроса, индустры дали

Богу тысячу глаз, чтобы он все видел. Но даже тысячи глаз не хватит. На Земле пять миллиардов человек. И в таком количестве глаз он запутается.

Я все прекрасно вижу — и не беспокойся о своей косметике, одежде, не беспокойся о своих морщинах... потому что столько людей присылает мне кремы для глаз. С сегодняшнего дня я буду пересылать их Манише. Потому что все они поддельные: их просто называют кремами для глаз и обманывают женщин; ничто не меняется. Вместо этого они создают только проблемы.

Вчера Шуньо нанесла мне на глаза немного крема. И целый день я страдал, потому что этот крем для глаз не должен попадать *внутрь* глаза... здесь сидит Премда, мой окулист. Он закапал мне в глаза капли, и глаза так глубоко соединены с горлом, что целый день у меня горький вкус во рту!

Вы и не догадываетесь, как меня мучают целый день. У меня много мучителей. Они делают для меня тренажерный зал! Определенно, они будут мучить меня еще больше — они смотрят в каталоги и выискивают, что для меня лучше всего. Я хочу жить тихо, чтобы меня никто не беспокоил!

Поэтому не волнуйся о своих морщинах. Мне их отсюда не видно — особенно сегодня, после всей этой боли, когда в конце концов доктор Премда со своей немецкой обстоятельностью... Наверное, он никогда не думал, что глаза соединены с горлом — но именно поэтому эти отделы называют ухо-горло-нос!

Он вылечил мне глаза, но разрушил горло. Теперь другой специалист... у меня есть все специалисты. Я всех их пошлю к тебе... и многие придут, потому что люди, которые меня любят, привозят что-то из Японии, из Германии, из Англии, из Америки. И не знаю, почему они привозят кремы для глаз; мои глаза в полном порядке.

Хамиш Мак-Тавиш и его жена Мэгги никогда не летали, поэтому на местном летном шоу они решили совершить полет на небольшом открытом самолете.

Они карабкаются в заднюю часть самолета, и пилот просит плату, то есть двадцать фунтов.

— Двадцать фунтов? — вопит Мак-Тавиш. — Это смешоворно! Это слишком много!

— Хорошо, — говорит пилот. — Мы договоримся. Если вы сможете просидеть весь полет, ни разу не раскрыв рта, я не возьму с вас ни пенни. Но если вы издадите хоть какой-то звук, то заплатите мне вдвойне!

Хамиш соглашается, и они взлетают.

Как только они поднимаются в воздух, пилот начинает делать мертвые петли, двойную бочку, входить в крутые пики и продельывать все виды высшего пилотажа.

Когда они снова приземляются, пилот говорит через плечо:

— Ну, сэр, вы выиграли. Никогда не думал, что вы вытерпите все это, ни разу не открыв рта!

— Это было не так легко, — признался Мак-Тавиш, — особенно когда выпала моя жена.

Старик Финкельштейн восьмидесяти пяти лет и Папаша Рабинович восьмидесяти двух лет сидят на скамейке с видом на пляж во Флориде.

Папаша Рабинович рассказывает Старику Финкельштейну о местной девушке, с которой у него было свидание вчера вечером.

— Что ты сделал? — говорит Финк.

— Мы зарегистрировались в гостинице, — говорит Рабинович, — забрались в постель, и я запел: «Вот это были времена».

— Кажется, ты потрясающе провел вечер! — говорит Финк. — Не возражаешь, если я приглашу ее сегодня?

— Пожалуйста, — говорит Рабинович.

На следующий день они снова встречаются на пляже.

— Ну как прошлая ночь? — спрашивает Рабинович.

— Просто великолепно! — отвечает Финк.

— Что ты сделал? — говорит Рабинович.

— Ну, — отвечает старик Финкельштейн, — мы взяли комнату в гостинице и забрались в постель. Но я не смог

вспомнить слова песни, и нам пришлось вместо этого заниматься любовью!

Англичанин и француз хотят жениться на дочери Шейха Баб-эль-эрра, одного из самых богатых людей в мире. Шейх решает провести соревнование.

Он зовет обоих мужчин во дворец и говорит:

— Кто из вас сможет принести мне больше шариков для пинг-понга, тот получит руку моей дочери.

Оба бросились прочь, и вскоре от французга стали прибывать шарики для пинг-понга. Они прибывали лодками, самолетами и грузовиками, и вскоре ими наполнился весь дворец. На пятый день возвращается сам француз, и шейх приветствует его.

— Хорошо, сынок! — говорит он. — Я уверен, что англичанин не сможет победить, потому что от него еще ничего не слышали. Но я обещал подождать, по крайней мере неделю.

И правда, в последний день на закате двери распахиваются, и в комнату, спотыкаясь, входит англичанин. Он весь покрыт кровью, его одежда грязна и изорвана. В руке он держит бумажную сумку, которую гордо передает шейху.

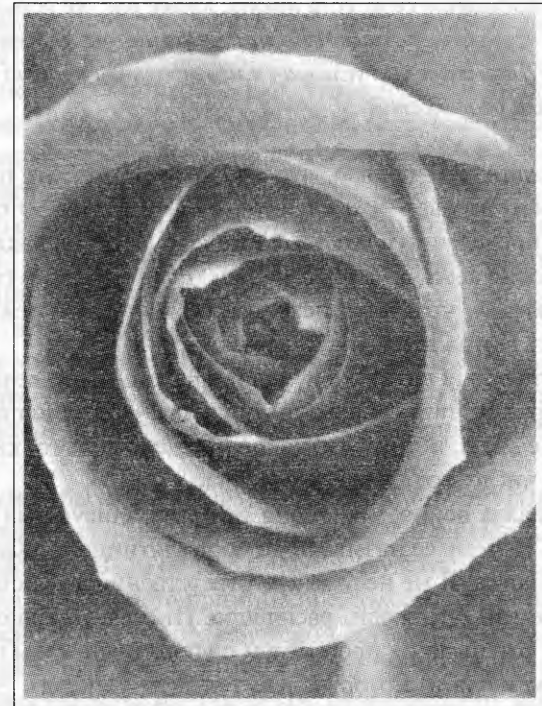
— Что это за грязная куча? — говорит он. — Где шарики для пинг-понга?

— Шарики для пинг-понга? — говорит англичанин в отчаянии. — Боже мой! А я думал, яйца Кинг-Конга!

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Эпидемия здоровья

*Если твой танец продолжает распространять
концентрические волны, если твоя песня слышна и она
отзывается эхом в отдаленных душах, если твоё молчание
привлекает и становится магнетической силой...
Ты ничего не делаешь, это происходит.*

Любимый Ошо,

Мы пытаемся жить здесь и сейчас — особенно когда мы в Пуне. Но тем не менее иногда думаем о будущем.

Я спрашиваю себя: если никто, кроме нас, не услышит Твой голос, что случится в 2017 году? Что еще мы можем сделать, чтобы Твой голос был услышан и моя мрачная картина 2017 года не стала реальностью?

Дхиандип, вот первое, что нужно помнить: не принимай ничего всерьез. Что случится в 2017 году — это не твоя забота. Определенно одно: тебя уже не будет. Так какая разница? Особенно здесь-и-сейчас, в Пуне! Если случайно ты будешь все еще жив, — что почти невозможно, — ты по-прежнему будешь жить всегда здесь-и-сейчас.

Тратить время впустую, думая о прошлом... это делают многие. Как раз по пути сюда Шунью сказала: «Сегодня пятница...» Я этого не знаю, потому что какое мне дело до того, какой сейчас день, число, год? Я здесь-и-сейчас.

Она задала вопрос: «Сегодня пятница; Иисус был распят в пятницу. Почему ее называют Доброй Пятницей?» Как будто я распял Иисуса! Я не несу за это ответственности. Естественно предположить, что люди, распявшие Иисуса, праздновали это событие. Это было их прощанием с Иисусом — «Мы покончили с этим парнем, который нас так долго мучил». Это было нехорошо с их стороны, но в этом от меня ничего не зависело.

Если бы я держал ситуацию в своих руках, я обеспечил бы Иисусу психиатрическое лечение. Хороший *рольфинг*, — пока он не забыл бы о том, что он Единородный Сын Божий. Тогда, несомненно, пятница была бы доброй, потому что тогда не было бы христианства. Именно распятие положило начало самой преступной религии на Земле — христианству.

Но евреи были недостаточно изощренными, чтобы стерпеть присутствие этого молодого человека — тридцати трех лет, —

всюду разъезжающего на своем осле. Он никогда не выходил за пределы этой небольшой территории, Иудеи. И у него было несколько последователей — каждый идиот может собрать дюжину последователей, а у него их была ровно дюжина.

Эти двенадцать идиотов стали двенадцатью апостолами и последовали за ним, потому что им было больше нечего делать. Они были неграмотны; ни один из них не был культурным, образованным, знающим человеком, раввином. Ни один из них ничего не знал о писаниях. Они знали только одно: сами по себе они не смогут попасть в рай. У них не было никакой квалификации. А этот парень, сидящий на осле, говорит:

— Если вы поверите в меня, я возьму вас в рай.

И все эти дураки, наверное, подумали:

— Это самый простой путь. Вместо того чтобы становиться раввином, великим ученым эрудитом, добродетельным, святым, дисциплинированным и истязать себя... и все равно нет никакой уверенности, никакой гарантии. Никто тебе не говорит: «Я за это отвечаю». По крайней мере, этот парень говорит: «Я вас беру. Просто верьте в меня». И ничего не просит, даже платы за вход». Кому не захочется попасть на представление без билета?

В их умах были и моменты сомнения: почему сын Божий должен сидеть на осле? И все они *знали*, что он сын плотника, но что поделаешь? Он ничего не хочет слушать.

Если бы люди просто принимали его как шутку, которой он, фактически, и был — практической шуткой... Люди должны были бы смеяться. Он приносил такие потрясающие новости! Они должны были бы наслаждаться, развлекать его, но они были недостаточно утонченны. Они приняли его слишком серьезно.

Именно поэтому я говорю:

Самое главное — никогда ничего не принимать всерьез.

Иисус принимал самого себя очень серьезно. Даже когда его распинали на кресте, он еще мог бы сказать:

— Подождите, я передумал!

Он зашел в своей шутке слишком далеко. На его месте я, несомненно, сказал бы, что передумал. Шутка есть шутка; человек не должен принимать ее слишком серьезно.

Если бы он так поступил, то поставил бы евреев и римлян, которые его распинали, в очень странное положение: Что делать? Он передумал! Но он принимал себя до такой степени всерьез, что позволил им распять себя на кресте, прибить к кресту. По-прежнему он ждал Бога и смотрел вверх. И небо было совершенно пустым.

Он думал, что на белом облаке... Очевидно, если Бог придет, то на белом облаке. Он начнет извергать молнии и покажет евреям — «Глупцы, вы убиваете моего Сына и думаете, что верите в Бога?» Но, кажется, ничего не случилось.

Тысячи людей собрались смотреть — первый и единственный шанс; впервые кто-то объявил себя единственным Сыном. И он был, несомненно, серьезен, потому что даже на кресте не сказал:

— Хватит. Моего отца зовут Иосиф, мою мать — Мария, и я не знаю, о каком Боге идет речь.

Он достаточно наслаждался, он стал знаменитостью в своей небольшой стране, но он ждал...

Евреи вешают людей на крест таким образом, что человек может прожить еще сорок восемь часов, потому что они не убивают, ломая шею. Они убивают, прибывая гвоздями к кресту за руки и ноги, чтобы вся кровь вытекла по капле. Это самый жестокий и уродливый способ мести. Но в определенном смысле это было хорошо; это давало человеку сорок восемь часов на раздумья.

Но Иисус не передумал. Напротив, он стал кричать на Бога! Собрались тысячи людей, и каждый хотел познать Бога, увидеть Бога — каждый столько слышал о Боге, но никогда не было ни единого свидетеля. И эта великая возможность... люди пришли из самых дальних мест.

Иисус кричал на Бога:

— Отец! — ...но все же не забывал называть его «отцом». Он действительно был абсолютным психом. — Отец, почему ты забыл меня? Ты покинул меня? Почему чудо не происходит?

Это было его вымыслом — его Бог, который спускается на белом облаке; он его спасет и покажет, что Иисус его единственный Сын, и «каждый, кто хочет спастись от этой несчастной и полной страданий жизни и войти в вечное блаженство рая, должен верить в моего Сына. Он — мой агент. Вы не можете связаться со мною прямо. Позовите его, и если он выберет вас, вас впустят. Даже в Судный День, когда все мертвые прошлого и будущего поднимутся из могил...»

Это будет невероятное столпотворение. Мир никогда не видел такого столпотворения. Пять миллиардов человек живет сейчас, а человечество существовало по крайней мере четыре миллиона лет. Толпа будет невероятная, и Иисусу придется выбирать: «Кто из них мои люди?»

Но ничего не случилось. Вымысел есть вымысел.

Нет ни Бога, ни Сына Божьего.

Все эти посланцы и мегаломаньяки должны быть немедленно пойманы и излечены, прежде чем они отобьются от рук.

Но они основали религии, они написали великие писания. Они причинили человечеству такой вред.

Есть столько людей, которых заботит прошлое...

Сейчас Шунью спрашивает:

— Почему этот день называется Доброй Пятницей?

Она добрая для евреев, потому что они избавились от Иисуса, и добрая для христиан, потому что она стала началом их религии. Но что касается нас, это просто обычная пятница. В ней нет ничего особенного, ни хорошего, ни плохого.

И я не вполне уверен, пятница сегодня или какой-то другой день. Я просто верю ей на слово, не зная, действительно ли сегодня пятница. Фактически, все эти семь дней недели и их названия произвольны. За этим не стоит никакой экзистенциальной реальности; это не как Солнце, Луна и Земля. Это просто наши идеи. Несомненно, они представляют одно: однажды, когда-то давным-давно, тысячи лет назад, люди жили небольшим племенем. И это племя разрасталось и разрасталось, и люди стали распространяться по всей земле. И некоторые вещи они принесли с собою из тех дней.

Например, в каждом языке десять цифр, потому что у людей десять пальцев. Первобытный человек всегда считал на пальцах. Я тоже все считаю на пальцах. В любом случае, я сбиваюсь со счета после четвертого, потому что для меня это слишком много.

И точно так же, как универсальны десять цифр языка математики, во всем мире у семи дней недели одинаковые названия. Мало-помалу, веками, происходили постепенные перемены, и люди отдалялись от оригинального источника.

Например, *сомвар* — понедельник. *Сом* — это санскритское название Луны, и в английском понедельник (Monday) — это день Луны (Moon). Как *сом* превратилось в *мон*, никто не знает. Суббота по-санскритски *шанивар*. *Шани* — это название Сатурна (Saturn); отсюда слово суббота (Saturday). Воскресенье (Sunday) — день Солнца (Sun). По-санскритски воскресенье — *равивар*. *Рави* — название Солнца.

Все эти названия показывают, что люди, должно быть, жили вместе и на них до сих пор лежит печать этих древних времен. Все семь дней можно найти в санскрите; все десять цифр можно найти в санскрите — как бы они ни изменились, какие-то следы... если кто-то достаточно безумен, чтобы в это вникнуть, он может отследить всю последовательность перемен.

Например, английское слово *two* (два). По-хинди *до*, по-санскритски — *два*. Не хватает только одного слова, то есть *тва*; в монгольском — *тва*. От *два* к *тва*, от *тва* (тва) к *ту* (two). Это не трудно, эти изменения очень просты. Английское *three* — это вариация санскритского *три* — небольшая разница. В хинди слово *тин* не очень отличается; то же самое *три*. И так можно продолжать делать открытия. Английское *найн*, девять, — это санскритское *нав*, в хинди *нау* — в английском *найн*. Наверное, все эти народы жили вместе, а потом разделились.

Санскрит представляется изначальным языком человечества. Определенный процент корней всех языков мира относится к санскриту. Вы будете удивлены... в немецком языке тридцать процентов санскритских корней, в английском — сорок процентов, в голландском — сорок процентов, в литовском — семьдесят процентов — больше, чем в хинди. Все эти языки

относятся к одной семье. Все эти народы происходят от одних истоков.

Но все названия произвольны. В них нет экзистенциальной реальности. Они зависят от вас.

Были такие математики, как Лейбниц, которые не верили в десять цифр. Он решил, что вся математика может опираться на три цифры, и этого достаточно. Забавно читать Лейбница, потому что после трех не идет четыре. После трех идет десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, двадцать... Но ему это удалось, не было никаких проблем. Все это вымысел.

Альберт Эйнштейн попытался пойти даже дальше Лейбница. Он говорит: «Существенны две цифры; третья не нужна. Просто ноль и единица». После единицы идет десять, одиннадцать и... я забыл, но у него получались все математические подсчеты всего с двумя цифрами.

Нет никакой необходимости в том, чтобы было всего семь дней. Это зависит от вас.

Для меня не важно, пятница сегодня или нет. Одно определенно: каждое мгновение — доброе, распят Иисус или нет. Здесь и сейчас цветет жизнь, течет любовь. И есть так много — столько звезд в небе, столько деревьев и столько цветов, такая глубина темноты, столько людей с безмерными возможностями сознания... Кого заботит прошлое?

Георгий Гурджиев говорил, что Иисуса никогда не существовало; это просто старая драматическая постановка. Что вам теперь делать? В Индии мы знаем, что Рамаяна, история Рамы, разыгрывается каждый год во всей стране, в каждой деревне. Можно себе представить, что это не какие-то исторические события; может быть, Рамы никогда не было. Но история эта такая древняя, и ее играли так долго, год за годом, и понемногу вымышленный персонаж стал историческим.

Это возможно. Кроме Гурджиева, никто никогда не поднимал этого вопроса. Но у такого человека, как Гурджиев, была ясность и интенсивность видения. Он говорит, ни в одном из еврейских писаний нет ни одного упоминания об Иисусе. Такой человек, как Иисус — которого евреи не могли стерпеть,

которого им пришлось распять, — даже не упоминается ни в одном писании, ни в одной книге. Евреи не думают, что когда-то был такой человек, как Иисус. Это старая еврейская драматическая постановка, которую некоторые люди начали принимать всерьез, и теперь из-за этой вымышленной драматической постановки половина человечества стала христианской. Если копать достаточно глубоко, вы найдете просто фильм.

Но есть люди, которые тратят всю жизнь, вглядываясь в прошлое. И таким же образом, Дхиандип, твой вопрос — о будущем. «Что случится в 2017 году?»

Я сам не пророк и не думаю, что кто-то может быть пророком — кроме мошенников. Фактически, очень легко сказать, что случится в 2017 или 2013 году, если меня уже не будет, чтобы ответить, если этого *не* произойдет.

Какая разница? Что ты сделаешь, если этого не произойдет? Никто не будет заботиться о том, что кто-то что-то сказал, а этого не случилось. Или, если это произойдет, ты будешь так в это вовлечен. Какое это имеет значение, если за пятьдесят лет до этого кто-то сказал, что это произойдет?

Что касается тебя, ты можешь научиться жить здесь и сейчас, а это самое важное в религиозном образе жизни. Молчаливые и мирные, радостные — если вы можете начать жить как цветы и птицы и если весь мир начнет жить таким образом, может быть, ядерное оружие и ядерные войны не случатся.

Люди, живущие мирно, здесь и сейчас, не будут вовлечены ни в какую войну, ни в какое разрушение. Люди здесь и сейчас обязательно будут творческими и любящими. Они не будут ни христианами, ни индуистами, ни католиками, ни коммунистами. Они не будут принадлежать ни к какому подразделению, ни к какой нации, ни к какой расе.

Они будут принадлежать только этому мгновению.

И они будут так наслаждаться, что в это мгновение все существование станет празднованием, празднованием от мгновения к мгновению — танцем, музыкой, поэзией, любовным романом.

Но если ты не живешь здесь и сейчас — а именно об этом говорит твой вопрос — «Мы пытаемся жить здесь и сейчас, но тем не менее...» И речи быть не может о том, чтобы «тем не менее иногда думать о будущем».

Зачем? Зачем отправляться на каникулы в будущее? Люди думают о будущем только потому, что в настоящем несчастны. Тогда они думают не только об *этой* жизни и ее будущем, они думают даже о том, что случится после смерти.

Я путешествовал тридцать лет и встречал тысячи людей, которые спрашивали:

— Что произойдет после смерти?

Я говорил:

— Просто умрите и увидите! Это не *моя* проблема; я в полном порядке. Когда я умру, я увижу, что произойдет. Но почему я должен умирать ради вас? И где гарантия, что если я умру, то не забуду прийти и вам рассказать?

По крайней мере, до сих пор никто не помнит, чтобы кто-нибудь позвонил по телефону или хотя бы отправил телекс: «Не волнуйтесь, все в порядке. Бог по-прежнему жив».

Все, что можно сделать, гипотетично; твое «иногда думаем о будущем» гипотетично. Что случится завтра, этого ты никаким образом предсказать не можешь. Но одно можно сделать: если ты можешь быть радостным сегодня, если ты знаешь искусство быть радостным, если завтра когда-нибудь придет, ты по-прежнему будешь знать, как быть радостным, как праздновать, как продолжать празднование. Если оно не придет, это не имеет значения.

Просто подумай об одном:

Когда ты еще не родился, беспокоился ли ты когда-нибудь о том, что произойдет в мире? Будет ли мир или война? Прежде чем ты родился, беспокоился ли ты о том, пойдет ли все правильно? Ты никогда не беспокоился; это была не твоя забота. Тебя здесь не было.

Если даже исчезнет весь мир, никаких проблем. Проблемы будут только у тех, кто почему-то не погибнет в ядерной войне — а это невозможно, ты нигде не сможешь спрятаться.

Ядерная война — это тотальная война. Вся жизнь на Земле станет невозможной. Перестанет расти даже трава. После ядерной войны не будет никакой возможности выживания ни у человека, ни у животных, ни у птиц, ни у деревьев, ни у какого другого живого, дышащего существа. Так зачем об этом заботиться?

Либо этого не случится... тогда наслаждайся, пока этого не случилось. Я думаю, 2017 год... еще достаточно времени, чтобы наслаждаться. И если это случится, если правда то, что мы только сознание, а тело — это только жилище... ядерное оружие может уничтожить только тела. Мы все станем привидениями и по-прежнему будем встречаться. Какая в этом проблема? И наши встречи по-прежнему будут прекрасны, потому что никто никогда не слышал, чтобы привидения болели, совершали преступления, убивали друг друга, становились политиками, премьер-министрами, президентами. Они не делают подобных вещей. Они действительно наслаждаются жизнью, не обремененные женой и детьми.

Если в 2017 году все существование действительно испарится, я не вижу никаких поводов для беспокойства. В противном случае, мы умрем по-отдельности; почему бы не насладиться тем, чтобы умереть коллективно? Раз и навсегда, все друзья, жена, дети — все становятся привидениями. Речи больше нет о нехватке еды, все эти вещи больше не имеют значения. А если ты не веришь в привидения... может быть, здесь есть несколько штук; они смеются, хотя и не знают, сколько привидений сидит у вас внутри и прячется повсюду.

Я могу их вам показать — просто прикоснитесь к кому-то, и если он засмеется, можете не сомневаться! Если привидений не бывает, тогда тоже нет никаких проблем. Тогда больше не будет встреч в Будда-холле. Будет молчание; именно это мы и пытаемся сделать: достичь молчания. Тогда воцарится вечное молчание — никакого «Йаа-Хуу!»... только молчание.

Я не беспокоюсь о будущем.

Ты спрашиваешь: «Что еще мы можем сделать?» Как будто ты уже многое делаешь! Что ты делаешь? Я даже не знал, что ты

что-то делаешь, чтобы предотвратить какие-то события в 2017 году, а ты спрашиваешь: «Что еще мы можем сделать, чтобы ты был услышан?»

Какая в этом необходимость?

Если люди хотят жить, если люди хотят, чтобы существование продолжалось, чтобы сохранилась жизнь, они меня услышат. Нет никакой необходимости в том, чтобы вы становились посланцами и пророками, мучая людей, как Свидетели Иеговы. Или досаждали людям, как Харе Кришна. Если вы хотите, чтобы в мире было больше любви и мира, станьте более любящими и мирными. Со своей стороны вы не должны вносить никакого вклада в разрушение — своей ревностью, своим гневом, своей жадностью. Вы должны просто наслаждаться мгновением, которое для вас доступно.

Если твой танец продолжает распространять концентрические волны, если твоя песня слышна и она отзывается эхом в отдаленных душах, если твое молчание привлекает и становится магнетической силой, — это другое дело. Ты ничего не *делаешь*, это происходит.

Если же этого не происходит, не о чем беспокоиться. Это не твоя проблема. Люди, которых здесь нет, в любое мгновение будущего... это *их* проблема. Ты не можешь ее решить, ты не можешь этого изменить. Фактически, ты не можешь даже представить...

Просто оглянись. Думаешь ли ты, что Гаутама Будда в своем предельном просветлении мог себе представить железнодорожные поезда? Я ничего не говорю о самолетах, ракетах и ядерном оружии. Все это, конечно, большие вещи. Я говорю о небольших вещах. Думаешь ли ты, что Гаутама Будда мог помыслить о велосипеде? Со всем своим просветлением он и представить себе не мог, что из двух колес может получиться повозка. Он видел только четырехколесные повозки.

Это действительно чудо! Ты и не понимаешь, сидя на велосипеде, что совершаешь великое чудо — против гравитации! Он совершенно не мог этого себе представить. Небольшие вещи, которыми вы пользуетесь каждый день, о которых вы никогда не думаете, — величайший человек прошлого не смог бы их

даже вообразить. Всего триста лет назад невозможно было себе представить железнодорожные поезда, мотоциклы и самолеты.

Братья Райт, два молодых человека, которые положили начало идее полета, считались в своей деревне дураками или сумасшедшими. Если бы Бог хотел, чтобы люди летали, он дал бы им крылья; это, несомненно, не входило в намерения Бога. И эти два брата, братья Райт, были сыновьями бедного человека, который продавал велосипеды, давал велосипеды напрокат, был мелким механиком. Он стыдился своих сыновей: «Вы идиоты, вы должны работать со мной и помогать мне в магазине. Чем вы постоянно занимаетесь в подвале?» В подвале они строили первый самолет!

Они никого не слушали; они продолжали работать, и из сломанных велосипедов и велосипедных запчастей был создан первый самолет. Они даже не могли никому сказать, что сделали самолет. Поздно ночью, когда вся деревня спала, они вынесли свое великое изобретение наружу и испытали его. Потому что, если бы они потерпели поражение, все осудили бы их, стали бы смеяться.

Но им удалось глубокой ночью поднять самолет в воздух — маленький открытый самолет, который мог оставаться в воздухе только тридцать секунд, а затем снова спускался. Но этого было достаточно, чтобы доказать, что в принципе это возможно. Если ты можешь продержаться в воздухе тридцать секунд, то возможны и тридцать минут, и тридцать лет! Дело только в том, чтобы совершенствовать аппарат.

На следующий день они сообщили отцу и другим людям в деревне, чтобы они пришли и посмотрели, что они сделали то, что хотели сделать. Пришли сотни людей. Сотни не пришли; те подумали: «Они идиоты; не будем тратить время впустую. Кто когда-нибудь слышал о летательном аппарате?» Слово «самолет» тогда не использовалось — летательный аппарат. Но все же некоторые пришли и были изумлены, когда увидели эту маленькую карикатуру на самолет, сделанную из сломанных велосипедных частей.

И этой ночью им удалось его усовершенствовать, чтобы он мог оставаться в воздухе хотя бы минуту. И он оставался мину-

ту на высоте ста футов; принцип был доказан. Но никто во всей истории до братьев Райт не мог себе представить, что полеты по небу возможны.

Только в этом веке, в начале этого века, никто не думал, что однажды человек отправится на Луну, будет ходить по Луне. Один джайнский монах пришел ко мне. Он собирал деньги... и собрал много денег, потому что джайны богаты. Это совершенно противоречит джайнским писаниям: кто-то ходит по Луне! Луна — это бог, не планета, и ты не можешь ходить по богу! Это невообразимо. Бог сбросит тебя в открытый космос, и о тебе никто больше никогда не услышит.

И вот этот джайнский монах пытался доказать, что все эти русские и американские астронавты мошенники; что они обманули весь мир, напечатав фотографии человека, ходящего по Луне; он ходил *не* по Луне, это было где-то в Сибири. Они привезли камни с Луны; это неправда... эти камни откуда-то с земли. А фотографии, показывающие их полет в ракете, — просто фотографический трюк.

Я ему сказал:

— Ты понапрасну тратишь свое время и чужие деньги.

— Нет, — сказал он, — это проблема огромной важности. Вся наша религия в опасности. Если люди начнут сажать ракеты на божество... и они будут делать там всевозможные отвратительные вещи. Естественно, им придется писать. Такое происходит с богом?

— Так и есть! — сказал я.

У него была большая папка, в которую он собирал все фотографии и доказательства, пытаясь доказать, что все это было обманом.

Хотя человек и ходил по Луне, многие не верят, что это правда.

Что случится через тридцать лет, представить себе почти невозможно. Я хочу подчеркнуть, что вы не должны даже думать о будущем. Все ваше существо должно быть вовлечено в это мгновение. И если вы можете создать молчаливое существо, полное песни существования и всей музыки, аромата, который

исходит из глубочайшего центра, — вы сделали больше, чем можно ожидать от каждого.

Не спрашивай, что еще ты можешь сделать. Просто будь собой, — познай себя, — и сама твоя вибрация начнет распространять вокруг тебя волны. Чем больше людей в мире станет медитирующими, тем меньше возможность войны, потому что кто будет сражаться? Ты и твои дети, ты и твои братья и сестры? Если больше и больше людей станет мирными и они будут действительно наслаждаться миром, они просто откажутся участвовать в войне или любого рода разрушительной деятельности.

Во время Второй мировой войны случилось так, что тридцать процентов американских солдат не использовали оружие. Они выходили на поле боя и бросали бомбы туда, где не было человеческих существ. Когда это было обнаружено... это очень странное явление. Тридцать процентов — это не так мало — одна треть. Эти солдаты сказали:

— Мы не можем убивать человеческие существа — это слишком по-варварски, — но поскольку нас наняли, и нам платят, мы отправляемся на фронт и должны что-то сделать...

И они бросали бомбы куда-то в реки, в океан и вечером возвращались обратно.

Если это возможно для тридцати процентов, почему невозможно для ста? И если сто процентов людей просто отказываются быть разрушительными... просто Рональд Рейган и несколько других идиотов могут устроить соревнование по боксу в Москве или Белом Доме, где им захочется. А весь мир будет наслаждаться телевизионной трансляцией.

Нет необходимости создавать себе работу и разрушать. Можно учредить кубок «Завоевателя Мира», чтобы иногда он доставался Горбачеву, иногда — Рональду Рейгану. Каждый год происходит соревнование за кубок Завоевателя Мира, все им наслаждаются, и это никому не причиняет вреда.

А если хотите быть совершенно безвредными, пусть это будет в индийском стиле. Американский бокс жесток и примитивен — бить друг друга по носу немного некрасиво. Индийский стиль борьбы гораздо интеллигентнее. Это искусство. И если к этому стилю прибавить японские манеры, это действительно

будет радостным днем — Доброй Пятницей! Пусть в каждую Добрую Пятницу в различных столицах мира — точно так же, как происходят Олимпийские чемпионаты, — какой-нибудь идиот объявляет себя завоевателем мира. В этом нет никакого вреда. Мы можем дать ему кубок, и он может оставить его себе, если победит три раза подряд. Иначе каждый год он будет переходить к другим завоевателям.

Сделайте жизнь радостью и игрой. До сих пор это не удавалось, но теперь мы просто обязаны это сделать. Потому что до сих пор у нас было недостаточно оружия, чтобы уничтожить всех живых существ, и были допустимы частичные войны. Впервые мы стали способны разрушить Землю семь тысяч раз. Каждый человек может быть убит семь тысяч раз, хотя обычно люди умирают с первого раза. Кроме таких ребят, как Иисус...

Не думаю, что даже Иисус сумеет воскреснуть семь тысяч раз. И даже если у него это получится, это будет великим событием. Все будут этим наслаждаться, и это вне всяких сомнений докажет, что он едиnorodный Сын Божий. Но истина в том, что одного раза достаточно. Из-за самой тотальности этой войны и возможности абсолютного уничтожения эта война не может случиться. Никто к ней не готов; поэтому ее продолжают откладывать.

Вскоре вы увидите: та же самая технология и те же самые ядерные вооружения будут использоваться в творческих целях — чтобы создавать больше еды, лучшую одежду, лучшие дома, больше питания. Ученые говорят, что это возможно — если прекратить войны и попытки производства военного сырья — они могут поддержать в пять раз больше людей на этой Земле, живущих радостно, с большим здоровьем и долголетием. Это кажется невероятным, но я вижу, что, если война не случится, мы должны что-то сделать с военным сырьем, которое продолжает накапливаться в каждой нации. Это военное сырье может быть конвертировано в творческие ресурсы.

Но это вопрос для ученых. А для тебя — все, что нужно делать, — это быть источником песни, танца, красоты и любви, и пустить вокруг себя и своего аромата столько волн, сколько только возможно.

Сердце и его молчание так же заразительны, как и что-либо другое; это инфекция. Мы просто хотим, чтобы как можно больше людей было молчаливыми, чтобы они смогли распространить эту эпидемию здоровья как можно шире и глубже.

Лишь немного осознанности, для которой пришло время...

Однажды вечером Пэдди звонит в полицейский участок и сообщает, что из его машины были украдены руль, тормозная педаль, акселератор и радио. Полицейский отвечает, что пошлет наряд для расследования.

Через несколько минут Пэдди снова на связи:

— Не беспокойтесь о наряде, — говорит он. — Я только что осознал, что по ошибке сел на заднее сиденье.

Пэдди заходит в полицейский участок — хромая, покрытый синяками, в изорванной и грязной одежде.

— Моя теща только что сшибла меня машиной, — объявляет он.

— Вы действительно уверены, что это ваша теща? — спрашивает полицейский. — Вы видели ее лицо?

— Нет, лица не видел, — отвечает Пэдди, — но этот смех я узнаю где угодно!

Рональд Рейган посещает больницу для умалишенных, чтобы поднять свой имидж в глазах общественности. Обойдя палаты, он забрел в сад, где вступил в разговор с одним из садовников.

Садовник оказывается очень разумным и интересным человеком, и Рональд предполагает, что работать среди стольких ненормальных довольно трудно.

— Вовсе нет, — отвечает садовник. — Видите ли, я сам пациент.

— Потрясающе, — говорит Рональд Рейган. — Вы кажетесь мне одним из самых нормальных людей, которых я когда-либо встречал.

— Это правда, — отвечает садовник, — я пытался заставить их выпустить меня отсюда пятнадцать лет.

— Возмутительно! — кричит Рональд Рейган и заверяет садовника, что сделает все возможное, чтобы его выпустили.

Садовник очень благодарен, и они пожимают друг другу руки. Когда президент разворачивается, чтобы уйти, садовник поднимает лопату и мощным ударом по башке сшибает Рейгана с ног. Лежа на земле, оглушенный и потрясенный, Рейган с изумлением видит, как садовник покачивает пальцем и говорит:

— Пожалуйста, не забудьте!

Просто не принимайте это всерьез.

2017 год... до него еще далеко.

Мисс Гудбоди говорит классу, что они будут играть в игру по правописанию. Она вызывает маленького Бобби к доске и диктует предложение:

— В углу скребется мышь.

Бобби пишет: «В углу...» — и останавливается.

— Мисс Гудбоди, можно задать вопрос? — говорит он.

— Да, — говорит мисс Гудбоди, — если только он связан с заданием.

— Скажите, мисс Гудбоди, — говорит Бобби, — «скр» — это имя собственное или нарицательное?

Через три недели семейной жизни Фаган Финкельштейн совершает ошибку и приводит свою молодую жену Розу на любимую дискотеку холостяцких времен.

Роза злится, когда сначала гардеробщица, потом барменша, потом официантка — все хорошенькие — бурно приветствуют Фагана. Но она действительно приходит в бешенство, когда к нему подходит сногсшибательная блондинка, садится на колени, целует в щеку и говорит:

— Увидимся в другой раз, милый, когда ты будешь не так занят.

Роза вскакивает и бросается к двери, преследуемая по пятам протестующим Фаганом. Когда они забираются в такси, Фаган отчаянно пытается объяснить, что прошлое для него позади и он любит только ее.

— Пожалуйста, выслушай меня, — умоляет Фаган.

— Ничего не желаю слушать, — кричит Роза.

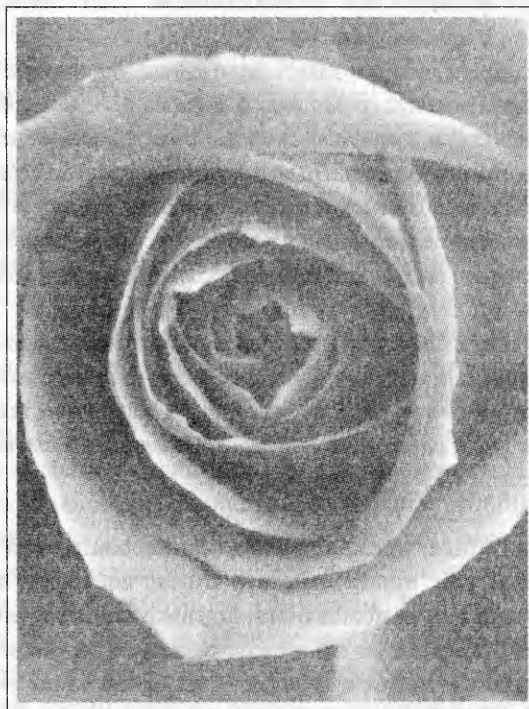
Таксист оборачивается и говорит:

— От нее толку не будет, мистер Финк. Хотите вернуться и снять другую?

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Путешествие отсюда сюда

*Обычные люди идут в церковь, не внутрь себя.
Они читают Библию, но не собственное бессознательное.
Они поклоняются в храме, но не обнажают себя в медитации.*

Любимый Ошо...

Сегодня вопросы читает Вимал! Все помнят его полный боли, суицидальный вопрос, заданный несколько дней назад. Раздается гром поздравительных аплодисментов. Под общий смех он краснеет и продолжает.

Говорят, Гурджиев заметил: «Обычно люди никогда не переживают истинных страданий и отчаяния, потому что живут механической и обыденной жизнью и их заботы обыденны, машинальны и неизбежны. Но человек, принявший на себя по доброй воле необычное и ненужное бремя работы, — только он знает вкус настоящего отчаяния и разбитого сердца, только он будет страдать от боли и напряжения, которых не требует обычная жизнь».

Любимый Ошо, хоть Ты и шутишь шутки и наполняешь наши сердца смехом, в то же время отрубая нам головы своим невидимым мечом, иногда я чувствую, что больше всех страдаешь Ты — от нашего сна и неосознанности. Пожалуйста, прости нас.

Дживан Мада, прежде чем комментировать твой вопрос, я должен тебе напомнить, что Вимал совершил самоубийство и уехал в Гоа — может быть, до самоубийства, может быть, после; этого я не знаю. Но я ему сказал: «Хотя Бог и умер, все же ты можешь молиться. Иногда — никто не знает — какой-то заместитель Бога отвечает».

Иногда молитвы бывают услышаны. По крайней мере молитва Вимала была услышана. И из-за его молитв у бедной Маниши снова мигрень.

Теперь со стороны Вимала было бы очень хорошо снова помолиться: «Пожалуйста, прости меня; я беру свою молитву обратно. И не мучь больше бедную девочку».

Но все же это доказывает, что кто-то где-то, без сомнений, слышит молитвы.

Существование Вимала создает здесь большие проблемы. Может быть, он совершил самоубийство, но так и не умер. Может быть, мы имеем случай воскресения. Может быть, он не кто иной, как привидение, переодетое Вималом.

Нискроя, присмотрись получше — потому что я слышал, что вчера вечером здесь было много привидений. *(Ошо имеет в виду тот факт, что вчера вечером во время дискурса стражи порядка организовано завернулись в простыни, чтобы отдать дань 2017 году.)* И уходя, я увидел, как три штуки входят в Будда-холл — в полной униформе, с моей малой на шее! Я был не один; Авеш свидетель, Шуньо свидетель. И они сделали прекрасное «Йаа-Хуу!»

Эта мантра, Йаа-Хуу, действительно происходит из мира привидений. Ее не найти ни в одном из человеческих писаний. Они принадлежит к миру за пределами смерти.

Теперь возникает вопрос, действительно ли этот Вимал тот же, что был раньше, или просто материализация привидения? Это гораздо важнее твоего вопроса. Он сидит рядом с Муктой и Нилам — вы обе должны его ткнуть под ребра и посмотреть, есть ли у него что-нибудь внутри! Потому что, если пощекотать привидение, вы не найдете ничего, кроме скелета. И привидению очень трудно даже хихикать; о смехе не может быть и речи. Это невозможно. Даже если привидение очень свежее и не за было, каким было при жизни, смех очень проблематичен.

Значит, это должно быть критерием. Если Вимал громко засмеется, когда Мукта его пощекочет... потому что мы должны быть очень осторожны. Эти создания всюду вокруг; они сидят на деревьях, смешиваются с толпой — особенно с моими людьми, потому что мои люди не возражают; они знают, что мужчина или — в особенности — женщина, сидящие рядом, нереальны. Но они принимают.

Привидения — по-своему безвредный народ. Если их не обижать, они не будут вас преследовать. Если вы их не пригласите, они не придут на вечеринку.

Я никогда не встречал скверного духа; все духи святые. Вот почему христиане продолжают верить в Святого Духа. Хотя этот дух и сделал девственную женщину беременной, он оста-

ется святым — дух не может сделать ничего святотатственного; по самой своей природе он очень религиозное существо.

Кажется, Вимал, если он действительно святой дух, сможет взять свою молитву обратно. Эта молитва была почти проклятием, и вот Маниша страдает мигренью. Это некрасиво, просто поставь себя на ее место.

Сними ее мигрень! Теперь это твой долг: пойдти к ней, попроси у нее прощения, чтобы завтра она вернулась без всяких проблем. Некрасиво со стороны духов донимать людей, невинных людей, мигренями. И теперь он сидит здесь, такой добродетельный...

Дживан Мада, твой вопрос, несомненно, полон незаурядной важности. Только Гурджиев, такой человек, как Гурджиев, мог такое сказать. Но, фактически, это правда. Он говорит:

Обычно люди никогда не переживают истинных страданий и отчаяния, потому что они живут механической и обыденной жизнью.

Дело не в том, что страданий нет, но в том, что они к ним привыкли. Во-вторых, их страдание подавлено. Они живут в очень тонком слое сознания; под ним полный ад. Изредка он проступает на поверхность, но чаще всего обычный человек живет, не осознавая, сколько страданий, сколько боли он несет у себя внутри.

В определенном смысле это удачно, в другом — очень печально, потому что, если бы он осознал это несчастье и страдание, никто не смог бы помешать ему выйти из этой бессознательности, этой обыденной механической жизни и стать пробужденным, сознательным существом.

Но, с другой стороны, я говорю: ему повезло, он не сознает, что носит у себя внутри целый ад. Стоит лишь немного проколоть его сумку — и вы увидите, сколько в ней страданий, сколько несчастья. Люди даже не говорят о таких вещах, потому что даже эти слова могут спровоцировать их страдание и вызвать его на поверхность. Люди не говорят о смерти...

С самого детства я не пропускал ни одних похорон. Мой отец говорил:

— На похороны приходят друзья, или родственники умершего, или люди, как-то связанные с ним по работе. Ты ни с кем ни связан, но кажется, все умершие твои родственники! В этот день ты не идешь в школу, ты идешь на похороны — хотя тебя никто туда не звал, тебе даже никто ничего не сообщил! Фактически, люди пытаются помешать тебе узнать об этом, потому что ты создаешь ненужное беспокойство. Люди думают: «Зачем он пришел?»

Но я продолжал ходить на каждые похороны, о которых мог узнать. Какой бы работой я ни занимался, я ее тут же бросал и присоединялся к похоронной процессии. Люди видели меня и спрашивали, не преследую ли я их.

— Нет, — говорил я, — я просто хочу посмотреть, что вы там будете делать.

— Но ты уже *видел* — столько раз!

— И все же я хочу получить подтверждение. Одно исключение — и я отброшу все правило.

Но без всяких исключений я находил, что принцип подтверждается: когда люди приносят мертвое тело на похороны, они не сидят и не смотрят на похороны. Они сидят спиной к погребальному костру и говорят о тысяче других вещей — но не о смерти, не о самом важном из всего происходящего. Человек сгорает у них за спиной, а они говорят глупости... «Какой сейчас идет фильм? Ты его смотрел?»

Я не мог поверить, что они боятся на это смотреть, потому что смотреть — значит интенсивно осознавать, что каждая смерть предвещает *твою* смерть; сегодня ты видишь кого-то на погребальном костре, а завтра кто-то увидит на погребальном костре *тебя*. Они хотят избежать этого факта. Даже представить картину самого себя на погребальном костре — это потрясает все их существо.

Именно это говорит Гурджиев: «Истинное страдание и отчаяние никогда не становятся опытом обычного человека». Под «обычным человеком»... он никого не осуждает. Он просто говорит, каждый бессознательный человек — обычный человек.

Он не осознает самого себя — что может быть обычнее? Он прожил жизнь в семьдесят лет длиной и так и не смог столкнуться с самим собой.

Но причина в том, что люди создают барьер между собой и своей бессознательной реальностью, которая содержит многие жизни, полные страдания и боли. Они боятся на это смотреть. И пока они на это не посмотрят, они не смогут столкнуться и с тем, что за пределами страдания — что блаженно, что в самой нашей природе — наша вечность, наша радость, наш танец, наши цветы.

Люди не могут достичь собственных цветов. Великое препятствие бессознательного подавленного страдания...

Ты знаешь, как подавляется страдание. Например, кто-то умирает, и ты начинаешь плакать. Немедленно какой-то умник начнет тебе говорить:

— Не принимай это близко к сердцу; смерть естественна, она случается с каждым. В ней нет ничего особенного. Будь мужчиной — ты плачешь? Ты что, женщина?

Даже маленьким мальчикам говорят: «Не будь девчонкой». У мальчика умер отец, а он не может плакать, потому что это его обнажит: он не мужчина, лишенный эмоций, сильный, смелый, смотрящий жизни в лицо.

Плач и слезы — для женщин.

Но это не значит, что это относится только к мужчинам; то же самое можно сказать и о женщинах. Это в большей мере относится к мужчинам, но и женщины в таком же положении. Они тоже постоянно подавляют свое отчаяние, свое несчастье — разными способами. Отличаются только способы. Они отвлекаются при помощи украшений, телевизора, покупок, ходят в гости и говорят без конца. Они чего-то избегают, от чего-то прячутся. Они не хотят это видеть; они хотят забыть раны, которые сохраняются внутри.

В определенном смысле это удачно, но на самом деле это не так. Действительно, счастливы те, о ком Гурджиев говорит: «Человек, принявший на себя по доброй воле необычное и ненужное бремя работы...»

Просто посмотрите на его слова: ни один мастер не мог такого сказать; именно поэтому его настолько не понимали, что представить себе нельзя. Он говорит: Человек, принявший на себя по доброй воле необычное и ненужное бремя работы... Под «работой» он подразумевает раскапывание бессознательного, как можно более глубокое проникновение в бессознательное. Пока ты не достигнешь самого живого центра своей жизни, ты будешь много страдать.

Это не нужно, говорит он, потому что ты можешь жить как обычный человек. Тебя никто не заставляет. Это необычно, потому что обычные люди идут в церковь, не внутрь себя. Они читают Библию, но не собственное бессознательное. Они поклоняются в храме, но не обнажают себя в медитации.

Гурджиев обычно называл это «работой», потому что это бремя могут принять на себя только очень разумные, храбрые и сильные люди — по той простой причине, что ты можешь жить, не вдаваясь во все это, ты можешь всю жизнь просто оставаться начальником станции, бизнесменом, клерком или священником. Нет необходимости подвергаться стольким страданиям, навлекать на себя такое отчаяние.

Но так ты от него не избавишься. Даже в следующей жизни оно будет продолжаться, потому что за эту жизнь страданий скопится еще больше. Каждую жизнь, слой за слоем, продолжает накапливаться все то, что было не прожито, не выражено, не окончено, не испытано, подавлено.

В буддизме — может быть, только в буддизме — есть техника, чтобы определить, сколько жизней ты прожил раньше. Она заключается в том, чтобы сосчитать эти слои, точно так же, как, срубив дерево, можно определить по количеству кругов, сколько ему лет, потому что каждый год создается один круг. Поэтому, если дереву двести лет, ты найдешь на срезе двести кругов.

Точно таким же образом каждая жизнь оставляет у тебя внутри круг страдания и отчаяния. Можно сосчитать, сколько жизней ты его подавлял, сколько жизней ты прожил раньше. Но чем дольше ты жил, тем труднее становится войти во внутреннее царство.

Обычный священник, проповедник, продолжает говорить о прекрасных вещах: хорошая работа, добродетель, благотворительность, щедрость — и ты войдешь в Царство Божье. Это не так легко. Сначала ты должен покончить со всем своим бессознательным. И это бессознательное — именно то, что мистики веками называли «темной ночью души».

Лишь очень немногие разумные люди примут на свои плечи это ненужное бремя, потому что только такой человек знает вкус настоящего отчаяния и разбитого сердца и будет страдать от боли и напряжения, которых не требует обычная жизнь.

Ты можешь жить очень поверхностно, ты можешь избежать темной ночи души, но, избегая темной ночи души, ты избегаешь всех своих сокровищ. Ты избегаешь самого смысла своей жизни и существования. Поэтому разумный человек принимает вызов и входит в темный туннель, который кажется бесконечным. Но однажды он кончается. Если ты продолжаешь храбро идти вперед, зная, что другие его прошли — в этом красота того, чтобы быть с мастером, потому что ты знаешь по крайней мере один пример, который перед тобой и с тобой, который стоит по ту сторону туннеля и постоянно зовет тебя войти в туннель... потому что пока ты в него не войдешь, ты не сможешь из него выйти. Обходного пути нет.

В мире есть тысячи шарлатанов, и их работа в том, чтобы сказать тебе, как обойти стороной темноту, страдание и отчаяние и просто стать просветленным. Всего лишь трансцендентальная медитация, повторение определенной мантры — и ты становишься реализовавшейся душой. Нет ни связи, ни подлинной работы. Что случится с твоим бессознательным? Что случится с твоим коллективным бессознательным? Ты пытаешься их обойти, просто отбросить их. Так не бывает.

Путь проходит *сквозь* них. Ты должен их разрубить и пройти через них, прекрасно зная, что с тобой есть кто-то, кто уже прошел и вышел с другой стороны. Присутствие мастера не является абсолютной необходимостью — если у тебя достаточно сердца и доверия, подойдет даже Гаутама Будда, живший двадцать пять веков назад. Все зависит от доверия, потому что во всем мире есть люди, которые подтверждают: «Просто войди во

тью бессознательного, наблюдающий, пробужденный, бдительный, потому что это единственный способ *сквозь* него пройти». Осознанность — единственный мост между тобой и твоим предельным цветением.

Дживан Мада спрашивает:

«Любимый Ошо, хотя ты и шутишь шуточки и наполняешь наши сердца смехом, в то же время отрубая нам головы своим невидимым мечом, иногда я чувствую, что больше всех страдаешь ты — из-за нашего сна и неосознанности. Пожалуйста, прости нас».

Дживан Мада, ты натолкнулся на истину. Но, что касается меня, вы уже прощены. Это правда, истинный мастер страдает из-за вашей бессознательности, из-за вашего недоверия, из-за вашего предательства. Есть столько способов подвергнуть мастера напрасному страданию.

Он мог бы его избежать. Есть две категории мастеров, о которых я вам говорил: архаты и бодхисаттвы. Архаты не страдают. Они страдают от собственного прошлого, от собственной бессознательности, но, раз из этого выйдя, они больше не хотят иметь ни с кем ничего общего, потому что знают, что даже принять кого-то в ученики — значит возложить на себя ответственность, бремя. Ты тяжело работаешь над сотней человек; из них по крайней мере девяносто девять тебя предаст. В какой-то точке пути они тебя покинут — и не только покинут, но и будут распространять ложь и клевету, потому что они должны защитить собственное эго. Им придется защищаться, чтобы никто не мог сказать, что они предатели. На самом же деле они испытывают глубокое чувство вины и должны чем-то его прикрыть.

Вы знаете, что случилось с Иудой. Через двадцать четыре часа он совершил самоубийство. Когда Иисус был распят — раньше он не понимал, что дело пойдет так далеко. Он не мог вообразить, что Иисус будет распят, потому что тот не совершил никакого преступления. Но Иуда предал его за небольшую сумму: тридцать серебрянников.

Это очень символический и значительный эпизод, который христиане не обсуждают, потому что не могут понять, что про-

изошло. Иуда был самым важным человеком в окружении Иисуса, самым культурным, образованным и утонченным. Естественно, он стремился к тому, чтобы Иисус объявил его своим преемником. Просто обычное желание — но видя, что Иисус никого не собирается объявлять преемником, он его предал.

Он продал Иисуса в руки его врагов. По-прежнему он не осознавал, — это происходит с каждым, кто спит, — он не осознавал последствий. Он был очень рад получить тридцать серебряников, но, когда он увидел Иисуса распятым, возникло чувство вины. И чувство вины было так сильно, что он даже не мог его прикрыть, рассказывая людям ложь. У него остался лишь один способ посмотреть самому себе в глаза — самоубийство. Он настолько пал в собственных глазах... но это был очень экстремальный случай.

Люди постоянно предают своих мастеров. В определенный момент, когда их собственное страдание становится слишком сильным, они начинают проецировать его на мастера — как будто это делает мастер, как будто он заставляет их идти во тьму: «Ты за это в ответе!» Они не понимают, что мастер не создает это страдание, они уже в страдании; мастер просто помогает через него пройти. Но в своей бессознательности ты никогда не принимал: «это мое страдание», и естественно, когда ты с ним сталкиваешься, логично спроецировать его на мастера. И естественно, многие из тех, кто чувствует такие проекции, обратятся против мастера.

Каждый был предан — не одним, многими людьми. Гаутама Будда был предан, Махавира был предан, Чжуан-цзы был предан; Иисус был предан — и предан людьми, которые были самыми любимыми и близкими, но не смогли понять суть. И, может быть именно из-за того, что они были *так* близко, они не смогли понять, что именно через твое страдание мастер помогает тебе пройти; это твоя ночь, не его ночь. Но ты подумашь, что она создана им: «Он понапрасну заставляет меня мучить себя». Он будет казаться врагом.

Чтобы узнать, что это страдание твое, нужна безмерная любовь, безмерное доверие; мастер просто пытается помочь тебе

избавиться от этого страдания. И нет другого способа от него избавиться, как только через него пройти — но пройти сознательно.

Дживан Мада, это абсолютно правильно... и если мои люди это поймут, это окажет им огромную помощь в их росте, реализации, просветлении. Я хочу сделать ваш груз как можно легче. Может быть, никто не пытался сделать ваш груз таким легким, как это делаю я. Гаутама Будда не станет шутить шуток, чтобы вы могли смеяться; не станет шутить и Махавира, чтобы помочь вам не принимать вещи так серьезно.

Отчаяние, страдание и несчастье — все нужно принимать без серьезности, потому что чем серьезнее ты их принимаешь, тем труднее из них выйти. Чем менее ты серьезен... ты можешь пройти через страдание, через темную ночь, продолжая петь песню. Если можно пройти через темную ночь, продолжая петь и танцевать, зачем понапрасну мучить себя?

Сделайте это путешествие отсюда сюда просто прекрасным и смешным делом.

Итак, позвольте мне начать свою работу...

Рути Финкельштейн в последнее время не слишком ладила со своим мужем Мойше, и у них долгое время не было секса...

Внезапный одинокий смех Сардарджи наполняет смехом над его смехом весь Будда-холл.

Вы должны учиться у Сардара Гурудаяла Сингха; он вскоре будет просветленным человеком!

Теперь смех разносится волнами по мере того, как интернациональная аудитория разбирает игру слов — каждый в свое время.

...Однажды, совершая закупки в супермаркете, Рути начинает приходить в возбужденное состояние.

Когда она заплатила за покупки, приятного вида студент предложил помочь ей донести сумки до машины. Рути с радостью приняла предложение, и, пока они шли рядом к стоянке, она скользнула к нему и прошептала сексуально ему на ухо:

— У меня Итчипусси!*

— Знаете, мадам, — отвечает парень. — Вам придется мне ее показать. Для меня все японские машины на одно лицо!

Здесь необходим Гурудаял Сингх, но до него никогда не доходят нужные шутки в нужном месте и в нужное время. Но Гурудаял очень простой человек. Он всегда попадает в неправильные шутки — а я учил его пятнадцать лет или даже больше, но он никогда не попадает в нужную шутку. Теперь он молчит, отдыхает. Он всегда промахивается!

Мисс Гудбоди везет свой класс на экскурсию в Париж. Они осматривают все достопримечательности, и тут мисс Гудбоди замечает, что пропал маленький Эрни. Она оставляет оставшийся класс в музее и идет его искать.

Проискав некоторое время, она замечает маленького Эрни, стоящего и плачущего в дальнем углу кабаре-шоу.

— Почему ты плачешь? — спрашивает мисс Гудбоди.

— Мама мне сказала, — всхлипывает Эрни, — что если я посмотрю на голую женщину, то превращусь в камень, — и вот я уже чувствую, что во мне что-то каменеет.

Джозеф Мандельбаум и Бенджамин Розенблатт, партнеры в одежном бизнесе, переживают ужасный сезон. Десять тысяч непроданных спортивных курток «мадрас» валяются на складе, и банкротство неизбежно.

Вдруг откуда ни возьмись появляется покупатель из Австралии, который ищет спортивные куртки «мадрас».

* Игра слов: Itchy pussy: «У меня одно место чешется!»

— У вас, ребята, их случайно нет? — говорит австралиец. — Я их везде ищу.

Справившись с дыханием, Джозеф признает, что, может быть, несколько заваялось. Вскоре заключена сделка об отправке десяти тысяч курток в Австралию по очень выгодной цене.

— Остается только одно, — говорит австралиец. — Для такого крупного заказа я должен получить подтверждение из центральной конторы. Не должно быть никаких проблем, и если только до конца недели я не пришлю телеграмму, сделка остается в силе.

Проходит неделя, и партнеры тревожно ждут, не передумает ли австралиец.

В пятницу без десяти пять Бенджамин начинает закрывать магазин, и вдруг раздается стук в дверь и крик:

— Телеграмма!

Партнеры застывают как вкопанные. Джозеф хватается телеграмму и разрывает конверт. Внезапно его лицо светлеет:

— Бенни! Потрясающие новости! Твоя жена только что умерла!

А это специально для Гурудаяла Сингха. Вникни в это!

Пэдди приходит домой с двумя синяками под глазами.

— Что случилось? — спрашивает Маурин.

— Дело было так, — говорит Пэдди, — утром я ехал в автобусе, и передо мной стояла большая толстая женщина. Платье застряло у нее в заднице, и я его вытащил, и она меня стукнула.

— Это один синяк, — говорит Маурин. — А второй?

— Ну, — говорит Пэдди, — когда я увидел, что ей это не понравилось, я засунул его обратно.

А теперь, Гурудаял, как насчет небольшого *позволения*? Но помните, вчерашнее *позволение* не было совершенным. Вы слишком наслаждались.

— Вы должны быть в молчании. *Позволение* означает, что по крайней мере на одну минуту ты мертв. Но я видел, что вы наслаждаетесь тем, что мертвы! Это неправильно. Вы должны это исправить; иначе вам придется делать это каждый день!

Я видел, что некоторые люди даже поднимали ноги. Это не *позволение!* *Позволение* невозможно — как эти ноги оказались наверху? И вы продолжали смеяться и наслаждаться. Вы разрушили всю... Поэтому на этот раз, пока я не позову вас обратно, будьте совершенно мертвыми, без всяких признаков жизни.

Хорошо, Нискрия? Нискрии разрешается фотографировать.

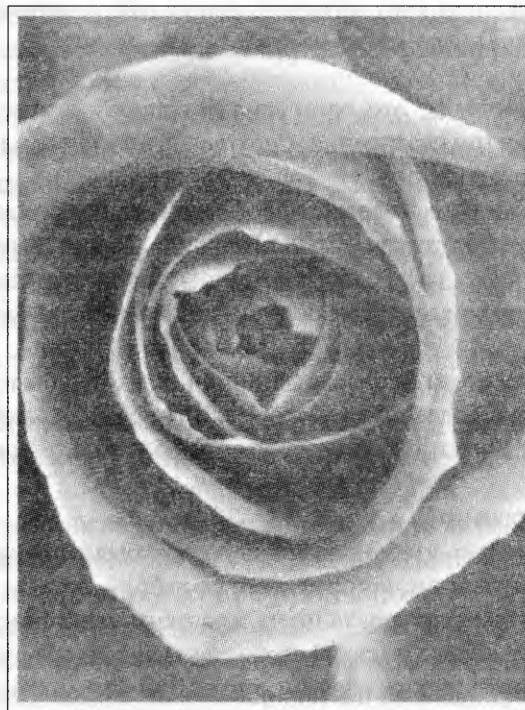
Готовы?

Отпустите...

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Никогда не спрашивай «Кто я?»

Жизнь — это игра, игривость... Нет никакого Бога и никогда не было... Вопрос не в том, кто я? Вот вопрос: что я могу сделать? Кем я могу быть? Что касается того, кто я, это уже случилось. Я есть. Теперь вопрос в том, что я должен сделать. Должен ли я быть певцом, танцором, поэтом, мистиком или влюбленным? Человеком мира, великих глубин, человеком безмерного молчания и радости?

Любимый Ошо,

В своей книге «Codex Hammer» Леонардо да Винчи написал: «Невозможно, чтобы вещь сама по себе являлась причиной своего создания, а те вещи, которые сами по себе, — вечны». Не скажешь ли Ты что-нибудь об этом?

Дживан Мада, это один из тех вопросов, которые были предметом созерцания много веков и на которые все же не существует ответа.

Ты вложил его в слова философского трактата Леонардо да Винчи, известного как «Codex Hammer». Может быть, то, что он имел в виду, для тебя не очевидно; но это нечто такое, о чем иногда спрашивает себя каждое простое человеческое существо.

Я прочту слова Леонардо да Винчи, и я хотел бы их проанализировать в более простой форме. Философы не любят простоты. Они делают сложные проблемы из того, что совершенно очевидно.

Он говорит:

Невозможно, чтобы вещь сама по себе была причиной своего создания, а вещи, которые сами по себе, — вечны.

Может быть, из страха перед жестоким христианством, которое не позволяло никакой свободы мысли, он сформулировал простой вопрос таким образом, что обычный человек не может понять, о чем он говорит. Если сказать в простой форме, он говорит: «Бог не может быть создателем».

Христианство и другие религии верят, что Бог создатель, потому что ничто не может быть без причины, ничто не может произойти из ничего. Должно быть нечто, из чего может быть произведено что-то еще; у каждого следствия должна быть причина. Мир — это следствие, а Бог — причина; он создатель, а мы — созданное.

Обычно никто не возражает, потому что обычно никто не беспокоится о том, кто создал мир и почему он был создан. Это не твоя проблема — тебе нужно решать тысячу и одну проблему, и ты не хочешь вваливать на себя еще одну. Поэтому люди просто это принимают.

Но философский ум не может это принять так легко. Если миру нужен создатель, тогда и создателю понадобится создатель; иначе откуда возьмется он? Эта логика приводит к абсурду: тогда один Бог создает мир, другой Бог создает первого Бога, и так далее, и тому подобное.

Но где-то придется остановиться. Где-то — X, Y, Z — придется остановиться; Z создал всех остальных Богов. Но проблема остается прежней: откуда взялся Z? А если Z может быть вечным, беспричинным, зачем создавать себе работу, беспокоиться и создавать мир? Само существование может быть вечным, и ему не нужно никакого создателя. Если в конце концов приходится признать, что нечто может быть вечным без всякого создателя, — всегда было и всегда останется, — никакого Бога не нужно.

Тогда существования достаточно самого по себе. Тогда оно вечно, и никакому создателю не нужно брать на себя напрасный труд.

Но священник не допускает этого простого явления: существование вечно. Бог абсолютно необходим. Не тебе, не существованию, но жречеству всех религий, потому что без Бога их храмы опустеют. Все их писания станут мусором, все их ритуалы окажутся глупыми, молитвы — детскими; все их концепции Бога — навязчивыми идеями психически больных людей.

Бог абсолютно необходим миллионам священников всюду вокруг. Это товар, который они продают, это их рынок. Удалите Бога, и что будет с Папой? Бедному парню придется вернуться в Польшу и открыть овощной магазин. Не думаю, что он способен на что-то большее.

Но сейчас Бог есть, и все в полном порядке. Тогда есть иерархия: сын Бога, Иисус Христос, представители Иисуса, Папа и кардиналы, епископы и священники. Длинная линия паразитов — их жизнь возможна, только если Бог создал мир.

Определенно одно — для этого не нужно никакого философского ума. Просто посмотри на мир — и станет очевидно, что никакой Бог не мог его создать. Такой хаос! Эти постоянные войны...

Как раз сегодня я узнал, что сейчас, в это самое мгновение, на Земле продолжается двадцать пять войн. Это небольшие войны; поэтому о них никто не беспокоится. Вот определение войны: если убито десять тысяч человек, это война. Сейчас в мире происходит двадцать пять войн, в которых убито гораздо больше десяти тысяч человек.

Кажется, единственным делом человека веками было бороться, убивать, насиловать. Кажется, что-то пошло не так в самом человеческом уме: либо какие-то гайки не завернуты, либо завернуты слишком туго, но что-то определенно нуждается в починке.

Такой человек, как он есть сейчас, не мог быть создан никаким богом. Он мог быть создан только случайной эволюцией, без всякого направления, без всякой цели, без всякой причины.

Существование — это просто никуда не направленная реальность. Она расцветает множеством цветов — но все они случайны. Кажется, нет совершенно никакого направления. Кажется, нет никакой продуманной, запланированной цели, которой должно достичь человечество или эволюция сознания.

Ты должен найти свою цель у себя внутри. Она тебе не дана, и никто не может тебе ее навязать. Именно поэтому... вчера мы говорили о Георгии Гурджиеве, который сказал, что обычный человек не страдает; только незаурядный человек страдает, и страдает без необходимости. Незаурядный человек ставит определенную цель для достижения, пытается осознать определенную реальность.

Обычный человек просто радостно производит детей, каждый день ходит на работу, каждый день возвращается в один и тот же дом. Я имею в виду уважаемых граждан, я не говорю, что *каждый* приходит в один и тот же дом каждый вечер. Один приходит вечером, другой ночью, третий утром — но они все равно приходят. А зачем они приходят? Чтобы принять душ

и подготовиться к завтраку. Вся их жизнь полна рутины. Завтрак, ланч, перерыв на кофе... жизнь не так длинна; вскоре все эти перерывы на кофе придут к полной остановке. Люди падают навзничь и перестают дышать, даже никому не говоря, что они делают и почему. И почему так внезапно? *Почему ты выбрал это мгновение?*

Люди функционируют почти как машины. Ты не можешь спросить машину, почему она сломалась и почему именно в этот момент... Ты не можешь спросить машину: «Почему ты остановилась? Особенно на дороге в Бомбей, в крематорий — ты что, совсем потеряла чувство?» Но никто не спрашивает машину.

Никто не спрашивает: «Почему ты дышишь? Ты можешь ответить?» Если вы об этом думаете, вас действительно тревожат существенные вопросы — почему вы родились, кто вас ждал, почему вы создаете ненужные толпы и тысячи проблем... потому что толпа постоянно становится больше и больше. Единственный рациональный вопрос задала современная философская школа, экзистенциалисты: «Почему ты не совершишь самоубийство?» Ответ «Не хочу» не подойдет. Вопрос не в этом. Вопрос в том, почему ты не хочешь. Какая у тебя цель? Зачем досаждают людям?

Фактически, ответа нет.

В Древней Греции был один философ, Зенон, который прожил очень долгую жизнь — девяносто лет. Его учение состояло в том, что только очень глупые и отсталые люди могут продолжать жить. Разумные люди обязательно совершат самоубийство в то мгновение, когда осознают, что нет причины. Ложиться в постель и затем вставать утром, та же самая рутина, те же самые папки на работе, тот же начальник... все то же самое. Если в конце концов тебе придется умереть, почему не сейчас? Зачем создавать столько проблем на пути к могиле? Зачем ждать семьдесят лет?

И по пути к могиле ты не идешь молча, ты создаешь тысячи проблем для других. Почтальон должен приносить тебе почту, молочник — молоко...

Миллионы людей заняты защитой — зачем? Какой смысл защищаться людям, которые все равно умрут? Оборонные армии продолжают расти повсюду как грибы, а кого вы защищаете? Как только человек умер, его уже нельзя убедить: «Пожалуйста, это некрасиво. Мы столько старались, создавая оборону, а ты решил перестать дышать. Разве это по-джентльменски?» Это даже не по-католически...

Зенон учил, и говорят, что тысячи разумных людей, его учеников, покончили с собой. Но сам он жил долго — очевидно, ему пришлось — это была его ответственность. Много раз ему говорили: «Твои ученики постоянно совершают самоубийства из-за твоих учений — почему этого не сделаешь ты?» Он говорил: «Я бы давно совершил самоубийство, но из-за этого учения... Кто будет учить? У меня есть цель, и я попытаюсь прожить как можно дольше, потому что, когда я умру, никто не будет учить моей философии».

И конечно, никто не учил его философии никого другого. Как только он умер, люди вздохнули с облегчением, что эта великая проблема... потому что он задавал вопросы, на которые нельзя ответить. Дело не в том, что он знает ответ; он просто указывает, что ответа нет.

Лишенное ответа существование сделало возможным то, что вас эксплуатируют тысячи священников, потому что они дают вам чувство направления. Они дают вам чувство, что вы нужны Богу, что вы созданы Богом; что вы не напрасны, что вам предстоит исполнить определенное предназначение.

Бог абсолютно необходим священникам в их профессии, Бог абсолютно необходим другим людям. Это не подлинный ответ, но все же это лучше чем ничего: «Вас создал Бог».

Ты когда-нибудь видел свое лицо в зеркале? Видишь ли ты причину, по которой он тебя мог создать? За что он хотел отомстить? И он создал не только тебя, но и твою жену, твоих детей и всю эту чепуху. И все же ты должен ему поклоняться! Если ты не будешь ему поклоняться, он бросит тебя в ад.

Странно. Прежде всего, мы никогда не просили нас создавать. Мы никогда не просили позволения жить. Он создал все-

возможные желания и стремления, жадность, ревность — он ответствен за все это — но страдать тебе. Он дал тебе сексуальность, а священник продолжает учить тебя безбрачию. Странно. Священник представляет Бога — он должен учить сексуальности, если он действительно его представитель.

Если оглянуться вокруг, кроме меня никто на самом деле не представляет Бога.

Ты учишь безбрачию — странно — и все же веришь в Бога? А я не верю в Бога; и все же я его представитель, по той простой причине, что в моем понимании нет причин страшиться, зачем ты в существовании.

Ты просто есть.

Я есть, и никто не спрашивает меня зачем. Даже я не могу спросить, зачем я есть, я просто нахожу, что я есть — я есть. Это не вопрос...

В Индии был один великий мудрец, Рамана Махарши, и все его учение было: «Спрашивай себя: Кто я? Кто я?» Какая дурацкая идея! Ты *есть*, вот и все. О «Кто?» и речи быть не может.

Если ты слишком задаешься этим вопросом, ты можешь дойти до того, что ты какой-то Нискрия. Глубже этого никого нет: ты достиг уровня дна существования.

Я не учу вас спрашивать себя: «Кто я?» Вы что, сумасшедшие? Вы — это вы, я — это я. Все ясно, нет никакого замешательства. Никогда не видел никого в замешательстве по поводу его личности — кто он? Несомненно, ты знаешь, кто ты, — как иначе ты узнаешь свою жену?

В следующий раз, встретив ее, попробуй: приди в растерянность... «Кто эта женщина и что она здесь делает?» Но ты ее узнаешь, ты узнаешь своих детей.

...Хотя я никогда не видел ребенка, который не был бы гадким. Все великие люди оставались холостяками по одной простой причине: чтобы избежать детей. Всегда хорошо видеть чужих детей и говорить: «Какие они милые!» Но никогда не заводь собственных, потому что они ужасные люди!

Нет никаких причин, чтобы вообще кто-то здесь был, но что мы можем сделать? Мы уже здесь. И конечно, Бог нас не создавал.

Сама идея о том, что Бог создал человечество, мир и всех живых существ, абсурдна. Какой цели это служит? Вселенная была в полном молчании, звезды сияли, и не было никакой необходимости в этой странной толпе, которая ничего не умеет, кроме как драться.

Принимая то, что тебя создал Бог, ты разрушаешь свою свободу. Ты разрушаешь свое достоинство, ты теряешь свою душу. Ты только марионетка, которую дергает за ниточки кто-то другой. Он говорит: «Танцуй!», и ты танцуешь. Он говорит: «Позволь» — и ты позволяешь. Ты прекрасно это знаешь. Через некоторое время посмотри, что произойдет!

Если твое существо создано Богом, ты не живое существо, а только товар. Вещи делают, существ не делают. Видел ли ты, чтобы кто-нибудь делал существ? Да, люди рожают детей, но они не делают детей. И они не знают, что делают.

Когда они это делали, они никогда и не думали о детях! Сама идея тревожила бы их — «Боже мой, что я делаю?». Дети так же случайны для тебя, как ты случаен для существования.

Жизнь — это вечный источник энергии.

Никто его не создал.

И очень важно то, что у нас нет никакой цели: иначе мы были бы машинами. У машин есть цель: у автомобиля есть цель, у поезда есть цель, но у *тебя* нет никакой цели, потому что ты существо, а не вещь.

У тебя есть достоинство, у тебя есть свобода.

Фактически, те, кто познал себя, — в их понимании они боги. Никто тебя не создал. Ты был вечно и будешь вечно.

Поэтому учения пробужденных не о поклонении, ритуалах и мантрах; учения пробужденных о том, как проснуться и реализовать свою вечность. И тогда жизнь становится просто драмой, игрой. Думаешь ли ты, что у футбола есть цель? Всем известно, что это просто игра.

Жизнь — это игра, игривость.

Нет никакого Бога и никогда не было.

Свобода человека абсолютна. Ему не нужно никому поклоняться, он должен только раскрыть свой потенциал, свое собственное творчество. Что он может сделать? Вопрос не в том, кто я. Вот вопрос: что я могу сделать? Кем я могу быть? Что касается того, кто я, это уже случилось. Я есть. Теперь вопрос в том, что я должен сделать. Должен ли я быть певцом, танцором, поэтом, мистиком или влюбленным? Человеком мира, великих глубин, человеком безмерного молчания и радости?

Вопрос в том, кем я должен быть.

Вопрос «Кто я?» бесполезен, не нужен, это пустая трата времени.

Когда это проникает в твой разум: «я здесь, и у меня достаточно энергии — я могу разрушать или создавать, быть богом или дьяволом»... вот настоящие вопросы.

Мое усилие здесь в том, чтобы сделать вас всех богами.

В то мгновение, когда ты становишься просветленным... это другое название, чтобы объявить: «Я бог. Я был во множестве форм и буду во множестве форм. Мы снова и снова будем встречаться на разных планетах, в разные времена, в разные века, но мы не можем исчезнуть».

И когда кто-то умирает, вспомни дзэнского монаха Ли-цзы. Прежде чем закрыть глаза, он произнес последние слова... он сказал ученикам: «До встречи...» Он закрыл глаза сам. Обычно другим приходится закрывать умершему глаза, потому что мертвый не может двигать веками, поэтому глаза каждого умершего остаются открытыми. И глаза умершего вызывают ужас, потому что видны только белки его глаз. Его зрачки закатываются. Это выглядит ужасно, и поэтому люди закрывают ему глаза.

Но Ли-цзы сам закрыл глаза. И, прежде чем их закрыть, он сказал: «Увидимся в другое время, в другом месте — увидимся снова». Этот человек достоин называться человеком, человеком достоинства, который не верит в смерть.

Те, кто верит в Бога, обязательно верят и в смерть, потому что, если они созданы, они могут быть и аннулированы. Они — просто комбинация частей. Их можно разобрать и снова сложить вместе.

Но человека нельзя снова собрать по той простой причине, что он не тело; он и не мозг, не ум, но нечто гораздо более глубокое, просто чистая осознанность: *я есть*.

Никогда не спрашивай: «Кто я?» В то мгновение, когда ты спрашиваешь: «Кто я?», ты задаешь неверный вопрос, ты на неверном пути. Вскоре ты найдешь, что ты — Нискрия! Я говорю, что ты это *обязательно* найдешь. Попытайся сегодня вечером: закрой глаза и спроси: «Кто я?», и изнутри немедленно придет ответ: «Я Нискрия». И не только к Нискрии — к Нискрии он *не* придет, но придет ко всем остальным. Как бы вы ни пытались, вы не сможете через это пробиться; там будет Нискрия.

Не задавай глупых вопросов, не получишь глупых людей!

Дживан Мада, все, что есть было всегда. *Естьность* не знает перемен. Все изменяется — но *есть-ность*, сама квинтэссенция жизни, остается прежней.

Рути Финкельштейн в конце концов убеждает своего мужа Мойше сходить к врачу.

— Вы выглядите ужасно — говорит доктор Бонс. — Вы пьете?

— Отчего же, конечно, — говорит Мойше, — мой день начинается с бутылки коньяку.

— И с таким кашлем, — продолжает доктор Бонс, — наверное, вы курильщик.

— Разумеется, — отвечает Мойше. — У меня уходит пачки по две в день.

— Послушайте, мистер Финкельштейн, — говорит Бонс, — вам придется немедленно бросить пить и курить, и это приказ. И прежде чем вы уйдете, мой совет обойдется вам в тридцать долларов.

— Спасибо, доктор, — отрезает Мойше. — Но кто его принимает?

Никто не принимает советов, все продолжают делать те же самые глупости. И глупее всего спрашивать: «Кто я?» Это начало безумия. Несомненно, ты найдешь, кто ты: может быть, Иисус Христос, Хазрат Мухаммед или Гаутама Будда; сама идея — кто я? — указывает на неверный ответ. Этот вопрос никогда не приведет тебя к самому себе.

Если бы Рамана Махарши велел мне сесть и повторять: «Кто я? Кто я?», абсолютно определенно, я бы сказал этому старику: «Ты впал в старческий маразм. Я прекрасно знаю, кто я, и ты прекрасно знаешь, кто ты. Нет никакого замешательства». Хотя у него были другие цели: он пытался сделать так, чтобы постепенно ты понял: «я не тело, я не ум, я не мозг». И когда ты находишь, что остался с пустыми руками, это и есть ты.

Но ты не находишь ответа на вопрос «Кто я?». Ты находишь самого себя, которым оставался всегда, смотрел ты на это или нет.

Религии создали гипотетические вопросы — Бог и описание Бога, сколько у него рук и сколько глаз. Очевидно, он не может быть так же беден, как и мы: всего два глаза, нечем смотреть назад. Есть религии, в которых у богов четыре глаза. Естественно, не нужно поворачиваться — они могут ходить вперед и назад без всяких проблем. Это очень человеческая слабость — поворачивать голову и смотреть назад. А у индуистского бога тысяча глаз, потому что четыре — это не слишком много. Всего лишь в два раза больше, чем у человеческих существ, этого недостаточно — тысяча. Но никто не дает себе труда подумать, что если у тебя тысяча глаз, то не останется места больше ни для чего — ты будешь весь состоять из одних глаз. Ни ушей, ни рта, ни носа, только набор глаз — это не очень приятная перспектива.

Другая идея индуистской мифологии — у бога тысяча рук. Это значит, что богов должно быть два — у одного тысяча глаз, у другого тысяча рук, — потому что не может быть бога, у которого и тысяча глаз, и тысяча рук. Ему будет слишком тесно — слишком много работы — и такой бог ничего не сможет сделать. Когда ты принимаешь нечто гипотетическое за истину, ты

начинаешь выдумывать истину... потому что тебе придется задавать такие вопросы... Есть ли у него борода?..

У Гаутамы Будды не было бороды, у Махавиры не было бороды; у двадцати четырех *тиртханкар* джайнов не было бород. Потрясающая мысль! Просто чтобы не давать себе труда каждое утро бриться...

Но никто даже не думал, что этим людям просто не хватало каких-то существенных гормонов. Если этих гормонов не хватает, борода не растет. У женщин бороды не растут — они в этом не виноваты. Ты не можешь им сказать: «Это нехорошо — у всех остальных растут бороды, и, чтобы составить им компанию, вы тоже должны начать отращивать бороды!»

Женщина тоже может отрастить бороду, если только примет инъекцию определенных гормонов. Но странное дело: Гаутама Будда ни в одной из своих двадцати трех прошлых жизней не имел бороды. У двадцати четырех джайнских тиртханкар не было бород. Это странное совпадение.

Иногда можно найти человека, у которого не хватает определенных гормонов. По крайней мере, я знал одного, в моей собственной деревне. Он был одним из самых богатых людей в этой области. Я приходил к нему и говорил:

— Слушай, у тебя не может быть детей.

— Что ты имеешь в виду?

— У тебя не может быть детей, и если какие-то дети родятся у твоей жены, ты должен помнить: это работа Святого Духа, потому что у мужчины, у которого не растет борода, нет потенциала иметь детей.

— Ты странный человек, — говорил он. — Сколько раз ты будешь мне об этом напоминать?

— Я буду напоминать снова и снова, чтобы ты знал: если родится ребенок, это ребенок кого-то другого.

К счастью, это было в очень маленькой деревне — ни единой машины, ни парков для встреч, ни пляжа, некуда пойти — и в очень традиционном индуистском обществе. Святой Дух не сумел сделать этому парню ребенка. Я постоянно наводил справки. Когда я вернулся из Америки, первым делом я спро-

сил: «Случилось что-нибудь или нет?» Кто-то пришел из этой деревни и сказал:

— Ты странный! Первый вопрос! Ничего не случилось, и он так стар...

— Это не имеет значения, — сказал я. — Святой Дух может делать беременными даже девственниц.

Они христиане, и они очень злы на меня. Я сказал:

— Вы должны молиться не Иисусу Христу, не Богу, но Святому Духу. И никто не знает, в какой форме явится Святой Дух, поэтому позволь своей жене немного свободы, иначе у тебя никогда не будет детей.

И я слышал, что у него до сих пор — ему семьдесят — нет детей. Кажется, со времен Иисуса Христа Святой Дух больше не приходил. Или, может быть, он приходит изредка, но люди его не узнают. Когда его поймали с поличным, это был редкий случай.

Если и есть какой-нибудь Бог, естественно, возникает вопрос: у него должен быть сын. Но бедное воображение останавливается очень скоро — только один сын, у которого нет даже сестры, чтобы с ней играть? Неужели Святой Дух так устал? Или они вообще отбросили эту идею?

Если ты принимаешь какие-то концептуальные вопросы, гипотезы, возникает тысяча и один вопрос. Бог создал мир. Зачем тогда он создал богатых и бедных? Почему он не мог создать равное человечество? Почему он создал мужчину как высшего, а женщину как низшую? Неужели он был мужским шовинистом?

Несомненно, у Бога не было жены. Вся эта группа голубая — Бог, Святой Дух, Сын... ни единой женщины. И что делают эти три парня? Наверное, это утомительно. Если нет хотя бы нескольких женщин... Просто отведите несколько мужчин в сторону и посмотрите: они становятся серьезными, печальными, скучающими, начинают думать о самоубийстве, потому что им больше не о чем думать. Приведите несколько женщин — аллилуйя! Печали как не бывало, и все носятся туда-сюда со своими подружками; никто не хочет умирать, по крайней мере не сейчас.

Дживан Мада, пусть тебя не беспокоят эти философские вопросы.

Заботиться об экзистенциальном, реальном, обычном, с чем тебе приходится сталкиваться в каждое мгновение, каждый день, — о себе, о своем потенциале.

Кого заботит Бог?

Только глупых людей, которым нечего делать. Они постоянно думают о разных странных вещах.

Пэдди несет в шахту динамит, и вдруг одна из шашек падает. Внезапно взрывается вся коробка, взлетая в воздух и увлекая за собой Пэдди. Через некоторое время в шахту приходит босс и спрашивает, где Пэдди.

— Его больше нет, — отвечает Симус.

— А когда он вернется? — спрашивает босс.

— Согласно теории относительности Альберта Эйнштейна, — отвечает Симус, — если он придет так же быстро, как ушел, он будет здесь вчера.

Теперь подошло время молитвы, и у нас много работы...

Москович однажды встречает на улице Финкельштейна и говорит:

— Финкельштейн, у меня для тебя отличное предложение! Слоны! Целый живой слон, всего за сто долларов.

— Ты что, с ума сошел? — говорит Финкельштейн. — Что я буду делать со слоном?

— Очень красивый слон, — продолжает Москович, — весь серый, десять футов росту, укомплектованный хоботом.

— Но мне нечем его кормить, — кричит Финкельштейн. — Я живу в трехкомнатной квартире, у меня нет для него места.

Но Москович продолжает:

— Два прекрасных бивня, может быть, в два фута длиной. Поразительное животное. Таких больше не делают.

— Москович, — почти стонет Финкельштейн. — У меня трехкомнатная квартира на пятом этаже. Где мне держать слона?

— Ты трудный человек, Финкельштейн, — говорит Москович. — Вот что я тебе скажу. Я подброшу второго целого слона всего за пятьдесят долларов доплаты.

Финкельштейн улыбается и говорит:

— Вот это разговор!

Застенчивая молодая невеста очень расстраивается, узнав, что ее муж уже дважды был женат.

Сквозь слезы она спрашивает мужа, что случилось с его первыми двумя женами.

— Я тебе расскажу, — говорит муж. — Первая жена умерла от отравления грибами.

— А вторая? — спрашивает она.

— Вторая умерла от трещины в черепе, — отвечает муж. — Сама виновата: не хотела есть грибы.

...Вимал, кажется, ты не молился. Это некрасиво. Фактически, ты этим наслаждаешься! У кого-то мигрень, а Вимал наслаждается! Это неслыханно: у одного мигрень, а другой этим наслаждается, но в этом мире все возможно.

Ковальский пьет в баре с другом.

— Я люблю Америку, — говорит он, — и я так рад, что сюда приехал. Где еще в мире ты можешь закончить день тяжелой работы и ждать автобуса у фабрики под дождем...

— Что? Но что же здесь хорошего? — прерывает друг.

— Подожди, — говорит Ковальский. — Выезжает босс в своем черном «роллс-ройсе», открывает дверцу и говорит: «Ужасный вечер — входи, не стой под дождем». Когда ты внутри, он говорит: «Это пальто все промокло, давай я куплю тебе новое». После этого он приводит тебя в свой особняк, кормит вкусным обедом и кладет спать в теплую пос-

тель. А утром он кормит тебя завтраком и подвозит до работы. Этого никогда бы не случилось в Польше.

— Поразительно, — говорит друг. — И это случилось с тобой?

— Не со мной, — говорит Ковальский. — С моей сестрой!

А теперь приготовьтесь к *позволению*. И позвольте вам заранее напомнить, что *позволение* не означает, что вы должны смеяться и наслаждаться. Это религиозный опыт! Это вам не развлечение.

Кришнамурти умер. Если бы люди его слушали, он продолжал бы жить. Вот его последние слова: «Люди думают, что я их развлекаю, — а я говорю о просветлении».

Но что касается меня, для меня просветление — это предел развлечения. Вы можете наслаждаться, но на две минуты *позволение* должно быть тотальным — ни шума, ни смеха... как будто в Будда-холле никого нет.

Пусть это будет опытом энергии, содержащейся внутри.

А когда я позволю ей вырваться наружу в «Йаа-Хуу!», вы можете делать что хотите. Но сначала просветление, потом развлечение — не наоборот.

Нискрия, ты готов?

Итак, когда я скажу «отпустите»... отпустите.

Довольно у многих из нас, кажется, проблемы с тем, чтобы быть «как будто никого нет». Там и сям продолжают вырываться всплески подавленного смеха.

Пока это не тотально, я буду продолжать...

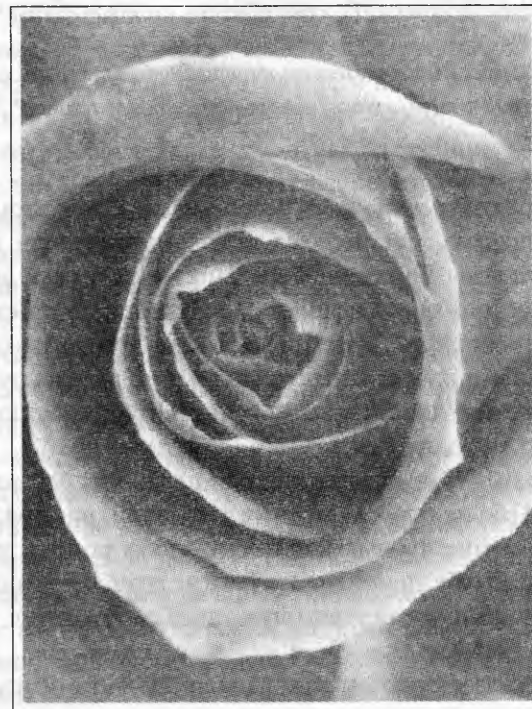
Теперь, кажется, желание продолжать перевешивает желание быть тотальными! В конце концов Ошо сдаётся — ухмыляясь.

Ладно, возвращайтесь...

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Беспомощность — второе название позволения

Этот безумный мир безумен по определенной причине: ты не можешь быть сам по себе и принять как реальность, что беспомощность естественна, что одиночество естественно.

Любимый Ошо,

Я вижу, что во мне возникает определенного рода беспомощность. Это то самое чувство, которого я боялся и старался избегать в прошлом.

Да, оно начинает переполнять меня, оно приносит чувство свободы, которую я редко испытывал — если вообще испытывал — раньше.

Любимый Мастер, имеет ли эта беспомощность какое-либо отношение к тому, что Ты называешь **позволением***?

Ананд Ракеш,
Человек действительно беспомощен. Его беспомощность экзистенциальна. Он пытался тысячами способов ее прикрыть — создавая Бога-защитника, молясь в храмах, мечетях и церквях воображаемой сущности, только чтобы избежать чувства беспомощности... «Обо мне есть кому позаботиться». Человек пытается принадлежать к различным толпам, индуистским, мусульманским, христианским, только чтобы избежать одиночества, уйти от одиночества.

Но что бы ты ни делал, рано или поздно ты осознаешь, что ты один. Тебе не принадлежит ни твоя жена, ни твой муж; это просто принятие произвольных мер, чтобы помочь друг другу прикрыть свою беспомощность. Тебе не поможет никакой друг, никакая политическая идеология, никакая теология, никакая религия.

Я хочу сказать, что мы должны принять истину, что мы *одинок*и, и все наши попытки забыть это тщетны. Во-вторых, мы *беспомощны*, и нет способа уйти от этого факта. Все остальное — только воображение и сны.

Просто чтобы бежать от своей беспомощности, человек пробует, что только может... он начинает пить алкоголь, принимать

наркотики, чтобы забыть о своей беспомощности в этой безграничной Вселенной, о своем одиночестве в этой бесконечности.

Есть люди, которые злы на меня по той простой причине, что я хочу заставить их осознавать этот факт и перестать жить в вымысле. Нет никакого Бога, на которого можно положиться в трудное время, темной ночью. Нет никого, кто мог бы услышать ваши молитвы. Когда я это говорю, это вызывает в людях протест против меня. Я отнимаю у них плюшевых мишек.

Только попробуйте отнять плюшевого мишку у маленького ребенка и посмотрите на его реакцию. Плюшевый мишка — это его утешение, его компаньон, его Бог, его друг; он для него все. Просто посмотрите, как маленькие дети носят с собой плюшевых мишек всюду — на вокзалах, в аэропортах, в залах ожидания. Мишки пыльные, грязные — как итальянцы, — но дети носят их... это дает им глубокое утешение, что они не одни, что с ними плюшевый мишка. Плюшевый мишка поможет в беде.

Но бедные плюшевые мишки по крайней мере реальны. Ваш Бог не реален даже настолько.

Когда я вижу, как кто-то поднимает глаза к небу и молится, мне хочется заплакать. Этот человек живет в снах. Нет никого вверху над облаками, но его молитва приносит ему определенное утешение, успокоение.

Ни одна молитва никогда не была услышана, кроме одной:

Вы видите здесь Манишу. Это молитва Вимала — он молился двадцать четыре часа в сутки всем возможным богам — индуистским, мусульманским, христианским, каким угодно, только, говорит он, приди и прекрати Манишину мигрень — потому что у *него самого* началась мигрень! Каждый день ему приходилось выносить эти удары — «Это из-за тебя у бедной Маниши мигрень. А ты наслаждаешься!»

Он стал чувствовать себя виноватым и неуверенным. Но сегодня он выглядит счастливее, его молитва была услышана. Никто больше не может показывать на него пальцем.

Был еще один случай, когда молитва была услышана. В глубоком отчаянии, не в состоянии найти небольшую сумму денег, чтобы купить лекарства и вызвать к своей умирающей жене

* Let-go.

врача, один человек стал молиться Богу: «Я не хочу никакого рая, я не хочу быть великим святым. Я маленький человек, очень обычный и мирской — прости, что я вношу в молитву такие мирские вещи, но я беспомощен: мне нужно пятьдесят долларов. Пошли их немедленно! Это не метафизический вопрос, моя жена умирает, и если эта молитва не будет услышана, умрешь для меня и ты. Я больше не буду молиться».

Но он был умным человеком, немного образованным. Он подумал: «Бог так далеко, и хотя я и кричал с крыши дома, но не вижу никакой возможности, что он услышит мою молитву, потому что его нигде не видно. Лучше написать ему письмо, это надежнее».

Он вложил молитву в конверт и отправил, но, когда нужно было написать адрес, растерялся: он не знал адреса Бога. Никто не знает его адреса. Естественно, он подумал, что главный почтмейстер должен знать его адрес, и он написал: «Богу Отцу, через посредство главного почтмейстера». К его изумлению, на следующий день пришел денежный перевод. Но долларов было сорок пять, а не пятьдесят. Он очень разозлился. Он закричал с крыши своего дома: «Кажется, главный почтмейстер вычел свои комиссионные! Я просил пятьдесят долларов — пяти долларов не хватает!»

Что же произошло? Когда письмо пришло в почтовое отделение, сотрудники его распечатали и почувствовали, что этот человек, должно быть, в отчаянном положении. Иначе никто не напишет письма Богу; никто никогда не слышал о том, чтобы Богу писали письма. Никто на самом деле не знает его адреса — фактически, никто даже не знает, есть он или нет. «Будет хорошо, если мы соберем понемногу с каждого, соберем пятьдесят долларов и сделаем этому бедняге сюрприз, будто Бог услышал его».

Но они смогли собрать только сорок пять долларов. Они решили: «Это лучше чем ничего. Пошлем их немедленно, потому что его жена больна, и если мы подождем, пока не наберется еще пять долларов, она может умереть, если он не вызовет врача и не купит лекарства». И они тут же послали срочным переводом сорок пять долларов.

Кроме этих двух случаев, ни одна молитва никогда не была услышана. Фактически, в обоих случаях это было просто воровство. Сотрудники почтового отделения собрали деньги, не Бог. И не Бог излечил мигрень бедной Маниши. Она начинается у нее каждый месяц. И никакой Бог не в силах это изменить — иначе ни одна женщина не испытывала бы проблем, связанных с месячными: боли в животе, головной боли, мигрени. Не Бог услышал Вимала, просто в результате совпадения он стал молиться в последний день ее месячных.

Поэтому не зазнавайся, оставайся скромным. Не думай, что добился прямой связи с Богом и твои молитвы были услышаны.

Бога нет, поэтому люди так беспомощны.

В философии Карла Маркса я не согласен ни с чем, кроме одного: он говорит, что религия — это опиум для бедных людей. Он говорит, что Бог, религия и все теологические трактаты нужны лишь для того, чтобы помочь людям быть терпеливее, помочь бедным людям поверить: «И в вашей бедности тоже есть смысл. Только вы будете приняты в рай Бога со всеми его радостями и удовольствиями, доступными богатым».

И когда Иисус говорит: «Скорее верблюд может пройти сквозь игольное ушко, чем богатый через врата небесные», его слова очень значительны.

Насколько я знаю, только богатым открыты все двери! Если верблюд богат, он может пройти через игольное ушко — он может сделать очень большую иглу. Вопрос в том, есть ли у тебя деньги. Даже Святой Петр, ожидающий у небесных врат, спросит: «А ты принес мне подарок? Если нет, ищи другие ворота». Это выглядит более логично, экзистенциально и основано на реальном опыте.

Но бедным тысячи лет говорили: «Ваша бедность — это огненное испытание для вашего доверия».

Это великий обман. Священники и Папы были величайшими мошенниками. Именно из-за них мир остается бедным; именно из-за них люди не учатся стоять на собственных ногах; именно из-за них люди не учатся наслаждаться свободой, которую предлагает лишенный Бога мир.

Мир с Богом — это просто Адольф Гитлер с заряженным пистолетом — или Рональд Рейган, имена не имеют значения, но кто-то с заряженным пистолетом, — заставляющий тебя делать вещи, которые ты не хочешь делать, и не дающий делать то, что ты всегда хотел.

Что делали все церкви, писания и религии, как не заставляли людей делать то, к чему у них не было ни малейшего желания? — и не давали им делать естественное, чего им хотелось всем сердцем.

Все религии против природы.

Это очень странно. Согласно этим религиям, Бог создал мир, и те же самые религии против природы. Бог *создал* природу — из этого ясно следует, что религии против Бога.

Но почему люди их принимают? Потому что это дает членство в большой толпе — шесть миллионов католиков — и человек чувствует, что так много людей не могут ошибаться. Оставшись в одиночестве, ты начинаешь беспокоиться. Никак нельзя узнать, прав ты или неправ — куда ты идешь? Правилен ли этот путь?

Но когда ты видишь, что с тобой идет шесть миллионов католиков, это приносит уму огромное облегчение: шесть миллионов католиков под предводительством представителя Иисуса Христа, Единородного Сына Божьего, не могут ошибаться. Лучше стать членом толпы. Это поможет тебе отбросить заботы о том, правильно ли ты на самом деле живешь; грешно или добродетельно то, что ты делаешь. Всю ответственность принимает толпа и ее предводители — они решают, что правильно.

Действительно, когда ответственность принимает кто-то другой, ты чувствуешь определенное облегчение. Когда врач говорит: «Не волнуйся, с твоей женой все будет в порядке...», это не значит, что твоя жена не умрет. Это не значит, будто врач знает, что твоя жена не умрет. Врач этого не знает даже о себе, но поскольку у него есть авторитет, ученые степени, тебе это помогает. Ты чувствуешь себя освобожденным от бремени.

Но ты забываешь одно: со снятием ответственности теряется и свобода. Они существуют вместе.

Если Бог ответствен за создание мира, мы никогда не сможем быть свободными — никогда. Мы будем оставаться рабами в руках неизвестного чужака, которого никогда не встречали, который никогда не присылает телеграмму на Новый Год, которого, кажется, совершенно не заботит наше существование. Похоже, его не касается то, что с нами происходит.

Но мы оказались порабощены священником во имя неизвестной вымышленной сущности. Лишь несколько месяцев назад Папа создал новый грех. Все грехи созданы священниками и Папами — и это самый последний. Грех заключается в том, что грешно исповедоваться Богу непосредственно. Ты должен исповедоваться по правильным каналам, через правильного посредника, священника.

Естественно, это дело бизнеса. Если вы начнете говорить с Богом непосредственно, кому нужен Папа? Кто будет оплачивать его счета? Миллионы долларов — каждая его поездка обходится в шесть, восемь миллионов долларов. Кто будет каждый год оплачивать эти поездки по абсолютно ненужным причинам? Он едет целовать землю, которую можно поцеловать где угодно. Есть небольшая разница — разница во вкусе. В Индии земля будет отдавать коровьим навозом; это вкус индуизма. Но это можно устроить и в самом Ватикане. Есть коровы, нет проблем. Восемь миллионов долларов — на ненужные хлопоты себе и другим.

Если каждый начнет говорить с Богом непосредственно, священники останутся не у дел.

Когда ты исповедуешься священнику, он говорит: «Внеси десять долларов в копилку, и твой грех будет прощен. Я помолюсь за тебя». Все имеет свою цену. Соверши грех, исповедуйся католическому священнику, и ты узнаешь, сколько это стоит.

Однажды это случилось... епископа и раввина связывала тесная дружба на почве игры в гольф. Они решили, что в следующее воскресенье, как только они окончат свои службы в церкви и синагоге, они вместе отправятся на поле для гольфа.

Раввин закончил быстро, — раввины очень эффективный народ, — и приехал в своем «кадиллаке», но застал епископа еще в исповедальне. Это небольшое окошко, и епископ, Папа или любой другой представитель Бога сидит с одной стороны, а исповедующийся — с другой. Это нужно для того, чтобы человек не чувствовал неловкости, смущения; священник его не видит.

Но очередь была очень длинная. И вот раввин вошел в исповедальню с другой стороны и сказал епископу:

— Уже поздно, и насколько я вижу, ты не закончишь до самого Страшного Суда! Очередь такая длинная... кажется, ты не слишком расторопен. Ты не знаешь свой бизнес.

— Я работаю так быстро, как только могу, — ответил епископ, — но эти идиоты не исповедуются в реферативной форме. Они вдаются в такие подробности — как выглядела женщина, на какой улице они ее нашли, как они ее изнасиловали, как она кричала, но в глубине души хотела быть изнасилованной... Просто скажи: «Изнасилование» — и точка! Но пока они не расскажут все детали... Они меня извели, но у них есть на это право, потому что они платят деньги.

— Собирайся, — сказал раввин. — Сколько стоит изнасилование?

— Десять долларов.

— Ладно. Иди собирайся, а я разберусь с очередью.

К исповеди пришел следующий человек и сказал:

— Отец, я очень, очень сожалею. Это снова случилось.

— Сын мой, — сказал раввин, — не волнуйся. Пусть это происходит снова, снова и снова.

«Странно, — подумал человек. — Что случилось с отцом? Он что, слишком много выпил? Кажется, и голос другой. Но что еще остается?»

— Я снова изнасиловал женщину.

— Не волнуйся. Не вдавайся в подробности. Я знаю все подробности. Это будет тридцать долларов.

— Это слишком много, — сказал человек, — потому что я насиловал много раз — и это всегда стоило десять долларов.

И вдруг цена так резко возросла? Фактически, она должна была бы снизиться, потому что доллар падает в цене. Вы не принимаете во внимание тот факт, что доллар упал до половины своей прежней стоимости.

— Не волнуйся, сын мой, — сказал раввин. — Просто положи сюда тридцать долларов — еще одна минута, и цена возрастет еще больше! Что касается двадцати долларов, ты их платишь вперед. Ты можешь совершить еще два изнасилования, и тебе не придется исповедоваться и без необходимости создавать проблемы. Я помолюсь за все три — вперед.

Епископ не мог поверить своим глазам: пока он переоделся, принял душ и вышел, очередь кончилась. Раввин сказал:

— Вы, ребята, не знаете, как делать бизнес. Хотя мы и не занимаемся таким третьесортным бизнесом... но за пять минут я покончил с ними со всеми. Я предупредил их: «Если вы будете вдаваться в подробности, наказание будет строже. Бог не хочет подробностей, он знает все подробности, он всевидящий. Он знает, сколько вы совершили изнасилований, он знает, сколько еще совершите. Поэтому за изнасилования я даже брал деньги вперед.

— Что ты говоришь? — сказал епископ. — Если Папа узнает, что я беру деньги вперед... Ты думаешь, я мошенник? Я епископ, уважаемый человек. Вы, евреи, не знаете никакого этикета — только деньги. Даже десять долларов — это сейчас большие деньги.

— Никогда не думал, что ты разозлишься, — сказал раввин, — я думал, что ты сам научишься! Я их всех обучил: никаких подробностей, быстрый бизнес. Бог всевидящий, он знает прошлое, настоящее, будущее. Почему бы не брать деньги вперед? Бесплезно спорить, — продолжал он. — Мы совершенно не занимаемся таким грязным бизнесом. Вместо того чтобы меня поблагодарить... потому что твоя копилка в пять раз полнее, чем ты ее когда-либо видел. Теперь тебе не нужно — только посмотри на мой «кадиллак» — таскаться на этом старом грязном «форде». Бог любящий, сострада-

тельный. Как он может упустить из виду, что его собственному раввину нужен «кадиллак»?

Эти люди делают свой бизнес, но в некотором смысле они дешеры. Теперь им на смену пришли психоаналитики. Они делают такого же рода бизнес, но применяют другую стратегию. Их расценки очень высоки, это самая высокооплачиваемая профессия в мире. Фактически, в таких странах, как Америка, это вошло в моду и стало темой бесед пожилых дам — «Кто твой психоаналитик?», потому что иметь дорогого психоаналитика все равно что иметь Кохинор. Кого ты можешь себе позволить? Самого Зигмунда Фрейда!

А все, что делает психоаналитик, — это ничего не делает. Он просто сидит. Он переменял стратегию — вместо того чтобы пользоваться исповедальней, он сделал для пациента более комфортабельную кушетку. Он сидит сзади, чтобы пациент не видел, слушает ли его психоаналитик, сидит ли он вообще или нет. А пациент продолжает говорить, он должен рассказать все свои сны. Чаще всего бывает так, что кушеток пять или шесть, и один психоаналитик справляется со всеми! То там, то здесь... просто давая им ощущение: «Я здесь».

Весь его бизнес в том, чтобы тебя слушать, чтобы ты мог освободиться от бремени. Просто слушая — старая католическая идея — просто слушая, как ты рассказываешь все... ты больше не подавляешь. Ты все выбрасываешь, «выташниваешь». Тебе становится легче. Действительно ли этот человек слушает, не важно. Фактически, опытные психоаналитики никогда не слушают, потому что если бы они слушали все, то сошли бы с ума — целыми днями слушая всевозможных идиотов.

Но почему люди всегда пытаются откуда-то получить помощь? Глубокая беспомощность — а психоаналитик — это человек великого прозрения, он знает бессознательное, коллективное бессознательное. Самого его присутствия рядом с тобой два раза в неделю достаточно, чтобы ты продолжал жизнедеятельность, прекрасно зная, что он величайший психоаналитик в мире, — чего тебе бояться? Бояться нечего: стоит появиться лю-

бой проблеме — и ты можешь рассказать о ней психоаналитику. И у психоаналитика нет для тебя ответа; он просто слушает.

Я слышал, что одного великого психоаналитика изводил один очень богатый человек — потому что он мог платить сколько захочешь, но ты должен слушать его сколько он захочет. И вот, два часа, три часа, иногда целый день — один и тот же пациент. И он был очень хитер — естественно, самый богатый человек не может быть самым невинным, — и он обычно проверял, присутствует ли психоаналитик. Поэтому тот не мог выйти даже в уборную, и много раз он приходил в состояние EST*!

В этом весь секрет EST: тебе не разрешается выходить в уборную. Время ограничено: три часа, четыре часа, пять часов... тогда все выходит из-под контроля. В EST, когда кто-то движется за пределы контроля... естественно, если мочевого пузыря подавлять четыре часа, он полностью забывает о контроле и ты начинаешь писать прямо посреди толпы последователей EST! Это приносит такое глубокое облегчение!

И, видя одного храброго человека, другие следуют его примеру, а когда писают все, это называется великим просветлением! Это, несомненно, прекрасный опыт. Такая разгрузка, такая свобода, совершенно никаких забот!

В конце концов психоаналитику удалось убедить этого человека:

— Я только бедный психоаналитик. Если я буду посвящать вам весь день, что будет с другими пациентами? Поэтому я придумал такое средство: я установлю здесь магнитофон. Говорите с ним сколько хотите, с какими хотите подробностями, и в глу-

* EST: движение роста, популярное в Штатах в середине семидесятых годов, основанное человеком по имени Ерхарт. Одним из его основных методов были упражнения в осознанности, в ходе которых люди много часов стояли в одной и той же позе и им не разрешалось ни двигаться, ни выходить из комнаты, в результате чего, по рассказам, многие вынуждены были буквально писать в штаны, что считалось проблеском опыта выхода за пределы обусловленности и глубокого расслабления и служило Ошо неисчерпаемым источником шуток. (В информации возможна определенная погрешность; целью данной сноски является пояснение текста; полная информация о движении EST может быть найдена в соответствующей справочной литературе.) — *Прим. перев.*

бокой тишине ночи я буду это слушать в своей постели. Таким образом я смогу позаботиться и о других пациентах.

— Это совершенно правильно! — сказал богатый человек.

На следующий день, входя в свой кабинет, психоаналитик столкнулся с выходящим богатым человеком. Он сказал:

— Что случилось? Почему вы уходите?

— Если вы можете найти средство, могу и я. Я рассказал все моему магнитофону. Теперь мой магнитофон рассказывает все это вашему; в глубокой тишине ночи вы должны это выслушать. Мне тоже нужно позаботиться о моем бизнесе — почему я должен тратить время понапрасну?

Два магнитофона — и происходит психотерапия! Но люди готовы на любые глупости, лишь бы они давали чувство, что ты не одинок, что у тебя есть друзья, что у тебя есть семья. Но все это вымысел. Семья — это вымысел. Женщина, незнакомка, которую ты никогда раньше не видел, — внезапно ты видишь, влюбляешься в незнакомку, и не знаешь, не нацеливается ли она на твой карман. Прежде чем влюбиться, по крайней мере ты должен навести о ней справки. Но любовь слепа.

Это говорю не я, весь мир за многие века сосредоточил всю свою мудрость в этих словах: *любовь слепа*. Так и должно быть, иначе кто влюбится в незнакомца? Ночью эта женщина может отрезать тебе голову, отнять твой банковский счет и влюбиться в кого-то другого. Любовь должна быть слепой, иначе и быть не может! Но люди идут на любой риск по той простой причине, что, по крайней мере, у них будет жена.

Двое мужчин продолжали сидеть в баре до последнего, и когда все клиенты разошлись, бармен сказал им:

— Мы закрываемся, вам пора домой.

— Еще немного, — сказали они.

— В чем дело... — сказал бармен. — Чепуха, время закрывать бар. Мне тоже пора домой, и этому правилу нужно следовать. В определенное время я должен закрывать бар.

Однажды один из них спросил другого:

— Почему ты продолжаешь здесь сидеть?

— Странно, ведь ты сам продолжаешь здесь сидеть. Ты последний человек, от которого я мог бы ожидать этого вопроса. У меня есть жена, и она такая стерва, такая ужасная стерва, и чтобы не видеть ее, я сижу в баре, растрачивая понапрасну свои деньги, здоровье и рискуя своей репутацией. Но почему ты здесь сидишь?

— У меня нет жены, — ответил другой человек, — вот почему! Пустой дом... одна мысль о нем вызывает во мне содрогание, снова темная ночь в пустом доме, и не с кем даже поговорить.

Такова ситуация, что есть у тебя жена или нет, в любом случае ты одинок и беспомощен. Как два беспомощных человека вместе могут стать менее беспомощными? Простая математика: два беспомощных человека вместе будут беспомощны *вдвойне*, и вы можете это увидеть в каждом браке. Спросите женатого мужчину или замужнюю женщину, и они скажут:

— Какие золотые времена были до свадьбы! Теперь все пропало. Мы пристали, прилипли друг к другу, и нам нечего сказать, не о чем поговорить, потому что все, что мы хотели сказать, уже сказано давным-давно и много раз.

Сколько раз ты можешь говорить «Милая», когда больше нет никаких чувств? Тебе хочется убить эту женщину, но ты вынужден говорить: «Дорогая. Я не могу жить без тебя».

Этот безумный мир безумен по определенной причине: ты не можешь быть сам по себе и принять как реальность, что беспомощность естественна, что одиночество естественно.

Человек, — признав тот факт, что быть одиноким и беспомощным естественно, — в то же мгновение освобождается от всех страхов. Внезапно он свободен от всех вымышленных отношений, внезапно он становится независимым, он становится индивидуальностью. Это единственная духовная свобода, и я называю такого человека единственным религиозным человеком.

Ракеш, ты говоришь: «Я вижу, что во мне возникает определенная беспомощность».

Тебе повезло. Но миллионы людей ее не видят. Она есть, ты с ней рождаешься. Не подавляй ее, потому что люди делают именно это. Может быть, они делают это разными способами, но основа одна: они тотчас же подавляют ее. Тотчас же они включают телевизор, тотчас же они достают сигарету, закуривают. Что случилось? Почему этот человек внезапно закурил? Курение дает ему чувство занятости, и он может забыть о возникающей беспомощности: вместо беспомощности в нем возникает дым! Они пускают кольца и наслаждаются этим, как будто делают нечто художественное. Мир полон таких идиотов.

Если возникает беспомощность, это хороший признак. Это означает, что ты подходишь ближе к реальности своего существования. Смотри на это как на благословение, не как на проклятие.

Ты говоришь: «Это то самое чувство, которого я боялся».

Его боится каждый, никто не хочет быть беспомощным, но вопрос не в том, хочешь ты этого или нет. Просто факт в том, что ты беспомощен. Теперь по своему усмотрению ты можешь или пугаться, или петь песню, или делать что угодно — или ничего не делать, просто сидеть и смотреть на эту беспомощность, которая и есть твое существо. В чем проблема, чего бояться? Беспомощность не может тебя разрушить.

Беспомощность, несомненно, делает тебя бдительным и заставляет осознавать, что ты окружен всевозможными опасностями, и, если ты недостаточно бдителен, ты упадешь в ту или иную яму. Не важно в какую. Не важно, как ты ее назовешь. Ты падаешь в яму и говоришь: «Я влюбился*». Это была просто яма!

Иногда тебе становится скучно сидеть в одной и той же яме — сколько это может продолжаться? Ты из нее выкарабкиваешься, только чтобы найти другую яму, потому что эти ямы повсюду! И ты все больше и больше привыкаешь падать: лишь завидев яму, тотчас же ты начинаешь приближаться к ней. Не яма подходит к тебе, ты подходишь к яме.

* «I fall in love» дословно: «Я упал в любовь».

Мулла Насреддин обычно говорил окружающим людям и друзьям, что его жена похожа на мышеловку — не в присутствии жены, конечно, а за глаза, но однажды она это услышала. Он сказал кому-то в гостинной:

— Моя жена похожа на мышеловку.

Жена вошла и спросила:

— Да, я мышеловка, но кто ты? Почему ты в нее вошел?

Мышеловки не гоняются за мышами, мыши сами входят в мышеловки! Так что запомни, если ты снова скажешь: «Моя жена — это мышеловка», помни, кто *ты* такой. Я тебя не звала, ты сам стал меня преследовать. Вспомни все это мороженое и все эти розы. Я ничего не просила; фактически, я принимала это неохотно.

Это правда: ни одна яма за тобой не гоняется. Ни одна яма тебя не приветствует. Но люди продолжают падать, и если ты падаешь в яму, естественно, ты в затруднении: твоей свободы больше нет, неба больше нет, ты в ловушке. А когда ты в ловушке, ты становишься мышью, ты теряешь человеческое достоинство.

Все в полном порядке — для страха нет причины. Если ты боишься, ты тотчас же куда-то упадешь, чтобы найти рабство.

Есть лишь две возможности. Первая: человек сам по себе, отрешенный, беспомощный; вторая: упасть в какое бы то ни было рабство, в мышеловку. Это принесет тебе некоторое облегчение, но отнимет у тебя все достоинство, всю славу, все величие, всю красоту. Ты будешь стыдиться самого себя.

Ты говоришь, Ракеш: «Это то самое чувство, которого я всегда боялся и пытался избежать. Да, оно начинает меня переполнять, оно приносит много энергии и чувство свободы, которую я редко испытывал — если вообще испытывал — раньше.

«Любимый Мастер, имеет ли эта беспомощность какое-либо отношение к тому, что ты называешь *позволением*?»

Да. Фактически, это второе имя *позволения*.

Принятие реальности как она есть.

Если это беспомощность, ну и что?

Если это смерть, ну и что?

Если это одиночество, ну и что?

Как только ты принимаешь все эти вещи, вызывающие страх... страх приносит разнообразные виды рабства. Само принятие есть *разрешение быть*, освобождение от всего рабства. Тогда ты стоишь один, как ливанский кедр, высоко в небе. Красота вершины Эвереста — одиноко возвышающейся в небе, без друга, без компаньона, — тот же опыт переживает человек, который стоит один, укорененный в самом себе. Прекрасно зная, что он беспомощен и ничего не может сделать — речи нет о том, чтобы с этим бороться, потому что это значило бы бороться с самим существованием. Лучше и мудрее расслабиться и просто быть.

Внезапно ты чувствуешь, что высвобождена огромная энергия. Та же самая энергия становилась страхом, та же самая энергия превращалась в беспомощность, та же самая энергия заковывала тебя в тысячи цепей. Теперь, когда ты это отбросил, тебе открылся доступ ко всей этой энергии.

Тогда ты просто чистая энергия, чистое сознание: *самчитананда*. Тогда ты — истина, тогда ты — сознание, тогда ты — блаженство.

И это состояние истины, сознания и блаженства бессмертно; для него нет смерти. В нем нет ни начала, ни конца. Стоит человеку получить малейший его проблеск — и вся его жизнь трансформирована.

Да, Ракеш, именно это я называю *разрешением*.

Прежде чем перейти к нашему ежедневному *разрешению*, несколько серьезных вещей для созерцания:

Вооружившись Библией, баптистский проповедник наставляет на путь истинный техасского бизнесмена, который сомневается в чуде божественного наказания.

— Позвольте вам рассказать, — говорит проповедник, — о знаменательном происшествии. Вчера вечером по телевизору показали сюжет о том, как молния поразила политика, когда он лгал. Не правда ли, это чудесный случай?

— Не знаю, не знаю, — ворчит техасец. — Скорее, чудом было бы, если бы молния поразила какого-то политика, когда тот *не* лгал.

Мальш Эрни пытается добиться от своего дедушки, чтобы он заквакал, как лягушка. Но дедушка упорно отказывается и продолжает вскапывать огород.

Через час непрерывных преследований дедушка швыряет на землю лопату и разворачивается.

— Ладно, Эрни! — рывкает он. — Но из-за чего весь сыр-бор?

— Бабушка говорит, — отвечает Эрни, — что, когда ты квакнешься, мы все поедem на Гавайи.

Однажды Хайме Голдберг возвращается домой раньше обычного и обнаруживает незнакомого мужчину, занимающегося любовью с Беки, его женой. Голова незнакомца покоится между арбузных грудей Беки.

— Эй! — говорит Хайме. — Что это, по-твоему, ты тут делаешь?

— Эээ... Слушаю музыку, — отвечает незнакомец.

— Музыку? — кричит Хайме и, положив голову между грудей Беки, прислушивается и объявляет:

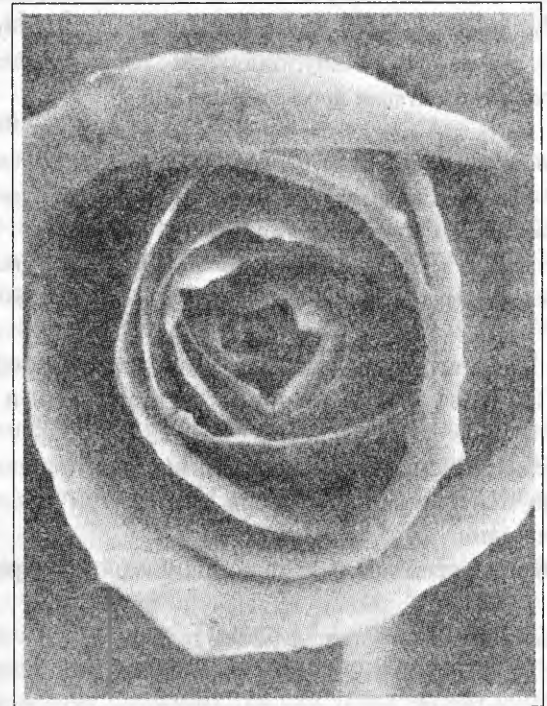
— Не слышу никакой музыки!

— Конечно, нет, — объясняет незнакомец. — Ведь ты не подключен в розетку!

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Безвозвратное положение вещей

Ищи место, с которого ты можешь прыгнуть в вечность, чтобы никогда больше не возвращаться. Именно поэтому ты нигде не видишь Махавиру, Будду, Иисуса, Заратустру... Как только они прыгнули — они прыгнули навсегда. Это бездна, это вечное, это безвозвратное положение вещей.

Любимый Ошо,

Когда восемь лет назад Ты меня посвятил, у меня был собственный бизнес, прекрасная машина, хорошая квартира и меня всегда окружали красивые женщины. Я носил традиционную форму бизнесмена: костюм «тройка» с «дипломатом». Теперь я живу в бамбуковой хижине, езжу на взятом напрокат велосипеде, одеваюсь в рубашку а-ля Неру и странные хлопчатобумажные штаны; очень редко я подпускаю к себе женщину. Нахожусь ли я на правильном пути к просветлению?

Всеобщее веселье по поводу положения этого бедного парня достигает кульминации, и Вимал — который вернулся! — вынужден остановиться и подождать, пока оно не успокоится. Оно не успокаивается, и Ошо берет в руки свой блокнот — знак того, что он собирается начать.

Прем Бхайрава, Вимал забыл дочитать твой вопрос до конца. Он сам в беде и не знает, куда ему идти и что ему делать.

Он сделал это снова: у бедной Маниши опять простуда! Он постоянно меняет тактику. Теперь два или три дня он будет весел и счастлив.

Он забыл дочитать вопрос до конца. В конце вопроса говорится:

P.S. *Мой «дипломат» превратился в рюкзак.*

P.P.S. *Не принимай мой вопрос слишком серьезно!*

Но этот вопрос, Бхайрава, я нарочно держал несколько дней, потому что все постоянно меняется: за несколько дней ситуация может принять другую форму. Так и случилось. Теперь ты не можешь мне сказать: «Не принимай мой вопрос слишком серьезно», потому что сегодня я получил от тебя другой вопрос. Именно этого я и ожидал.

Поэтому я прочитаю и второй вопрос, и мы серьезно поговорим о твоей ситуации. Она критическая.

Прежде всего, ты напоминаешь мне бедного еврея, который идет по улице и видит богатую похоронную процессию. Черные «роллс-ройсы», море цветов, женщины в мехах и дубовый гроб с золотыми рукоятками. Он качает головой и говорит: «Вот это жизнь!»

Твой вопрос, который пришел ко мне сегодня... без него с моей стороны было бы абсолютно неправильно отвечать на первый. Но, благодаря совпадению, мне удалось выбрать правильное время. Вот сегодняшний вопрос:

Любимый Ошо,

Я так зол, что готов убить свою повражку*.

В прошлом вопросе он как раз говорит, что не подпускает женщин на пушечный выстрел! А через два или три дня у него, оказывается, есть повражка. И мало того, ситуация дошла до такой крайности, что он очень зол и готов убить эту повражку!

Она разорвала наши отношения...

За три дня! У тебя все получается очень быстро; ты даже не дождался моего ответа. Ты собирался стать просветленным, но вляпался в отношения. И мало того, что вляпался в отношения...

Она разорвала наши отношения и украла мои деньги...

Откуда взялись деньги? Ты жил в бамбуковой хижине, ездил на взятом напрокат велосипеде, и «дипломат» превратился в рюкзак... вне всяких сомнений, ты сам украл чьи-то деньги. И, вероятно, поэтому ты боялся женщин, тебе все время приходилось присматривать за рюкзаком — однажды женщина в него заглянет.

* Girl-enemy...

— Может быть, деньги были ее, и она их искала. Одно определенно: деньги были не твои, потому что в первом вопросе о них нет ни малейшего упоминания.

Теперь она украла твои деньги,
...и изображает преданного ученика.

Неделю назад я был в таком блаженстве, а теперь не чувствую ничего кроме гнева и ненависти к своим опытам и к бывшей подруге.

Меня укусила бродячая собака, и я сильно порезал палец. Меня душат потоки слез, и я не могу их больше сдерживать.

Я боюсь, что я фальшивый саньясин, опасный лев в овечьей шкуре. И я люблю Тебя!

Послушай, Бхайрава, твой вопрос слишком сложен... но последнее, что в нем говорится, это что ты меня еще любишь. Я тоже хочу заплакать о том, что любящий меня человек — который в такой великой экономической депрессии и только что расстался с женщиной — потерял все свои деньги. Он уже ехал к просветлению на взятом напрокат велосипеде, но вот внезапно это случилось, и все пропало. Теперь он хочет покончить с собой, убить девушку, и, может быть, глубоко внутри, убить меня! Потому что если ты не хочешь меня убить, ты не любишь.

Любовь — это на самом деле начало опасных отношений, в которых может произойти любой несчастный случай. Либо ты убьешь себя, либо другого, но обязательно произойдет какое-то убийство, насилие.

И природа этой любви такова, что ты даже не спрашиваешь у меня разрешения — ты даже меня не спросил: «Можно, я буду тебя любить? Можно, я тоже буду твоим врагом?» Когда у тебя было достаточно денег, ты никогда не говорил: «Я люблю тебя». Когда денег больше нет, ты не можешь даже взять напрокат

велосипед, и просветление кажется таким далеким... Теперь ты решил меня полюбить!

И ты пребываешь в абсолютной иллюзии, потому что говоришь: «Я боюсь быть фальшивым саньясином». Ты американец? Американец и не может быть никем другим. Фальшивый* саньясин — это просто саньясин, у которого есть телефон**. Не о чем беспокоиться.

Я знаю людей, у которых есть телефоны — не подключенные — они носят их просто чтобы показать, что заняты делом. У меня был один друг... однажды, проезжая мимо, я увидел, что он кому-то звонит, и я остановил машину и вошел в магазин; он говорил по телефону:

— Нет, сейчас это невозможно, я не могу приехать. Я жду одного человека.

— Надо же! — сказал я. — Откуда ты взял телефон?

Как раз в этот момент вошел человек из телефонной компании и сказал, что пришел подключить телефон.

— С кем же ты говорил? — спросил я. — Телефон еще не подключен — ты притворялся, чтобы убедить меня, что у тебя есть телефон.

Нет ничего плохого в том, чтобы быть телефонным саньясином. Это значит, что у тебя есть телефон. Но меня беспокоит бамбуковая хижина... он подключен, или тебе его дал какой-то наркоман? Вокруг толпы наркоманов*** — есть рынки, на которых продается мусор****, и ты можешь раздобыть телефон. Меня это беспокоит — что ты делаешь с телефоном? На велосипеде, взятом напрокат... кто тебе звонит?

Дальше ты говоришь: «Кажется, я опасный лев в овечьей шкуре». Ты не можешь быть обоими одновременно: либо ты лев... ты можешь прятаться в овечьей шкуре, но это неслыханно. Обычно как раз наоборот, овцы прячутся в шкуры львов. Они

* ...phoney.

** ...phone.

*** ...junkie.

****...junk.

не опасны. То, что делаешь ты, потрясающе глупо, но уникально: лев, прячущийся в овечьей шкуре! Такого еще не бывало в истории.

И ты еще думаешь, что опасен? — зачем тогда овечья шкура? Ты боишься? Конечно, боишься, потому что тебя укусила бродячая собака и ты не смог ничего сделать. Даже овца смогла бы что-то сделать — а ты опасный лев!

У львов нет пальцев, они не могут порезаться. Они не пользуются пальцами; они пользуются зубами. Наверное, ты беззубый лев, старый и больной?

Ты в таком дерьме.

Наверное, ты больше не можешь с ним справляться. Вот почему ты начал меня любить. Теперь я должен с ним справиться.

Не волнуйся, я найду тебе какую-нибудь повражку. Сколько повражек ты хочешь? Дюжины хватит?.. потому что здесь мы все считаем в дюжинах. Это не маленький магазин, это оптовый рынок.

Но у тебя нет денег, есть только бамбуковая хижина, и ты не можешь даже взять напрокат велосипед. Что ты будешь делать с женщиной? Только несколько дней назад я тебе сказал: «Отбрось идею о “подружке”». И все же ты не послушал, и теперь, когда денег не стало, пришло понимание. Теперь ты не называешь ее подружкой, ты стал называть ее повражкой.

Фактически, ты должен осознать, что девушка, наверное, любила не тебя, а твой рюкзак и украла деньги, когда нашла для этого время. В определенном смысле она тебе помогла. Теперь тебе придется идти к просветлению пешком — хорошее упражнение, свежий воздух, никто тебе не звонит, ты никому не звонишь. Не нужно даже платить ренту за бамбуковую хижину. Теперь ты совершенно свободен.

Вот что я называю свободой: некуда идти... и без денег никакая женщина на тебя не посмотрит. Это действительно блаженство! Но ты...

Ты говоришь: «На прошлой неделе я чувствовал себя таким блаженным». Из-за повражки! Теперь она забрала твои деньги

и пошла своей дорогой к кому-то другому, у кого телефон подключен, и есть, по крайней мере, подержанная старая машина. Кто о тебе будет беспокоиться? Кажется, для этого нет причин. Теперь ты можешь быть *абсолютно* свободен. Никакие женщины не будут тебя беспокоить.

В уме мужчины есть одна странность: большинство мужчин беспокоится, что они не становятся просветленными из-за женщин — они создают проблемы, и мужчины не могут стать просветленными. Теперь женщина ушла вместе с деньгами: не о чем беспокоиться и нечего бояться: ты можешь оставлять двери бамбуковой хижины открытыми днем и ночью, дома ты или нет. Ты, несомненно, один из самых свободных людей в мире. Нужно лишь немного походить пешком, вот и все — и ты просветленный.

И теперь ты знаешь, что не так легко говорить мне: «Не принимай этот вопрос серьезно!» Все было в порядке, когда деньги были в рюкзаке, но теперь я должен принимать его серьезно.

Фактически, твоя жизнь — это прекрасное продвижение к просветлению; шаг за шагом ты движешься в правильном направлении.

Ты говоришь: «Любимый Ошо, когда восемь лет назад ты меня посвятил, у меня был собственный бизнес, прекрасная машина, хорошая квартира, и меня всегда окружали красивые женщины». Именно это все пробужденные называли *оковами, самсарой*. Ты был слишком глубоко в грязи; затем мало-помалу она стала исчезать. Именно поэтому пробужденные называли этот мир сном. Теперь — ни квартиры, ни прекрасной машины, ни бизнеса...

Ты говоришь: «Я одевался в традиционную униформу бизнесмена: костюм «тройка» с «дипломатом». Теперь я живу в бамбуковой хижине...» Прекрасно! Бог милостив! «Езжу на взятном напрокат велосипеде...» Единственная проблема в том, можешь ли ты за него заплатить. Денег больше нет — долго ли с тобой останется прокатный велосипед? Эти прокатные велосипеды совсем как прокатные женщины, никакой разницы нет.

Скорее всего, женщина взяла и прокатный велосипед. Она оставила тебя в состоянии абсолютного отречения.

Именно этому учили все великие святые, но ты не слушал — «отрекись от мира и мирских вещей, потому что это препятствия; без них ты — просветленный». Теперь тебе нечего терять. Ты можешь быть просветленным!

Просветление не случается с людьми, потому что они беспокоятся: если они станут просветленными, что будет с телефоном? Что будет с квартирой? Если они станут просветленными, что будет с женщиной? Их просветление все это рассеет. И они откладывают просветление.

Бхайрава, ты можешь не откладывать его ни на мгновение.

Ты говоришь: «Теперь я одеваюсь в рубашку а-ля Неру и странные хлопчатобумажные штаны». Кажется, это единственное препятствие. Кто-то должен украсть твои штаны и рубашку а-ля Неру; лишь тогда ты поймешь, что мир не стоит того, чтобы в нем жить. Тогда ты подумаешь, что ничего не остается, кроме просветления.

Потому что просветление не нужно покупать; нельзя и взять его напрокат. Для него не нужно денег. Не важно, где ты живешь, в бамбуковой хижине или в мраморном дворце. Не важно, хорошо ли ты одет или носишь штаны и рубашку, как нищий. Остались только эти две вещи. Либо кто-то поможет и их отберет... остерегайся женщин.

Но, кажется, ты не хотел, чтобы я принимал твой вопрос серьезно.

Ты говоришь: «Очень редко...» Три дня назад ты говорил нечто совершенно другое: «Очень редко я подпускаю к себе женщину».

Ты помнишь с детских лет басню Эзопа? Лиса пытается достать виноград, который у нее над головой, — но не может дотянуться; она снова и снова прыгает, но падает. Такой сочный виноград, и так низко... она оглядывается по сторонам, нет ли кого-нибудь рядом. Никого нет, и она снова пытается и снова падает. В этот момент из небольшого куста выглядывает кролик и спрашивает:

— Что случилось, тетушка?

— Ничего не случилось, — отвечает лиса в гневе, — виноград зеленый.

Ты говоришь: «Я больше не подпускаю к себе женщин». В твоей ситуации, со взятым напрокат велосипедом, бамбуковой хижинкой, хлопчатобумажными штанами... Не думаю, что какая-то женщина попытается даже пройти мимо. Но ты наслаждаешься чувством, что ты «не подпускаешь». Как будто ты можешь помешать женщине! Ты с нетерпением ждешь, сидя у своего телефона: «Если спелый виноград придет сам, не интересуясь тем, есть ли деньги в моем рюкзаке...»

Но женщины очень интуитивны. Может быть, у них нет великого интеллекта, но что касается интуиции, они могут увидеть мужчину как рентген и сосчитать все деньги у него в кармане. Не думаю, что какая-нибудь женщина придет к тебе сама. Не волнуйся об этом.

Теперь другой твой вопрос: «Нахожусь ли я на правильном пути к просветлению?» Фактически, другого выхода нет. Ты *должен* стать просветленным, все остальные пути закрыты. Этот телефон бесполезен, велосипед нужно отдать владельцу... я подзреваю, что даже штаны не твои.

Просто отрекись от мира. Тебе не осталось *ничего*, кроме просветления. Не нужно даже спрашивать, на правильном ли ты пути, — ты на абсолютно правильном пути с самого начала: потеряв бизнес, прекрасную машину, квартиру, красивых женщин, хорошую одежду... Мир пришел к концу. Теперь соверши прыжок и объяви о своем просветлении. Даже если никого нет, сними трубку телефона — хотя он и отключен — и объяви: «Я просветленный». Не важно, услышит ли тебя кто-нибудь.

И тебе не нужно даже объявлять — просто пойми, что ты *просветленный*. Фактически, даже когда ты им не был, ты *всегда* был просветленным. Просто потому, что ты был слишком занят женщиной, бизнесом, машиной, квартирой и одеждой, ты не мог вспомнить о своем просветлении. Теперь ничего не осталось: сиди в молчании и наслаждайся. Наслаждайся тем, что больше нет никаких препятствий.

Даже если случайно появится препятствие... потому что не только у тебя есть взятый напрокат велосипед; есть велосипеды и у некоторых женщин. И они постоянно колесят вокруг, выискивая достойную жертву. Ты, несомненно, достойная жертва.

Если ты сохранишь свою рубашку а-ля Неру, какая-то женщина за ней придет. Лучше отречься от этой рубашки. А когда у тебя ничего не останется, стой голый в своей бамбуковой хижине — только не снаружи; в Пуне наружное просветление не разрешается. Внутреннее просветление!

Ты в таком хорошем состоянии:

Ничего не осталось, кроме любви к тебе.

Я не буду тебе мешать. Ты можешь меня любить и стать просветленным. Моя любовь не станет преградой. Фактически, моя любовь даст тебе хороший толчок, чтобы ты смог прыгнуть в вечное и никогда больше не возвращаться.

Именно это и есть просветление.

Ищи место, с которого ты можешь прыгнуть в вечность, чтобы никогда больше не возвращаться. Именно поэтому ты нигде не видишь Махавиру, Будду, Иисуса, Заратустру... иначе во всех уголках мира жили бы просветленные. Как только они прыгнули — они прыгнули навсегда. Это бездна, это вечное, это безвозвратное положение вещей.

Поэтому не цепляйся за свою рубашку а-ля Неру и хлопчатобумажные штаны. Не теряй свое просветление из-за этих жалких вещей!

Жизнь была с тобой очень сострадательной. Ты можешь отдать свои хлопчатобумажные штаны и рубашку а-ля Неру Вималу — они ему понадобятся еще несколько дней, прежде чем он станет просветленным. Он тоже на правильном пути.

Кто-то сказал мне по дороге сюда: «Вимал выпрашивает одежду у женщин, чтобы переодеться женщиной». Потому что обычно я не смотрю, кто говорит. Он очень беспокоится — эта Маниша для него как пытка, и она продолжает возвращаться. Не с одной стороны, так с другой — то у нее месячные, то мигрень, то простуда, и никто не знает, что будет дальше. И вся

ответственность падает на бедного Вимала. Просто отдай свои штаны и рубашку Вималу и скажи: «Дорогой брат, бери — я ухожу». Ты на правильном пути; он последует за тобой.

Бхайрава, ты настоящий саньясин. Жизнь сделала тебя настоящим саньясином. Что ты ни сохранял в своем рюкзаке, жизнь отняла и это. Жизнь приходит во множестве форм и обликов — особенно часто в облике женщины. Потому что, если она придет в обличье мужчины, при виде его ты будешь крепко держать рюкзак в руке. Если придет женщина и скажет: «Милый» — все кончено, рюкзака больше нет.

И в этом месте, в мире моих людей, никто не верит в индивидуальную собственность. Кому бы ни удалось ее взять, он ее берет. Здесь коммунизм существует в правильной форме. Я каждый день получаю письма: «Кто-то взял мой плащ. Кто-то взял мое одеяло и не отдает, говорит, что ему холоднее, чем мне». Это странная логика, но очень правильная. Одеяло должно принадлежать тому, кто чувствует, что ему холодно. И не важно, что ты за него заплатил. Здесь никого не интересует частная собственность.

Именно поэтому мы не обсуждаем коммунизм: он уже существует. И не в Советском Союзе, а здесь!

Мы видим, что люди носят чужую одежду... вот передо мной сидит Нискрия, и на нем рубашка китайца. Теперь шапки у китайца больше нет, он сидит рядом с Нискрией без шапки. Его шапка, наверное, путешествует — я видел эту шапку на многих головах. Фактически, в конце концов она дошла и до меня! Я сказал: «Передайте ее дальше». Не знаю, как она попала к Нискрии, но она побывала и у меня. Есть только одна такая шапка, и кто-то, наверное, ее носит — или, может быть, она путешествует.

Здесь все счастливы, и каждый наслаждается собственностью кого-то другого. Ты можешь радостно прожить всю жизнь, совершенно ничего не делая: просто держи руки в карманах кого-то другого. Посмотри на меня! У меня вообще нет карманов — по той простой причине, чтобы никто напрасно не интересовался содержимым моих карманов. У меня есть только

руки — карманы могут быть у вас! Столько карманов, и всего две руки...

Это истинный коммунизм. Ты можешь совершить последний шаг, Бхайрава. Нет причин ждать. Но, прежде чем прыгнуть, позволь мне завершить сегодняшнюю молитву.

Когда горилла Герман умер, владельцу зоопарка пришлось найти нового партнера для гориллы Гризельды. Брачный период у Гризельды заканчивался, и владелец зоопарка был очень озабочен тем, как найти замену.

По дороге домой он видит Луиджи, итальянского строителя, который стоит без рубашки. Его тело покрыто волосами.

— Как бы тебе понравилось легко заработать тысячу долларов? — спрашивает он.

— А-кого а-ты мне а-ну-предлагаешь убить?

— Никого, никого, — объясняет владелец зоопарка. — Ты должен заниматься любовью с гориллой в зоопарке.

После некоторого колебания Луиджи решает пойти в зоопарк, чтобы его представили Гризельде.

— Ладно, — говорит Луиджи. — Я согласен при а-ну-трех условиях.

— Отлично! Назови их.

— А-первос, — говорит Луиджи, — я это делаю только э-один э-ну-раз.

— Принято, — говорит владелец.

— Э-второе, — говорит Луиджи, — я ее э-не целую.

— Нет проблем, — говорит владелец.

— И э-третье: если э-ну-будут дети, они э-должны быть э-воспитаны в католической э-ну-вере.

Ковальски останавливает машину с открытым верхом на красный свет, и рядом тормозит полицейский на мотоцикле. Полицейский видит, что на заднем сиденье машины Ковальского полно пингинов в маленьких темных очках.

— Слушай, умник, — говорит он. — Отвези этих пингинов в зоопарк и не пытайся больше отколоть такой номер. В следующий раз я тебя арестую.

Испуганный Ковальский немедленно везет пингинов в зоопарк. Вечером того же дня тот же полицейский снова видит Ковальского в той же машине, и на заднем сиденье полно пингинов, но теперь на них небольшие белые галстуки.

— Послушай, приятель, — рычит полицейский, остановив машину. — У тебя что, не все дома? Я же тебе сказал отвезти этих пингинов в зоопарк, иначе я тебя арестую.

— Но офицер, — отвечает Ковальский, — мы были в зоопарке.

— И что?

Ковальский объясняет:

— Теперь мы идем в театр!

Мэйбл, молодая секретарша, идет по пляжу в расстроенных чувствах: у нее плоская грудь, и она грустно наблюдает, как девушки с большой грудью привлекают внимание всех красивых мужчин.

Вдруг ее нога спотыкается о небольшую закрытую бутылку. Она поднимает ее и вытаскивает пробку. Ударяет молния, и появляется джиния.

— Кто ты? — спрашивает испуганная Мэйбл.

— Джиния из бутылки, — отвечает явление, — и в благодарность за то, что ты меня выпустила, я исполню любое твое желание!

— Это потрясающе! — говорит Мэйбл. — Я хочу две самые большие тыквы в мире!

Джиния машет рукой, и... Бабах!

Возникают Польский Папа и Рональд Рейган.

Прежде чем мы отпустим, нужно уделить две минуты тотальному молчанию, как будто все заморожены.

Никакого движения...

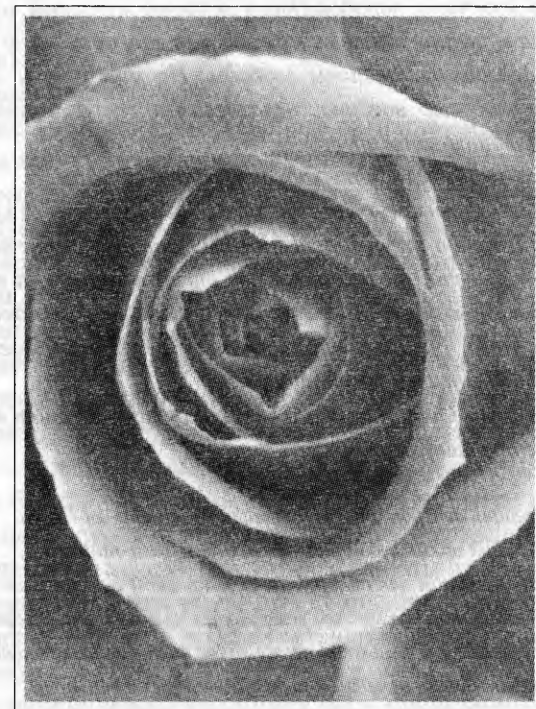
Просто соберите энергию внутри...

Теперь расслабьтесь — отпустите.

Хорошо, Вимал?

Да, Ошо.

Закон для тех, кто не умеет любить

*Любовь ведет к высочайшему опыту — его называют богом,
его называют абсолютным, его называют истиной.
Это только названия. Фактически, у высочайшего нет имени;
у него нет имени, но к нему ведет любовь.*

Любимый Ошо,

Мирдад говорит:

«Любовь — единственная свобода от привязанности. Когда ты любишь все, ничто не привязывает тебя».

И далее:

«Ни мужчина, поработанный любовью женщины, ни женщина, поработанная любовью мужчины, в равной мере не заслуживают драгоценной короны свободы. Но мужчина и женщина, слитые любовью воедино, неразделимые, неразличимые, более всех достойны этой награды».

Не хочешь ли Ты что-нибудь сказать об этом?

А также о сексе, об отношениях и их значении для духовного роста? Я задаю этот вопрос, потому что никогда не переживала этого опыта, только один раз три года назад, а все вокруг уже даже выходят за его пределы. Вот что беспокоит меня больше всего. Если глубоко двигаться в секс, помогает ли это глубже двигаться в медитацию?

Любимый Ошо, я немного смущена, задавая этот вопрос, но он не оставляет меня.

Сегодня вечером Вимал появился в шапке а-ля Ганди, больших очках и длинном костюме курта-паджама, характерном для политиков независимой Индии. Ошо садится на свое место, усмехается при виде этой картины, посылая тем самым по всему холлу волны заразительного смеха. Вимал делает попытку начать, но еще одна усмешка Ошо вызывает новый взрыв хохота. В конце концов изобразив в изысканной пантомиме «я пытаюсь взять себя в руки», Ошо командует:

Сними очки.
Просто читай!

Дэваприя, книга Мирдада — одна из моих самых любимых книг. Мирдад — это вымышленное лицо, но каждое высказывание или действие Мирдада безмерно важно. Ее нельзя читать как роман, ее нужно читать как священное писание — может быть, единственное священное писание.

И в этом изречении ты можешь увидеть проблеск прозрения, осознанности, понимания Мирдада. Он говорит: Любовь — единственная свобода от привязанности... а ты всегда слышала, что любовь — это единственная привязанность. В этом соглашаются все религии: любовь — это единственная привязанность.

Я согласен с Мирдадом:

Любовь есть единственная свобода от привязанности. Когда ты любишь все, ничто не привязывает тебя.

Фактически, человек должен понять само явление привязанности. Почему ты за что-то цепляешься? Потому что боишься это потерять. Может быть, кто-то может это украсть. Твой страх в том, что доступное сегодня может перестать быть доступным завтра.

Кто знает, что случится завтра? Любимая тобой женщина, любимый тобой мужчина — возможно любое движение: ты можешь подойти ближе, ты можешь оказаться дальше. Вы можете снова стать чужими, а можете стать настолько едины, что неправильно будет даже сказать, что вас двое; конечно, тела два, но сердце одно, песня сердца одна, и экстаз окружает вас обоих, как облако. Вы исчезаете в этом экстазе: ты это не ты, я это не я. Любовь становится такой тотальной, любовь так велика и ошеломляюща, что ты не можешь оставаться собой; тебе приходится утонуть и исчезнуть.

В этом исчезновении кто может быть привязанным — и к кому? Все *есть*. Когда любовь расцветает во всей своей полноте, все просто есть. Завтра не вызывает никакого страха; поэтому в нем нет места привязанности, цеплянию, браку, какого бы то ни было рода договору, оковам.

Что такое ваши браки, как не деловая сделка? «Мы предаем друг другу перед лицом суда» — вы оскорбляете любовь! Вы следуете закону, а это самая низменная и уродливая вещь в

существовании. Принося любовь в суд, вы совершаете преступление, которое не может быть прощено. Вы заключаете сделку перед судом: «Мы хотим пожениться и останемся в браке. Мы даем обещание перед лицом закона: мы не разлучимся и не будем обманывать друг друга». Неужели вы не видите, что это величайшее оскорбление любви? Не ставите ли вы закон выше любви?

Я незаконный человек; вот почему против меня десятки стран, хотя я и не совершил никакого преступления. Хотя я все равно не верю ни в какие законы.

Я люблю — мне не нужно никакого закона.

Закон для тех, кто не умеет любить. Закон для слепых, не для тех, у кого есть глаза. Закон для тех, кто забыл язык сердца и знает лишь язык ума.

Изречения Мирдада так безмерно важны, что их нужно глубоко понять — не только интеллектуально или эмоционально, но всем существом. Это должно впитать все твое существо:

Любовь — единственная свобода от привязанности... потому что, когда любишь, ты не можешь даже думать ни о чем другом.

Когда ты любишь все, ничто не привязывает тебя. Каждое мгновение приносит новое величие, новую славу, новые песни; каждое мгновение приносит в танец новые танцы. Может быть, партнеры могут меняться, но любовь остается.

Привязанность — это желание, чтобы партнер никогда не менялся. В этом нужно присягнуть перед судом, перед обществом — все это глупые формальности. А идя против этих формальностей, ты теряешь все уважение и респектабельность в глазах людей, среди которых тебе приходится жить.

Любовь ничего не знает о привязанности, потому что любовь ничего не знает о возможности потерять достоинство. Она сама по себе уважение, сама по себе респектабельность; с ней ничего нельзя сделать. Я не говорю, что партнеры не могут меняться, я говорю, что это не важно: если бы партнеры менялись, но любовь сохранялась, как река, как течение, тогда, фактически, сегодня в мире было бы гораздо больше любви.

Сегодня она течет, как капли из неплотно закрытого крана: кап, кап, кап. Она не может утолить ничьей жажды. Любви

нужно качество океана; она не может быть каплей, падающей из общественного крана. Все браки принадлежат обществу.

Любовь — Вселенная. Любовь не зовет на праздник лишь несколько человек; любовь зовет все звезды, солнца и цветы, всех птиц; на праздник приглашено все существование.

Любви не нужно больше ничего — ночь, полная звезд, что еще ты можешь пригласить? Лишь несколько друзей... вся Вселенная дружелюбна. Я никогда не встречал дерево, которое было бы против меня. Я взбирался на многие горы, но ни одна из них не противостояла мне. Все существование очень дружелюбно.

Когда расцветает твое собственное понимание любви, нет ни тени вопроса о привязанности. Ты можешь продолжать менять партнеров, но это не значит, что ты кого-то покидаешь. Ты можешь снова вернуться к прежнему партнеру; нет никаких предрассудков.

Человек должен понимать себя точно как ребенка, играющего на морском берегу, собирающего раковины, цветные камешки и безмерно наслаждающегося этим, как будто он нашел великое сокровище. Если человек может наслаждаться небольшими вещами в жизни, жить в свободе и позволить другим жить в свободе, весь мир может стать совершенно другим. Тогда в нем будет качество красоты, благодати; в нем будет сияние, и каждое сердце будет пылать огнем.

Но такой мир, как сейчас... только посмотрите на людей, на их огонь... Огонь Дэваприйи горел однажды, три года назад. Теперь нельзя сказать, действительно ли он горел или она только вообразила его — потому что если он горел три года назад, что ты делала все это время? Как только ты познала пламя, его языки начинают расти. Пламя любви растет, точно как ветви дерева; пламя любви приносит цветы и плоды, точно как дерево.

Но то, что ты считаешь любовью, это не любовь. Именно поэтому происходят такие странные переживания. Должно быть, три года назад кто-то сказал тебе: «Какая ты красивая! Я тебя так люблю, другой такой женщины нет во всей вселенной». И ты не возражала: «Ты не имеешь права этого говорить,

потому что не знаешь всех женщин во всей вселенной». Когда говорят такие красивые вещи, человек совершенно забывает об их иррациональности. И ты не спросила человека, который сказал тебе, что любит тебя, — «Что такое любовь? Знаешь ли ты это или просто любишь, не зная, что такое любовь? По каким причинам?» Тогда бы этот мужчина перепугался и убежал как можно быстрее, потому что влюбленные, говоря кому-то «Милая*», не ожидают, что в ответ потребуют объяснений: «Что ты имеешь в виду? Ты когда-нибудь ел сердце — сладкое сердце?» Что ты под этим подразумеваешь? Ты думаешь, я какая-то вкусная конфета, какой-то деликатес?»

Влюбленные говорят друг другу: «Мне бы хотелось тебя съесть», и никто не возражает — ты что, людоед или что-то в этом роде? Этим вещам люди учатся из фильмов, из романов — и эти диалоги ничего не значат. Это просто значит: «Пойдем скорее в постель!» Но поскольку мы цивилизованные люди, нельзя сказать прямо, без обиняков, без небольшого предисловия: «Пойдем в постель». Она побежит в полицейский участок и пожалуется, что ей сказали что-то ужасное. Нет... но если пойти цивилизованным путем, сначала предложить немного мороженого — это охлаждает сердце, — принести розы, мелкие сладости... а затем оба внезапно понимают, что все это должно закончиться утренним похмельем, мигренью, головной болью, и утром они посмотрят друг на друга и почувствуют себя неловко: что они делали в постели? Один спрячется за газетой, как будто ее читает, другая начнет готовить кофе или чай, просто чтобы забыть, что произошло.

Должно быть, Дэваприйя, три года назад произошло нечто подобное. Боже мой, что ты делала эти три года? Вела растительное существование! За эти три года ты должна была создать мигрень сотням людей — тем самым направив их на путь просветления. Без женщины никто никогда не может двигаться к просветлению. Говорят, за спиной каждого великого человека стоит женщина. Может быть, и так, может быть, нет, но за спиной каждого просветленного стоят сотни женщин; одной не

* Sweetheart: дословно «сладкое сердце».

хватит. Просветление не так дешево. За эти три года ты могла сослужить человечеству такую службу... и что же ты делаешь? Читаешь книгу Мирдада!

Далее Мирдад говорит: «Ни мужчина, поработанный любовью женщины, ни женщина, поработанная любовью мужчины, в равной мере не заслуживают драгоценной короны свободы». В то мгновение, когда любовь превращается в привязанность, любовь становится связью... в то мгновение, когда любовь начинает *требовать*, она становится тюрьмой. Она разрушила всю свою свободу; ты не можешь лететь в небо; ты заключена в клетку. И людям интересно... особенно мне интересно. Людям интересно, что я делаю один у себя в комнате. А мне интересно, что делают *они* — что эти двое делают вместе? По крайней мере одному мне легко. Если есть кто-то еще, это создает проблемы: что-то произойдет. Если есть другой, молчание не сохранится: другой что-то спросит, что-то скажет, что-то сделает, принудит тебя что-то сделать. Более того, если это один и тот же человек постоянно, день за днем... Человек, изобретший двуспальную кровать, был одним из величайших врагов человечества. Даже в постели никакой свободы! Ты не можешь шевельнуться; рядом лежит другой. И, как правило, другой занимает больше места. Если тебе удастся отвоевать немного места, тебе повезло — и помни, другой постоянно растет.

Это очень странный мир — женщины постоянно растут, а мужчины — сжимаются. И во всем виноват мужчина: он заставляет женщину становиться толще, делает ее беременной; проблем становится еще больше. Если поместить рядом двух людей, мужского и женского пола, рано или поздно появится третий. Если он не появляется, соседи начинают волноваться: «В чем дело? Почему нет ребенка?» Я жил со многими людьми во многих местах. Я был удивлен — почему люди так заботятся о том, чтобы создать другим проблемы? Если кто-то не женат, они волнуются: «Почему ты не женишься?» — как будто женитьба — это какой-то вселенский закон, которому нужно следовать. Мучимый всеми вокруг, человек решает, что он должен жениться, — по крайней мере, эти люди перестанут его изводить. Но это заблуждение: как только ты женишься, они начи-

нают спрашивать: «Когда будет ребенок?» Это очень сложная проблема. От тебя ничего не зависит: ребенок может появиться, может не появиться — он появится в свое время. Но люди будут донимать тебя тем, что бездетная жизнь... дом — это не дом без ребенка. Это правда — потому что без ребенка дом кажется молчаливым храмом; с ребенком дом кажется сумасшедшим домом! А если детей много, проблемы преумножаются многократно. Я сижу в молчании у себя в комнате всю свою жизнь. Я никого не беспокою, никого не спрашиваю: «Почему ты не женишься, почему ты не родишь ребенка?» Потому что я считаю, что нецивилизованно задавать такие вопросы, говорить такие вещи; это значит вмешиваться в свободу другого человека.

В моем университете каждый профессор... мне пришлось ходить во множество колледжей, потому что из каждого меня исключали. Исключение было абсолютно неизбежно. И я их не виню, потому что всегда виноват был я, но мои проступки были так невинны, что они всегда чувствовали: «Это правда, ты не совершил никакого преступления, но твое присутствие нарушает порядок». «Это очень трудно, — говорил я. — Если я сижу один, само мое одиночество беспокоит мою семью». — «Почему ты сидишь один?»

Зачем задавать такие вопросы? Я никогда не любил пуговицы на рубашке — теперь и это стало проблемой. В одном колледже один профессор настаивал: «Если у тебя на рубашке не будет пуговиц, я не пушу тебя в класс». «Это не поможет», — сказал я. «Что ты имеешь в виду?» — «Вам придется физически встать у меня на пути». «Ты хочешь со мной драться?» — спросил он. «Да», — ответил я. «Ты пришел учиться или действовать мне на нервы?» — «Учиться можно потом», — сказал я. — Сначала драться! И я собираюсь сидеть в классе без пуговиц, потому что в университете нет такого закона, который предписывал бы носить пуговицы. Вам следовало бы радоваться, что я вообще ношу рубашку! Даже об этом нет никакого закона». — «Что ты имеешь в виду?» — «Все ясно — я могу прийти даже голый». — «Это еще хуже. Лучше приходи без пуговиц, потому что, если ты придешь голый, это создаст проблемы. Здесь де-

вушки и другие студенты...» — «Если вы еще раз скажете мне что-нибудь о пуговицах, я тотчас же на месте сброшу с себя одежду». — «Нет-нет, не делай этого! Садись», — сказал он.

Но он был явно озадачен, точно так же, как был озадачен я, глядя, в какой ситуации Вимал. Бедный парень надел шапку, чтобы меня провести. Должно быть, он думает, что я могу подумать, что это кто-то другой. Он даже надел очки — он не может читать в очках, поэтому я попросил его снять очки. А эта рубашка, эта хлопчатобумажная *паджама*... Кажется, эта одежда принадлежит какому-то парню, живущему в бамбуковой хижине! Наверное, он забыл сказать о шапке а-ля Ганди — шапка а-ля Ганди, рубашка а-ля Неру... а *паджама*, несомненно, принадлежит кому-то другому, потому что я никогда не видел Вимала в таком положении. Он молится днем и ночью — но Маниша тоже очень упряма. Теперь она продлит свою простуду на бог весть какое время, и бедному Вималу придется страдать каждый день...

Профессор был в таком же положении. Я показывал ему свою рубашку. Он пытался вести урок, но смотрел на меня и забывал, о чем говорил! Он сказал мне:

— Пожалуйста, перестань махать своей рубашкой без пуговиц, потому что я забываю... Я старик, у меня не очень хорошая память.

— Если хотите, я надену рубашку по-другому.

— Что ты имеешь в виду?

— Я переверну ее задом наперед. Это никому не повредит. И я перевернул рубашку задом наперед прямо в классе.

— Что ты делаешь! — сказал он. — Это беспокоит меня еще больше!

— Я пытаюсь вам помочь, как только могу! Я даже могу вообще выбросить эту рубашку.

— Нет! — сказал он.

Он сообщил директору:

— У меня есть один очень беспокойный студент, и, фактически, мне не в чем его упрекнуть, потому что нет закона о том, что на рубашке должны быть пуговицы. Нет даже закона, что нельзя носить рубашку задом наперед. Он совершенно рацио-

нален, но вызывает у меня странное чувство. Я забываю, что я собирался сказать. Я начинаю снова, смотрю на него... а он сидит прямо передо мной!

Он попросил меня:

— Будет очень любезно с твоей стороны, если ты пересядешь назад.

— Нет проблем, — сказал я, — я могу сидеть где угодно, но останусь в центре вашего внимания.

— Что это значит?

— Я буду держать одну руку поднятой. Против этого нет закона, это моя собственная рука, я же не поднимаю чужую руку!

— Кажется, либо я должен уволиться, либо тебя должны исключить, — сказал он.

— Будет проще, если меня исключат, — сказал я, — потому что это стало привычным делом. Я был во многих колледжах. Точно так же я объехал весь мир, и каждая страна отказала мне во въезде. Я обошел все колледжи — а в городе было двадцать колледжей — и каждый колледж был просто закрыт для меня. Мало-помалу вести дошли до каждого: «Он не опасен, потому что он не делает ничего, что можно назвать преступлением, достойным наказания, но он постоянно делает что-то невинное и тем самым создает проблемы!»

Люди продолжают жить со своими женами и детьми, и, поскольку присутствие каждого нового члена твоей семьи тебя беспокоит, ты автоматически теряешь чувствительность. Ты меньше слышишь, меньше видишь, хуже чувствуешь запах, хуже чувствуешь вкус. Ты удивишься, узнав, что не используешь чувства на полную мощность. Именно поэтому, когда кто-то влюблен, впервые можно увидеть, что его лицо светится; в его походке видна новая свежесть, танец; заметно, что его галстук завязан аккуратнее обычного, одежда выглажена. Что-то случилось. Но это ненадолго. Через неделю или две воцаряется прежняя скука; заметно, что снова собирается пыль. Света больше нет; снова он тащится, не танцует. Цветы по-прежнему цветут, но он не видит их красоты. Звезды по-прежнему зовут его, но он не смотрит в небо. Миллионы людей никогда не смотрят

вверх; их глаза приклеены к земле, как будто они боятся, что на них упадет какая-нибудь звезда. Очень немногим людям хочется спать под открытым небом, полным звезд, — страх безграничности, одиночества, темноты. Гораздо лучше спать в бамбуковой хижине с повражкой, и если будет на то воля Божья, повражки будут продолжать меняться. Но обычно Бог не заинтересован в том, чтобы ты покрывался ржавчиной. Он не заинтересован в этом, но вы все равно ржавеете — та же девушка и тот же парень...

Три года! Жизнь не так длинна. То, что ты остаешься вне опыта любви, показывает, что первая любовь оказалась горькой на вкус, и этот вкус по-прежнему у тебя на языке. Она была тюремным заключением. Миллионы людей продолжают жить, в глубине себя чувствуя, что если бы не любовь и свадьба... но ничего нельзя сделать. Назад пути нет; ты не можешь снова стать холостяком.

Фактически, ты можешь настолько привыкнуть к своей тюрьме, что не сможешь ее покинуть. Это своего рода безопасность; тюрьма уютна, хотя ты и несчастен. Одеядло сгнило, но ты спишь в двуспальной кровати — по крайней мере, ты не одинок в своем несчастье, кто-то делит его с тобой. На самом деле, кто-то создает его для тебя, а ты создаешь его для него или для нее.

Люди пришли в такое отчаяние, что есть даже страны, в которых мужчинам разрешается жениться на мужчинах. Некоторые страны разрешили женщинам жениться на женщинах. Только сегодня сообщили, что один суд в Канаде отказал паре лесбиянок в разрешении на брак, ссылаясь на то, что «мы не можем принять вас как пару, если вы не способны родить ребенка».

Странное определение, потому что это означает... есть множество пар противоположного пола, у которых нет детей. Если верить этим умникам, их тоже нельзя назвать парами.

Но почему это происходит — почему мужчины должны жениться на мужчинах? Гомосексуалисты, лесбиянки, женщины должны жениться на женщинах — почему? Это проявление скуки, долгой, долгой столетней скуки. Мужчины и женщины

начинают осознавать тот факт, что их совместная жизнь всегда создает проблемы, страдание. Не без причины гомосексуалистов называют «геями», веселыми, потому что, кажется, они единственные люди, которые смеются, наслаждаются. У жен гомосексуалистов не бывает ни месячных, ни припадков бешенства, они не беременеют, им не нужно никаких больниц, хирургий и прочих проблем. Не о чем беспокоиться; кажется, жизнь легче.

Мужчина не может понять женщину, потому что у женщины другие органы понимания. Женщина живет из сердца, мужчина из ума — они похожи на параллельные железнодорожные рельсы, которые идут рядом, но никогда не встречаются. Они подходят очень близко, но никогда достаточно близко. Двум мужчинам оказывается гораздо легче понять друг друга. Фактически, двое мужчин могут вести интеллектуальные, философские, теологические беседы. С женщиной невозможно обсуждать философию. Ее интересует овощной магазин: «Ты говоришь о бесполезных вещах. Философия? Ты собираешься есть философию? Какое тебе дело до того, есть ли Бог? Это тебя не касается. Ты должен делать свое дело, чистить ботинки, наводить порядок в комнате». У них другие интересы. Если двое мужчин живут вместе, они будут вести беседы о великих материях, но комната останется грязной. Иногда им придет в голову: «Кто-то должен прийти и навести порядок в комнате». Но они так к этому привыкли, она кажется им совершенной. Всего лишь немного пыли там и сям, одежда не слишком свежая и чистая, но это мелочи. Настоящая проблема в том, сколько существует солнечных систем. Есть ли жизнь на какой-нибудь из планет солнечной системы? Вот в чем суть, не в комнате — при чем тут комната?

Двум женщинам будет очень хорошо вместе — полное взаимопонимание. Они могут беседовать о драгоценностях, обсуждать фильмы. Это простые вещи — они не для обсуждений, ими просто восхищаются. Это явление развилось только в этой половине двадцатого столетия. Раньше нельзя было и вообразить, чтобы мужчина сделал предложение другому мужчине, — все это кажется таким грязным. Почему женщины хотят жениться

друг на друга? Это сушая растрата, потеря двух красивых женщин, которые многих могли бы сделать просветленными. А эти геи... Я никогда не слышал о том, чтобы гей стал просветленным. Они достигали великих интеллектуальных высот, но все же не становились просветленными. Например, Сократ был гомосексуалистом. Никто не хочет говорить о его гомосексуализме. И это было одной из причин того, что, хотя он и достиг великих интеллектуальных высот, он не смог стать просветленным. Хотя у него и были все возможности — фактически, больше возможностей, чем у любого другого человека, даже больше, чем у такого человека, как Гаутама Будда. У Будды была одна из самых красивых женщин, и тем не менее он стал просветленным. Женщина Сократа была чудовищем, само ее имя вызывает содрогание: Ксантиппа. Она была Сократа; она сожгла ему лицо, вылив на него кипящий чай. И все же, поскольку он был гомосексуалистом... в противном случае у него были прекрасные шансы двигаться к просветлению. Вместо того чтобы становиться просветленным, наверное, он шел к своему другу.

Это положение вещей абсолютно нестерпимо. В человеческом сознании абсолютно необходимы радикальные перемены. Если вы хотите, чтобы мужчина и женщина в будущем любили друг друга, любовь не должна быть тюрьмой. Любовь должна давать больше свободы, чем одиночество. Любовь должна создавать больше возможностей для роста, исследования человеческой духовности; любовь должна помогать создавать больше медитативных состояний. Если этого не случится, в будущем мы столкнемся — а многие страны уже столкнулись — с проблемой. Мужчин больше не интересуют женщины, потому что они не хотят таких проблем. Они не хотят говорить о том, что называется «мелочами». А их женщинам это совершенно необходимо: «Сосед купил новую машину — что ты предпочитаешь, переехать в другое место или тоже купить машину?» Что-то нужно предпринять. Это экзистенциальный вопрос, вопрос жизни и смерти. Найди другой район. Найди новый район, в котором ни у кого нет машины лучше твоей.

В Америке по этому признаку даже называют районы — район «шевроле», район «мерседесов», район «кадиллаков».

Женщины каждый день часами изучают каталоги. Это американское явление. Оно еще не распространилось по всему миру, но распространяется. Вся их жизнь зависит от этих каталогов, которых поступает все больше и больше — каталоги машин, постельного белья, кастрюль, всевозможной ерунды, но их это очень волнует. Посмотрите на Авирбхаву! Перед вами один из величайших мастеров шоппинга, которые только читали каталоги. Она даже приносит кое-что мне, не то чтобы она старалась только для себя... она очень щедра, но хождение за покупками абсолютно необходимо. Теперь она собралась на шоппинг в Сингапур. Я ей помешал. В Сингапур! Пуны недостаточно — какой здесь шоппинг! Но, должно быть, она подговорила Кавишу, потому что Кавиша едет в Сингапур — «Поищи то-то и то-то...» Я знаю, что постоянно происходит в умах людей. Наверное, она подготовила кое-что и для меня в качестве взятки.

Но ситуация остается прежней, мужчины и женщины становятся все дальше друг от друга. У них отдельные интересы, отдельные банковские счета, отдельные клубы. Они не знают, о чем разговаривать друг с другом. Когда мужчина и женщина сидят вместе, воцаряется молчание. В древние времена, если ты хотел быть в молчании, ты уходил от женщины. Положение вещей изменилось. Теперь ты можешь просто побыть со своей женой, и ты погрузишься в такое глубокое молчание, какое только возможно. Невозможно быть более молчаливым — даже в Гималаях. Рядом с женой внезапно ты забываешь, что хотел сказать. Ты все уже говорил много раз; все, что она хотела сказать, она уже сказала тысячи раз. Поэтому мужа и жены сидят в молчании. Они могли бы использовать эту ситуацию для медитации. Но они не используют ее таким образом, они используют ее, чтобы накапливать еще больше гнева, ярости, и только и ждут, чтобы выбросить все это друг на друга, как только представится малейший шанс.

Для женщины будет достаточно, даже если ты всего лишь скажешь ей: «Почему ты молчишь? Когда ты куда-то идешь, там ты со всеми разговариваешь, а дома все время молчишь. Что с тобой?» Что ты можешь сказать? Только открой рот — и твой счет в банке окажется в опасности. Прояви малейшие признаки

любви и внимания — и это ударит по карману, потому что женщина уже читает каталог. Когда жена в ванной, ты заглядываешь в каталог, смотришь, какие страницы загнуты, и призываешь на помощь Бога. Но это неизбежно должно произойти. Единственная литература, которую женщины читают, — это каталоги — какое им дело до старика Шекспира и всех этих минувших времен? Если ты захочешь поговорить о Гаутаме Будде, Лао-цзы или Чжуан-цзы, женщина скажет: «Перестань, не раскапывай могилы. Эти люди умерли. Кого больше нет, того больше нет. Скажи что-нибудь о реальных людях — как дела у соседей? Жена собирается сбежать от соседа, а ты ничего не знаешь. Твой друг — сосед — ничего не знает о том, что происходит у него под носом. Шофер однажды отобьет у него жену, помяни мое слово».

Все эти великие материи... мужчина от них устает. Женщине становится все интереснее, потому что она становится более и более образованной, читает больше и больше каталогов. Ты хочешь, чтобы она читала Анагора, Пифагора, Платона, тогда как все остальные обсуждают актеров и певцов? Реальные вещи проходят мимо, а ты читаешь Анагора. Анагор покончил с собой двадцать пять столетий назад. Ему самому была не интересна его жизнь — а тебе она интересна?

Но мужчина и женщина, слитые любовью воедино... если этого не произойдет, жизнь в будущем станет темнее. Даже если она переживет мировую войну, она не будет стоять того, чтобы жить. Она будет становиться более и более печальной, более и более бессмысленной. Кроме любви, нет другого способа выжить, нет другого спасения. Но любовь должна иметь такое качество, чтобы она приносила тебе свободу, а не новые цепи; такая любовь дает тебе крылья и помогает тебе лететь так высоко, как только возможно. Женщина и мужчина, слитые воедино любовью, неразделимые, неразличимые, более всего заслуживают этой награды.

«Не скажешь ли ты что-нибудь также о сексе, об отношениях и их значении для духовного роста? Я задаю этот вопрос, потому что никогда не переживала этого, только однажды, три года назад, а все вокруг уже даже выходят за его пределы».

Прежде чем это прокомментировать, я скажу тебе одно: все те, о ком ты говоришь: «они вышли за пределы», просто говорят! Начни тоже говорить! Никто не вышел за пределы. Даже Нискрия сидит и молчит — за пределы? Что будет с его фотоаппаратом? Но говорить легко. Человек может выйти за пределы, но прежде он должен это узнать.

Секс — это не только способ биологического воспроизводства. Если бы было так, не было бы никаких проблем. Секс — это также энергия творчества. Ни один импотент в истории человечества не был творцом, поэтом, художником, мистиком, танцором, музыкантом, ученым — ни в одном направлении, ни в одном измерении. Секс — это не только энергия производства детей, это еще и энергия творчества во многих, многих формах. На это никто не обратил внимания, и меня постоянно осуждали, потому что я говорю, что каждый великий человек в мире был сверхсексуальным — сексуальнее обычных людей. Именно из-за этой сверхсексуальности его не удовлетворяет просто производство детей. Этого недостаточно. Если он не создает великие статуи, храмы и соборы, если он не рисует, как Пикассо, если он не пишет стихи, как Рабиндранат, его творческая энергия убьет его. Ее слишком много, она слишком ошеломляет, ей нужен выход. Всех этих людей не слишком интересовали женщины — не то чтобы они были против женщин, иногда это хорошо, но их основной интерес был в том, чтобы что-то создавать.

Если бы секс только создавал детей, тогда никто — ни Микеланджело, ни Леонардо да Винчи, ни Винсент Ван Гог — не интересовался бы им. Да, иногда, ради перемены, они любили женщин — не одну, многих женщин, — но это был лишь выходной, отдых от творчества, уик-энд. Если бы им предложили выбор, они выбрали бы свою поэзию, музыку, танец. Они не выбрали бы производить детей. У многих из них не было детей. А если и были, то не были детьми великого качества; никто даже не помнит их имен. Знаешь ли ты имена каких-нибудь детей Достоевского, Тургенева, Максима Горького, Толстого? Это было просто по пути, они не слишком заботились о них. Но они создали великие романы, которые будут жить, пока жив

человек на Земле. Нельзя себе представить, что придет время, когда романы Достоевского устареют — невозможно. Они так далеко впереди, что даже мы им не современники. Может быть, никто никогда не сможет назвать себя современником Достоевского. Его романы такой великой красоты, что невозможно себе представить, как человек мог создать это просто из слов, обычных слов, столько красоты и поэзии, столько истины! Столько радости и столько блаженства. Книга Мирдада — это одна из тех книг, которые будут жить вечно, пока на Земле остается хотя бы одно человеческое существо. Но никто не знает... Человек, написавший эту книгу, совершенно забыт. Мирдад — это вымысел, Мирдад — это имя героя. Человек, написавший эту книгу... Его звали Михаил Наими, но дело не в имени. Его книга — великая, больше его самого. Он сам всю жизнь пытался создать что-нибудь подобное, но все попытки потерпели поражение. Он написал много других книг, но книга Мирдада остается Эверестом. Все остальные — небольшие холмы, бугры, не имеющие большого значения.

Если любовь понимать как встречу двух душ — не просто сексуальную, биологическую встречу мужских и женских гормонов, — тогда любовь может дать тебе великие крылья, великие прозрения в жизнь. И любовники могут впервые стать друзьями. Обычно они всегда остаются замаскированными врагами.

Религии и так называемые святые, которые бежали из мира, трусы, которые не могут смотреть жизни в лицо, отравили все представление о том, что любовь — это единственная духовность. Они осудили секс, и их осуждение секса осудило также и любовь, потому что люди думают, что любовь и секс — это одно и то же. Это не так. Секс — это небольшая часть твоей биологической энергии. Любовь — это все твое существо, любовь — это твоя душа. Ты должна понять, что секс — это просто потребность общества, расы продолжать род. Если хочешь, ты можешь участвовать, но ты не можешь избежать любви. В то мгновение, когда ты избегаешь любви, твое творчество умирает, органы чувств теряют чувствительность; вокруг тебя собирается много пыли. Ты становишься живым мертвецом. Да, ты дышишь, ешь,

разговариваешь, ты можешь каждый день ходить на работу, пока не придет смерть и не освободит тебя от скуки, которую ты носила с собой всю жизнь.

Если секс — это все, что у тебя есть, тогда у тебя ничего нет; тогда ты просто биологический инструмент размножения Вселенной. Ты просто машина, фабрика. *Но если ты можешь воспринять любовь как свое настоящее существо, как танец двух сердец, которые настолько синхронизированы, что почти становятся одним, тебе не нужно никакой другой духовности.* Ты нашел ее. Любовь ведет к высочайшему опыту — его называют Богом, его называют абсолютом, его называют истиной. Это только названия. Фактически, у Высочайшего нет имени; у него нет имени, но к нему ведет любовь. Если ты думаешь только о сексе, если никогда не узнаешь любви, тогда ты пустил себя по ветру. Да, ты можешь родить детей, жить в страдании, играть в карты, ходить в кино, смотреть футбольные матчи и получить великий опыт полной тщетности, скуки, войны, постоянного подспудного течения тревожности, которое экзистенциалисты называют «энгст». Ты никогда не познаешь настоящей красоты существования, настоящего молчания и покоя космоса. Любовь может сделать это возможным.

Но помни, любовь не знает границ. Любовь не может быть ревнивой, потому что любовь не может владеть. Это уродливо — сама идея о том, что ты кем-то владеешь, потому что любишь. Ты кем-то владеешь — это означает, что ты кого-то убил и превратил в собственность. Владеть можно только вещами. Любовь дает свободу. Любовь *есть* свобода.

Дэваприя, пришло время выйти за пределы.

Глория Радостьлюви, стареющая второстепенная голливудская звезда, которая была замужем восемь раз, наконец умерла. Ее похоронили рядом с мужем Реджинальдом. Двое ее друзей кладут цветы на ее могилу и вдруг обращают внимание на надпись: «Наконец вместе». Одна из пожилых дам говорит:

- Не знала, что Глория так обожала Реджинальда.
- Не глупи, — ответила другая, — это о ее ногах.

Когда укротителя Лео укусил один из львов, владелец цирка дал объявление о том, что ищет ему замену. Элиза, привлекательная молодая женщина, отвечает на объявление и идет смотреть на львов вместе с Лео и владельцем цирка. Владелец цирка неохотно выпускает ее в клетку со львами. Элиза запирает дверь клетки, медленно раздевается и ложится на пол совершенно голая. Тотчас же к ней подбегают два льва, замирают на месте и затем начинают лизать ее тело.

Владелец цирка поворачивается к Лео, который все еще трясется над своей поврежденной рукой:

— Послушай, Лео, а почему ты так не можешь?

— Могу, могу! — кричит Лео. — Только заберите оттуда этих сумасшедших львов!

Старик Финкельштейн, древний миллионер, женится на шестнадцатилетней девушке, но сексуально недееспособен. Он в таком отчаянии, что идет к своему врачу, который делает ему обильную гормональную инъекцию.

— Слушайте, — говорит врач, — каждый раз, когда вы хотите вызвать эрекцию, вы должны сказать «Би». А чтобы ее прекратить нужно сказать «Би-би».

— Великолепно! — говорит Финк.

— Да, но я должен вас предупредить, — продолжает врач, — что это сработает только три раза, а потом вы умрете.

По дороге домой Финк решил попробовать хотя бы один раз.

— Би, — говорит он, и это немедленно вызывает эрекцию. В восторге он восклицает: — Би-би, — и член тут же ложится на место.

В это мгновение небольшая «тойота» обгоняет «лимузин» и сигнализирует: «Би!» — а другая машина отзывается: «Би-би!» Понимая, что остался последний шанс, старик торопит своего шофера. Он вбегает домой со всех ног и кричит:

— Милая, не задавай никаких вопросов. Просто раздевайся и прыгай в постель!

Девушка так и делает, и Финкельштейн спешит за ней. Не успев забраться в постель, Финкельштейн говорит:

— Би!

Его молодая жена поворачивается и говорит:

— Что это за би-биканье?

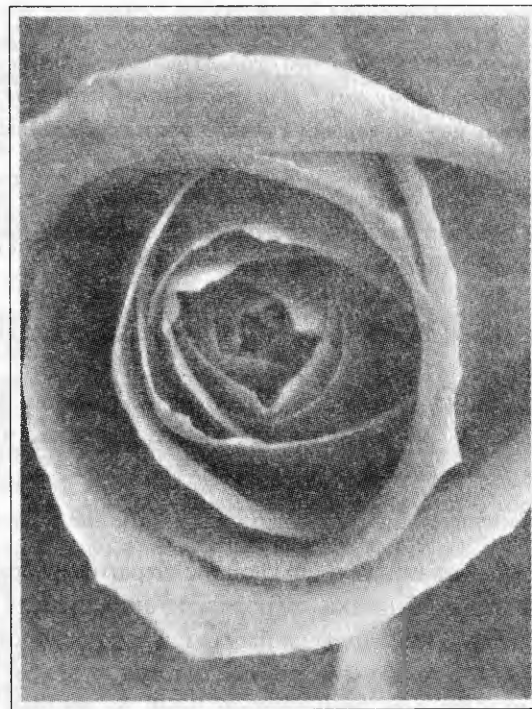
Теперь мы можем совершить нашу молитву. Две минуты абсолютного молчания, никакого движения. Когда я скажу «Отпустите», просто позвольте телу упасть без всякого усилия со своей стороны. Начинаем. Расслабьтесь...

...Хорошо, возвращайтесь.

Хорошо, Вимал?

Да, Ошо.

Нет «Я», нет «Вы» —
просто отражающее зеркало

По мере того как молчание становится глубже, ты подходишь ближе и ближе к свету, который есть твой вечный источник жизни. Да, ты должен быть сожжен; как индивидуального существа, тебя не будет. Но как космос, как вселенское существо, ты будешь всегда.

Сегодня Ошо дарит нам свою невероятную усмешку, как только выходит из-за поворота и видит Вимала — одетого в сари!

Любимый Ошо,

Что такое в точности этот бессознательный ум, который еще называют темной ночью души? Принадлежит ли он к физическому обезьяньему уму? Или это нечто, принадлежащее ко вселенскому уму, который я считаю моим собственным высшим умом?

И еще: если это не физический мозг, не поэтому ли было бы пустой тратой времени попытаться положить конец своим страданиям, пустив пулю в висок?

Нилам, прежде чем перейти к серьезным вещам... стукни его!

Это такое великое превращение... и ты не можешь даже этим наслаждаться — он выглядит так красиво! Боюсь, что кто-то попадет в его сети. Он пытается спрятаться, но люди уже подумывают о том, как бы в него не влюбиться.

Прем Сакино, заданный тобою вопрос затрагивает практически всю психологию человека. В определенном смысле человека можно разделить на тело, физиологию, и ум, психологию. Мозг является частью тела; ум — это психология — другое название психологии. Оба они принадлежат чему-то другому — более глубокому, высшему сознанию, вселенскому сознанию. Но положение ума очень сложно; он как бы представляет собой мост между душой, вселенским, и телом, индивидуальным.

Когда тело умирает, ум продолжает существовать, — как радиоволны воспоминаний, — вместе с сознательной душой. Он войдет в новые тела; он соберет новые опыты, страдания, радости. Многие жизни он продолжает их накапливать. Каждое

тело позволяет ему страдать или быть блаженным — но постепенно, если он снова и снова переживает боль, страдание, агонию, в привычку ума входит, что, в каком бы он ни был теле, оно опять и опять впадает в мучительные переживания.

Ум тоже однажды умирает.

Тело умирает много раз; ум умирает лишь однажды.

В тот день, когда умирает ум, тыходишь в мир бессмертия, вечности. Именно это мы называем просветлением.

Пока ум не умрет, он остается хозяином; он не согласен быть рабом. В то мгновение, когда твое глубочайшее существо утверждает себя, само это утверждение становится смертью ума. Поэтому медитацию определяют как не-ум.

Это не значит, что ума нет; это просто значит, что у ума больше нет власти. Его можно использовать как проводник, как флейту, но песня не принадлежит флейте. Флейта не может петь сама по себе, флейта — это только проводник, она создает путь.

Человек не-ума тоже использует ум, когда говорит, но это в точности подобно игре на флейте.

Одна из самых любимых книг индуистов — Шримад Бхагавадгита. У нее очень странное название: «песнь божественного». Само название значительно; из самого названия явствует, что эти слова использует не ум, но кто-то, у кого нет ума.

На Востоке мы никогда не развивали психологию. Это одно из самых важных различий, возникших между Востоком и Западом. На Востоке мы развили техники и методы выхода за пределы ума; на Западе философ, мыслитель слишком вовлечен в механику ума: что такое ум?

Удивительно, но на Востоке, который постоянно заботился о внутреннем росте, за десять тысяч лет никто не задался вопросом, что такое ум. Если можешь его отбросить, отбрось, потому что все, что только есть истинного, реального, подлинного, находится за его пределами. Зачем тратить время на нечто эфемерное?

Но вся западная философия озабочена эфемерным. Психолог занимается снами. Это не просто символ — он в самом деле занимается большим сном под названием ум. Заглядывая в сны,

психолог пытается получить представление о том, как действует ум.

Почему он должен проникать в сны? Почему он не может положиться на часы бодрствования?

Во время бодрствования ты фальшив. Ты говоришь одно, думаешь другое. Может быть, ты не намереваешься никого обманывать, но само твоё воспитание таково, что ты обречен на обман. Каждый твой жест — это политика, дипломатия. Ты пытаешься повлиять на другого человека, обратить его на свою сторону. В двух словах, ты пытаешься эксплуатировать его легковерие. Ты не говоришь то, что правдиво, ты говоришь то, что люди хотят услышать.

В каждой церкви, в каждом храме, в каждой синагоге в проповедях говорят только то, что люди хотят слышать. Это опиум для народа, это утешение для народа. Люди несчастны, люди в страдании, но это страдающее человечество становится прекрасным рынком для тех, кто хочет его эксплуатировать — под именем сострадания, под именем Бога.

Они не удаляют твоё страдание — они не могут его удалить; это не в их власти. Но они могут тебя утешить. Они могут помочь тебе расслабиться в своей агонии; они могут дать тебе дозу опиума, чтобы ты мог продолжать жить в прежнем страдании, в прежней агонии, не заботясь и даже не думая о них.

Поэтому, когда ты что-то говоришь, на это нельзя полагаться. Может быть, это правда, может быть, нет. Психолог должен проникнуть в твои сны, потому что сны не загрязнены священниками, политиками, воспитателями.

Они пытаются это сделать.

И в Советском Союзе, и в Америке вырабатывают техники обучения людей во сне. Как только эти техники будут доведены до совершенства, человек потеряет всю свою свободу. Он уже не свободен; свобода — это только красивое слово, не имеющее никакого соответствия в действительности. Но небольшая свобода есть: ты можешь видеть сны, совершенно не боясь соседей, не боясь правительства, не боясь никого — ни родителей, ни учителей, ни всей круговой поруки.

Сновидения — это единственная свобода. Я говорю такие печальные слова: вы свободны только в снах. Больше вы ни в чем не свободны; свобода — это только представление. Каждый закован в цепи, но эти цепи невидимы.

Психолог должен проникнуть в твои сны, чтобы понять, кто ты такой. На поверхности ты целомудренный католический монах. Но думаешь ли ты, что и в снах остаешься целомудренным католическим монахом? Скорее всего, ты прямая противоположность тому, что пытаешься изобразить во время бодрствования. Твоё бодрствование было так загрязнено, направлено и обусловлено другими, что ты даже не знаешь, что то, что ты говоришь, — не твой собственный голос. Это может быть «Голос Америки» или что-то еще, но только не твой собственный голос.

Наблюдай, что ты говоришь и делаешь: подлинно ли это *твое*? Или кто-то вложил это в твой ум, точно как в компьютер закладывают программу? — твоя мать, твой отец... все они, желая добра, невежественны, абсолютно невежественны в том, что касается знания себя. Они сделали вас христианами, мусульманами, индустрами и коммунистами. Они создали мир, который в отношении сознания абсолютно загрязнен, расщеплен на тысячу и один осколок.

Но сознателен лишь тонкий слой. Под этим тонким слоем — безбрежное бессознательное. Бессознательное — это все то, что было подавлено, чему было не позволено выразиться.

Каждый может вспомнить, как родители ему говорили: «Не говори этого, никогда не говори этого! Это против цивилизации, культуры; это против респектабельности, чести. Никогда не упоминай об этом». И постепенно, когда это говорят снова и снова, ты начинаешь заталкивать это глубже и глубже в свое существо. То, что было подавлено, и есть твоё бессознательное.

У такого человека, как Гаутама Будда, нет бессознательного. Человек, который полностью пробужден, есть чистое сознание. Он не видит снов, ему больше не нужно видеть сны. Он проживает свою жизнь со всеми ее опасностями, со всем ее риском, так, как хочет. Он ни в каком смысле никому не следует вопреки самому себе.

Он не лицемер, не притворщик, не актер, повторяющий, как попугай, что ему сказали религии, политики и другие члены круговой поруки: «Ты должен быть таким-то и таким-то». Во всем... как сидеть, как вставать, как ходить. На тебе столько цепей, на твоих устах столько замков, что ты не можешь сказать ни единого слова, которое возникает у тебя внутри, не можешь выразить ни единого цветка, расцветающего у тебя в сознании.

Эта подавленная часть твоего существа создает бессознательное.

Ты спрашиваешь: «Что такое в точности этот бессознательный ум, который еще называют темной ночью души?» Это твой ум, подавляемый многие века, многие жизни. Каждый раз, когда ты меняешь тело, бессознательное увеличивается, потому что добавляются новые подавления.

Ты будешь удивлен: ты совершенно не осознаешь, что содержится у тебя внутри, в твоём собственном доме.

Однажды темной ночью дзэнский мастер спал в своей маленькой хижине. У него было только одно шерстяное одеяло, но он проснулся и увидел, что в хижину входит вор. Ему стало очень жаль вора, потому что он прекрасно знал, что в хижине ничего нет: он сам искал тридцать лет. Но кто знает? Может быть, этому человеку удастся что-нибудь найти.

Он медленно встал, зажег небольшую свечу и подошел к вору сзади. Вор посмотрел на него и застыл как вкопанный: «Боже мой, я думал, что этот человек мертв или спит, а он идет сюда — голый, потому что у него есть только одеяло, — со свечой!» Просто поставь себя на его место...

Но дзэнский монах сказал вору:

— Не беспокойся и не обижайся. Я бедный человек, у меня есть только одно одеяло. Не волнуйся. В такую темную ночь так далеко от деревни никто не узнает, что мы здесь делаем.

— А что мы делаем? — сказал вор.

— То самое, что собирался делать ты!

— Ты странный человек, — сказал вор. — Я вор; я что-то ищу.

— Именно это делаю и я! Тридцать лет я тоже что-то ищу, но в этом доме ничего нет. Давай заключим соглашение: если мы что-нибудь найдем, то поделим пополам.

— Боже мой! Ты владелец этого дома...

— Я не владелец этого дома, — сказал монах. — Он кому-то принадлежал, но этот человек умер. Тридцать лет назад я нашел эту хижину, и увидев, что в ней никто не живет, поселился в ней. С тех пор я искал — что-то должно где-то быть. Этот старик не мог забрать все с собой. Фактически, умирая, никто ничего не может забрать с собой.

Вор сказал:

— Приближается утро, и я пришел сюда не для того, чтобы обсуждать великие вещи: что такое смерть и может ли кто-нибудь взять что-нибудь с собой за пределы смерти. Пожалуйста, отпусти меня.

— Но как же поиск? Мне придется искать одному? Ты мне не поможешь?

— Умоляю... просто позволь мне уйти! Если люди найдут меня здесь утром, я попаду в беду.

— Не будет никаких проблем, — сказал мастер, — потому что я ждал тридцать лет. Никто сюда не приходит. Давай просто поговорим, а утром искать лучше, больше света, и может быть, мы что-нибудь найдем. Мы можем войти в долю! Если ты что-нибудь найдешь в этом доме, половина будет тебе, половина мне.

— Ты религиозный человек — ты шутишь? Ты что, сумасшедший? Заключать сделки с воров... Люди думают, что ты святой!

— Это правда, — сказал мастер, — люди думают, что я святой, но у меня ничего нет, кроме этого одеяла. Если ты не хочешь поделить одеяло пополам, ты можешь взять его с собой.

И он отдал одеяло вору. Вор просто не мог поверить, что происходит, и он выбежал наружу. Мастер закричал ему вслед:

— Вернись и закрой дверь! И когда кто-то что-то тебе даст, по крайней мере скажи «спасибо». Научись манерам.

Вор поблагодарил его и закрыл дверь. Мастер сказал:

— И помни, это «спасибо» тебе очень поможет.

Через два года вор был арестован за кражу в доме кого-то другого, где он был пойман с поличным. В суде судья спросил его:

— Знаешь ли ты кого-нибудь, кто может за тебя поручиться?

Он вспомнил бедного человека, такого красивого, милого и доброго, и он сказал:

— Да, я знаю одного дзэнского монаха, который живет за городом.

— Это подойдет, — ответил судья. — Я знаю этого монаха: если он скажет что-нибудь в твою пользу, тебя отпустят.

Монаха вызвали и спросили о воре. Он сказал:

— Это очень хороший и простой человек. Однажды ночью по ошибке он вошел в мой дом.

— Что значит «по ошибке»?

— Я сказал «по ошибке», потому что дверь была открыта и каждый знает, что в доме ничего нет, кроме меня и моего одеяла. Я предложил ему одеяло. Он был моим гостем. Он не пытался его отнять, мне почти пришлось его заставить. И он был так любезен, что поблагодарил меня и закрыл дверь. Это очень хороший человек, не обижайте его.

Благодаря тому, что мастер это сказал, вора отпустили. Он не мог в это поверить! Он ничего не понял ни тогда ночью, ни во время суда. Он пошел за святым.

— Теперь ты придешь? — спросил тот.

— Да, — ответил вор.

— Ты напрасно потратил два года, — сказал монах. — Я с самого начала предлагал тебе войти в долю. Тебе было нечего терять; я потерял свое одеяло. Чего ты хочешь теперь?

— Теперь я хочу тебе служить, сидеть рядом с тобой и слушать тебя. Теперь я вижу, что ты не обычный человек; ты не принадлежишь к массам и толпе, ты совершенно другой.

— Если ты это видишь, ты принят, — сказал монах. — Будь моим товарищем по путешествию. Мне было так грустно той ночью, когда ты ничего не смог найти в моем доме. Ты оказал мне такое уважение, войдя в мой дом, потому что кто входит в хижины бедных? Ты возвысил мое положение до королевского, и я был благодарен. Но мне нечего было тебе дать, кроме старого одеяла, и когда ты ушел, я заплакал: «Если бы этот человек предупредил меня заранее, я бы что-нибудь подыскал».

И сидя у дверей, я увидел в небе луну и написал стихотворение. Я никому его не читал, но с тобой я его разделю. В нем говорится: «Мое сердце плачет и рыдает, потому что я не смог предложить гостю ничего достойного. Если бы это было в моей власти, я отдал бы ему всю луну. Но луна не в моей власти».

Это прекрасное стихотворение. У такого человека вообще нет бессознательного. Он — чистое сознание.

Ты спрашиваешь: «Принадлежит ли оно физическому обезьяньему уму?» Обычно — да. Обычный ум принадлежит телу, потому что это не что иное, как функционирование мозга, который является частью тела. Но все усилие медитации в том, чтобы вывести его из тела, вывести из ума, очистить от всего, что его ограничивает, — от всех индуизмов и исламов, от мужского или женского пола, от всех возможных «выше» и «ниже». Увести его от всего этого к молчанию, ничто, покою, который превосходит понимание... тогда он не остается частью мозга; тогда он становится частью вселенского сознания.

Вот что ты говоришь: «Или это нечто, принадлежащее вселенскому уму?» Обычно — нет. Иногда — да.

Ты говоришь: «...который я считаю своим собственным высшим умом?» Да, это твой собственный высший ум, но тебя нет. Это просто чистая осознанность без всякого «я» и «ты» — просто отражающее зеркало.

И последнее: «Если это не физический мозг, не потому ли было пустой тратой времени пытаться положить конец страданиям, пустив пулю в висок?»

Прем Сакино, пустить пулю в висок означает не только потратить впустую время, но и создать еще больше бессознательного. Путем самоубийства никто не может стать просветленным. В результате самоубийства человек рождается снова, еще более укорененный в агонии. Агония самоубийства переходит в новую жизнь, в следующую жизнь.

Несомненно, это значит впустую потратить время и нанести неизмеримый вред твоей следующей жизни.

Если бы просветление было так просто, — пустить пулю в висок, — просветленных были бы миллионы. Но просветление нужно заработать. Его нужно заслужить.

Это странное явление, потому что, в определенном смысле, оно уже твое; в другом смысле, ты должен его найти. Оно спрятано внутри твоего существа.

Ни одна пуля не может туда проникнуть; войти туда можешь только ты.

Тыходишь туда, просто оставаясь молчаливым, более и более молчаливым. По мере того как молчание становится глубже, тыходишь ближе и ближе к свету, который есть твой вечный источник жизни.

Да, ты должен быть сожжен; как индивидуального существа, тебя не будет. Но ты будешь как космос, как вселенское существо.

Это единственное блаженное состояние. Иначе ты никогда не узнаешь, что такое блаженство. Это не удовольствие; удовольствие не может быть даже дальним родственником. Ты не можешь понять блаженство, измеряя его в терминах удовольствия. Удовольствие похоже на чесотку: оно приятно, но через некоторое время становится больно. Если ты чешешь слишком сильно, появится кровь. То, что ты называешь удовольствием, есть не что иное, как чесотка.

Блаженство не имеет с этим ничего общего: блаженство — это само твое существо. Ты просто расслабляешься в самом себе; в глубочайшем дне своего существа...

И ты свет, и ты истина, и ты красота, и ты любовь, и ты все, что только можно желать. Слава, великолепие всего существования — твои.

Но тебя нет.

Любимый Ошо,

С тех пор как я Тебя встретил десять лет назад, я не мог делать ничего другого — только следовать за Тобой по пятам и быть с Тобой.

Мне хотелось устраниться из мира, чтобы научиться познать самого себя. Став более осозанным, я стал более чувствительным, но отстраненным и спокойным.

Любимый Мастер, дурачу ли я себя, когда чувствую, что мне пришло время идти на рыночную площадь и учиться у женщины ковать стрелы?

Говиндо, тебе не нужно дурачить себя никакой женщиной со стрелами. Настоящая женщина сидит напротив меня! Я предлагаю познакомиться тебя с ней. Ты нигде больше в мире не найдешь такой женщины: небольшая борода, красивые усы... И действительно красивая!

Странно, почему Вимал не одевался так с самого начала? Когда я уйду, вы все должны на нее посмотреть — я хочу сказать на нее, это не ошибка — и наслаждаться настоящей женщиной.

Куда ты? — на взятом напрокат велосипеде ты поедешь к какой-то женщине со стрелами! Ты что, здесь не можешь найти женщину? Если ты здесь не можешь найти, кого полюбить, то не сможешь найти нигде. Потому что дело не в ком-то другом, дело в тебе.

Знаешь ли ты, что подразумевает любовь? Готов ли ты любить? Готов ли ты отбросить свою ревность? Готов ли ты делиться, не прося ничего в ответ?

Любовь — это чистейшая форма дружбы, и она доступна лишь редким людям. Другие только почесывают друг друга. Они называют это любовью; просто чесать друг другу кожу. Они идиоты, священники их осуждают. Они говорят: «Не чешите друг друга; иначе окажетесь в аду. Там дьявол будет вас чесать!» Странно: если двоим людям хорошо, когда они почесывают друг друга, это не должно касаться больше никого. Вскоре им самим надоест.

И кто эта женщина со стрелами на рынке? Ты можешь идти, никаких проблем, — но помни, что ты еще не научился искусству любви, потому что это — другое название медитации.

Пэдди тренирует своего осла Денниса, подготавливая его к ослиному ирландскому дерби.

Нет никаких сомнений, что Деннис самый быстрый осел во всей Ирландии. Но каждый раз, когда начинается забег, Деннис останавливается, чтобы подмигнуть каждой ослихе.

Говиндо, слушай внимательно!

Пэдди решает, что единственным решением проблемы будет отвести осла к ветеринару и сделать операцию.

Через несколько недель Деннис стоит на старте больших скачек. Он смотрит прямо перед собой, игнорируя всех остальных ослов. Его голова опущена, глаза сосредоточены. Денниса волнует только беговая дорожка.

Раздается выстрел, и Деннис срывается с места, но через несколько шагов останавливается, разворачивается и смущенно трусит обратно.

— Всего лишь крик! — стонет Пэдди. — Что случилось?

— Что случилось? — говорит Деннис. — А как, по-твоему, я себя должен чувствовать, когда какой-то умник объявляет в громкоговоритель: «Они оторвались!»

Говиндо, избегай рынка еще немного.

Обед окончен, и официант сует между двадцатью деловыми делегатами со счетом в руках, который достигает тысячи долларов.

К несчастью, один обедающий за другим отвергает счет. Кажется, никто не хочет взять на себя его оплату.

Внезапно Хамиш Мактавиш, единственный присутствующий шотландец, объявляет громким голосом:

— Дайте мне этот счет, я его оплачу!

На следующее утро газеты полны заголовков:

«Шотландец застрелил еврейского чревовещателя!»

Это опасный мир. Я думаю, тебе нужно еще немного подождать.

Хайме Голдберг и Мойше Финкельштейн переодеваются после игры в гольф.

Мойше натягивает на себя женские трусы; Хайме потрясен.

— С каких пор ты начал носить женское белье? — спрашивает он.

— С тех пор как Рути, моя жена, нашла эти трусы на переднем сиденье моей машины.

Мисс Гудбоди дает классу урок английского языка, и все идет хорошо, пока она не начинает объяснять употребление слова «возможно».

— Билли, — говорит она. — Можешь придумать предложение, чтобы показать, что ты понимаешь, как использовать слово «возможно»?

Билли встает, думает минуту и говорит:

— Если мы будем хорошо себя вести, возможно, учитель отпустит нас пораньше.

— Отлично! — говорит мисс Гудбоди. Затем она поворачивается к маленькому Эрни и говорит:

— А ты, Эрнест? Можешь привести пример?

Крошка Эрни встает и говорит:

— А обязательно придумывать?

— Нет, — отвечает мисс Гудбоди. — Это может быть и правда, если только ты используешь слово «возможно».

— Ладно, — говорит Эрни, — когда я увидел, что вы с учителем музыки снимаете трусы, я подумал, что, возможно, вы собираетесь насрать на пианино.

И последнее, прежде чем мы перейдем к ежедневной медитации.

В зоопарке — том же! — требование Луиджи, чтобы дети гориллы Гризельды были воспитаны в католической вере, отклонено Германом Канубовичем, еврейским директором зоопарка.

Владелец Гризельды прибегает к последнему крайнему средству и вывешивает плакат:

«Тысяча долларов за спаривание с гориллой!»

Ковальский, вернув в зоопарк несколько пингвинов, видит плакат и заходит в контору.

Владелец бросает на Ковальского один взгляд и понимает, что нужный человек найден. Однако и Ковальский выставляет три условия.

— Первое, — говорит он, — никто ничего не говорит моей жене.

— О чем речь! — отвечает владелец.

— Второе, — говорит Ковальский, — никто ничего не говорит у меня на работе.

— Не беспокойтесь, — отвечает владелец, — мы будем соблюдать полную конфиденциальность.

— Ладно, — говорит Ковальский, — и третье... можно я буду платить по частям?

А теперь закройте глаза и две минуты будьте совершенно застывшими. Просто соберите всю энергию внутри...

А теперь *отпустите*.

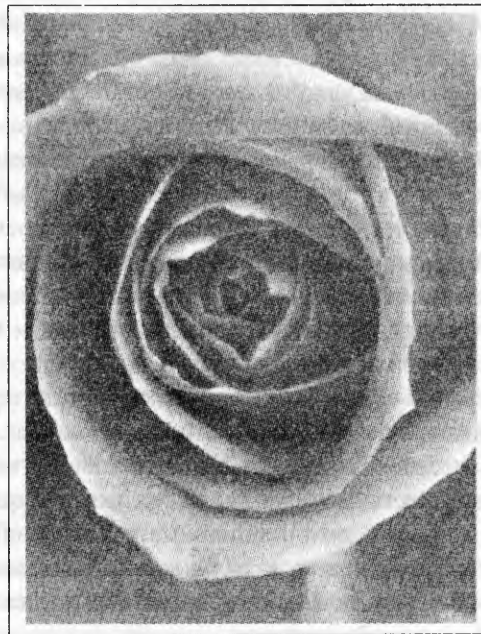
...Ладно, возвращайтесь обратно.

Хорошо, Вимал?

Да, Ошо.

Хорошо.

Лишь проблеск — и дело сделано

Функция мастера в том, чтобы позволить тебе получить некоторые проблески, некоторый опыт твоей собственной реальности, твоей собственной запредельности — и его дело сделано. Если ты можешь хотя бы на мгновение быть в тотальном молчании, дело сделано. Теперь ты знаешь путь, знаешь несколько шагов, ведущих вовнутрь, к самому твоему центру.

Любимый Ошо,

Вчера вечером, в эти две минуты молчания и позволения, Ты привел нас в высочайшее состояние сознания.

Беззвучный звук и невыразимая благодарность внутри, и даже наблюдатель исчезает. Не могу поверить, как это легко!

Любимый Мастер, всегда ли доступна эта энергия, или только вблизи Твоего физического присутствия? Возможно ли жить в ней все время, даже работая в Бомбее, Сиднее или Гамбурге? Тогда любовь между нами и моя ответственность могут стать предельной свободой!

P.S. В своих жизнях я никогда не был так счастлив!

Дхиан Чарьо, эта энергия — твоя. Дело не в моем присутствии. Мое присутствие может запустить процесс; мое присутствие может стать зеркалом, и в нем ты видишь свое истинное лицо. Но лицо принадлежит тебе, не зеркалу — здесь ли ты, в Бомбее, Сиднее или Гамбурге.

Твоя энергия — твоя. Никто не может ее отнять; просто ты ее не осознаешь. Ты забыл язык, чтобы ее понимать. Ты забыл путь к самому себе. Ты живешь на парадной лестнице дворца, думая, что это и есть дворец. И если столько жизней ты постоянно живешь в определенном состоянии, оно так обуславливает тебя, что становится почти реальностью. Ты не можешь выйти за пределы этого состояния. Ты не можешь даже *подумать*, что что-то есть за его пределами.

Присутствие мастера может только рассеять это невежественное представление, что ничего нет за его пределами.

Фактически, за пределами его все. За пределами его ты.

Внушенное воспитанием понятие о твоей личности — не ты. Присутствие мастера ничего не может дать: если выразиться точно, оно разрушительно. Оно просто разрушает то, что в тебе ложно, оно не создает ничего реального. Реальное нельзя создать. Но ложное можно разрушить, и разрушить его очень лег-

ко — стоит только заставить тебя осознавать его ложность, и ложное исчезает.

Функция мастера в том, чтобы позволить тебе получить некоторые проблески, некоторый опыт твоей собственной реальности, твоей собственной запредельности — и его дело сделано.

Если ты можешь хотя бы на мгновение быть в тотальном молчании, дело сделано. Теперь ты знаешь путь, знаешь несколько шагов, ведущих вовнутрь, к самому твоему центру.

Только не забудь снова, потому что обусловленность велика, и окружающая тебя толпа — здесь или в Гамбурге — разрушит эти небольшие проблески. Они так свежи, так новы и так хрупки, что чугунная обусловленность окружающей толпы легко может заставить тебя поверить, что, может быть, ты был загнилотизирован; может быть, тебе это просто приснилось. Может быть, дело было в чьем-то присутствии, не в твоей собственной энергии.

Хорошо попытаться испытать это одному и войти в глубокое молчание без помощи извне. Даже присутствие мастера — это помощь извне; оно тоже должно быть отброшено в определенной точке, когда ты совершенно уверен, что целый мир не может его разрушить. Тогда в присутствии мастера нет необходимости. Присутствие мастера стало самим твоим цветением. Оно вошло в тебя и стало твоим собственным ароматом.

Твой вопрос очень красив, и затрагивает всю работу, которой мы занимаемся здесь, в этом странном месте. Я называю его странным, потому что во всем мире нет больше собрания искателей, которые вместе ищут самих себя. Их взаимоотношения не имеют ничего общего с религией, браком, социальными связями, знакомствами или Ротари-клубом. Присутствующие здесь абсолютно не связаны друг с другом, и все же есть глубокая связь — негласная, невысказанная. Связь эта в том, что все вы ищете одно и то же.

Все вы ищете самих себя.

Цель не находится снаружи. Никто не приведет тебя к цели. Но цель эта настолько внутренняя, что лишь немного расслабления — не усилия, но просто небольшого *позволения*, падения в него — и ты коснулся самого своего жизненного источника.

Ты не встречаешь никакого бога и неходишь ни в какие небеса; мусульмане, индуисты, христиане — все они создали себе различные небеса в соответствии со своими потребностями. Ты неходишь ни в чье воображение.

Ты неходишь даже в собственное воображение.

Ты просто выпадаешь из ума, который может воображать. Тыходишь в пространство, в котором воображение невозможно; ты можешь видеть лишь то, что есть.

И видя это, ты достиг всего, чего только можно достичь. Видя это, ты достиг освобождения, спасения, свободы. Видя это, впервые ты больше не нищий, но богатейший человек в мире.

Человек из Японии, который считается самым богатым в мире только потому, что у него есть двадцать два миллиарда долларов, и самый богатый человек в Америке, у которого четыре миллиарда, — оба они бедны в сравнении с человеком, который достиг собственного существа, который коснулся реальности своего вечного существования и его мистическая роза раскрыла свои лепестки.

Это так легко.

Ты озабочен; ты говоришь: «Не могу поверить, что это так легко!» Я сам никогда не мог поверить, как это легко. Когда это происходит, это происходит — и человек просто как громом поражен — «Боже мой, это всегда было здесь, у меня в распоряжении, а я искал по всему миру. Это было у меня в руках, в пустых руках, а я искал везде, только не у себя внутри».

Именно поэтому это стало так трудно.

Я вам рассказывал о суфийской женщине-мистике, Рабие.

Однажды вечером, когда садилось солнце и сгушались сумерки... Ей много лет; она выходит из своего маленького дома и что-то ищет на улице... Человек идет мимо и видит эту пожилую женщину: она что-то ищет, и может быть, так и не сможет найти. Он останавливается и спрашивает:

— Рабия, — а она была известным человеком, — что ты ищешь?

— Я потеряла иголку.

— Тогда ее почти невозможно найти, — ответил человек. — Солнце почти село, сгустилась темнота, а дорога такая широкая. Где она упала? Если ты покажешь мне место, я могу попытаться тебе помочь. В твоём возрасте ты не сможешь найти иголку.

— Дело не в этом, — сказала женщина. — Мне очень стыдно в этом признаться, но я потеряла ее в доме.

— Боже мой, — сказал человек, — ты потеряла ее в доме, а ищешь снаружи, на улице! Ты что, сумасшедшая?

— Думай что хочешь, но реальность в том, что внутри моего дома совсем нет света. Когда я стала искать, снаружи было немного светлее. Думая, что немного света абсолютно необходимо, чтобы ее найти, я вышла наружу и стала искать там. А теперь ты еще более все осложнил, остановив меня: теперь темно и снаружи.

— Не волнуйся, — сказал человек. — Если она потерялась внутри, она найдется. Она не потеряна.

Поиск становится трудным, потому что мы продолжаем искать не там, где потеряли. Мистическая роза, наше собственное существо, цветет не в лесах и не в Гималаях. Она расцветает в твоём собственном сознании. Это другое название, символическое название раскрытия красоты твоего сознания — со всем его ароматом, тонкостью, радостью, танцем. Но именно потому, что это так легко, это и так трудно. Сама легкость создает трудность.

Ты говоришь: «Вчера вечером, в эти две минуты молчания и *позволения*, ты привел нас к высочайшему уровню сознания». Я никуда вас не приводил. Вы просто здесь. Но благодаря тому, что ты допустил молчание и *позволение*... все это зависит от тебя.

Я не могу принудить тебя к *позволению*.

Я не могу заставить тебя войти в молчание.

Я могу просто создать в тебе стремление, жажду и доверие: ты ничего не потеряешь, став молчаливым на две минуты и отпустив...

В последние несколько минут налетели сильные порывы ветра, и в холле послышались всплески истерического хохота. Ошо продолжал говорить, но теперь Он останавливается. Теперь слышен только звук ветра и дождя, безмерность Его молчания, и по-прежнему — невероятно — хохот. В конце концов Он говорит снова.

Это выходит за рамки шутки.

Но хохот продолжается. Он поднимается с кресла без всяких дальнейших комментариев, приветствует нас намастэ и идет к выходу. Он поднимает правую руку в салюте, и ошарашенная аудитория отвечает: «Йаа-Хуу!»

Произнесенные далеко от микрофона, его последние слова слышны только сидящим в первых рядах.

Не ждите меня завтра вечером.

Этим и следующим вечером Ошо получил сотни писем извинения. Вот отрывки из некоторых из них.

Мне стыдно быть Твоим саньясином и сидеть в группе так называемых искателей, собравшихся не знаю для какой идиотской цели, но только не чтобы медитировать.

Не было бы никакого упрека, если бы Ты вышел с группой сопровождающих. Мы Тебя не заслуживаем. Мы даже не умеем уважать Твое молчание. Нам даже не хватает духу кого-то заткнуть или сказать, что мы чувствуем, из страха прослыть фашистом, ущемляющим «свободу» других. Я могу только говорить снова и снова сквозь слезы: «Прости нас, прости нас, прости нас. Единственная роза во вселенской пустыне, мы принимаем Тебя как должное. Извини, извини, извини».

✓
Я один из тех, кто потревожил Твое молчание во время дискурса. Мой смех возник из напряжения и страха, что эта внезапная буря разрушит крышу холла. Видя, как на других людей падают листья... эта ситуация привлекла мое внимание, и я больше Тебя не слышал. Обычно смех мне помогает, когда я встревожен, но я забыл, где я нахожусь. Я вижу свою инфантильность и неуважение и попытаюсь стать более наблюдательным. С глубокой благодарностью и любовью...

✓
Сегодня вечером, когда начался этот безумный смех, я чувствовала, что вхожу в глубочайшее в моей жизни медитативное состояние. Я так Тебе благодарна за то, что Ты пришел и стольким поделился с нами. Больно, что бессознательность некоторых людей отделяет Тебя от нас.

Любимый Ошо, я уважаю Твое право быть с нами, когда Ты хочешь, и быть одному, когда Ты хочешь. Все, что я могу сказать, это что мое сердце радуется в Твоем присутствии, моя душа чувствует благодарность за все, чем Ты делишься, за все проблески, которые Ты мне дал, за Твое терпение с нами. Слова кажутся неадекватными, чтобы выразить, что я чувствую.

✓
Сегодня вечером Твое присутствие и Твои слова коснулись глубочайшей части меня, которую я только знаю. Хотя мое сердце и молчание были с Тобой, Твой уход заставил меня глубже понять, насколько вредна моя неосознанность для меня, для пространства, которое Ты создал для нас, и для каждого, кого я касаюсь. Твой уход заставил меня яснее осознавать, что я живу лишь для того, чтобы быть с Тобой.

Любимый Мастер, спасибо за каждое драгоценное мгновение, которое Ты проводишь с нами, спасибо за каждое мгновение, в которое Ты — из своего невероятного сострадания — прощаешь мне мою неосознанность. Теперь, пожалуйста, прости меня снова.

✓
 Мое сердце болело всю ночь, после того как Ты ушел... Мысль о том, что мы Тебе надоели, причиняет такую боль... Я так благодарен за каждое мгновение с Тобой. Если Ты нас покинешь, я все равно благодарен, но мне жаль, что моя осознанность так ленива и движение к медитации так медленно. Спасибо за урок.

✓
 Многие годы я пытался достичь сам. За пять недель здесь я был осыпан многими дарами. И все же я принял Тебя как должное. Пожалуйста, прости меня.

✓
 Я знаю, что у меня не очень хороший английский... Я надеюсь, что Ты это получишь, важны не столько слова, сколько молчание... Много раз, когда я в Будда-холле жду того момента, когда в глубоком молчании мы пытаемся показать Тебе уважение... я наполняюсь больше и больше; сама любовь; много раз я чувствую себя таким открытым, и столько благословения для меня...

✓
 Твой уход потряс меня, как удар молнии, — возникает глубокая боль, невероятное молчание, гнев — и кристально ясное знание, что ничто в моей жизни — и даже сама моя жизнь — не стоит для меня Твоего присутствия...

✓
 Кажется, мы никогда не учимся... Пожалуйста, не покидай нас. Мне хочется заплакать, когда я понимаю, сколько Ты над нами работаешь и как мы продолжаем спать. Прости нас, Любимый Мастер, прости меня.

✓
 Я чувствую, что мы все ответственны за то, что случилось вечером, и я хочу извиниться сама. Во время дискурса я чувствовала такую молчаливую связь с тем, что Ты говорил, и я никогда не

была выше с Тобой. Потом налетел ветер, и я позволила себя отвлечь и потревожить.

Потом Ты ушел, и это было для меня как пощечина в напоминание о том, что, даже если падает небо, я не должна терять своего молчания. Я склоняюсь перед Тобой... и хочу продолжать с Тобой путешествие в глубины.

✓
 Никогда раньше я так не раскаивался в том, что моя неосознанность способствовала созданию ситуации, которая причинила нам всем такую боль. Всю жизнь я думал, что не имею значения, но после этого происшествия я почувствовал, что важен, — не эго, но сердце.

Я не могу найти слов, чтобы выразить, как я Тебе благодарен.

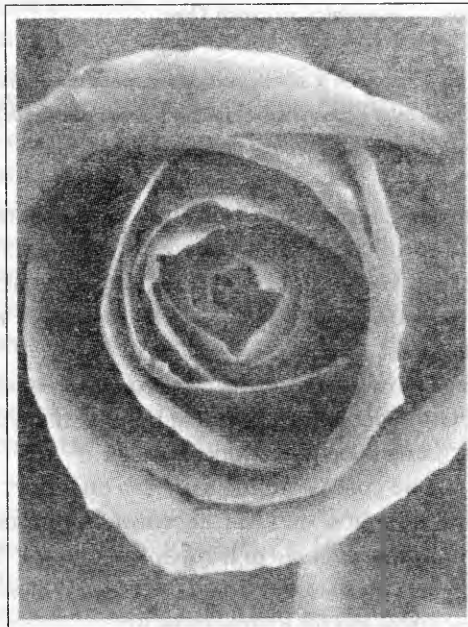
✓
 Спасибо за прекрасный дар Твоего молчания вчера вечером. Спасибо и за дар Твоего ухода. Я никогда не забуду выражения Твоих глаз, прежде чем Ты встал. Ничто не трогало меня так глубоко. Я хочу оставаться в осознанности, здесь, сейчас. Спасибо за этот невероятный толчок. От чистого сердца я прошу прощения за то, что я Тебя недостойн. Если Ты решишь снова сидеть с нами, я буду в этом так тотален, как только сумею.

✓
 Вчера, когда Ты ушел из Будда-холла, во мне возникли великая печаль и страх. Старое, забытое чувство, которого мне уже не доставало. А лекция была такая красивая!

Я помню, как мне повезло, как драгоценно пить Твои слова, слушать Твое молчание, как радостны мгновения наших встреч. Как драгоценен Ты для меня. Я не смеялся, но во многом я тоже ответствен. О драгоценный Мастер, я прошу прощения и благодарю Тебя за дзэнскую палку, которая снова и снова мне нужна, чтобы быть живым.

✓
 Мне было так безмерно грустно вчера ночью, мне так стыдно за нашу бессознательность... Твое существование — это такое благословение для меня, Твое сияние — это такая радость, которой я никогда не знала раньше. Ошо, пожалуйста, можешь ли Ты нас простить? В глубокой благодарности также и за эту возможность осознать, как я Тебя люблю.

Я вернулся — меня убедил буря

Я хотел, чтобы вы знали, что хотя я не дзэнский мастер старого образца, но я тоже бью — по-своему, более изощренно.

Я тоже разрушаю ваши эго и ваше цепляние; я тоже разрушаю то, что вы принимаете меня как должное, потому что однажды внезапно я уйду, точно так же, как внезапно проходит буря. Прежде чем уйду, я хотел бы, чтобы вы расцвели в прекраснейшие розы.

Сегодня вечером нас всех попросили собраться в Будда-холле раньше обычного, чтобы выслушать объявление.

Никто не знает — и об этом замечательно мало говорят, — появится ли снова Ошо.

Пока люди входят и занимают места, в холле тишина. Даже обычная музыка приглушена в этой атмосфере неопределенности. В конце концов — объявление.

Вчера вечером Ошо думал о том, чтобы прекратить дискурсы, после того как он был так грубо перебит этим ненормальным смехом. Он не против смеха, как вы знаете. Он дает нам столько возможностей смеяться и поощряет наш смех в подходящее время.

Но вчера вечером этот смех был совершенно неадекватным, неуместным. Он перебил его в самом полете дискурса. Это его потревожило, и ему было больно.

Я думаю, мы не совсем понимаем, что он живет только для нас; он больше ни в чем не заинтересован. Он остается в теле лишь для того, чтобы выходить и говорить с нами. Если мы не слушаем его, — а если мы неуместно смеемся, очевидно, мы его не слушаем, — тогда какой в этом смысл?

Он невероятно страдает телесно. Мы не имеем об этом понятия. Но особенно в последние два года, после того, как он был арестован и помещен в заключение американцами, его тело совершенно разрушено. Каждый сустав — почти все время каждый сустав его тела причиняет ему боль. Он ничего не говорит об этом. Но мы не имеем ни малейшего понятия, с каким трудом он живет. Даже здесь, в его собственной стране, ему докучает индийское правительство. Он не может... его никогда не оставят в покое. Он остается только ради любви к нам.

Вот сообщение, которое он просил меня передать.

А вчера вечером мы оскорбили его любовь. Мы воспользовались его любовью к нам. Он не был зол на это, но только очень, очень опечален, ему было плохо, очень плохо. Зачем тащить дальше, зачем в такой боли тащить это тело день за днем; если мы его не слушаем, какой в этом смысл?

И он думал о том, чтобы прервать дискурсы навсегда. Мы долго говорили с ним вчера вечером, просили, плакали, молили, и в конце концов он согласился выйти снова. И он придет, придет сегодня вечером.

Мы взяли на себя ответственность, полную ответственность за то, что ничего подобного больше не случится; его больше никто не побеспокоит. Он согласился прийти снова очень неохотно, и хотел, чтобы вы знали, что он соглашается неохотно, потому что мы его умоляли.

Поэтому, если кто-нибудь еще будет смеяться этим глупым, ненормальным, эксгибиционистским смехом, нам придется принять за это полную ответственность и просто наброситься на этого человека, заткнуть ему рот и вытащить его отсюда, если необходимо. Это относится ко всем нам — если кто-то сидит рядом с нами, не слушает, не понимает и не ценит Его слова и угрожает нашему дискурсу — *ваша* ответственность что-то с этим сделать. Здесь у нас нет охранников, все зависит от нас.

Кстати, это не относится к Сардарджи, он — исключение. Сардарджи совершенно искренен, и Ошо это ценит, Ошо его понимает. Даже если кому-то кажется, что он смеется не к месту и не со всеми остальными, Ошо знает, что он совершенно искренен, и любит слушать, как он смеется. Он — единственное исключение. И тебе придется смеяться, Сардарджи; кажется, ему не хватает твоего смеха.

И больше никаких предлогов... ветер и тому подобное. Вчера вечером те, кто встал*, сказали, что их отвлек дождь, ветер и падающие листья — это не имеет ничего общего с тем, что здесь происходит. Если Ошо здесь сидит, если он продолжает говорить и не прерывается, когда приходит буря, кто мы, чтобы это

* После прерванного дискурса некоторые из тех, кто смеялся, извинились перед Ошо. Их извинения были засняты на видеопленку.

нас беспокоило? Мы собрались здесь, чтобы его слушать — слушать его радостно, мирно, в любви и молчании.

Прогноз погоды обещает сегодня еще одну бурю, поэтому если кто-нибудь чувствует, что его это обеспокоит и он может истерически засмеяться или сделать что-то в этом роде, когда налетит буря, они должны уйти сейчас. Я совершенно не шучу.

Повторю снова: Ошо живет ради нас, только ради нас. Его больше ничто не интересует. Если мы поведем себя глупо, мы его потеряем. Если мы снова сделаем что-то неуместное, мы можем с ним проститься.

Пришло множество писем с извинениями в адрес Ошо, и Ошо знает, что все мы очень сожалеем о происшедшем. Поэтому, чтобы дать каждому возможность извиниться лично, после того, как я договорю, у нас будет десять минут *празднования извинений*. Это новый вид извинений, изобретенный Ошо. Он хочет, чтобы все пели, махали руками и тотально праздновали свои извинения. Вложите в это тотально всю свою энергию. И он говорит, что наше празднование скажет ему, что нам действительно жаль, и этого больше никогда не случится.

И затем он сказал: «В вашем праздновании могут быть слезы, но эти слезы только в извинение». Идея только в том, чтобы выразить суть, понять и убедиться, что этого не случится снова и нам очень жаль. И чтобы мы себя за это не били.

Он сказал: «Это великое учение о том, что значит палка дзэнского мастера». В первый раз он показал нам истинное значение палки дзэнских мастеров: он не бьет по голове деревянной палкой, он не примитивный дзэнский мастер, но он бьет в самое сердце наших существ. Именно это он сделал вчера вечером.

Итак, теперь, может быть, нам стоит посидеть минуту в молчании, чтобы все это переварить... и каждый, кто чувствует, что ему это не по силам, *пожалуйста*, уйдите сейчас. А потом давайте устроим действительно потрясающее *празднование извинений*. Давайте попросим прощения у Ошо всеми нашими сердцами и голосами.

Маниша делает короткое объявление от имени всех нас, прежде чем зачитать первый вопрос:

*Любимый Ошо,
Пожалуйста, прими извинения за наше поведение вчера вечером.
Мы просим у Тебя прощения из глубины наших сердец.*

Любимый Ошо,

Вчера вечером я получила свой первый опыт смерти.

Твой ответ на красивый вопрос, который Тебе задали, ввел меня так глубоко вовнутрь, так великоленно, что к тому моменту, как я сообразила, что происходит, — Тебя уже не было.

О самый драгоценный и любимый Мастер — Ты сказал нам быть здесь, лишь если это первый приоритет. Твое присутствие делает Будда-холл нашим храмом.

Ты рассказал нам, как Джидду Кришнамурти умер, глубоко сожалая, что был для своих людей только развлечением. Как стыдно, что мы приняли Тебя — и Твою любовь, Твою благодать, Твое сострадание, то, что Ты с нами, — как должное.

Наверное, мы раним Тебя снова, снова и снова.

ОШО,

ПОЖАЛУЙСТА, ПРОСТИ НАС.

Зарин, вы ни в чем не виноваты. Я сам виноват, потому что я слишком люблю вас. Я не поддерживал дистанции между вами и собой. Именно поэтому стало возможным, что некоторые люди забыли, как себя вести. Они обидели не меня, они обидели вас всех. В этом не было никакой необходимости, потому что, как вы видите, — пришла еще одна буря, более сильная, и смеяться совершенно не нужно.

Фактически, она даст вам возможность быть более молчаливыми. Если вы не можете быть в молчании, когда вокруг буря и мгла, ваше молчание не подлинно. Вопрос только в том, чтобы смотреть на вещи под правильным углом. Буря так красива и

свежа, она приносит новость о постоянно меняющейся жизни. Старые листья опадают, не поднимая вокруг этого никакого шума, чтобы освободить место для новых. Само падение старых листьев... если его наблюдательно, сознательно понять, ты понимаешь секрет расслабления. Мертвый лист не цепляется за дерево, и дерево не цепляется за мертвый лист; они расстаются мирно, в молчании. Они любили, они жили, а теперь пора расстаться.

Что касается меня — как вернулась буря, так вернулся и я. Я не хотел приходить, но буря меня убедила: «Я приду снова — тебя будет не хватать».

Сотни писем, подобных письму Зарин, пришли ко мне. Многие другие, наверное, были в слезах и печали. Но я чувствовал вашу печаль, ваши слезы.

Я хотел, чтобы вы знали, что хотя я не дзэнский мастер старого образца, но я тоже бью — по-своему, более изощренно. Я тоже разрушаю ваши эго и ваше цепляние; я тоже разрушаю то, что вы принимаете меня как должное, потому что однажды внезапно я уйду, точно так же, как внезапно проходит буря. Прежде чем уйду, я хотел бы, чтобы вы расцвели в прекраснейшие розы.

Когда я вижу вас в молчании, в мире — и в смехе, который исходит из мира и молчания, а не из истерии... Вчера мне пришлось уйти, потому что некоторые из вас вели себя так бессознательно, что их нужно было вернуть в бдительность, — это не то собрание, в котором можно оставаться бессознательным. Вся цель здесь в том, чтобы стать более бдительным, более сознающим. Если пришла буря, в этом нет ничего плохого. Вы должны были слушать ее и ее песню, вы должны были наслаждаться падающими листьями. Вы должны были научиться чему-то безмерно важному.

Но вместо того чтобы чему-то научиться, некоторые из вас повели себя очень глупо. И мне пришлось нанести сильный удар, хотя я прекрасно знал, что это вызовет у вас столько слез и ваши сердца будут плакать. Но может быть очень ценным понять, что абсолютно неправильно принимать мое присут-

ствие как должное. Тогда оно становится обыденным, и вы совершенно забываете, что однажды меня не станет.

Прежде чем уйти, я хотел бы увидеть, что вы все расцвели в мистические розы и испустили аромат.

Смех прекрасен, когда исходит из понимания, из невинности. Истерический смех уродлив и глуп.

Я не был зол, я не способен на гнев. Мне просто было грустно видеть, что здесь по-прежнему есть люди, которых я продолжаю называть моими людьми, но они еще недостаточно бдительны, чтобы им можно было придавать столько достоинства. Нет вопроса о том, чтобы вас прощать, потому что я не был зол. Просто дело в том, что я чувствовал, что моя любовь некоторых не достигла.

Я позволяю вам смеяться больше, чем это когда-либо допускалось; я любил вас, как не любил учеников ни один мастер. Гаутама Будда совсем бы вас не любил. Да, он был сострадательным, но быть сострадательным и любить — это не одно и то же. Сострадание сухо, сострадание означает расстояние; один выше, другой далеко внизу, во тьме.

Я не сострадательен к вам; я подлинно вас люблю. Моя любовь не сухая; это не способ почувствовать собственное превосходство, отнять у вас достоинство и сделать вас неполноценными. Я оказал вам столько почета, сколько не оказывал ни один мастер.

Со мной быть мастером или учеником — это просто вымысел. Разница очень мала: кем бы я ни был, я это знаю; кем бы ни были вы, вы этого не знаете. Такая небольшая разница не делает никого выше или ниже. Ты настолько же вселенская душа, какую испытал в своем опыте любой Гаутама Будда, Заратустра или Бодхидхарма. В твоей досягаемости в любое мгновение войти в предельное, в сами корни твоего существа, и все различия между мастером и учеником исчезнут.

Вся функция мастера очень странна. Он постоянно разрушает свое мастерство, он заставляет тебя быть более и более осознанным. В тот день, когда вы станете полностью осознанными, — и я смогу насладиться садом, полным роз, — не будет никакой разницы между твоим сердцем и моим. Мы все части

биения сердца Вселенной. И каждым возможным способом — и даже каждым невозможным — я пытаюсь создать синхронность между тобой и вселенским, которое и есть твое настоящее и истинное лицо.

Но я вижу, что вы принимаете меня как должное, потому что я говорю, и вы начинаете смеяться без причины, в неправильный момент, и это значит, что либо я не на своем месте, либо вы. То, что произошло вчера... помните: этого не должно случиться снова. Я поддерживаю себя с трудом. Я могу исчезнуть в любой момент. Тогда никакие ваши слезы меня не вернут, тогда вся ваша печаль будет напрасной. Может быть, рано или поздно вы это забудете, как забывают когда-то приснившийся прекрасный сон.

Очень немногие смогут продолжать путешествие без меня и в конце концов встретиться со мной в реализации себя. Но таких очень мало. Я вам нужен, потому что мой сад — это почти парник; вы только начали расти. Мне еще не пришел момент уйти в отставку и расслабиться во вселенском.

Если вчерашний инцидент сделает вас более понимающими и сознательными, он был замаскированным благословением. Бури придут снова и снова, но вы должны помнить.

Я использовал смех как средство, чтобы вас разбудить. Никто во всей истории человечества не использовал смех как средство. Иногда я недоумеваю, почему его не использовали, потому что хорошо известен факт, что во сне невозможно громко смеяться. Если ты громко рассмеешься во сне, то проснешься. Обычно во сне ты никогда не смеешься. Смех так далеко; даже улыбка — это очень редкий опыт.

Но одно вы знаете: почти каждому время от времени снятся кошмары. В глубокой опасности, может быть, падая в бездонную пропасть, или, может быть, когда тебя догоняет свирепый лев, — дрожа, ты просыпаешься.

Мой собственный опыт говорит, что, если ты можешь правильно рассмеяться, в нужный момент, это приведет тебя из бессознательности в чистое небо, из тьмы в свет. Я представляю смех как медитацию, потому что ничто другое не делает тебя

таким тотальным, ничто другое не заставляет тебя перестать думать. Только в это мгновение ты больше не ум. Только в это мгновение ты больше не живешь во времени. Только в это мгновение ты вошел в другое состояние, в котором ты тотален, целостен и исцелен.

Для Зарин я дам еще несколько мгновений смеха. Они для всех вас. Я выбрал ее вопрос из сотен других вопросов просто как символ, потому что все они говорят одно и то же, но не с такой тотальностью, не с такой любовью, не с таким сердцем.

Пэдди отправляется...

...Боже мой, буря кончилась!

Пэдди отправляется прощвырнуться на своем старом мотоцикле и подбирает хич-хайкера. Так как день холодный, он советует тому надеть куртку задом наперед, чтобы спастись от ветра.

Проехав по ухабистой дороге, Пэдди оборачивается и видит, что пассажир исчез. Он разворачивается и едет обратно.

Он видит лежащее на земле тело и вокруг него небольшую толпу.

— С ним все в порядке? — спрашивает Пэдди встревоженно.

— Все в порядке, — отвечает один из толпы, — было до тех пор, пока мы не привели его голову в правильное положение.

В первую брачную ночь Тесса, взволнованная невеста, поворачивается к мужу:

— Чарльз, — говорит она, — обещай, что будешь осторожен. Я хочу, чтобы ты знал, что я это делаю в первый раз.

— Что? — говорит Чарльз. — Но ты была замужем уже три раза!

— Я знаю, — отвечает Тесса, — но мой первый муж был пьяницей, второй оказался голубым, а третий работал в рекламном бизнесе.

— Я понимаю первых два случая, — говорит Чарльз, — но почему третий муж не занимался с тобой любовью?

— Понимаешь...

Дождь снова громко забарабанил по крыше.

Буря возвращается.

...отвечает Тесса, — все, что он делал, это садился на кровать и рассказывал мне, как это будет потрясающе!

Мама крошки Эрни желает детям спокойной ночи. Она ждет еще одного ребенка и рассказывает им историю о том, что детей приносит аист.

Когда она выключает свет и уходит, крошка Эрни поворачивается к сестре:

— Не знаю, что думает мама, — говорит он, — но я просто не могу себе представить папу, трахающего аиста.

Забриски получил работу: нарисовать посреди дороги белую полосу. В первый день поляк обработал пять миль дороги. Он сделал такую потрясающую работу, что босс вызвал его и вручил премию. Но на следующий день Забриски делает только три мили, а через день — только одну. Босс вызывает его снова и спрашивает, что случилось. Забриски объясняет:

— Каждый день дальше и дальше идти к ведру с краской.

Нэнси Рейган обращается к психиатру и говорит, что ее муж Рональд начал есть собачью еду. Мозгоправ отвечает, что она не должна волноваться и что такие проблемы обычно вскоре кончаются сами собой.

Но, чтобы не оставить места случайностям, он просит Нэнси принести образец собачьей еды для анализа. Он не

находит в ней ничего вредного и убеждает Нэнси, что Рональд придет в норму через неделю.

И действительно, через неделю Нэнси возвращается.

— Итак, — говорит мозгоправ, — как поживает ваш муж? Надеюсь, пришел норму?

— Боюсь, что нет, — отвечает Нэнси. — Он умер!

— Умер? — кричит мозгоправ. — Что же с ним случилось?

— Он вылизывал себе яйца на подъезде к гаражу, и я случайно переехала его, ставя машину в гараж задним ходом!

Теперь смейтесь тотально, есть буря или нет. Она надвигается...

Инспектор Ву, китайский частный детектив, делает доклад по делу о разводе:

«Моя лезет на дерево, чтобы видеть.

Он играть с она, она играть с он.

Моя играть со мной. Моя падать с дерева.

Моя ничего не видеть. Плостите!»

Мне сказали, что сегодня вы праздновали почти час. Я хочу, чтобы праздновалось все — слезы, печаль, даже это чувство: «Я сделал что-то неправильное или участвовал в чем-то таком, чего не нужно было делать, или просто остался в стороне, не вмешавшись».

Наш способ просить прощения может быть только празднованием. Я верю только в празднование. Каким бы ни был повод — кто-то умирает, не время праздновать, но я говорю вам: «Празднуйте!», потому что смерть — это часть существования. Человек не должен отвергать существование, не должен и его бояться.

Совершать ошибки, как вы это сделали вчера, просто в человеческой природе. В праздновании эту ошибку можно отбросить. Я не хочу, чтобы вы были печальными или чувствовали себя виноватыми, потому что именно эти качества использова-

ли все религии, чтобы эксплуатировать вас: заставить вас испытывать чувство вины, чувство того, что вы недостойны, печаль.

Я ни в коем случае не хочу, чтобы вы чувствовали себя недостойными. Даже совершая ошибку, вы не совершаете грех.

Поскольку вы праздновали час, я хотел бы перейти к молитве: две минуты тотального молчания, без всякого движения... закройте глаза...

А теперь *отпустите*.

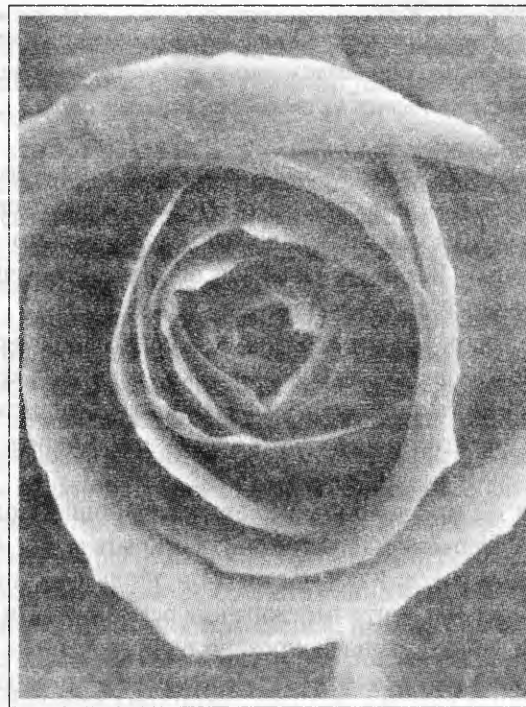
...Возвращайтесь к жизни.

Возвращается и буря.

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Мой опыт вне слов

Не стремитесь называться «религией».

Слово «религия» оскорбительно! Зачем заботиться о словарях?

Почему бы не прислушаться к собственному опыту?

Любимый Ошо,

Согласно моему словарю, культ — это «религия, считающаяся мятежной или незаконной» — незаконной в смысле «незаконно-рожденный, ублюдок».

Не правильно ли сказать, что настоящий дух религиозности может быть только мятежным и всегда вдохновляем союзом любви, а не рождается из узаконенного контракта?

Маниша, я не человек языка, не лингвист, не человек слов. Мой опыт — вне слов. Хотя я и использую слова, я ими не ограничен. Для меня есть лишь один словарь, и это — существование, опыт. Все другие словари обыденны, обычны — не этот незаурядный любовный роман.

Прежде всего, нет такой вещи, как религия. Точно так же, как нет такой вещи, как любовь, нет такой вещи, как красота, — это не вещи. Есть определенное явление, которое можно описать как религиозность, но нельзя ограничить словом «религия».

Религия — это ограничение; это пограничная полоса, это тюремное заключение. Религиозность открыта всему небу. Она может содержать все. У нее нет ни окон, ни дверей, ни стен.

В то мгновение, когда переживание религиозности сформулировано в словах, сконденсировано в определенных цитатах, писаниях, церквах, религия уже мертва. Ты будто видишь красивую птицу, орла, летящего к солнцу, ты пережила красоту полета, который не знает границ...

Ты можешь посадить птицу в красивую золотую клетку. В обычном смысле это будет та же птица, которая летела в небе, но истина в том, что это не та же птица. У нее нет неба. Она лишилась своего пространства, своего духа; она потеряла крылья и ничего не получила, кроме определенности, безопасности. Открытое небо всегда опасно, всегда рискованно. Когда ты в клетке, тебе обеспечено питание, тебя охраняют, но ты

теряешь свободу. А свобода — это твоя душа, само твое существо.

То же самое верно об истине, красоте, добре: все эти великие качества — глаголы, а вы преобразовали их в существительные.

Нет такой вещи, как любовь. Есть определенный опыт, который можно описать словом «любить». Слово «любовь» мертво; слово «любить» — это по-прежнему поток, незамерзшая река. Нет такой вещи, как дружба; есть лишь дружественность.

То же самое применимо к религии. Для меня нет такой вещи, как религия.

Все те, кто притворяются индуистами, мусульманами, христианами, евреями и джайнами, фальшивы. Они так и не поняли даже элементарных принципов религиозности. Они просто овцы в стаде. Ваши религии — это не что иное, как политика под прикрытием бога.

Религия, если она хочет быть живой — если она хочет быть религиозностью, ароматом, мистической розой, — всегда должна быть индивидуальной. Речи быть не может об организации, речи быть не может об организованной истине. Толпа обладает некоей определенностью, силой; в толпе есть некое тепло, уют, но человек подлинной религии всегда сам по себе.

Вот первое, что я хотел бы вам сказать: в словаре существования существует религиозность, но нет места религии.

Религиозность — это неорганизованный, индивидуальный опыт истины. Это не система суеверий, не вера. Это скорее вкус на кончике языка, скорее чувство в сердце, которое, как стрела, пронзает само твое существо.

Религиозность не имеет ничего общего ни с какими церквами, ни с какими организованными формами, ни с какими писаниями. Она верит только в саму себя. Она верит только в собственный опыт. В этом смысле все религии мира отвлекают тебя от истины — *твоей* истины. Они подменяют твою подлинность лживой формулировкой какого-то теолога — какой-то философией, системой идей. Они обращают вас в христиан, индуистов и мусульман, но не трансформируют ваши существа в религиозные.

В то мгновение, когда человек становится религиозным, он больше не часть толпы, он одинок. Даже если он стоит в толпе тех, кто одинок, толпы нет, есть лишь индивидуальности, стоящие рядом.

Это не толпа; это не церковь. Для вас нет ничего подобного Святой Библии, нет никакого морального кодекса, никаких заповедей; никто не требует, чтобы вы вели себя определенным образом, жили определенным образом, подражая Христу или Гаутаме Будде.

Это собрание людей, пытающихся найти самих себя, глубже войти в собственную реальность, чтобы отыскать истину существования, которой не найти ни в каких писаниях, ни в какой философии.

Поэтому вот первое, что нужно помнить, Маниша: религии нет как таковой, есть только религиозность.

Религиозность жива, ее сердце бьется.

Религия — это нечто мертвое, труп, который выглядит как живое существо, но это лишь труп. Он не дышит, его сердце не бьется — внутри никого нет, это пустой дом. Хозяин дома, который мог быть религиозным, покинул его, а трупы не могут быть религиозными.

Ты никогда об этом не думала? — когда человек умирает, как решить, индуистский этот труп, мусульманский или христианский? На каких основаниях? Потому что труп не может верить. Труп не может действовать, не может каждое воскресенье ходить в церковь. Положишь ли ты труп в могилу или на погребальный костер, ему нечего об этом сказать, он не скажет ни да, ни нет.

И все же организованные религии разделяют даже трупы. Они командуют тобой не только в жизни, но даже в смерти. Они не оставляют тебе никакой свободы — даже свобода смерти у тебя отнята. Ты должна быть только подражателем.

Во-вторых, ты спрашиваешь: «Согласно моему словарю, культ — это религия, считающаяся мятежной или незаконной — незаконной в значении «незаконнорожденный, ублюдок».

Не правильно ли сказать, что настоящий дух религиозности может быть только мятежным и всегда вдохновляем союзом любви, а не рождается из узаконенного контракта?»

В Германии мои саньясины боролись с немецким парламентом в двух судебных процессах, потому что там продолжают называть моих людей словом «культ». Христианство — это религия; мои люди не религиозны, они всего лишь культ, мятежный, незаконный. В двух судах мы выиграли дело, и парламент не имеет права называть нас словом «культ» в уничижительном смысле, и суды постановили, что слово «культ» не должно к нам применяться. Они могут называть нас «новым религиозным движением», но не «культом».

И все же парламент продолжает называть нас «культом».

Я хотел бы сказать своим людям, и не только в Германии, но и во всем мире: не стремитесь называться «религией». Слово «религия» оскорбительно! Зачем заботиться о словарях? Почему бы не прислушаться к собственному опыту?

Мы не религия. Мы, несомненно, не организация, ни ортодоксальная, ни мятежная. Мы просто собрание индивидуальностей, уважающих свободу друг друга.

Христиане всегда ругали словом «культ» религии, которые считали неправильными. Каждая религия мира считает истину и правоту своей монополией. Если ты не состоишь в их толпе, ты не можешь быть религиозным, правдивым, искренним, честным; ты теряешь в их глазах все достоинство. Христианство считает себя единственной подлинной религией.

Фактически, оно родилось с рождением Иисуса Христа — самое что ни на есть незаконнорожденное! Ничто не может быть незаконнорожденнее христианства во всех его формах. Оно незаконно — само рождение Иисуса незаконно. Кто и когда слышал... «Святой дух», лишающий девственности бедную молодую девушку... и претензия Иисуса на то, что он «единственный сын Бога». В этом нет ни тени оснований. Он не может доказать это логически. Он обычный сын плотника. Он ничего не знает о религиозности. Он родился евреем, жил евре-

ем и умер евреем. Он не знал, что великое христианство родится из его распятия.

Оно и не слишком обосновано. Будда разъяснил, как шаг за шагом, трансформировать себя. Христианство — это просто сборник высказываний двенадцати необразованных, неграмотных учеников, которые стали апостолами. Если очень постараться, в четырех евангелиях можно найти достаточно религии, чтобы заполнить почтовую открытку, потому что это разные версии одной и той же истории. Четыре версии воспоминаний об одном и том же Иисусе, его распятии, его словах.

А я говорю, что у Иисуса вообще не было никакого религиозного опыта, потому что для меня вот что такое фундаментальный религиозный опыт: Бога нет. Как глупо само выражение «единственный сын Бога», а на нем основывается все христианство!

Религиозность не зависит ни от какого учения, ни от какого знания. Религиозность — это *твое* цветение; это раскрытие твоего собственного сердца в розу. Это твоя собственная подлинность. Это не культ и не религия. Если человек хочет сохранить в языке слово «культ», культурами будут все религии.

Опыт Гаутамы Будды был религиозным, но люди, на которых произвела впечатление его благодать, красота и сострадание, основали религию. Она не была основана самим Гаутамой Буддой; это культ. Если слово «культ» что-то и значит, то все религии — это культы, мертвые вещи, мертвые воспоминания о каком-то живом опыте, с которым ты столкнулся, но который не твой собственный.

Ты видел в глазах Гаутамы Будды что-то такое, что можно назвать только чудесным, нечто за пределами всех обычных переживаний. Ты видел в его лице нечто из-за пределов этого мира. Под этим впечатлением ты организовал культ. Ты назвал его религией.

Поэтому мы можем сказать, что каждый раз, когда случается религиозный опыт, когда в каком-то существе происходит взрыв религиозности, вокруг него рождается культ. Культ — это не твой опыт, это опыт кого-то другого. Это не твоя собствен-

ная история; это выражение кого-то другого, которое произвело на тебя впечатление.

Действительно разумный человек никогда не живет в соответствии с жизнями других людей, как бы ни велики были эти жизни, — потому что каждый должен прожить свое собственное уникальное существование. Ты должен быть самим собой. Ты не можешь быть Иисусом, не можешь быть Буддой, не можешь быть Мансуром; ты можешь быть только тем, что ты есть.

Религия — это толпа, собирающаяся вокруг мертвого тела испытывавшего опыт человека. Она не становится живой, потому что это собрание вокруг мертвого тела испытывавшего опыт человека. Все церкви мертвы; кладбища индивидуальностей, коснувшихся центра своих существ. Эти религии не должны даже называться религиями, потому что это слово создает путаницу. Оно так близко к «религиозности», что лучше было бы просто называть организованные религии культурами.

Что касается религии, никогда не было никакой религии и никогда не будет. Есть только религиозные люди. И религиозный человек не присоединяет к себе никаких прилагательных. Он любящий, он правдивый, он честный, он бесстрашный; его жизнь — это празднование, постоянное празднество. Он знает саму тайну существования, потому что сам является его частью. Религиозные люди были... и именно такими я хотел бы видеть вас.

Никогда не становитесь религией. Оставайтесь индивидуальностями, ищущими и исследующими собственную истину, красоту, благодать.

Если бы все религии мира рассеялись, — а их нужно рассеять, потому что это бедствие, рак на человеческом сознании и его росте; отвлечение, обман, — тогда было бы лишь несколько религиозных существ, здесь и там в темной ночи, как звезды, сияющие, придающие тебе сил и показывающие, что то, что возможно для другого человеческого существа, возможно и для тебя. То, что скрыто в одной индивидуальности, скрыто и в тебе. Это твое скрытое великолепие. Кто-то осознал его, а ты крепко спишь.

Религиозность не имеет ничего общего с ортодоксальностью. Несомненно, она не может быть ортодоксальной. «Ортодоксальный» значит «следующий традиции, следующий другим, следующий наследию, следующий старому и мертвому». Она даже не *мятежна*, она просто свежа. Она не *против* ортодоксального, не антиортодоксальна, она просто свежа.

Просто наблюдай, как растет роза — думаешь ли ты, что она следует программе, оставленной другими розами? или она абсолютно свежа? Она ничего не знает о других розах. Миллионы роз цвели до нее, миллионы расцветут после, но, что касается ее существования, оно свежо, уникально, в настоящем — ни за прошлое, ни против него. Роза совершенно не заботится о прошлом.

Религиозный человек не только не ортодоксален, он так свеж, что не может быть даже *мятежным*. Об ортодоксальности нет и речи. Он просто остается самим собой.

Ты спрашиваешь, Маниша: «...и он всегда вдохновляет союзом любви, а не рождается в узаконенном контракте».

Это очень поэтично, но истина в том, что это не союз, ни любовный, ни узаконенный. Это открытие того, что уже есть у тебя внутри. У тебя это есть но ты забыла. Конечно, это ближе к любовному роману, чем к браку. Но, по существу, его достаточно самого по себе, без всякого союза с другой сущностью. Это воспоминание самого себя.

Конечно, так называемые религии продолжают называть все другие религии незаконнорожденными... потому что они не родились от незамужней женщины и Святого Духа! Но каждая религия думает одно и то же: «все остальные незаконнорожденные». Истина в том, что все они незаконнорожденные, потому что истина — это не брак и не рождение. Истина уже есть в существовании, вы должны только раскрыть глаза.

Но, конечно, религии, которые есть сама ортодоксальность, обязательно будут думать о других...

Например, меня сотни раз спрашивали, к какой религии я принадлежу. Я говорил:

— Странно, почему я должен принадлежать к какой-то религии? Я принадлежу к самому себе.

Но когда я так отвечал, эти люди чувствовали себя очень странно, потому что они думают, что религия должна быть узаконенной: ты мусульманин или христианин? Тогда они удовлетворены, но если ты ни к чему не принадлежишь, они чувствуют себя немного неловко. Они чувствуют, что ты заблудшая душа. Ты должен принадлежать к какой-то религии и иметь на себе законный штамп.

Но, фактически, принадлежать к какой-то религии или политической партии, к любого рода организации — значит разрушать собственное достоинство. Люди ненавидят толпы, но все продолжают жить в толпах. Они не могут набраться храбрости остаться в одиночестве и стоять под открытым небом без всякой компании.

Одного их существа достаточно самого по себе.

Мендель Кравитц приходит в хирургический кабинет доктора Бонса.

— Док, — говорит Мендель, — мне кажется, у меня грипп.

— Очень хорошо, — говорит Бонс. — Просто покажите язык и высуньте голову в окно.

— Что? — говорит Мендель. — И, по-вашему, от этого мне станет легче?

— Вряд ли, — отвечает Бонс, — но я терпеть не могу свою жену, которая живет через дорогу.

Мойше и Руты Финкельштейн смотрят в театре очень грустную пьесу. Это мелодрама о влюбленной паре, и одна трагическая сцена следует за другой.

Еще не закончился первый акт, а каждая женщина в театре вся в слезах. Но Мойше невозмутим.

— Смехотворно! — восклицает он каждые пять минут. — Абсолютно смехотворно!

И вот начинается сцена, в которой героиня умирает в объятиях своего возлюбленного, и Рути начинает громко рыдать. Мойше смеется.

— Послушай! — кричит в гневе Рути сквозь слезы. — Если тебе не нравится пьеса, почему бы тебе не пойти домой и не позволить хотя бы мне радоваться жизни?

Наша бессознательность так глубока... было бы чудом, если бы все были пробуждены; весь мир выглядел бы совершенно по-другому. Лишь иногда тебя посещает проблеск пробуждения. Но ты не следуешь этому проблеску; ты снова устраиваешься поудобнее в своем страдании, в своем несчастье.

Очень печальна история человечества, гордящегося своим страданием. Люди постоянно говорят о своих болезнях — о своих проблемах, страданиях, ранах. Кажется, если бы не было ни ран, ни страданий, ни проблем, вы пришли бы в растерянность: что делать, куда идти? В мире воцарилось бы абсолютное молчание.

Но люди наслаждаются и преувеличивают. У них может быть одна небольшая проблема, но они преувеличивают эту проблему до таких размеров, что, кажется, если решить их проблему, в мире больше не будет проблем. И кроме проблем у людей есть и решения: если последовать их решениям, все будет хорошо. И не только маленькие люди — так называемые лидеры человечества, и никто не делает себе труда увидеть их глупость.

В Индии все *шанкарачарьи*, индуистские святые, постоянно говорят, что должно быть запрещено убийство коров. Это единственная проблема: убийство коров.

Я говорил с двумя или тремя шанкарачарьями:

— Только послушайте. Если прекратить убийство коров, думаете ли вы, что исчезнут все проблемы мира? Что будет с экологическими проблемами, черными дырами в космосе? Что будет с такими болезнями, как СПИД?

Они просто разводили руками и говорили:

— Это не главное... Прежде всего, нужно запретить убийство коров.

Это величайшая проблема, и у них есть для нее прекрасное решение. Фактически, они создают еще больше проблем. Еды у людей уже недостаточно; есть люди, которые едят других людей, а эти идиоты продолжают говорить о том, что убийство коров нужно запретить. Мы пока еще не смогли запретить даже убийство людей!

Лишь несколько месяцев назад правительство Палестины было вынуждено уступить требованиям людей... были большие беспорядки; люди умирали, им было нечего есть, и они хотели, чтобы правительство разрешило им есть мертвых. Какой смысл класть их в могилу? Такая хорошая, вкусная еда, уже готовая, и какая глупость — если люди умирают...

И эти шанкарачарьи даже не знают, что палестинское правительство постановило, что можно съесть человека, но только если он умер, не раньше. То есть если посмотреть немного сквозь пальцы... Это просто значит: сначала убей, *потом* съешь. Если ты умираешь сам, хорошо; иначе тебя убьют. И так и происходит. Теперь в Палестине есть магазины, продающие человеческую плоть. Не так много людей умирает, и есть банды, убивающие детей, а когда кто-то умирает, его тело съедено прежде, чем полиция может найти, кто его убил. А когда суд приходит к заключению, что этот человек совершил преступление... его тоже отдадут на съедение другим людям! Потому что еды так мало... а если люди прекратят убийство коров, ее будет еще меньше.

Я не поддерживаю людей, которые едят коров, но это не решение. Я хочу сказать, что это не решит всех проблем, с которыми сталкивается человек.

Но царит такой глубокий сон...

Махатма Ганди думал, что все проблемы будут решены, если каждый будет целыми днями крутить прядильное колесо. Он прожил всю жизнь за прядильным колесом — и ничего не решено; он просто умер. Теперь его прядильному колесу поклоняются. Это было его решением для всего человечества: «воз-

вращение к природе». Он был против таких невинных вещей... против электричества.

Вы представить себе не сможете, что он был против таких вещей, как москитные сетки, потому что они мешают есть миллионам комаров — а это их право от рождения. И правда, такая хорошая еда, целый ресторан... они умирают в попытках войти в этот ресторан.

В его собственном ашраме москитные сетки не разрешались. Они были против бедных комаров. Он нашел другое решение: керосиновое масло. Каждый должен был мазать им лицо, руки и все, что не закрыто одеждой. Я сказал:

— Боже мой, как вы можете спать! Такой запах! Даже комары к вам не подлетают — они разумнее! Как вы будете спать?

Но, могут они спать или нет... такие глупые предложения. Один из премьер-министров Индии, Морарджи Десаи, думает, что все проблемы будут решены, если каждый начнет пить собственную мочу. И на этом дело не остановится; если ты начал пить свою мочу, почему бы не начать пить мочу других? Когда приходит гость, предложи ему: «Выпей чашечку мочи!» Этот идиот пил свою мочу сорок лет, но ни одна проблема не решена. И я не думаю... как исчезнет ядерное оружие? Но это его уникальное решение.

Всегда были люди, которые предлагали решения — такие детские — а человечество так крепко спит, что продолжает их слушать. И некоторые даже им следуют. Проблем продолжает становиться все больше и больше.

Есть лишь одно решение: люди должны стать более осознанными. Эта осознанность и есть религиозность.

У Харви Хершфильда и Поля Перлманна было небольшое ателье в Иерусалиме. Дела шли плохо, так плохо, что они подумывали о продаже ателье.

Однажды Харви прибежал с газетой в руках и показал ее своему партнеру. В ней было объявление правительства Израиля. Правительство предлагало сто долларов за каждого мертвого араба.

Партнеры закрыли ателье, закупили снаряжение и оружие и отправились в пустыню.

Прошла неделя, но они никого не встретили; но однажды утром Харви проснулся и увидел у себя под носом пистолет.

Медленно оглянувшись по сторонам, он видит, что они со всех сторон окружены тысячами арабских солдат, вооруженных до зубов.

Харви трясет за плечо своего партнера, храпящего рядом: — Поль, просыпайся! Мы богаты!

Хамиш Мак-Тавиш и Сэнди Мак-Ферсон пили всю ночь, и в конце концов у них кончились деньги.

— У меня есть идея, — говорит Хамиш, — давай пойдем ко мне и одолжим денег у моей жены.

И вот они бредут к дому Мак-Тавишей. Они входят вовнутрь, включают свет и видят на диване жену Мак-Тавиша, занимающуюся любовью с незнакомым мужчиной.

Сэнди очень смущен, но Хамиш подходит прямо к Мэгги.

— Не найдется ли у тебя немного денег, — говорит он, — для вечно любящего мужа?

— Да, да, — выпаливает Мэгги. — Возьми мой кошелек, и ради бога, выключи свет!

Снова выйдя из дома, Хамиш вытряхивает содержимое кошелька на ладонь Сэнди.

— Отлично! — говорит Хамиш. — Здесь достаточно, чтобы купить по пинте пива на каждого.

— Но, Хамиш! — говорит Сэнди. — А как же тот человек, который там, с твоей женой?

— Ну его к черту! — выпаливает Хамиш. — Пусть сам платит за свое пиво!

Польский Папа прибыл в Вашингтон для встречи с Рональдом Рейганом. Его пригласили в Белый Дом и провели в прекрасные апартаменты. Но, войдя в спальню, он увидел,

что там лежит красивая девушка в чем мать родила. Папа в бешенстве. Он снимает трубку и звонит в контору Рейгана.

— Что значит эта выходка, ты, американский придурок? — кричит Папа. — Как ты смеешь так меня смущать? Я Его Святейшество Папа, и у тебя хватает наглости так меня унижать! Я отсужу у тебя каждый доллар, который только есть в твоём кармане!

В этот момент дама поднимается в постели и начинает одеваться. Поляк оборачивается к ней и говорит:

— Одну минуту, мисс, я не к вам обращался!

Хорошо, Маниша?

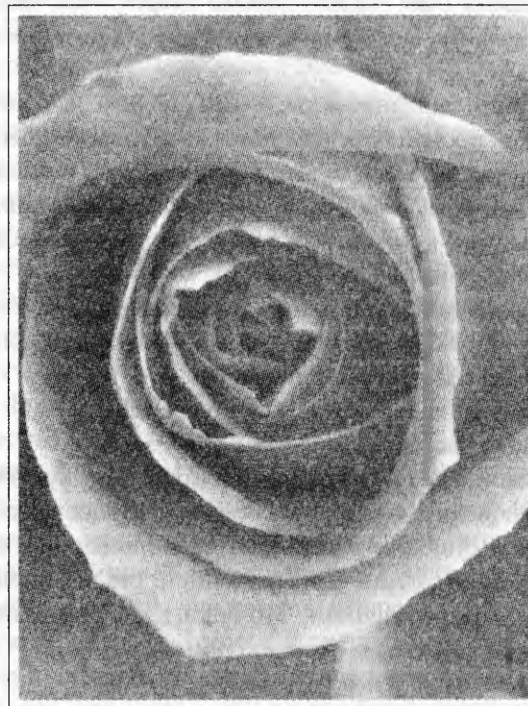
Да, Ошо.

Теперь две минуты молитвы. Сначала совершенно застыньте — никакого движения, никакого шума, как будто в Будда-холле никого нет.

А теперь *отпустите*.

Теперь... возвращайтесь к жизни.

Просветление — не торгуясь

Те, кто стал просветленным, не достигли этого, потому что это не достижение. Они его не изобрели, потому что оно не имеет ничего общего с воображением, умом. Они его никогда не находили, потому что, прежде всего, они его никогда не теряли. Ты просветленный в это самое мгновение.

Любимый Ошо,

Я Твой саньясин уже год. Я медитирую, наблюдаю и делаю все, что кажется правильным; все же возникает сильная боль.

Любимый Ошо, сколько времени потребуется, чтобы стать просветленным, и действительно ли существует просветление?

Чогананд, существование — это не цель, до которой ты должен пройти определенное расстояние. Существование не там, оно всегда здесь. Существование нельзя описать как то, но только как это. В то мгновение, когда ты задаешься вопросом, сколько на него потребуется времени, ты вносишь множество осложнений.

Во-первых, нет такой техники, которая приносила бы просветление — а «как» означает технику. И когда ты говоришь: «как долго ждать...», ты вносишь и время.

Существование ничего не знает о времени.

Это всегда настоящее.

Оно никогда не было прошлым и никогда не будет будущим.

В то мгновение, когда ты касаешься реальности настоящего, роза в твоём существе раскрывает свои лепестки. Ты можешь назвать это как угодно — просветлением, реализацией, существом. Но одно определено — это никогда не становление.

Ты не можешь стать просветленным.

Либо ты просветленный, либо нет.

Расстояние между этими двумя возможностями огромно. Невозможно перебросить через него мост.

Те, кто стал просветленным, не достигли этого, потому что это не достижение. Они его не изобрели, потому что оно не имеет ничего общего с воображением, умом. Они его никогда не находили, потому что, прежде всего, они его никогда не теряли.

Ты просветленный в это самое мгновение.

Но, задавая вопрос: «Сколько времени потребуется, чтобы стать просветленным?», ты откладываешь просветление. Я говорю, что ты просветленный в это самое мгновение, а ты говоришь: «В это самое мгновение? Но у меня есть подружка, и мы только что познакомились. И у меня столько проблем, которые нужно решить: у меня украли взятый напрокат велосипед...»

Что случилось? — спроси Вимала, что случилось с его шапкой а-ля Ганди, рубашкой а-ля Неру и безмянными штанами? Никогда раньше его не видели в таком платье. Это платье, несомненно, принадлежит человеку, у которого украли прокатный велосипед. Его украли женщина вместе с деньгами и всем остальным, и с того самого дня Вимал ведет себя как женщина. Как раз в тот день с беднягой случилось великое прозрение. С тех пор он избегает женщин.

Но, избегая женщин, ты не вернешь прокатный велосипед и деньги. Лучше всего, вместо того чтобы беспокоиться о просветлении, завести себе действительно кошмарную подружку. И через считанные минуты ты начнешь становиться просветленным! Людям давали тысячи методологий; я даю простейший метод: просто найди кошмарную женщину.

Это нетрудно, потому что любая женщина, как только ты ее находишь, становится кошмарной. Они великие актрисы. Когда они далеко, они выглядят такими милыми, что ты готов отложить просветление. Зачем торопиться? Но стоит девушке подойти поближе, как ты чувствуешь, что попал в клетку, деньги исчезли, велосипеда не стало, и даже рубашка... этот парень с тех пор не появлялся. Да и как ему появиться? Прокатного велосипеда нет, денег нет, и он сидит в бамбуковой хижине, голый, просветленный!

Хочешь быть просветленным? Просто найди его бамбуковую хижину. Просто отдай ему свою одежду, деньги и прокатный велосипед и скажи:

— Теперь ты можешь найти какую-то женщину, а я хочу побыть просветленным. Ты был просветленным достаточно долго, почти три дня.

Йогананд, просветление — это не желание — и тебе придется понять разницу между жадой и желанием. Ты желаешь денег, ты желаешь власти, ты желаешь тысячу и одну вещь. Но когда тебе хочется пить, жажда — это не желание; это стремление, исходящее из каждой клетки твоего существа. Потерявшись в пустыне...

Саньясин задал Александру Великому вопрос... потому что Александр объявил саньясину, что он «Великий».

Саньясин стоял голый на берегу реки. Он рассмеялся. Он сказал:

— Я никогда не встречал такого глупого человека, как ты, который называл бы себя великим. Лишь те, кто мал, думают, воображают, желают, пропагандируют свое величие. Но те, кто действительно велик, даже не знают о своем величии. Величие в невинности. Зачем ты пришел ко мне?

Александр дрогнул. Он не дрогнул бы перед великими армиями; даже горы не остановили бы его. Но у этого голого человека было такое сильное существо, такая аура и такое присутствие. И то, как он ему сказал: «Ты глуп и все еще страдаешь комплексом неполноценности; поэтому ты называешь себя Александром Великим. Достаточно просто Александра. Но в чем твоя цель?»

Александр сказал:

— Мой учитель, Аристотель из Греции, попросил меня, чтобы на обратном пути из Индии я привез саньясина.

Старый саньясин снова рассмеялся. Он сказал ему:

— Скажи своему так называемому учителю, что саньясин — это не что иное, как он сам, — и в твоём учителе тоже есть это существо. Его не нужно привозить, импортировать. Просто посоветуй ему быть в молчании, мире и без желаний, смотреть вовнутрь, и он найдет меня.

Александр не смог понять его языка. Фактически, Аристотель не был мистиком. Он был логиком, великим философом, но никогда не думал о чудесном, о том, что иррационально, но

существует, — о таинственном, неведомом, которое всюду вокруг.

Оно и внутри, и снаружи тебя.

И прежде всего его нужно пережить внутри, потому что это ближайшая точка.

Если сказать другими словами, Йогананд:

Ты просветление, если ты ничего не желаешь — просветления в том числе. Ты просто в молчании и без желаний — ни стремления, ни будущего, просто этого мгновения достаточно самого по себе — и роза раскрывает свои лепестки.

Но вместо того чтобы смотреть вовнутрь, ты смотришь вдаль, может быть, в Иерусалиме, может быть, в Каши или Тибете... где-то должно существовать просветление. Сколько времени потребуется, чтобы туда добраться?

Ты уже там, тебе не нужно ничего достигать.

В этом все мое учение — ты уже то, чем хочешь быть. Ты никогда не был ничем другим.

Невозможно быть ничем другим, кроме того, что ты есть. Просветление — это только реализация этого факта, пробуждение и видение истины человеческого существа, его красоты, бессмертия. Тысячи цветов распускаются в твоём существе. Велика музыка, которая продолжается в глубочайших молчаниях сердца.

Ты можешь сидеть неподвижно, но существование продолжает танцевать в твоём сердце. В каждом его биении ты слышишь, ты чувствуешь — это ты. Ничего больше нельзя об этом сказать.

Тебе не нужно никуда идти и не нужно ничего делать. Все это способы держаться вдали от своего существа. Но вместо того чтобы заглянуть вовнутрь себя, ты спрашиваешь: «Действительно ли существует просветление?»

Ты желал целый год, медитировал, наблюдал, и в тебе возникает великая боль: «Прошел целый год, а просветление еще не появилось. Даже не постучалось в дверь, не прислало никакого уведомления, когда придет Его Честь». Естественно, возникает подозрение: «В своем ли я уме? или я просто жду чего-то такого, чего вообще не существует?»

Существование не существует отдельно от тебя; поэтому ты не можешь его найти. Если хочешь быть просветленным, *будь* просветленным.

Однажды я решил быть просветленным. С тех пор много раз я пытался не быть просветленным; таким образом это не работает. Поэтому я тебя предупреждаю: если ты решишь быть просветленным и осознаешь в это самое мгновение, и просветление с его красотой, благодатью... тогда помни, обратно хода нет! Нет обратного пути, нет передачи заднего хода. Ты не можешь сказать: «На несколько дней я уйду в отпуск».

Просветление не знает отпуска.
Я пытался изо всех сил. Даже во сне оно меня не покидает. Но кто захочет его покинуть? Кто захочет быть другим, не просветленным?

Не говори больших слов, потому что они обманчивы. Просветление, *мокша*, нирвана, спасение, самореализация... все это великие слова, которые заставляют тебя чувствовать, что твои руки очень малы; они мало могут. А просветление кажется такой дальней звездой, ты не можешь надеяться... Может быть, может Гаутама Будда — и то под вопросом, потому что, кто знает, был ли он действительно просветленным или просто начал говорить людям: «Я просветленный».

Как и я. Откуда ты знаешь, что я просветленный? Все, что ты знаешь, — это что однажды я начал говорить: «Я просветленный». И с тех пор у меня не возникало никаких сомнений: просто обдумай еще раз, действительно ли я просветленный? Я никогда не пересматривал этот факт.

И когда ты спрашиваешь, мне грустно, потому что я ничего не могу сделать, чтобы сделать тебя просветленным. Только кричать тебе в уши: Ты *уже* это! *Вот* оно!

Эта реальность не вдалеке от тебя, не отдельно от тебя, но в самом биении твоего сердца, в твоём дыхании, в твоём сознании, в самом твоём существе. Как только ты отбрасываешь большие слова, изобретенные писаниями и философиями, становишься простым и скромным и смотришь внутрь себя, оно здесь. Оно в твоём смехе, в твоих песнях, в твоём танце. Никто

не может дать его тебе, и никто не может отнять. Нет способа его найти, потому что ты никогда его не терял.

Я никогда не соглашался с Иисусом Христом в одном. Он говорит: «Ищи и найдешь». Я не согласен категорически, абсолютно. Я говорю: «Не ищи; иначе никогда не найдешь. Не ищи и найдешь». Поиск удерживает тебя от нахождения. Искомое находится в самом искателе. Где ты собираешься искать?

Иисус говорит: «Проси и будет тебе дано». Кто его даст? И если бы все было так, будто ты кланчишь что-то у Бога, который постоянно прячется в облаках или где-то на звездах, как вор... именно это делают все религии: молятся. Дело не в том, чтобы просить.

Не проси.
Просто будь в молчании, и ты — это.
Ты — ответ. Ответ не придет больше ниоткуда.

Иисус говорит: «Стучи, и двери откроются». А я вам говорю: двери всегда были открыты. Нет смысла стучать в открытую дверь, и если ты стучишь, это значит, что ты стучишь в какую-то стену. Дверь открыта.

Я говорю тебе: дверь открыта, входи. Войди. Существование зовет; нет никаких преград. Существование хочет пригласить тебя в гости.

Йогананд, раз ты все равно просветленный... принимаешь ты это или нет, не важно; я принимаю тебя как просветленного. Даже если у тебя есть подружка, ты можешь быть просветленным, потому что я не вижу, как просветление может быть потревожено подружкой — или прокатным велосипедом, или твоими глупо выглядящими хлопчатобумажными штанами. Просветление не имеет ничего общего со всеми этими вещами — даже если на твоём велосипеде лопнула шина. Ты думаешь, просветление тоже лопнуло?

— Доброе утро! — говорит Мендель Кравитц, входя в ателье Голдберга и Финкельштейна. — Я пришел в этот магазин, потому что не люблю торговаться.

— Вы пришли в правильное место, — говорит Хайме Голдберг.

— Правильно, — соглашается Мойше. — У нас строго фиксированные цены.

— Отлично, — говорит Мендель, — мне нравится вон тот стеганный костюм в витрине. Сколько он стоит?

— Как мы договорились, — отвечает Мойше Финк, — мы не будем валять дурака и торговаться. Мы попросим за него не триста долларов, и даже не двести пятьдесят.

— Правильно, — соглашается Хайме, — мы предложим вам лучшую цену: двести тридцать долларов.

— Ладно, — говорит Мойше, — с вами, ребята, приятно иметь дело, и именно поэтому я здесь. Я не буду валять дурака и предлагать вам сто пятьдесят долларов за этот костюм; я даже не предложу сто семьдесят пять. Я сразу перейду к делу и предложу вам двести долларов.

— Костюм ваш, — говорит Хайме, — за двести десять.

— Я его беру.

Есть люди, которые не знают, что делают. Обе стороны отрицают, что торгуются, и обе стороны торгуются, и все они верят, что никакой торговли не происходит! Такой сон — это единственная преграда, если его можно назвать преградой. Она очень тонка. Люди ее не видят, продолжают делать, что и прежде, и отрицать это. И они не видят, что их отрицание абсурдно. Почему ты ищешь просветления, Йогананд, когда я тебе говорю, что ты просветленный? Просто согласишься! Какой смысл торговаться?

Ты пришел в правильное место. Где еще ты можешь получить просветление, не торгуясь? Просто будь немного разумным.

Луиджи привозит беременную жену в больницу, и она рождает близнецов. Во время родов Луиджи теряет сознание, и, согласно семейной традиции, его брата Альфредо вызывают, чтобы дать имена детям.

— Мой брат назвал детей? — кричит Луиджи, придя в себя. — Но мой брат такой идиот! Как он назвал девочку?

— Де-нис-а, — отвечает медсестра.

— Дениса? — говорит удивленный Луиджи. — Ну что же, это не такое уж плохое имя. На самом деле оно мне очень нравится. А как он назвал мальчика?

— Мальчика, — отвечает сестра, — он назвал да'нефью*!

Такой великий разум правит всем миром. И все эти люди обладают такими же способностями и тем же потенциалом, что и все остальные, но никогда их не используют. Фактически, они не верят, что они у них есть.

Тебе снова и снова нужно напоминать, иногда насильно: «Прими, что ты просветленный!» Пока к твоему носу не поднесут заряженный пистолет, ты не согласишься. Но, увидев пистолет, ты скажешь: «Да, я просветленный и всегда был просветленным. Что в этом нового? Только убери этот пистолет». Я всегда думал, что мне следует купить пистолет, чтобы, когда приходят такие люди, как Йогананд, я мог поднести к их носу пистолет... потому что, к счастью, у меня здесь много длинноносых людей. И они проснутся, только когда увидят: «Боже мой, это не камера, это пистолет! И позади не Нискрия. Позади самый опасный человек на земле! Лучше согласиться со всем, что он говорит».

Однажды утром в газете появляется объявление о том, что требуется индивидуум, умеющий печатать, писать под диктовку, программировать компьютер и говорить больше чем на одном языке.

Первым кандидатом на работу оказалась собака. Собака могла печатать со скоростью сто сорок слов в минуту и прекрасно писала под диктовку. И она не только умела программировать компьютер, но и написала несколько учебников по программированию.

Когда собака продемонстрировала все свои навыки, босс сказал:

* The-niece-a: племянница; the nephew: племянник.

— Я поражен вашей квалификацией. Только один последний вопрос: как насчет языковых требований?

Собака посмотрела на него и сказала:

— Йаа-Хуу!

Только этих двух слов достаточно, чтобы выполнить требование о знании двух языков.

Йогананд, ты все еще не просветленный? Просто подними руку и скажи «Йаа-Хуу!».

Не колеблясь ни секунды, Йогананд подчиняется. Ошо присоединяется к общему смеху...

Это великий вечер! Хотя бы один из вас стал просветленным, хотя и под дулом пистолета. Но это неважно; люди становятся просветленными в разных условиях.

Миссис Забриски входит в спальню своего сына, включает свет и грубо его трясет.

— Вставай, — говорит она, — тебе пора в школу.

— Но мама, — стонет сын, — я не хочу идти в школу.

— Уже восемь часов, — говорит миссис Забриски. — Ты должен идти.

— Но, мама, я ненавижу школу, — говорит он, — дети меня не любят, завуч меня не любит, даже учителя меня не любят.

— Ты должен идти, — говорит миссис Забриски. —

В конце концов тебе сорок лет и ты директор.

Кто-то должен тебе напомнить, кто ты такой: тебе сорок лет и ты директор. Теперь Йогананда будет приветствовать каждый, куда бы он ни пришел. По крайней мере он больше не сможет спросить: «Что такое просветление?» Я так счастлив, что избавился хотя бы от одного.

Фермер Джонс и его жена Бетти отвезли свиней на соседнюю ферму для случки. Пока свиньи занимались делом, Джонс спросил соседа:

— Как мы узнаем, была ли случка успешной?

Ему сказали, что если свиньи едят траву, значит, случка была успешной. Если свиньи катаются в грязи, случка не была успешной.

Через несколько дней Джонс садится завтракать и спрашивает Бетти:

— Они едят траву или катаются в грязи?

— Катаются в грязи, — отвечает Бетти.

Они снова сажают трех свиней в машину и снова везут на соседнюю ферму для случки. Через пару дней Джонс снова спрашивает Бетти:

— Что они делают?

— Опять катаются в грязи, — отвечает Бетти.

Джонс очень разозлился и говорит:

— Боже мой! Мне сегодня нужно сделать столько работы, но давай посадим их в машину и снова туда отвезем.

Проходит еще три дня, Джонс спускается к завтраку и спрашивает:

— Бетти, они катаются в грязи или едят траву?

— Ни то, ни другое, — отвечает Бетти. — Они сидят в машине и сигналият!

Я надеюсь, Йогананд покажет, по крайней мере не меньший разум. Какой смысл снова и снова кататься в грязи? Нужно просто посигналить и поехать! Даже свиньи поняли трюк.

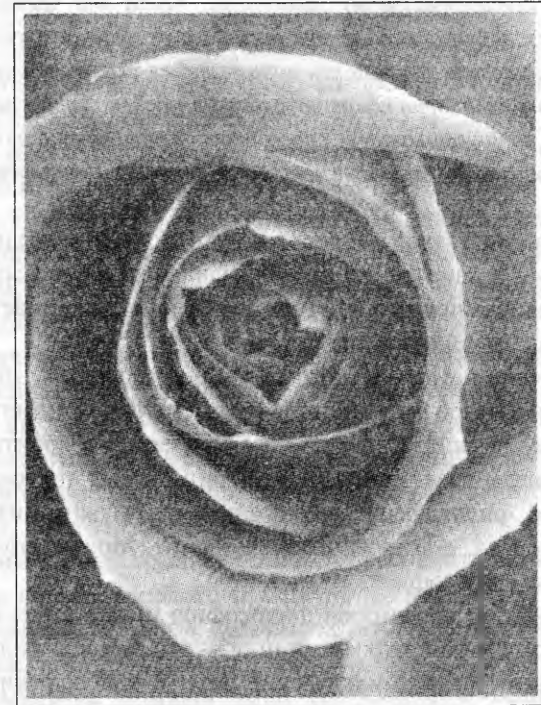
Две минуты будьте в полном молчании, никакого движения. Лишь если вы совершенно неподвижны, вы можете испытать опыт глубочайшего центра. Соберите энергию. Не тратьте ее ни на малейшее движение, перемену позы. Теперь расслабьтесь...

Ладно, возвращайтесь обратно.

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Наслаждайся своим совершенством

Прямо сейчас, из-за твоего желания и сна, это не совсем то, что ты видишь. Ты смотришь сквозь линзы своих очков: если они окрашены, мир выглядит окрашенным. Каждый носит окрашенные очки. ...Осознанность удалит эти окрашенные очки... Ты сможешь увидеть реальное, как есть.

Любимый Ошо,

Хуань По, дзэнский мастер девятого века, сказал: «Обычные люди потакают себе в концептуальном мышлении, основанном на явлениях окружающей среды; поэтому они чувствуют желание и ненависть. Чтобы уничтожить явления, просто положи конец концептуальному мышлению. Когда оно прекращается, явления окружающей среды пусты, а когда они пусты, мысль прекращается. Но если ты попытаешься уничтожить явления, сначала остановив концептуальную мысль, ты преуспеешь лишь в том, что увеличишь ее способность тебя беспокоить».

Любимый Мастер, не хотел бы Ты прокомментировать это?

Ананд Риту, твой вопрос требует небольшого введения. Хуань По мистик, но также и философ. И это создает затруднения. Он знает то, что есть но объяснять начинает так, как это сделал бы философ, не мистик.

Это очень неудачно, потому что философия — это низшая категория в мире экзистенциальных опытов. Я избегал Хуань По. Много раз я сталкивался с возможностью говорить о Хуань По, но каждый раз решал, что не стоит, потому что мистицизму не нужно философское выражение: ему нужна поэзия, ему нужна музыка, ему нужно празднование. Можно впустить талец, но не философию.

И причина, по которой философию нельзя впускать в мир мистицизма, в том, что мистицизм — это *борьба* с философией. Пытаться выразить мистические опыты философским жаргоном — значит разрушить всю красоту, поэзию и музыку; тогда ты начинаешь двигаться в пустыню, в которой ничего никогда не растет.

И хотя я знаю, что Хуань По знает, что говорит, — хотя способ и неправилен, правильно то, что он хочет сказать. Иногда случается и обратное: человек ничего не знает, но то, что он говорит, — абсолютная истина.

В этом смысле жизнь — это очень сложное явление: есть знающие, которые не знают, и невинные люди, которые знают. Есть очень тренированные философы, но из великих философских трактатов не выжать и капли истины. И есть мистики, которые просто танцевали, играли на флейте или просто сидели в молчании со своими учениками и выражали невыразимое.

Трудность с такими людьми, как Хуань По, в том, что каждый, кто заинтересован в интеллектуальном мышлении, отнесет их к категории великих философов — и, без сомнения, не ошибется. Но это не их существо. Это не сама их душа. Их душа не философская; это не пустыня, это сад, где растут розы. Это ночь, полная звезд. Это молчание, которое есть подлинная музыка, без слов, без инструментов.

Один жест мистика может сказать больше, чем целый трактат великого философа.

Хуань По попал в дурную компанию. Я хотел бы извлечь его из неподобающей ему толпы. Его подлинный опыт делает его мистиком, но, к несчастью, он говорит языком философа, и это заметно даже в этом небольшом вопросе.

Обычные люди потакают себе в концептуальном мышлении, основанном на явлениях окружающей среды.

Одно вы должны помнить: философия — это способ говорить незначительные вещи громкими словами. Они недалеко уходят; они просто ходят кругами. И они чувствуют, что путешествуют, достигают каких-то целей.

Например, в глазах мистика никто не обычен. Никто не может быть обычным. Этого просто не существует; эта категория — вымысел эгоистов, которые хотят доказать собственную необычность.

Для мистика обычное красиво. Обычное великолепно. Обычное незаурядно. Мистик не может осуждать, он может лишь спровоцировать потаенное пламя твоего существа, воспламенить тебя.

Хуань По говорит: «Обычные люди...» Я никогда не встречал ни единого обычного человека. Их не существует — у каждого собственная уникальность. Они существуют лишь для тех, кто хочет для себя особенного статуса. И он говорит, что обыч-

ные люди — это те, кто потакает себе в концептуальном мышлении, — а именно это делает он сам! — основанном на явлениях окружающей среды; поэтому они чувствуют желание и ненависть. Сушая чепуха!

Чтобы уничтожить явления окружающей среды, просто положи конец концептуальному мышлению. Когда оно прекращается, явления окружающей среды пусты.

Так философ достигает того, что у тебя внутри, — обходя кругами весь мир. Ты не концепция, ты не мысль. Ты не что иное, как чистая осознанность. Какой же смысл во всей этой чепухе?

У нее есть цель: цель в том, чтобы создать «обычных людей». И вы принимаете таких людей — которые делают вас обычными, грешниками, обывденными, посредственными — вы очень довольны и очень восприимчивы.

А когда я говорю: «Ты просветленный», ты не веришь в это! Это очень странно. Кто-то говорит: «Ты глупый», и ты никогда в этом не сомневаешься. А когда я говорю, что ты гений, ты начинаешь оглядываться по сторонам — «Боже мой, я — и гений? Я могу быть генетической ошибкой, но не гением. Может быть, он говорит о ком-то другом».

Но это случилось потому, что миллионы лет вам вдалбливали в голову, что вы обычные, и Хуань По принимает это и описывает «обычного человека»: обычный человек потакает себе в концептуальном мышлении. У обычного человека нет времени на то, чтобы потакать себе в концептуальном мышлении! Он даже не знает, что ты подразумеваешь под концептуальным мышлением. Он слушает молча, чтобы никто не заподозрил, что он не понимает. Он сидит молча и поступает мудро. Но что ты понимаешь под «концептуальным мышлением»? Видел ли ты хоть одну мысль, которая не была бы концептуальной? Концепция и мысль — это два названия одного и того же процесса мышления, основанного на явлениях окружающей среды.

Теперь ты скажешь: «Боже мой, вот это настоящая философия!» В лицо Хуань По ты не смог бы смеяться; ты был бы очень печальным и серьезным и притворялся, что понимаешь,

о чем он говорит. А я хочу вам сказать: даже *он сам* не понимает, что говорит. Но эти громкие слова стали монополией философов. Если они не используют громкие слова, никто не будет принимать их за философов.

Это происходило при жизни Гегеля, великого немецкого философа. Никто не понимал, о чем он говорит, — включая, я абсолютно уверен, его самого. Но он очень умно использовал длинные слова, одно слово длиной почти во всю строку — даже прочитать его трудно — одно предложение длиной во всю страницу. К тому времени, как ты достигаешь конца, ты уже забыл, с чего начал. И поскольку никто его не понимает, должно быть, он великий человек.

Эта простая логика преобладает в мире: если хочешь, чтобы люди тебя хвалили, сделай так, чтобы тебя никто не понимал. Не говори простым, прямым, непосредственным языком; используй такие слова, чтобы человеку приходилось десять раз за страницу лезть в словарь. В конце концов он отбросит идею о понимании; он знает, что ты великий человек.

Что такое «явления окружающей среды»?

Этот дождь, эти облака, эти ветры — все это явления окружающей среды. Но если ты скажешь: «Дождь, облака, реки, океаны...», то не сможешь стать великим философом.

У философии есть свой язык. Его понимают только философы. Фактически, никто не знает, понимают ли его они сами. Гегель почти сто лет оставался величайшим философом в мире, потому что никто не мог его понять. Потом исследователи долго копались в его трудах и обнаружили, что в нем ничего нет; этот человек был просто циркачем. Он очень умно использовал длинные слова там, где они были не нужны.

В моей деревне жил один брамин. У него были не все дома. Это уникальный вид людей. Он никогда не был в университете, но своим языком мог посрамить любого профессора. И все, что он сделал, — это выучил на память Большой оксфордский словарь — не беспокоясь о том, что значат слова, — и его единственным занятием было писать письма на десять или двадцать

страниц премьер-министру и президенту. Конечно, на них никто не отвечал, потому что никто не мог понять: «Что он хочет сказать?» И он очень злился.

Я сказал ему:

— Сделай одну вещь: напиши все письмо, а потом добавь к нему небольшое краткое содержание, чтобы человек, к которому ты обращаешься, мог его понять. И если он заинтересуется, то прочтет все тридцать страниц.

— Это очень трудно, — сказал он.

— В чем же трудность?

— Я сам не понимаю, что я пишу! Я точно, как попугай. Решив, что английский язык международный, я проглотил весь Оксфордский словарь. Я не знаю, что значат эти слова. Я могу составлять предложения, но не знаю, что они значат. Но я использую большие слова.

Он обычно мучил профессоров и деканов, потому что весь его язык был просто тарбарщиной. Он сам не знал, что говорит.

Хуань По, несомненно, знает, что говорит, но нет никакой необходимости говорить это философским языком. «Явления окружающей среды» — это просто все, что тебя окружает. Эти «явления среды» собьют тебя с толку: почему люди испытывают желание и ненависть? Потому что сначала ты должен понять «явления среды».

«Подружка» — это явление среды. Из-за этих девочек, этих мальчиков, этих денег, этой власти... тогда все было бы ясно: вот почему люди желают и вот почему люди ненавидят.

Они желают — но желание никогда не приносит успеха. Одно желание ведет к другому. Это бесконечная прогрессия. И поскольку они никогда не преуспевают в том, чтобы удовлетворить свои желания, они начинают ненавидеть. Таким образом, можно очень просто сказать, что мир вещей создает в тебе жадность, похоть, желание, а когда ты не преуспеваешь — депрессию, ненависть, отчаяние.

А если ты преуспеваешь, происходит нечто еще худшее: эго.

Человека, потерпевшего поражение, легче разбудить, чем победителя.

У меня был друг — он был одним из самых богатых людей в стране, — который хочет стать сенатором, членом ассамблеи своего штата. Он попросил у меня благословения. Я сказал:

— Не проси меня, потому что я никогда не даю благословений неправильным вещам. Я разрушу все возможности того, чтобы ты стал членом ассамблеи. Просто походи... есть столько святых; я не святой. Они сидят повсюду, ожидая, что кто-то придет с кокосом, чтобы дать ему благословение. И психи приходят, их благословляют, и никто не заботится о том, сколько из этих благословений приносят успех, потому что противник этого человека тоже приходит за благословениями к тому же святому и получает те же благословения: «Ты победишь».

Очевидно, оба победить не могут. На одних выборах все десять кандидатов могут быть благословлены одним и тем же святым. Он получил десять кокосов — а что случилось с этими десятью лунатиками? Никто об этом не беспокоится.

Вы удивитесь, узнав, что Папа благословил Бенито Муссолини — а это значит, что он благословил и Адольфа Гитлера, потому что Италия, Германия и Япония сражались вместе против всего мира. Высший священник Германии благословил Адольфа Гитлера, а священник Японии сказал императору: «Нет никаких сомнений — ты Сын Солнца, ты никогда не будешь побежден».

И это правда: до Второй мировой войны император Японии не знал поражений. Фактически, никто об этом не беспокоился, Япония так далеко. Когда доступны такие страны, как Индия, кто пойдет завоевывать Японию? Если доступна легкая добыча, зачем напрасно идти в темные дебри Африки?

А в Англии высший священник благословил Англию, в Америке тот же самый католический священник благословляет Америку. Все эти благословения направлены к одному и тому же Богу, и все эти люди борются друг с другом! Никто даже не беспокоится о непоследовательности и противоречии. Никто об этом не говорил.

Когда кто-то побеждает — а кто-то обязательно победит, — его очень трудно разбудить. Он слишком опьянен своей победой.

Человек, потерпевший поражение, когда каждое его усилие пошло прахом, находится в таком отчаянии, что достаточно лишь небольшого толчка — и он может проснуться.

Хуань По говорит: «Чтобы уничтожить явления окружающей среды...» Какая необходимость в том, чтобы уничтожить горы, облака и звезды? Все это явления окружающей среды. Но такая тенденция была в философии каждой страны: все эти вещи, горы, звезды и деревья — иллюзорны; их нужно разрушить. Они не существуют, они только кажутся существующими. Это только миражи; это майя, иллюзия. И если ты внезапно проснешься, не будет ни солнца, ни звезд, ни сада, ни людей... Но это неправильно.

Явления среды сохраняются; исчезнет лишь твоя жадность к ним. Поэтому я не могу согласиться с Хуань По. Он говорит,

Чтобы разрушить явления окружающей среды...

Прежде всего, я не хочу их разрушать. Они так красивы. Зачем разрушать розы? Они никого не беспокоят. Зачем разрушать эти красивые горы? И как разрушить всю бесконечность неба и звезд? И зачем? Этого нельзя сделать; да и нет необходимости.

Что нужно, так это чтобы в тебе не было желаний, ты должен разрушить свое желание вещей. Это не значит, что вещи не существуют. Вещи существуют — они существуют, желаешь ты или нет. Но если ты желаешь, ты останешься спящим. Если ты не желаешь, исчезнет только одно, и это твой сон — не явления окружающей среды.

...Просто положи конец концептуальному мышлению. Когда оно прекращается...

Хуань По кажется большим простаком. Простаком в том смысле, что он говорит: просто положи конец концептуальному мышлению — как будто это так легко! Он говорит: «Просто не думай, и все будет в порядке». Ему легко говорить «Положи конец концептуальному мышлению», но он не говорит, как это

сделать. Он не говорит, каким способом ты можешь избавиться от концептуального мышления. А это *единственный* вид мышления.

Когда оно прекращается... Он принимает как должное, что он тебе сказал: отложи велосипед в сторону — прокатный или собственный. Ты отложил велосипед в сторону, и тогда явления окружающей среды превращаются в ничто, и все исчезает. Они становятся пустотой, полным ничто. Они только кажутся — как если в кино ты видишь гору или во сне тебе снятся люди. Весь этот мир некоторые философы принимали как то, из чего сотканы сны.

Это неправда. Твои сновидения могут исчезнуть, твой сон может исчезнуть — но мир сохранится. Несомненно, он станет более ясным и чистым, более красочным, потому что ты станешь чувствительнее. По мере того как в тебе растет осознанность, огромная чувствительность появится в органах чувств. Ты будешь острее чувствовать вкус.

Этим я осуждаю таких людей, как Махатма Ганди, Гаутама Будда, Махавира. Они думают, что для религиозного человека вкус, запах — вдохнуть аромат розы — значит почти совершить грех. Махавира, описывая пять добродетелей... первая добродетель: отсутствие вкуса. Ты не должен чувствовать вкус.

Единственный способ не чувствовать вкус — это разрушить чувствительность языка. Для этого нужна небольшая пластическая операция; я могу сказать без всяких сомнений, что Махавира чувствовал вкус, потому что тогда пластической хирургии не существовало. Это не большая операция, потому что нужно удалить очень небольшой участок. Небольшой слой языка с задней части. Не весь язык чувствует вкус, помните, но только задняя сторона. И она разделена. Одна часть чувствует сладкий вкус, другая — горький. Есть вкусовые рецепторы, чувствующие сладкое, горькое, все категории, и их не много — может быть, вся область занимает квадратный дюйм — небольшая операция. Стоит удалить эти вкусовые рецепторы, и ты не будешь чувствовать никакого вкуса. Не важно будет, ешь ли ты что-то действительно тухлое, коровий навоз — это святая вещь, не смейтесь! — или очень вкусное пирожное.

Во время Второй мировой войны случилось так, что один человек был ранен пулей в горло. Пулю вынули, но проход пришлось закрыть, и он не мог есть. Теперь это стало проблемой: он был совершенно здоров, но нужно было только найти какой-то способ есть, потому что он не мог есть при помощи рта. Ему сделали пластмассовую трубку, подсоединенную к желудку, и он прятал ее в одежде. И когда он хотел есть, он клал то, что хотел съесть, в эту трубку. Но это не давало никакого наслаждения — он хочет съесть что-то сладкое, кладет его в трубку, но никакого вкуса нет.

Это единственный человек в мире, который не чувствует вкуса. Если это критерий религиозности, забудьте о религиозности! Только один человек может быть религиозным. Но даже этот человек возмутился. Он сказал: «Я так не могу... потому что я не чувствую вкуса того, что кладу в трубку. А без вкуса я теряю половину жизни».

Вы этого не замечаете, но жизнь состоит из небольших вещей.

Но врачи сказали: «Мы ничего не можем сделать. Ты не можешь есть, а мы не можем сделать ничего другого...» Потому что в то время это было невозможно; может быть, сейчас можно было бы снабдить эту трубку вкусовыми рецепторами, чтобы он мог наслаждаться, когда ест *разогулла*. Но вся его жизнь стала бессмысленной.

Махавира настаивает, что отсутствие чувства вкуса — это фундаментальное качество религиозного человека. Будда не придает ему такого значения, но тоже настаивает. Махатма Ганди настаивал, следуя Махавире, чтобы те, кто был в его ашраме, никогда не чувствовали вкуса.

Так странно, что людям приходилось обманывать. Все они говорили: «Мы не чувствуем вкуса». Чтобы их испытать, он приносил... он сидел вместе с ашрамитами; их было немного, человек двадцать, и все они были бесполезные люди. У кого-то умерла жена, кто-то не мог жить в мире; большинство их составляли женщины, вдовы. Подобралась странная, причудливая группа. Фактически, ни один нормальный человек не остался бы там и на двадцать четыре часа.

Луи Фишер, американский журналист, писал биографию Махатмы Ганди. Ему пришлось остаться там на три недели, чтобы собрать необходимую информацию. Самым трудным было время еды, потому что Ганди давал каждому — он в этом был очень настойчив — блюдо из листьев нима, самых горьких в мире. Они обладают многими медицинскими свойствами. Они полезны, они очищают кровь. Очищать кровь каждый день — она станет слишком чистой! Ты превратишься в нордического Нискрию, «чистую арийскую кровь»!

И поскольку Луи Фишер был гостем Махатмы Ганди, тот садился рядом с ним за каждой едой. Луи Фишер ни о чем не подозревал, когда в первый раз попробовал это блюдо. Он сказал:

— Боже мой, кто испортил эту еду?

— Это очень существенная часть жизни ашрама, — ответил Ганди. — Она делает человека лишенным вкуса, а вкус — это величайшее в мире рабство.

Он должен был остаться и написать биографию этого парня, поэтому он подумал, что вместо того, чтобы портить всю еду, — это блюдо едят постепенно, — лучше проглотить его залпом, а потом радостно есть все остальное. Вместо того чтобы снова и снова... Он проглотил весь ним залпом. Ганди увидел это и сказал своему повару:

— Смотри, вот человек великого понимания. Принеси еще одну полную тарелку нима!

Бедный американец... он никогда себе представить не мог, что такое случится. Ему пришлось проглотить еще одну порцию нима. Ним был в основе завтрака, обеда и ужина. В ашраме росло только одно дерево, ним, потому что каждый день двадцать человек... И я спросил — когда я посетил его ашрам, Ганди уже умер, ашрамом управлял его сын. Я спросил его:

— Не думаешь ли ты... это чистое лицемерие? Потому что отсутствие вкуса не значит, что еду нужно сделать горькой, горечь — это тоже вкус, точно такой же, как и сладость. Это такая простая вещь, но ты никогда не возражал отцу.

Он сказал:

— Никто никогда об этом не думал... что горечь — это тоже вкус.

— Это так просто. Все, что вы делаете, — это лицемерие. Все равно это вкус.

Чем более ты становишься осознанным, тем чище и яснее станет твоя чувствительность. Ты будешь чувствовать вкус острее, чем когда-либо раньше. Прямо сейчас ты ешь во сне. Большинство людей даже не замечают, что они не чувствуют запаха, этот великий орган чувств не работает.

Человек осознанности также осознает все виды чувствительности. Мир приобретает больше вкуса, больше любви, больше музыки, больше аромата. Мир не исчезает, он не становится пустотой. Он становится все более подлинно истинным.

Прямо сейчас, из-за твоего желания и сна, это не совсем то, что ты видишь. Ты смотришь сквозь линзы своих очков: если они окрашены, мир выглядит окрашенным. Каждый носит окрашенные очки.

Осознанность удалит эти окрашенные очки.

Ты сможешь увидеть реальное, как есть.

Когда ты не желаешь, когда у тебя нет никакой жадности и ревности, ты просто видишь все, как есть. И ты наслаждаешься: мир полон радостей.

Хуань По продолжает: «А когда это пустота, мысль прекращается».

Именно это я называю хождением кругами. Сначала он говорит: когда концептуальное мышление прекращается, явления окружающей среды пусты. Теперь он говорит: когда они пусты, мысль прекращается. Вы видите? Нельзя найти более явного образца кругового мышления. Сначала прекращается мысль; мир исчезает. А когда мир исчез, и мысль прекратилась, какой смысл снова говорить: «Мысль прекратилась»? Странно. Просто абсурд.

Но если ты попытаешься уничтожить явления окружающей среды, сначала положив конец концептуальной мысли, ты пре-

успеешь лишь в том, что увеличишь ее способность беспокоить тебя.

Ананд Риту, избегай этих ребят. Они приведут тебя в расстройство. Теперь он говорит: «Положив конец концептуальной мысли, ты не преуспеешь». Сначала он просил: «Прекрати концептуальную мысль; тогда все — иллюзорный мир — исчезнет». Теперь он переменял точку зрения. «Прекратив концептуальную мысль, ты преуспеешь лишь в том, что среда будет беспокоить тебя больше».

Прежде всего, я никогда не видел человека, которого беспокоили бы явления окружающей среды. Встречал ли ты кого-то, кто страдает от явлений среды? «У меня ужасные проблемы с явлениями среды; что мне делать?»

По крайней мере меня никогда не спрашивали. Кажется, люди это скрывают, страдают и скрывают, никак не показывают. Но я знаю столько людей, и никто из них никогда не думал об этих «явлениях окружающей среды». Кого заботит конец концептуального мышления?

Именно таким образом эти так называемые философы делают сами не знают что. Вот явный случай абсурда. Сначала ты просишь что-то сделать, потом говоришь: «Это невозможно». Ты говоришь: «Взберись на Эверест, и все будет в порядке. Но помни, ты не можешь взобраться на Эверест».

Тогда зачем об этом беспокоиться? И он не сказал ни единого слова, которое могло бы вывести тебя из мыслительного процесса. Он не сказал ни слова о медитации. А медитация ничего не разрушает. Она просто делает зеленое зеленее. Она делает любовь более глубокой, она делает танец более приятным, блаженным.

Медитация создает только одно: это способ видеть мир так, что все выглядит экстатичным. Молчание грозных облаков... все приобретает новое измерение.

Есть два таких человека. Один — Хуань По, второй — Хуи Хай. Избегай этих двоих. Я знаю, они могут привести тебя в замешательство, и выбираться из него придется с напрасными усилиями. Этим двух ребят, Хуань По и Хуи Хая, нужно отправить в Америку. Калифорния — вот правильное место. Пусть

там сбивают людей с толку — там столько людей, которые хотят платить за то, чтобы их сбивали с толку! Триста долларов! Хуань По просто должен открыть магазин в Америке.

Самый безумный участок во всем мире — это Калифорния, и каждый, кто хочет заработать деньги на людском безумии, должен двигаться в сторону Калифорнии. Не заблудитесь, направьте нос к Калифорнии. Многие ее достигли, многие в пути. Когда я был в Америке, я объявил своим людям: «Избегайте Калифорнии! Я не еду в Калифорнию». Там люди действительно больны, но у них есть деньги. И они больны глупыми вещами. Например, кто-то может быть болен Хуань По, и он спросит: «Что такое это концептуальное мышление? Как его прекратить?» И найдутся люди, готовые помочь: «Ты можешь его прекратить. У нас есть нужный метод».

Это хорошая сделка — всего за триста долларов положить конец концептуальной мысли. Но помни: весь мир исчезнет. Тогда ты будешь сидеть на этой планете один и думать: «Что случилось? Где Хуань По?» Его тоже не стало, потому что все, кроме тебя, было «явлениями». Теперь живи в ничто!

Очень трудно... по крайней мере, человеку нужен телевизор. Какая жизнь без телевизора? Человеку нужны сигареты, а этот парень взял триста долларов, — и все превратилось в ничто. Ты открываешь пачку сигарет, а там — пустота. Ты смотришь и смотришь в телевизор, а экран остается пустым.

Этот мир мучили люди, неплохие люди, которые не причиняли вреда сознательно; напротив, они пытались помочь. Но тебе не нужна никакой помощи. Все, что тебе нужно, — это вспомнить себя, вспомнить, что тебе не нужна никакой помощи, что ты совершенен таким, как ты есть.

Просто наслаждайся этим совершенством.

Для меня нет другой религии, кроме наслаждения своим совершенством. И под совершенством — не поймите меня неправильно — я не подразумеваю, что вы должны стать совершенными. Я говорю, что вы уже совершенны. Никто этого не говорил. Во всем мире вы найдете тысячи учителей, и все они говорят: «Вы несовершенны. Следуйте вот этой дисциплине,

вот этому писанию, и вы будете совершенными». И даже за тысячи жизней, следуя их писаниям, вы не станете совершенными, потому что их писания требуют абсурдных вещей.

Я ничего от вас не требую. У меня нет никаких заповедей.

Когда Бог создал мир, он пришел к вавилонянам и спросил:

— Хотите заповедь?

— Какую заповедь? — спросили они.

— «Не сотвори прелюбодеяния».

— А что же еще делать? — ответили вавилоняне. — Мы не хотим никаких заповедей, иди своей дорогой.

И он пришел к египтянам, он обошел всех, пока не нашел нужного человека, Моисея. Когда Бог предложил ему заповедь, Моисей спросил:

— А сколько она стоит?

Правильный вопрос! Сначала нужно узнать цену.

— Это абсолютно бесплатно, — сказал Бог.

Естественно, Моисей сказал:

— Тогда я возьму десять.

Если это бесплатно... Именно поэтому евреев мучают эти заповеди, и христиане получили эти десять заповедей как наследие.

Но все заповеди всех религий показывают абсолютно ясно только одно: они изо всех сил пытаются вас разрушить, разрушить вашу естественность, непринужденность. Они делают людей напряженными, виноватыми, испуганными. Они заставляют людей беспокоиться о будущем.

У меня нет никаких заповедей. Я хочу, чтобы вы знали, что такие, как вы есть, вы совершенно приемлемы. Единственная проблема в том, что вы сами себя не принимаете.

Вчера вечером я пошел в кабинет дантиста — он как раз рядом с моей библиотекой — и Шунью была со мной. Полки там сделаны из зеркального стекла, и она показала мне их и сказала:

— Ошо, неверно, что только женщины часами стоят перед зеркалом. Я наблюдала: каждый, кто здесь проходит, останав-

ливается перед зеркалом, поправляет воротник, немного улыбается и оглядывается по сторонам, не наблюдает ли кто-нибудь за ним.

Вы так боитесь. Даже смотрясь в зеркало, вы боитесь, не подглядывает ли кто-нибудь за вами. Наслаждайтесь зеркалом, нет никаких проблем. Если твои усы с одной стороны смотрят вверх, с другой вниз... поправь их! В этом нет ничего плохого, никакого греха.

Но никто не расслаблен, каждый озабочен другими и думает о других: что они скажут?

По крайней мере со мной вы можете расслабиться.

Здесь мы собираемся праздновать это мгновение. Твое совершенство в этом мгновении, твое прибытие в этом мгновении, твое просветление в этом мгновении. Просто собери всю энергию в это мгновение.

...Прежде чем вы это сделаете, мне придется заняться серьезным концептуальным мышлением.

Бабушка Фагинбаум звонит своей замужней дочери и спрашивает, как она себя чувствует.

— Ужасно, — стонет та. — У меня голова раскалывается от мигрени, ноги и спина болят; в доме полный разгром, и дети просто сводят меня с ума.

— Послушай, — говорит бабушка, — не волнуйся. Пойди и приляг отдохнуть. Я сейчас буду. Я приготовлю тебе обед, наведу порядок в доме, выведу детей на прогулку, а ты тем временем приготовишь вкусный ужин для Зигмунда.

— Для Зигмунда? — говорит женщина. — Какого Зигмунда?

— Ну, знаешь, Зигги, — отвечает бабушка. — Твой муж.

— Моего мужа зовут не Зигмунд, — выпаливает женщина.

— Боже мой! — кричит бабушка. — Я набрала неправильный номер.

— Боже мой! — кричит женщина. — Так значит, ты не придешь?

Жена Мойше Финкельштейна, Рути, всегда жалуется на его бедные достоинства в постели, и Мойше обращается к доктору. Доктор Бонс выписывает новую чудесную таблетку, которая, вне всяких сомнений, все уладит.

Через месяц Мойше снова приходит к доктору Бонсу.

— Эти таблетки невероятны, — говорит Мойше. — Я занимаюсь любовью три раза за ночь.

— Отлично, — усмехается доктор Бонс. — А что теперь говорит об этом ваша жена?

— Ах, не знаю, — отвечает Мойше. — Я еще не был дома.

Заработав состояние охотой на арабов, Поль и Херби, иерусалимские портные, решили отправиться в большое сафари в Африку.

Они разбили лагерь, и однажды вечером за ужином Поль хвастается, что первым застрелит льва. Херби не соглашается. Они спорят целый час, и в конце концов Поль ставит сотню долларов на то, что он будет первым.

— И я сделаю это прямо сейчас, — говорит Поль.

Он уходит от костра и отправляется прямо в джунгли со своим слоновым ружьем. Проходит час. Херби лежит в постели, и вдруг в палатку просовывает голову лев.

— Знаешь парня по имени Поль? — спрашивает он.

— Да, — лепечет Херби.

— Так вот, — говорит лев. — Он должен тебе сто долларов.

Глория и Барбара выходят провести вечер в городе. Выпив немного, они отправляются на дискотеку. За их столик подсаживается привлекательный молодой человек.

Он приглашает Глорию на танец, и вот они кружатся и извиваются под музыку.

— Вы выглядите очень бледным, — кричит Глория. — Кажется, вы долго не были на солнце.

— Так и есть, — кричит мужчина, стараясь перекричать громкую музыку. — Это потому, что я только что вышел из тюрьмы.

— Из тюрьмы? — вопит Глория. — А за что вы там сидели?

— Я застрелил свою жену, — кричит в ответ мужчина, — отрезал ей голову и бросил тело в реку.

В мигающих огнях и ревушей музыки дискотеки Глория оборачивается и кричит своей подруге, сидящей за столиком:

— Барбара! Неженатый!

Хорошо, Маниша?

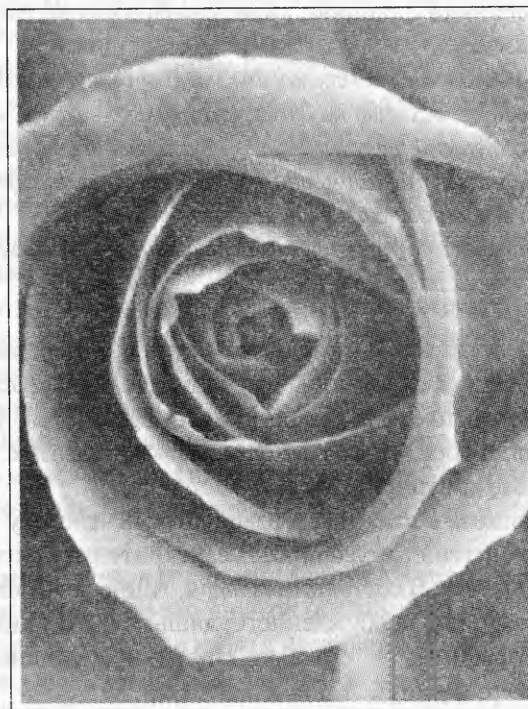
Да, Ошо.

Приготовьтесь. Две минуты абсолютного молчания...

Отпустите...

...Возвращайтесь.

Скрытое великолепие

Я никого преднамеренно не гипнотизирую, но, если ты попадаешь под гипноз, что я могу сделать? Должен ли я тебя беспокоить? Ты движешься вовнутрь себя так молчаливо, так глубоко.

Любимый Ошо,

Из прошлых дискурсов, в которых Ты говорил о гипнозе, я поняла, что с определенной целью человек приводится в абсолютно бессознательное состояние, в котором он осознает только голос гипнотизера.

Я испытала не это состояние, но скорее нечто более сродни тому, что происходит на дискурсах, только сильнее: я чувствую себя умственно и физически застывшей, без малейшего побуждения двигаться или думать; но я определенно присутствую и осознаю все, что происходит вокруг.

Значит ли это, что я еще не испытала вкус гипноза, или есть разные уровни транса?

Маниша, гипноз — сама наука гипноза — пережила очень несчастливые времена. Это одно из самых красивых искусств, и на Востоке оно использовалось веками. Его упоминает Пифагор, говоря, что его использовали в Атлантиде, затонувшем в океане континенте.

Цель гипноза в том, чтобы извне помочь человеку прийти к миру, спокойствию, молчанию. В санскрите есть специальное название, *тандра*. В состоянии *тандры*, гипноза, человек очень близок к сознанию пробужденного; лишь очень тонкий слой, — почти прозрачный, — отделяет его от пробужденного. Его очень легко разрушить.

Если ты работаешь под руководством мастера, это требует огромного доверия. Ты погружаешься в сон, настолько глубокий, что не слышишь никакого другого голоса или шума. Только мастер остается очень хрупким связующим звеном между тобой и миром, между тобой и существованием. И если мастер подлинный, в это мгновение он даст тебе постгипнотическую установку: «Когда ты проснешься, ты действительно проснешься. Все, что ты знал до сих пор под именем пробуждения, было

только так называемым пробуждением. Это не было истинным пробуждением».

Он также даст такую постгипнотическую установку: «Когда вернешься в сознание, осознай все, что тебя окружает. Ты всегда сможешь достичь этой глубочайшей точки молчания внутри, просто закрыв глаза».

Несколько сеансов гипноза в правильных руках могут помочь тебе вырасти в сознании. Это очень странный опыт: преднамеренно создав более глубокий сон, можно рассеять обычный сон — который ты называешь бодрствованием. Ты можешь по-настоящему проснуться. Ты можешь узнать реальность как она есть и познать себя, сущность.

Но это справедливо, лишь если мастер подлинный. Если мастер не подлинный, он сможет эксплуатировать тебя, как только захочет, потому что во сне, в состоянии транса, ты будешь слушать только его. И ты так глубок в своем существе, что, если он вложит в тебя какие-то идеи, ты обязательно их исполнишь, как бы они ни шли против твоей обычной морали, обычного сознания. Даже если сознательно ты знаешь, что это неправильно, тебе придется это сделать. Потому что бессознательное имеет такую силу, что как только человек получает какую-то идею... оно неподвластно аргументам. Оно не сомневается.

Таким образом, в руках неправильного человека гипноз может быть очень опасным явлением. Он может обратить тебя во что захочет: в убийцу, в вора, в насильника; у него нет никаких пределов.

Из-за этой опасности все религии были против гипноза. Опасность, несомненно, есть. Но я не против гипноза, потому что в моем собственном понимании, если ты живешь из страха, — только потому, что что-то опасно, ты этого не делаешь, — твоя жизнь сожмется и превратится в ничто. Каждый твой вдох опасен. В воздухе может быть вирус, любая опасность, болезнь. Каждая любовь, которой ты следуешь, может завести тебя в замешательство безумия.

Почему столько людей совершает самоубийство, почему столько людей безумны? Они не рождены для безумия, они не

рождены, чтобы совершить самоубийство, но запутались в такой ситуации, что сделали что-то вопреки своему лучшему «я».

Я полностью за гипноз и против ложных мастеров. Уничтожать эффективную науку пробуждения вместо того, чтобы уничтожить ложных мастеров, — сушая чепуха.

Ты можешь войти в более глубокое сознание и сама по себе. Именно поэтому я настаиваю на медитации. Медитация — это не что иное, как попытка достичь тех же глубин, которых гипноз достигает так легко. И твой опыт — что слушание погружает тебя в более глубокое молчание сердца... Тогда даже гипнотический сеанс... Маниша сейчас делает гипнотические сессии.

Это правда: человек целостности, человек, который знает себя, каждое его слово, каждый его жест гипнотизирует; это ничем не отличается. Люди осуждают меня; они боятся даже войти на территорию кампуса... Хотя их аргументы абсолютно абсурдны, в этом есть и доля правды.

Я никого преднамеренно не гипнотизирую, но если ты попадаешь под гипноз, что я могу сделать? Должен ли я тебя беспокоить? Ты движешься вовнутрь себя так молчаливо, так глубоко.

В этом нет ничего нового. С давних незапамятных времен люди собирались вокруг мастеров, чтобы сидеть в молчании. На Востоке это называется *даршан*. Запад никогда не понимал его смысла. Если сказать: «Я иду увидеть мастера», это звучит так глупо. Почему бы не завести в доме фотографию, или, ладно, сходи один или два раза — и хватит! Но ходить смотреть на мастера каждый день... ты что, сумасшедший?

Запад никогда не понимал, что *видение* — это буквальный смысл слова «даршан» — означает пребывание в энергетическом поле человека, который познал себя. Пить из его колодца, смотреть ему в глаза, чувствовать его руки, слушать его молчание, его слова. Как только ты познал себя, все странным образом становится выражением истины твоей реализации.

Однажды я проводил медитационный кэмп. Это был мой первый медитационный кэмп, в глубине пустыни Раджастана, в старом замке. Одну женщину, очень старую, древнюю, тысячи людей знали как достигшую. Она была необразованной и

бедной, но у нее были тысячи последователей, и когда я приехал, чтобы провести семинар, она им сказала: «Я знаю, но не могу сказать. Идемте со мной на этот кэмп».

Я никогда не слышал об этой женщине. Кэмп длился семь дней. Она приходила каждое утро, сидела молча, а потом на целый день исчезала в коттедже, в котором жила. Она не участвовала ни в каких других медитациях.

Ее ученики были немного озадачены, они спрашивали ее — ей было около восьмидесяти лет или, может быть, больше, и она называла меня *Бабу*, отцом... Я говорил ей: «Это неправильно, и, в любом случае, я не христианский священник и не верю ни в какого отца над облаками». Но она никогда не слушалась и продолжала называть меня *Бабу*. Ее ученики сказали:

— Ты называешь его *Бабу*, а сама приходишь только утром и сидишь несколько минут. Целый день происходят медитации, пять медитаций в день. Ты не участвуешь?

Старуха сказала:

— Не спрашивайте меня, спросите *Бабу*.

В то время мне было не больше тридцати пяти лет.

Ее ученики сказали:

— Мы спросили ее, а она сказала спросить тебя.

— Она права, — ответил я. — Она понимает и приходит каждое утро на *даршан*, чтобы увидеть мастера, освежить свое чувство пребывания с буддой. Нет необходимости докучать ему двадцать четыре часа в сутки.

— Странно, ты думаешь, мы тебе докучаем?

— Вы докучаете мне, а я — вам. Пока все не придет в молчание, это будет продолжаться. Я знаю, что вы не можете прийти в молчание, просто сидя рядом со мной. Но эта старая женщина просто пьет напиток, и этого достаточно. Она знает вкус. Она необразованная крестьянка, но она из той же категории людей, которых всегда осуждали как гипнотизеров.

Гаутаму Будду осуждали за то, что он гипнотизировал людей, Махавиру осуждали за то, что он гипнотизировал людей. Никто никого не гипнотизирует, но само состояние их существ таково, что, если ты достаточно любящий, достаточно открытый и

восприимчивый, если ты сидишь в молчании рядом с ними, этого достаточно. Ты становишься молчаливым: происходит синхронизация.

Что-то в тебе начнет исчезать — облака ума — и сердце станет вибрировать на той же частоте, с тем же танцем, радостью, чувством, что дом недалеко: «Что случилось с этим человеком, может случиться и со мной, просто я никогда не входил в себя достаточно глубоко».

Гипноз использовался, и я считаю его эффективным средством. Единственный вопрос в том... и этот вопрос применим ко всему. Метод хорош, но вопрос в том, хорош ли человек.

Я знаю одного великого хирурга в Нагпуре, недалеко отсюда. Может быть, он был лучшим кардиохирургом во всей Махараштре, но при этом очень неправильным человеком. Он просил слишком много денег — это все принимали, — и посреди операции, открыв грудь, он выходил и говорил родственникам, что понадобится еще пять лакхов рупий. Он уже разрезал грудь, и заранее было оговорено, сколько денег он хочет, а теперь этот шантаж! И им приходится соглашаться, иначе этот человек умрет. Если бы ему не разрезали грудь, может быть, он прожил бы еще несколько дней. Теперь с ним все кончено, грудь разрезана — это действительно хирургия открытого сердца! — он не может вернуться домой, он находится в коме.

Он обычно приходил меня слушать, и, когда я узнал об этой его практике, я сказал ему:

— Это неправильно. Ты можешь просить сколько хочешь денег, но не когда пациент уже на столе с разрезанной грудью. Это сущий шантаж. И, конечно, ты один из лучших хирургов в стране. В этом нет никаких сомнений, и ты можешь получать сколько хочешь денег, но твоя привычка... сначала ты просишь пять лакхов рупий, потом посреди операции ты просишь еще пять лакхов и говоришь: «Возникли новые осложнения. Не раскрыв сердце, я назвал цену в пять лакхов вслепую; понадобится еще пять лакхов». Это сущий грабеж.

У него были золотые руки, прекрасные руки хирурга, но ум преступника. Люди это знали; и все же они приходили издале-

ка, прекрасно зная, что идут прямо в логово льва, гораздо более опасного, чем сама болезнь.

Очень трудно избегать неправильных людей, которые используют правильные методы в неправильных целях. Полностью уничтожить их невозможно, но мы должны к этому стремиться.

Христианство в средние века сожгло в Европе тысячи ведьм. Вся их вина была в том, что они практиковали гипноз. Женщина гораздо более способна к гипнозу, чем мужчина. У нее есть естественная способность вызывать доверие. У нее есть естественная красота, которая позволяет ее любить, и человек не может подумать, что такая красивая женщина причинит ему какой-то вред.

И проблемой для христианства в Европе было то, что из-за этих ведьм никто не ходил в церковь. Эти ведьмы действительно решали проблемы людей. Может быть, они эксплуатировали в смысле денег, но не причиняли никакого вреда; они помогали людям стать более бдительными и осознанными при помощи гипноза. Христианский священник просто эксплуатировал людей, не давая ничего взамен.

Даже религия — это рынок. Эти ведьмы были опасными конкурентами, и они не придумали ничего лучшего, как убивать. Тысячи женщин были сожжены живыми, и из-за этих женщин гипноз был осужден; он остается осужденным.

На Востоке мы никогда не осуждали гипноз, потому что мы его никогда не практиковали. Мы практиковали превосходящие его методы. Присутствия живого мастера достаточно, чтобы опьянить. Не нужно никаких алкогольных напитков. Присутствие того, кто знает, автоматически гипнотично. Дело не в том, что он что-то делает, это само его существо.

Ты не можешь сказать розе: «Ты меня гипнотизируешь — ты опасна, ты выглядишь так красиво». Что может сделать бедная роза? Она не пытается ничего с тобой сделать, она просто остается самой собой, наслаждаясь ветром, солнцем, дождем, почти не зная о тебе.

Подлинный мастер... Восток знал столько подлинных мастеров, что с ними было трудно конкурировать. Это было просто невозможно только потому, что у неподлинного человека нет гипнотического присутствия. У него нет аромата настоящего цветка, он просто пластмассовый. Нельзя обмануть людей пластмассовым цветком... Люди пытаются...

Как-то я жил в одном месте в Райпуре — не очень долго, всего через шесть месяцев университет от меня избавился. У профессора, который жил рядом, на подоконнике стоял горшок с очень красивым комнатным растением, и каждый день... я был удивлен, потому что я видел, что растение ненастоящее: цветы были искусственные, потому что я никогда не видел, чтобы они исчезали, чтобы у них опадали лепестки. И он обычно их поливал, чтобы меня обмануть — я был единственным, кто был рядом.

Я не смог устоять перед искушением, хотя и не был с ним знаком и приехал всего три или четыре дня назад. Я подошел к окну и изумился: этот человек поливал цветок, а цветок был ненастоящий.

Я сказал:

— Я только хочу знать, кого ты пытаешься обмануть? Кроме себя самого, ты никого не обманешь, потому что только я живу рядом. Никто мимо не ходит. И я уже заключил, что эти цветы не могут быть настоящими, потому что они никогда не меняются; они остаются всегда одинаковыми.

Он поливал их, просто чтобы удалить накапливающуюся пыль, — а Райпур был очень пыльным местом, каждый день были пыльные бури. И ему приходилось поливать — хотя не было корней, — просто чтобы очистить пластмассовые цветы.

Я сказал:

— Ты идиот! С таким же успехом, поливая каждый день, ты мог бы завести настоящие, живые цветы, которые давали бы тебе аромат, радость, живой опыт бутона, раскрывающегося в цветок.

Когда в этой стране были сотни подлинных мастеров, ложным существовать было невозможно; они были бы немедленно ра-

зоблачены, потому что люди не почувствовали бы аромата. Они могли бы некоторых обмануть, но вскоре их действия разоблачили бы их.

Это напоминает мне прекрасный исторический случай:

Нанак, мастер сикхов... слово *сикх* просто значит «ученик». К несчастью, это превратилось в религию. Нанак понятия не имел, что это станет религией, он только брал учеников, чтобы они стали мастерами. Он не создал организованной религии, церкви, но именно это произошло. Такова бессознательность человека.

Нанак оказался в Лахоре, который теперь стал частью Пакистана. Там жил лжемистик, фальшивый суфий, притворщик, и у него было много последователей. Увидев Нанак, он испугался... хотя нечего было бояться. С Нанакком был только один ученик, Мардана, у которого был музыкальный инструмент. Мардана играл, а Нанак пел. Они были невинными людьми.

Они остановились за пределами Лахора, и ложному мастеру сообщили: «Прибыл великий мастер. Он живет за городом, и многие люди собираются к нему».

Ложный суфий, конечно, был встревожен. Он послал чашу, полную молока — такую полную, что в нее нельзя было влить больше ни капли. Ученик, который ее взял, спросил, в чем смысл.

— Не беспокойся о смысле, — сказал суфий. — Отнеси ее к Нанаку и посмотри, что произойдет.

И Нанаку предложили чашу — красивую чашу — полную молока, и сказали:

— Суфийский мастер шлет свои приветствия.

Нанак попросил Мардану:

— Здесь неподалеку растут полевые цветы. Принеси мне один цветок.

Мардана не мог понять, что происходит. Нанак положил цветок в чашу и отдал обратно принесшему ее человеку. Он сказал ему:

— Отнеси ее своему мастеру.

— Но я не понимаю — в чем смысл? — спросил тот.

Нанак сказал:

— Твой мастер поймет.

Суфий послал чашу молока, чтобы сказать: «Здесь больше не нужно никаких мастеров; место занято суфиями. Тебе здесь не рады — иди куда-то в другое место!»

Но Нанак положил в чашу цветок, чтобы показать: «Тебе не нужно обо мне беспокоиться. Я ничего не потревожу — даже в полной чаше молока я буду просто плавать, как этот цветок. Я выше — тебе не о чем волноваться. Ты можешь продолжать свою торговлю, я не отобью твоих покупателей».

Суфий был совершенно разоблачен перед своими учениками, потому что они смогли сравнить присутствие этих двух людей. Побывав рядом с Нанаким, они тотчас же увидели, что будто стрела пронзила их существа, что в них возникла какая-то странная радость, которой никогда не случилось рядом с этим суфием. Вскоре суфийский мастер сам пришел к Нанаким просить прощения.

Нанак сказал:

— Кто я, чтобы тебя прощать? Проси прощения у самого существования. Ты обманывал тысячи людей, отсрочивая их просветление. Твое преступление велико, хотя никто не назовет его преступлением, потому что оно невидимо.

Знаете ли вы, как велико преступление пап, кардиналов, епископов, раввинов и *шанкарачарий*? Оно невидимо. Преступление в том, что они мешают людям идти к подлинному источнику, к живому мастеру.

С живым мастером гипноз носится в воздухе. В гипнозе нет необходимости, но, если ты делаешь сессии по гипнозу, это хорошо; это даст тебе ясное восприятие того, что с тобой происходит, когда ты сидишь со мной. То, что с вами происходит, когда вы поете, хлопаете и радуетесь, не может произойти под самым глубоким гипнозом.

Я не против гипноза. В правильных руках это великая хирургия. Но правильный человек не будет его использовать, потому что само его присутствие дает то же самое, что и гипнотические сеансы, если тебе достаточно повезет, за долгое время с правильным мастером.

Это нужно помнить: если мастер правильный, все вокруг него становится трансформирующей силой. А если мастер не подлинный и не истинный, тогда даже правильные вещи просто станут эксплуатацией, разрушением, рабством.

Именно это создал ложный учитель — столько религий... Настоящий учитель создает только религиозность. Как может религиозность быть христианской или индуистской?

Религиозность — это качество сердца, когда мистическая роза раскрывается, давая тебе чувство твоей вечности, давая тебе чувство, что ты — не это смертное тело, но бессмертный бог, что ты — чистый свет и чистая любовь.

И ты можешь этим поделиться — тебе *придется* этим поделиться, потому что, когда человек начинает осознавать свои сокровища, он становится подобным дождевому облаку. Слишком тяжелое, оно должно излиться дождем; оно освобождается от бремени своих сокровищ.

То, что ты переживаешь, Маниша, совершенно правильно.

Твой второй вопрос о нескольких сессиях гипноза:

С точки зрения упрочивания во мне памяти о свидетельствовании до сих пор результаты оставляют желать лучшего. Не потому ли невозможно под гипнозом внушить себе свидетельство, что свидетель не является частью ума и ему нельзя передать установку?

На свидетеля никогда ничто не может повлиять; свидетель никогда не спит. Но свидетеля может ошеломить спящий ум. Эту небольшую свечу можно закрыть, и ее пламя будет продолжать гореть, но снаружи ее не будет видно; снаружи будет просто темно.

Ум просто закрывает твою бдительность, твою осознанность. У него есть такое качество: точно так же облако может скрыть из поля зрения солнце. Оно не уничтожает солнце — все небо может быть покрыто черными тучами, но солнце остается при всей своей славе и во всем своем великолепии, таковости. Но если эти тучи уйдут, солнце сможет распространить свет и лучи повсюду.

Твою осознанность нельзя уничтожить, но можно ограничить, заключить в тюрьму. Именно поэтому я называю вас скрытым, заключенным великолепием. Ты — бессмертное существо, сидящее в клетке. Клетка не может тебя разрушить, но может создать темную ночь души. Могут пройти жизни, и ты совершенно забудешь себя и настолько отождествишься со своей тюрьмой, что начнешь думать: «Это и есть я». Отождествление возможно.

Даже в отождествлении осознанность не разрушена. Но она теряет свой танец, радость, истину, красоту открытого неба, безграничную свободу.

Немного серьезности, прежде чем мы перейдем к нашим сущностям. Немного смеха всегда очищает, омолаживает, позволяет почувствовать себя моложе.

Я называю это: немного серьезности.

Крошка Эрни катит новую тележку мимо местного священника, и у нее отпадает колесо.

— Вот дерьмо! — говорит Эрни.

— Молодой человек, — отчитывает его священник, — никогда больше не употребляйте это слово. Если что-то не так, скажите: «Помоги мне, Господи». Поняли?

— Ладно, отец, — отвечает Эрни. Но на следующий день у тележки отваливается второе колесо, как раз когда священник идет мимо.

— Вот дерьмо! — говорит Эрни.

— Что я вам сказал? — кричит священник.

— Ладно, ладно! — говорит Эрни.

Через два дня отваливаются все оставшиеся колеса. Священник прячется в кустах и внимательно слушает.

— Помоги мне, Господи, — говорит Эрни. Тотчас же все четыре колеса оказываются на месте.

Священник в изумлении выскакивает из кустов и кричит:

— Вот дерьмо!

Семья Ковальских возвращается из путешествия в Мексику в «кадиллаке».

Когда они пересекают мост, их останавливает начальник местной полиции, окруженный толпой журналистов и фотографов.

— Поздравляю! — говорит коп. — Вы оказались миллионной машиной, пересекшей этот мост, и выиграли первый приз в миллион долларов. Разрешите спросить, что вы планируете делать с такими деньгами?

— Ну, — отвечает Ян Ковальский, — первым делом, я получу водительские права.

— Не слушайте его, — перебивает его жена Гертти. — Он всегда говорит ерунду, когда напьется!

Дедушка Ковальский, который туг на ухо, кричит с заднего сиденья:

— Я всегда знал, что вы недалеко уедете в этой краденой машине!

Тут из багажника выбираются два мексиканца и говорят:

— Мы уже пересекли границу?

У фермера Джонса была кошка Могги, у которой был замок. Однажды ночью Могги подняла такой шум за окном, что Джонс позвонил ветеринару. Ветеринар был немного туг на ухо и вдобавок разозлился, что его разбудили среди ночи. Он велел Джонсу дать животному бутылку касторового масла и перезвонить утром.

— Целую бутылку масла? — кричит Джонс.

— Не спорьте, — орет ветеринар, — делайте, что я сказал!

И вот Джонс хватает несчастную Могги и с помощью воронок ухитряется запихнуть жидкость ей в горло.

На следующее утро приезжает ветеринар и говорит:

— Ну как ваша больная корова?

— Корова? — говорит Джонс. — Я сказал, кошка.

— Боже мой! — кричит ветеринар. — И вы дали ей целую бутылку касторового масла?

— Вы сказали мне не спорить! — отвечает Джонс.

— И где теперь эта кошка? — спрашивает ветеринар.

— В поле, — говорит Джонс, — с двенадцатью друзьями. Четверо выкапывают, четверо закапывают, а еще четверо ищут новый участок.

Однажды в классе крошка Эрни встает, машет рукой и говорит:

— Мисс Гудбоди, я не приду в школу в следующую пятницу из-за похорон моего отца.

— Боже мой! — восклицает мисс Гудбоди. — А что с ним случилось?

— Он пытался забить гвоздь в стену и ударил себя молотком по пальцу.

— Но не мог же он от этого умереть, — говорит мисс Гудбоди.

— Я знаю, — отвечает Эрни, — но с тех пор он завывал как бешеная собака, и нам пришлось его пристрелить.

Пэдди и Син собираются на рыбалку и очень взволнованы.

Пэдди говорит Сину:

— Я принесу удочки, а ты пойдешь в магазин и запасись провиантом.

Утром перед выходом Син появляется в доме Пэдди с двумя кусками хлеба и шестью бутылками виски.

— Не могу поверить, — говорит Пэдди, — я доверил тебе покупку продуктов, и что теперь? Ты принес два куска хлеба и шесть бутылок виски. Какого черта мы будем делать со всем этим хлебом?

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

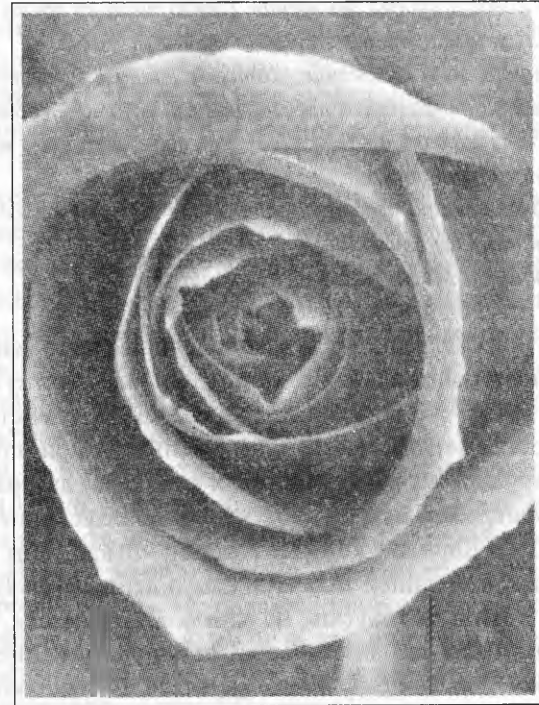
Закройте глаза, оставайтесь неподвижными как статуи; пусть всего на две минуты воцарится абсолютное молчание.

Теперь... *позвольте.*

...Возвращайтесь.

Хорошо, Маниша?

Будьте спонтанными

Павлины танцуют, когда появляются первые дождевые облака; им не нужно никакого обучения, никакой школы. Птицы не учатся, цветы не учатся — почему человека нужно всему учить? Почему нельзя позволить ему быть спонтанным?

Любимый Ошо,

Последние десять лет я изучал айкидо, но так и не усвоил основной истины.

Но когда я увидел движения Твоего тела во время дискурса, я понял суть основной истины:

я понял, что движение, которое едино с существованием, исходит из тотального расслабления и глубокой осознанности. Оно полностью отличается от движения, которого человек добивается тренировкой.

Я очень остро чувствую «действие через бездействие», наблюдая, как Ты движешься.

Любимый Мастер, я Тебе благодарен.

Прем Виджая, действие может быть без всякого усилия; тогда оно называется бездействием. Оно исходит из спонтанности, и тогда оно называется действием без действия. Это очень простая истина, но она стала очень сложной, потому что мы тренируемся во всем. Мы стали великими актерами. Нам даже говорят, когда нам улыбаться; есть такие великие философы, как Дэйл Карнеги, которые говорят: «Вы должны говорить своей жене по крайней мере трижды в день: “Я люблю тебя, милая”». Что ты чувствуешь, не важно. Важна маска, которую ты носишь. Тогда все, даже улыбка, становится усилием.

Миллионы людей разучились смеяться. В Советском Союзе физиологи готовят учебники, чтобы людей учили смеяться в школах, колледжах, больницах, потому что они открыли то, о чем я вам постоянно говорю: что смех и любовь взаимосвязаны, и смех — это одно из величайших лекарств.

В то же самое время это великая медитация. Только в Советском Союзе проводятся глубокие исследования: что происходит, когда люди смеются? Меняется кровяное давление, клетки мозга становятся активнее, сердцебиение — ритмичнее. Ученые обнаружили, что такие вещи, как смех, безмерно важны, —

но повели себя ужасно глупо. Они думают, что этому нужно учить; каждого школьника нужно обучить смеху.

И если в Советском Союзе всех обучат смеяться, там вообще не будет смеха. Говорят, что в каждой больнице будет специальная палата, палата юмора, где пациенты шутят шутки и смеются. Все рассчитано: что не могут сделать лекарства, то делает смех.

Но, в моем понимании, если смех получен в результате тренировки, он может что-то дать, но не может быть тотальной трансформацией, когда все твое существо трепещет, когда оно безгранично, обновлено — и нет никаких побочных эффектов.

Как раз сегодня я узнал, что одна треть болезней в мире вызвана врачами. Не преднамеренно — но из-за лекарств, которые создают побочные эффекты. В данный момент они могут принести пользу, но потом они что-то изменят в химии, гормонах, биологии. И, может быть, ты не заметишь никакой связи. Может быть, ты принял аспирин от головной боли — а если по правде, то от жены! Но у этого аспирина будут побочные эффекты, а ты — комплексное явление.

Бедно то человечество, которому нужно обучение смеху. Было бы очень уродливо, если бы птицы пришли и сказали: «Сначала обучите нас, тогда мы споем песню». А павлины бы сказали: «Нас не волнуют облака. Сначала обучите нас, потом мы раскроем крылья». Но павлины танцуют, когда появляются первые дождевые облака; им не нужно никакого обучения, никакой школы. Птицы не учатся, цветы не учатся — почему человека нужно всему учить? Почему нельзя позволить ему быть спонтанным?

Спонтанность вызывает некоторый страх, потому что спонтанное поведение непредсказуемо. Ты можешь над кем-то засмеяться, а он посмотрит на тебя как на идиота. Он не должен смеяться в ответ — он остается спонтанным, и ему хочется посмотреть на тебя как на идиота. В этом нет ничего плохого; это его проблема. Ты смеялся; это было твоей проблемой. Зачем все запутывать?

Чтобы избежать таких ситуаций, людей всему обучают: как ходить, как говорить, что и когда говорить. Естественно, постепенно они становятся очень фальшивыми. Как актеры в театре, они повторяют диалоги.

Иначе вопрос о действии без действия вообще бы не возникал.

Я посетил крупнейший в Азии теологический колледж, где обучают миссионеров, которые отправятся по всему Востоку обращать людей в христианство. Директор был моим другом, и он показал мне кампус.

В одном классе я не мог поверить своим глазам. То, что я увидел, было так абсурдно, что я лишился дара речи. Профессор обучал около шестидесяти студентов, которые были готовы, почти готовы к своей миссионерской работе. Он говорил им, каким голосом и с каким выражением лица они должны повторять определенное изречение Иисуса. Когда нужно стукнуть кулаком по столу, а когда тихо прошептать, что Бог есть любовь. «А когда вы описываете рай, не описывайте его в прозе. Пусть ваше лицо сияет; пусть каждое ваше слово будет чистым медом, поэзией».

В это время один из студентов спросил:

— А что делать, когда мы описываем ад?

— Что касается ада... — сказал профессор, — оставайтесь как вы есть, это подойдет.

Для ада не нужно тренировки, потому что вы уже в аду!

Я спросил директора:

— Разве вы не видите, что это чепуха? У этих людей нет никакого чувства, а вы навязываете им, какое у них должно быть выражение лица и глаз, какие жесты.

Я никогда ни в чем не тренировался, но, когда нужно, руки знают, что делать. Слова знают, когда остановиться и уступить место молчанию. Глаза сверкают сами собой, когда описываешь собственный опыт. Тогда усилий нет.

Айкидо, или любая другая тренировка, которая предлагает тебе быть без усилий, просто предлагает быть спонтанным. Только

не заблудись в философских выражениях, потому что они выглядят абсурдно. Когда кто-то говорит: «Усилие без усилий — действие без действия», ты говоришь: «Боже мой, этот парень устроил мне головную боль».

Все, что нужно, — это сказать людям: «Будьте спонтанными». Когда приходит смех, не останавливайте его. А если он не приходит, не нужно быть Джимми Картером.

Я видел только одну фотографию Джимми Картера с тех пор, как он спустился с трона президента, и он выглядит точно как образ ада. Теперь улыбки от одного уха до другого больше нет. Это была тренировка, политическая необходимость: «Что бы ни случилось, продолжай улыбаться, как будто все под контролем и никто не должен беспокоиться. Пока Джимми Картер улыбается, нет причин для депрессии и отчаяния. Он знает».

Были времена, я слышал, когда его жене приходилось по ночам закрывать ему рот. Потому что он продолжал улыбаться, а можно ли спать с человеком, который всю ночь улыбается? Были и другие истории...

Однажды она позвонила врачу:

— Скорее приезжайте! В рот президенту залезла крыса.

Врач сказал:

— Я приеду как можно быстрее. Но пока сделайте кое-что: подвесьте рядом кусок сыра, чтобы крыса выбежала обратно.

К тому времени, как приехал доктор, он не мог поверить своим глазам, потому что жена Джимми Картера вместо сыра подвесила крысу!

— Что случилось? — спросил он.

— Что случилось? Вы ехали так долго, что вслед за крысой вбежала и кошка. Теперь я пытаюсь выманить кошку. Крыса уже вторична, это не так важно. Прежде всего нужно извлечь кошку.

Но эта улыбка исчезла без следа. Она была результатом тренировки. Когда Никсон потерпел поражение... — по мнению экс-

пертов, это произошло потому, что его одежда не соответствовала имиджу кандидата в президенты. Она не была выглажена... его походка была нерешительной. И это так важно, потому что люди смотрят телевизор; теперь речи быть не может о личном контакте с кандидатами. Они смотрят телевизор, и Никсон выглядит паршиво. Он потерпел поражение.

Тогда он выучил все уловки и на следующих выборах был другим человеком — тренированным. Он стал ходить уверенно, говорить с уверенностью, смотреть прямо в глаза смотрящим телевизор людям... теперь он стал человеком, на которого можно положиться!

В Америке не человек выигрывает или проигрывает на выборах. Выигрывает или проигрывает его портной и визажист, полученная им тренировка: он говорит, как будто он сам Бог, и вы должны в него верить. Вопрос в том, кто из двух человек создаст себе более авторитетный имидж? Не важно, идиот этот человек, преступник или мудрец. Что важно, так это имидж, который он создает на экране телевизора.

В этом мире все стало фальшивым, потому что вы верите в фальшивое.

Эти науки айкидо и другие измерения дзэн просто говорят: Будь простым, просто будь собой. Не нужно действовать. Когда действие приходит спонтанно, пусть приходит; наслаждайся его спонтанностью. Тогда ты увидишь красоту, центрированность, простоту. Нечто подлинное — не фальшивое, не поддельное.

Все это так просто.

У одного фермера как-то был петух — самое ленивое существо, которое только жило на Земле. Вместо того чтобы кукарекать, как ему и полагалось, когда всходило солнце, он ждал, пока не начнет кукарекать другой петух, и тогда кивал головой в знак согласия.

...Но это спонтанно, в этом есть своя красота. Зачем беспокоиться? Кто-то другой это сделает. Я абсолютно согласен с этим

петухом; я никогда в жизни ничего не делал. Если происходит так, что это делает кто-то другой...

По пути сюда Шунью мне сказала... наверное, она встретила Джайеша, и я говорил Шунью, что без Джайеша не знал бы, как все организовать. Он делал слишком много. Бедный парень приехал в Раджнишпурам медитировать, отречься от мира и сидеть в молчании, а вместо этого встретил меня в самолете, и его вместе со мной арестовали! С тех пор он постоянно ездит по миру. Он совершенно забыл, для чего приехал; у него нет времени.

А я просто продолжаю наблюдать, как он все делает, и просто киваю в знак согласия — «Молодец! Хороший мальчик!» Но Шунью, должно быть, сказала ему, и он заплакал.

Я знаю, что это слезы великой радости, глубокой любви.

Чтобы отпраздновать золотую свадьбу, Сол и Сильвия Салмэны решили повторить все то, что делали в медовый месяц.

Они приехали в ту же гостиницу и заказали ту же комнату. Сильвия надушилась теми же духами и надела ту же ночную рубашку.

Точно как в ночь медового месяца, Сол пошел в ванную и засмеялся — точно так же он смеялся пятьдесят лет назад. И когда он вернулся, Сильвия сказала:

— Дорогой, это так прекрасно — все то же самое. Я все помню, как будто это было вчера. Пятьдесят лет назад ты пошел в ванную и засмеялся точно так же. И тогда я не решилась спросить, почему ты смеешься, но теперь скажи: почему ты смеешься?

— Ну, знаешь, дорогая, — ответил Сол. — В ту ночь пятьдесят лет назад я смеялся, потому что намочил потолок. Сегодня я намочил ноги!

Просто будь невинно простым. Этот человек, наверное, был очень спонтанным. Он сказал правду — прятать нечего. Но многие из вас не решились бы сказать правду.

Истина очень проста; для нее не нужно ни тренировки, ни подготовки, ни домашней работы. Ты просто то, что ты есть. Просто прими это и покажи миру.

С самого моего детства мои родители, соседи, учителя, профессора... каждый снова и снова повторял:

— Послушай, если ты не изменишься, в конце концов ты превратишься в ничтожество.

Я действительно превратился в ничто! Все они были правы, но я так наслаждаюсь этим ничто. Гаутаме Будде пришлось долго пытаться. Я не пытался, я просто никого не слушал — и в конце концов оказался в ничто. Я никогда не слушал ничьих советов, какими бы они ни были великими. Я просто оставался своим ленивым «я», прирожденным лентяем.

Анандо обеспокоилась, потому что обычно я сидел, положив ногу на ногу, но последние несколько дней...

— Почему ты не кладешь ногу на ногу?

Я сказал:

— Это странно, но это со мной не происходит. Обычно это происходило... но что я могу сделать? Положить ногу на ногу только потому, что иначе это беспокоит Анандо?

Я никого не собираюсь слушать; я собираюсь сидеть, как сию.

...Даже Нискрия смеется. Если он смеется, я знаю, что все в порядке. Обычно этот человек очень серьезен.

Мандельвитца должны отпустить из сумасшедшего дома.

Он приходит на собеседование с профессором Поттсом, главным психиатром, который просит его перед уходом здраво ответить на один простой вопрос.

— Что вы сделаете первым делом, — говорит он, — когда вас выпустят из этого приюта?

— Я наберу камней и повыбиваю в этом доме все окна!

Мандельвитца отводят обратно в палату, и еще через шесть месяцев вызывают на собеседование.

— Что вы сделаете, когда выйдете на свободу? — спрашивает главный мозгоправ.

— Куплю новый костюм, — отвечает Мандельвитц.

— А потом?

— Встречусь со своей великолепной белокурой подружкой, — говорит Мандельвитц.

— А потом? — спрашивает Поттс.

— Приглашу ее в мотель, — отвечает Мандельвитц.

— Хорошо, — говорит Поттс. — А потом?

— А потом, — отвечает Мандельвитц, — я запру дверь, сяду рядом с ней на кровати, проведу рукой по ее чулкам, сорву с нее трусы, сделаю из них рогатку и повыбиваю в этом доме все окна!

Человек должен быть самим собой.

Однажды Миларепа задал вопрос: *В чем существо празднования?*

Именно это мы здесь делаем, а ты спрашиваешь о существе. Почему бы тебе самому не попробовать? Но ум таков, что он из всего создает вопросы: «Что такое празднование?»

Вместо того чтобы танцевать, смеяться, любить, вместо того чтобы наслаждаться этим молчанием, ум спрашивает: «Что такое празднование?»

Ум похож на дерево, на котором растут вопросы; если ответить на один вопрос, возникнет другой.

Каждый знает, что такое празднование. Я никогда не встречал человека, который не знал бы, что такое празднование. Наслаждение своим существом, наслаждение этим мгновением, этой поразительной Вселенной. Ты не просил, но тебе просто дали эту прекрасную Вселенную, которая бесконечна и вечна. Ты не просил, но тебе дано сознание, которое вечно, которое может стать празднующим. Если ты это позволишь, оно может сделать тебя наиболее здоровым, блаженным, любящим...

Человеком многих времен года и многих радуг.

Есть столько измерений празднования.

Вместо того чтобы отвечать на твой вопрос, я скажу что-то другое. Может быть, ты получишь ответ.

Хайме Голдберг пристрастился к рыбалке и к огромному раздражению Беки стал проводить на берегу реки все свободное время.

Однажды в дверь дома Голдбергов звонит человек, и Беки открывает дверь.

— Добрый день, — говорит человек. — Я ищу мистера Голдберга.

— Я миссис Голдберг, — отвечает она. — Могу я вам помочь?

— Боюсь, что нет, — отвечает человек. — Я по делам Клуба рыбаков. Не скажете ли вы мне, где я могу его найти?

— Конечно, — выпаливает Беки. — Просто пойдите на реку и поищите удочку с червяками на обоих концах.

Много лет Фергус и О'Рэйли были собутыльниками в одном и том же пабе. У Фергуса была горбатая спина, у О'Рэйли — усохшая нога.

Однажды после очередного сеанса в пабе, Фергус срезает угол и идет домой через заколдованное кладбище. Когда он бредет мимо одной из надгробных плит, из-за нее выскакивает привидение.

— Что это у тебя на спине? — спрашивает оно.

— Горб, — бормочет Фергус.

— Я его возьму! — хихикает привидение, Фергус оказывается здоровым и стройным и со всех ног бежит домой.

На следующий вечер Фергус рассказывает О'Рэйли о встрече с привидением, и О'Рэйли решает сам срезать угол через кладбище. Он бредет по кладбищу, и вот выскакивает привидение и спрашивает его:

— Что это у тебя на спине?

— Ничего. — отвечает смущенный О'Рэйли.

— Ладно, — усмехается привидение. — Возьми-ка этот горб!

Рональд Рейган приказывает, чтобы на каждой почте продавалась серия марок с его портретом.

Когда до него доходит, что марки продаются не очень хорошо, он вызывает главного почтмейстера в свой кабинет в Белом Доме и спрашивает почему.

— Это потому, что марки не приклеиваются к конвертам, — объясняет почтмейстер.

Рейган в бешенстве спрашивает, почему почтовые отделения не снабдят марки нужным клеем.

— Дело не в клее, — говорит почтмейстер, — а в том, что люди плюют не на ту сторону!

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

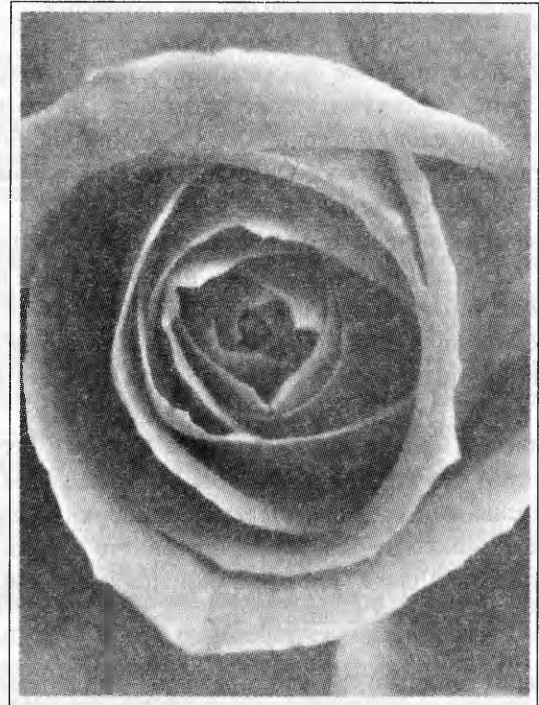
А теперь две минуты абсолютного молчания, никаких движений тела... как будто здесь никого нет.

...А теперь, *отпустите*.

...Возвращайтесь к жизни.

Хорошо, Маниша?

Люби своего верблюда и доверяй

*Доверяй своему разуму, своей любви. Доверяй существованию.
Доверяй всей Вселенной, которая разочаривается так
эффективно... никаких несчастных случаев, столкновений
звезд, ни одна планета не уходит в отпуск... и она такая
безбрежная и бесконечная, что ею не может управлять
даже Бог.*

Любимый Ошо,

Не расскажешь ли Ты о суфийском выражении: «Аллаху доверяй, а верблюда привязывай»?

Иногда я чувствую, что прячусь в пассивности, ожидая, что все случится само. И все же иногда меня приводит в трепет то, как существование постоянно обо мне заботится.

Кумуд, это суфийское высказывание так же старо, как и ошибочно. Никто никогда не указывал на внутреннее противоречие этих слов. Доверяй Аллаху — доверяй Богу, — но сначала привяжи верблюда. Очевидно, за верблюдом приоритет. Бог — это просто верование.

Это высказывание не за Аллаха, оно просто отрицает существование Аллаха. Доверие к Аллаху не может быть на втором месте после чего-то другого. Оно может быть поставлено на второе место, лишь если это абсолютно вымышленное верование. Именно поэтому я говорю, что это абсолютно неправильно.

Фактически, оно говорит: «Сначала привяжи верблюда — а тогда делай что хочешь с Аллахом. Доверяешь ты или нет, сначала привяжи верблюда». Такие поговорки существовали веками, и их никто не оспаривал, потому что возразить может только человек Аллаха. На рыночной площади мира можно найти верблюда, но не Аллаха.

Если доверие тотально, забудь о верблюде, Бог позаботится о нем. Если Бог не может даже позаботиться о верблюде, что он тогда вообще может? Твоего доверия недостаточно даже на заботу о верблюде — кто позаботится о тебе? Кто позаботится о существовании?

Но факт в том, что каждый верит в Бога, и каждый знает, что это только поверье. Это хорошо, это социальная формальность, но не прочувствованная сердцем реальность. Реальная вещь —

это верблюд, — прочувствованная сердцем! Ты не можешь доверить Богу такое важное дело, как привязывание верблюда.

Тогда какой вообще смысл в твоей вере в Бога? Если он такой бестолковый, что не может даже привязать верблюда, лучше забыть об этом Боге, привязать верблюда и принять все возможные меры предосторожности. Вот что говорят эти слова на самом деле, но в таких выражениях, как будто это очень религиозное высказывание.

Оно совершенно нерелигиозно.

Я не верю в Бога и не имею ни малейшего понятия о том, существует ли он, но я верю в доверие. Оно придает вещам странный поворот:

Доверия самого по себе достаточно.

Не сомневайся, доверяй.

Естественно, ты спросишь: «Если нет Бога, кому же доверять?»

Доверяй своему разуму, своей любви. Доверяй существованию. Доверяй всей Вселенной, которая разворачивается так эффективно... никаких несчастных случаев, столкновений звезд, ни одна планета не уходит в отпуск. Все идет так гладко... и она такая безбрежная и бесконечная, что ею не может управлять даже Бог — по причине сушей ее безграничности. Но само существование разумно.

Разум существует во многих формах. Разум, с которым ты знаешь, — это лишь одна из форм многомерного явления — человеческий разум. Но знаешь ли ты, что твое тело тоже разумно — отдельно от тебя. У тела есть собственная мудрость. Оно не задает вопросов: «Что теперь делать? Ты поел...» Оно не спрашивает ни о чем существенном: как превратить эту пищу в кровь, как заменить старые мертвые клетки тела новыми, живыми. Оно даже не просит тебя сделать ему любезность и продолжать дышать, продолжать сердцебиение. Ты не нужен. Ты можешь пойти куда угодно — на футбольный матч — или лечь спать; внутренняя мудрость тела продолжает работу.

И не только когда ты жив! Если ты раскапываешь могилу — только не очень старую, потому что тогда ты найдешь лишь

скелет, — то увидишь, что у человека выросла борода, стали длиннее волосы, ногти. И ты прекрасно знаешь, что этот человек обычно брился два раза в день; он что, забыл? Даже в мертвом теле продолжают некоторые функции; например, рост волос и ногтей. Они не зависят от дыхания; у них своя небольшая территория разума.

Чем глубже человек понимает разум тела... он просто поражен. Каждая клетка — а ты состоишь из миллионов клеток — у каждой из миллионов клеток есть свой разум, и она работает разумно. Так поразительно, что нигде в мире ни одна клетка не идиотка. Человек может быть идиотом, — может быть Рональдом Рейганом, — но это не имеет значения. Клетки работают разумно, продолжают работать, не заботясь о твоём участии или консультации.

Деревья продолжают расти — у них есть собственный разум, собственная чувствительность. Сейчас есть инструменты, определяющие эмоции и переживания дерева. Они похожи на кардиограмму: ты присоединяешь инструмент к дереву и видишь график его чувств. Он очень гармоничен, дерево совершенно расслаблено, и вдруг издалека приходит дровосек. Как только дерево видит дровосека с топором, график тут же меняется и показывает страх; гладкость графика исчезает.

Дерево выходит из себя! Может быть, ты этого не слышишь, потому что у нас разные языки, но дерево посылает сообщение. И все остальные деревья можно тоже присоединить к этому инструменту — когда одно дерево выходит из себя, другие тоже начинают выходить из себя. Ты не слышишь, но другие деревья слышат; они понимают язык друг друга.

И тот же самый человек — это было самым загадочным — если тот же человек с тем же топором идет мимо без намерения срубить дерево, график остается ровным, ритмичным и не показывает никакого страха. Кажется, дерево не только знает о тебе, но и осознает твои намерения. Кажется, его мудрость гораздо глубже нашей, потому что, если к тебе приблизится кто-то с мечом, ты не будешь знать, хочет ли он срубить тебе голову или просто идет своей дорогой. Но дерево каким-то образом чувствует намерение человека.

А когда приходит садовник, график тут же меняется. Он становится танцующим... дерево полно радости, что пришел садовник, который был источником его жизни, который всегда был другом и заботился о нем.

Может быть, у гор есть собственный разум, у океанов, у морей. Все существование как космическое целое может проявлять свой разум по-разному, но оно, несомненно, разумно.

Ему не нужно никакого Бога. Потому что Бог однажды состарится и умрет, и Вселенная останется заброшенной: инженер ушел, и мастерская закрыта. Что будут делать бедные звезды? Откуда они будут получать руководство? Все придет в хаос!

Я слышал, один хирург говорил, что хирургия — древнейшая из наук, потому что Бог вынул ребро из бока Адама и сделал из него Еву. Хирургия — чудесная хирургия, без всякого хлороформа, без всяких сложных инструментов.

Его друг ответил:

— Может быть, хирургия стара, но я творец, художник. Творчество старше хирургии, потому что до творения был только хаос.

Тогда третий друг истерически засмеялся.

— Что случилось? — спросили они. — Почему ты смеешься?

— А кто создал этот хаос? Он был политиком! Без политики невозможно создать хаос.

Поэтому все, что написано в Библии, неправильно — что вначале было слово. Абсолютная чепуха. Вначале был политик. Политик создал хаос, а из этого хаоса Бог создал всю Вселенную. Без политика даже Бог не может создать хаос.

Во всей этой Вселенной звезды не выходят на забастовки, потому что у них нет профсоюзов; розы не заявляют: «Этой весной у нас забастовка, и никаких роз не будет, потому что мы не получаем нужного питания. Многие розы безработные — нужны рабочие места; иначе мы не расцветем».

Нет, существование просто продолжается, гладко, без всяких сбоев. Ему не нужно никакого Бога, Бог — это просто пришедшее ему свойство разума.

Поэтому не нужно доверять никакому Аллаху. Что это за доверие, если говорят: «Сначала привяжи верблюда»? Утверждение очень ясно. Оно говорит, что не важно, доверяешь ли ты Богу. Привяжи верблюда, а потом занимайся *намазом*, молитвой, медитацией, но не доверяй Богу и не оставляй верблюда без привязи!

Я не согласен с такой поговоркой.

Я хотел бы тебе сказать, привяжи верблюда и доверься собственному разуму; доверься разуму существования.

Доверие — это другое название любви.

Люби себя и люби все, что тебя окружает. Если само твое существо становится просто любящим существом, может быть, тебе даже не придется привязывать верблюда. Ему не позволит уйти твоя любовь.

Не нужно создавать цепи, не нужно создавать тюрьмы. Любви достаточно. Но любовь — это не верование, любовь — это реальность. Она в самом биении твоего сердца, это твой опыт. Она не в писаниях; она не христианская, не индуистская, не мусульманская.

Любовь — это цветение твоего внутреннего существа, подобное цветению розы.

Именно поэтому я назвал это собрание и серию бесед «Мистической Розой». Мистическая, потому что лишь глупцы думают, что жизнь можно понять. Чем больше твой разум, тем острее ты будешь осознавать свое невежество; чем ты мудрее, тем меньше ты знаешь. Мудрее всех тот, кто становится абсолютно невинным, и вся жизнь, существование во всех его измерениях становится просто тайной. Тайной, которой можно наслаждаться, радоваться, прожить, но не понять. Сама попытка понять существование оскорбительна. Любовь не хочет понимать; любовь просто хочет делиться.

Доверие просто означает, что ты живешь не из сомнения. Ты не живешь жизнью скептического ума. Ты не живешь в подо-

зрении, ты живешь как невинный доверчивый ребенок. Только в атмосфере доверия и любви, только в этом духе таинственности могут расцвести твои розы, и твоя жизнь может стать садом. Ты знаешь, что в каждое мгновение продолжает случаться то, о чем ты не просил; и все же ты так застенчив, что не можешь даже выразить благодарность.

Кумуд, ты говоришь: «Иногда я чувствую, что прячусь в пассивности, ожидая, что все случится само собой. И все же иногда меня приводит в трепет то, как существование заботится обо мне». Вторая часть соответствует действительности: существование заботится о тебе, чего ты можешь даже не осознавать. Не нужно беспокоиться, потому что все, что нужно, случится.

Я не религиозный человек в том смысле, чтобы быть слепым верующим, — я прямая противоположность. Но что правда, то правда, этого нельзя отрицать. Я не могу отрицать собственного опыта. Я никогда не заботился о себе; я никогда не думал о завтра и никогда не думал о вчера. Я просто жил от мгновения к мгновению, день за днем...

Иисус прав, когда говорит: Господи, дай нам наш ежедневный хлеб. Его Бог вымышлен, но идея о том, чтобы просить ежедневный хлеб, совершенно правильна — потому что каждый попросил бы по крайней мере трехмесячный запас — хлеб на один день? А что будет завтра, если Бог будет занят? Ежедневный хлеб? Это просто способ Иисуса сказать, что одного дня достаточно, не проси большего. Завтра никогда не приходит, всегда сегодня, и сегодня достаточно, чтобы наслаждаться, радоваться, любить, танцевать, петь. Не трать его на сомнения, не трать его на желания, не трать его на стремление к отдаленным целям.

И это и твой опыт: «Иногда меня приводит в трепет то, как существование постоянно заботится обо мне».

Всегда осознавай это, и ты никогда не будешь несчастным и никогда не испытываешь страданий; ты никогда не будешь чувствовать отчаяния и тревоги. Человек доверия ничего не знает об этих вещах. Эти вещи — опыт людей, полных сомнения.

Скептицизм — это худшее бедствие из всех, случившихся с человеческим умом. Даже если целый рай дадут скептическиму уму, он не будет счастлив. Он всегда будет просить большего, он спросит, реально это или эфемерно: «Это правда? Не сон ли это?» Его сомнения не оставят его и в раю. Кто знает, может быть, он заснул и видит сны.

Кто знает, не сон ли это?

Но для человека доверия даже сон становится прекрасным опытом. Для человека доверия даже сон не вызывает сомнений, не создает скептицизма. И Аллах не имеет с этим ничего общего. Люби своего верблюда — я не говорю, привязывай верблюда, потому что это показывает, что ты его не уважаешь; ты не уважаешь свою любовь к верблюду.

Это случилось в одном из университетов, в которых я был аспирантом. Я делил комнату с другом. Друг был kleптоманом — просто красть... Не то чтобы он был вором. Это была психологическая болезнь — воровство приносило ему радость.

Сейчас на Западе в магазинах столько мелкого воровства, что большие магазины заводят психиатров, чтобы лечить своих покупателей — в основном, женщин, которые воруют без всякой причины, просто ради радости обмануть всех этих дураков.

И мой профессор предупредил меня:

— Ты не должен допускать, чтобы этот мальчик был твоим соседом по комнате.

— Но с ним не хочет жить никто другой, — ответил я. — Фактически, у меня нет такой необходимости — эти комнаты были одиночные, — но мне просто жаль, что он не может получить комнату. Все комнаты заняты, и никто не хочет пускать его к себе. А мне нужно не так много места.

— Ты не понимаешь, — сказал профессор, — он kleптоман, он будет красть у тебя вещи.

— Об этом нечего беспокоиться. Прежде всего, я пришел в этот мир абсолютно голым. В промежутке очень глупо думать, что ты чем-то владеешь. Я ничем не владею, я просто пользуюсь. А если он что-то заберет, в этом нет никакого вреда — он будет пользоваться.

Для меня будет прекрасным опытом жить с kleптоманом, а я всегда заинтересован в новом опыте. Это хороший шанс — я не могу его упустить.

Мальчик это услышал и сказал мне:

— Ты странный! Все они правы, это правда: я все краду.

— Не волнуйся, все, что у меня есть, — твое с самого начала.

— Нет! Это значит, что мне нечего украсть!

— Это твое дело, но все в этой комнате принадлежит тебе.

— Ты очень трудный человек, — сказал он. — Я никогда об этом не думал. Я наслаждаюсь, когда краду!

— Ты можешь красть.

— Но, — сказал он, — если все принадлежит мне, какой смысл? Просто переключать это из одного кармана в другой — пустая трата времени.

— Что ты тогда хочешь?

— Пусть твои вещи будут твоими, а мои — моими.

— Ладно, но помни, что у меня тоже kleптомания.

— Боже мой, ты все крадешь?

— Краду; иначе откуда у меня все эти вещи? Иначе почему я впустил бы тебя, когда никто больше не хотел тебя пускать? Когда я увидел, что, кажется, ты хороший парень, увидел твои чемоданы, я подумал: «Вот и отлично!»

— Но это значит, что ты будешь воровать?

— Буду.

Мы жили вместе, и это было великим опытом. Я брал вещи из его чемоданов, а когда он приходил, он снова клал их в чемоданы.

В конце концов он сказал:

— Это глупо. Из-за тебя я не могу никуда пойти. В тот момент, когда я выхожу, немедленно мои вещи оказываются у тебя в чемоданах.

— Есть только две возможности: либо все принадлежит мне, и тогда я не краду, либо все принадлежит тебе, и ты не крадешь. Обдумай это.

— Это очень трудная ситуация. Если я скажу, что все принадлежит тебе... этого я не могу сказать. Мои вещи принадле-

жат мне! И я не могу принять, что все принадлежит мне, потому что тогда вся радость воровства...

— В любом случае, тебе решать. Я оставляю все в твоих руках.

Он помолчал некоторое время, а затем сказал:

— Лучше пусть все принадлежит тебе. Я буду красть где-то в другом месте. В других комнатах — они оставляют окна открытыми...

— Это хорошо, но помни: все, что ты приносишь сюда, в тот момент, когда тыходишь в комнату, становится моим.

— Ты все осложняешь! Я отдал все мои вещи, и теперь, даже если я что-то принесу, это станет твоим?

— В *этой* комнате. Ты можешь держать вещи где-то еще, меня это не заботит.

— Куда же еще я могу их положить?

— Я готов и к другой альтернативе — как и прежде.

— Нет, другую альтернативу я не могу принять, — сказал он.

И он крал вещи из кафе. Ему не нужны были вещи, ему приносило радость *воровство* — чей-то туфель! И я говорил:

— Что ты будешь делать с этим туфлем?

— Дело не в этом, дело в том, что *он* будет делать с одним туфлем! Я так наслаждаюсь...

— Тогда сохрани этот туфель и найди другой.

— Какая в этом необходимость? Нам не нужны эти туфли, они не нашего размера.

— Найди второй туфель.

— Пусть страдает! Зачем?..

Но он наслаждался каждым мгновением. Я никогда не видел его несчастным, потому что он делал несчастными столько других людей! Единственной проблемой для него оставалось то, что, когда он приносил что-то в комнату, это становилось моим. И мне приходилось искать человека, у которого он взял туфель, отдавать его ему и говорить:

— Не волнуйся — и не заявляй в полицию.

Чей-то велосипед... что угодно! В тот день, когда он принес велосипед, я спросил:

— А ты умеешь на нем ездить?

— Не умею, но это неважно. Что будет делать этот парень? И в любом случае, он мне не принадлежит; в этой комнате он стал твоим. Я наслаждаюсь, когда краду; ты наслаждаешься, используя эти вещи, или, если хочешь, можешь отдать его обратно этому парню. Мы оба наслаждаемся; в этом нет никакого вреда.

Через шесть месяцев он сказал мне:

— Все слишком сложно. Когда я возвращаюсь в комнату, мне так грустно — я приношу все эти вещи, а они мне не принадлежат, и я не могу ими пользоваться. И если я их беру... куда мне их нести? Я не могу воровать; это бессмысленно; это как переодевание.

Однажды я встретил его в университете в моем плаще. Я сказал:

— Отлично! Ты еще что-то взял?

— Нет, только плащ. И только ради радости — я никуда не иду, только хожу по университету.

— Когда вернешься, повесь плащ на место. И помни... это твои туфли?

Он посмотрел и сказал:

— Мои!

— Если ты можешь носить мой плащ, я буду носить твои туфли. Нет проблем.

— Нет, это неправильно, — сказал он.

— Отдай мне плащ, забирай свои туфли и иди к черту! — сказала я.

Через шесть месяцев он съехал. Он сказал:

— Ты опасный человек. Я жил со столькими людьми, обманывал их, но тебя обманывать трудно. Наоборот, я забираю у людей вещи с таким трудом, рискуя быть пойманным, и в конце концов они становятся твоими! И теперь весь университет знает, что я клептоман.

...Потому что я всех предупреждал: «Если у вас что-то пропало, приходите ко мне».

Он сказал:

— Ты наслаждаешься за мой счет. Я ворую, рисковую, и вот приходит человек и говорит, что все принадлежит ему. Я уйду. Я буду жить где угодно, даже на улице, но не с тобой.

— Прекрасно, — сказал я, — только дай мне посмотреть, какие вещи в твоих чемоданах твои, а какие мои, и сколько вещей принадлежит другим людям. Просто вынь их и живи где хочешь.

Он сказал:

— Ты все портишь! Но я нашел невинного человека, который готов принять меня в соседи, не зная, что я клептоман...

— Сколько ты сможешь обманывать этого человека? Через несколько часов он узнает, потому что все его вещи исчезнут в твоих пустых чемоданах. И я пойду с тобой и скажу ему: «Не волнуйся, этот парень безвреден; он просто наслаждается тем, что все кладет в свои чемоданы. Когда он уйдет, возьми все обратно; можешь также положить его вещи в свои чемоданы. Это только игра, нет никакого вреда».

Человек сказал:

— Если ты пойдешь со мной, нет никакого смысла переезжать. Я буду жить здесь. Кажется, мне на роду написано с тобой страдать...

— Страдать? — сказал я. — Я наслаждаюсь каждым мгновением!

Все зависит от того, как ты принимаешь жизнь. Если у тебя собственнический ум, ты обречен быть несчастным. Если ты очень жадный человек, ты будешь в глубокой боли. Если ты стремишься к успеху, власти, престижу, ты будешь двигаться в направлении, где происходит только безумие, самоубийство и все виды ада. Ничто в этом мире не терпит такого поражения, как успех, хотя поговорка говорит по-другому: «Ничто так не успешно, как успех».

Я говорю: «Ничто так не безуспешно, как успех». Потому что, когда ты достигаешь вершины, то выглядишь очень глупо.

Когда Генри Форд умирал, его спросили:

— Какими будут ваши последние слова?

— Я был хорошим скалолазом.

— Скалолазом? Что вы имеете в виду?

— Любая лестница — я хорошо по ней карабкался, я добирался до вершины. И тогда я чувствовал себя глупо — куда оттуда идти?

Эдмунд Хиллари на Эвересте... Что, по-вашему, он чувствовал? Сколько дней он там провел? — всего две минуты. И за эти две минуты единственным возможным опытом было подумать: «Какой я идиот, что я здесь делаю?» Рискуя жизнью — до него погибли тысячи людей — прекрасно зная, что он идет по опасному маршруту, и совершенно нет никаких причин туда лезть. Если бы его спросили: «Зачем ты туда лезешь?» — он ответил бы: «Только потому, что Эверест стоит непокоренный. Это ранит мое эго. Человек должен завоевать все!»

И когда он вернулся, он не выглядел как человек, получивший огромную радость — просто усталый, оборванный, больной. И когда его спросили: «Наверное, это было огромным наслаждением?», он ответил: «Не беспокойте меня, потому что это уже было огромным беспокойством. Достичь вершины Эвереста — самая глупая мысль, которая когда-либо приходила мне в голову. Я никогда не думал о том, что я буду там делать». Ты не можешь ничего купить — ни выкурить сигарету, ни сходить в кино. Никто тебя не видит и не фотографирует.

Кумуд, научись чему-то из этих опытов трепета, когда ты видишь, что существование заботится о тебе. Ты часть существования — твои корни невидимы, но они есть. Руки существования невидимы, но они обнимают тебя. Все, что тебе нужно, — это глубоко центрированное, расслабленное, доверяющее существо, и чудеса начнут случаться.

Ребята в пабе организуют Большой Рождественский Розыгрыш и назначают главный приз — ночь в самом роскошном борделе Бангкока.

Пэдди выигрывает, и вернувшись, описывает друзьям свои ощущения.

Он говорит о портъерах из золотых бусин, чувственных ароматах, музыке, экзотической еде, которую подают обнаженные двенадцатилетние девочки, и других прелестях.

Его речь оканчивается словами:

— ...это вам не Дублин, это уж точно!

В конце концов Пэдди описывает самую красивую женщину, которую он только видел, одетую в белый атлас. Она спустилась по лестнице, мягко взяла его за руку и повела в свою ароматную постель.

— ...это вам не Дублин, это уж точно! — говорит Пэдди.

— А потом? — спрашивают друзья. — А *потом*?

— А, — отвечает Пэдди, — потом все было совсем как в Дублине.

Несколько действительно серьезных вещей...

Мир так серьезен, что его нужно разбудить смехом. Для меня смех — это самая серьезная вещь в мире: если весь мир научится смеяться, не будет никаких войн, не будет никакой бедности, не будет никаких индуистов, мусульман и христиан, потому что все это шутки! Не будет никаких национальностей, потому что это так глупо: если весь мир твой, зачем без необходимости проводить линии на карте? Эта Земля едина, человек един; его жизнь, его смерть, его опыт един — зачем разбивать на части эту прекрасную планету?

Пэдди и Син пьют поздно ночью в пабе, и Пэдди говорит:

— Я лучше пойду домой, а то Маурин меня убьет. Как бы тихо я не прокрадывался домой, она всегда просыпается и кричит на меня.

— Ты должен сделать одну вещь, — самоуверенно говорит Син. — У меня есть система. Как бы поздно я ни вернулся, я хлопаю дверью, топаю на лестнице, включаю свет в ванной, снимаю одежду, прыгаю в постель, хлопаю Бриджит

по попе и говорю: «Привет, милая! Как насчет кусочка задницы?» И поверишь ли? — она крепко спит!

Сэйди приходит домой со свидания в экстазе.

Она швыряет пальто на стул, бросает сумку на пол и разбрасывает оставшуюся одежду по всей спальне.

Когда на следующее утро она спускается к завтраку, ее мать спрашивает, хорошо ли она провела время.

— Потрясающе! — вздыхает Сэйди. — Просто *потрясающе*.

— Я так и думала, — говорит мать. — Твои трусы прилипли к поголку и до сих пор висят.

Прежде чем перейти к молитве, молчанию... еще немного хаоса:

— Ты сказал мне неправду об осле, которого продал на днях, — говорит фермер Гайлз. — Ты сказал, что он очень трудолюбивый и прост в обращении, но я так и не смог заставить его сдвинуться с места.

— Давай-ка на него посмотрим, — говорит Пэдди.

Они идут в поле, где стоит впряженный в плуг осел, не обращая ни малейшего внимания на фермера.

Пэдди поднимает большую палку и колотит осла по голове, пока она не ломается.

— А теперь испробуй его, — говорит он.

— Но! — кричит фермер Гайлз, и осел бодро трогается с места.

— Не понимаю, — говорит фермер, — ты же сказал мне обращаться с ним мягко!

— Конечно, — отвечает Пэдди, — но сперва ты должен привлечь его внимание.

Двое бродяг, Монти и Альберт, сидят вместе на лавке в парке.

Монти, всегда худой и истощенный, спрашивает Альберта, как ему удастся выглядеть упитанным и довольным.

— Я выработал систему, — говорит Альфред. — Я подбираю с поля лепешку коровьего навоза, а потом иду в большой дом и прошу для него немного соли и перца. Конечно, люди смотрят и говорят: «Это нельзя есть» — и приглашают меня в дом на обед, а потом я иду в кафе с некоторым количеством денег в кармане.

Монти находит, что это прекрасная мысль. Он находит очень старую, засохшую коровью лепешку и стучится в самый большой дом в округе.

— Извините, мадам, — говорит он женщине, открывшей дверь. — Но не найдется ли у вас немного соли и перца для моего обеда?

— Вы не можете это есть! — кричит дама с отвращением. — Вы заболеете. Пойдите в коровник за углом и возьмите свежую.

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

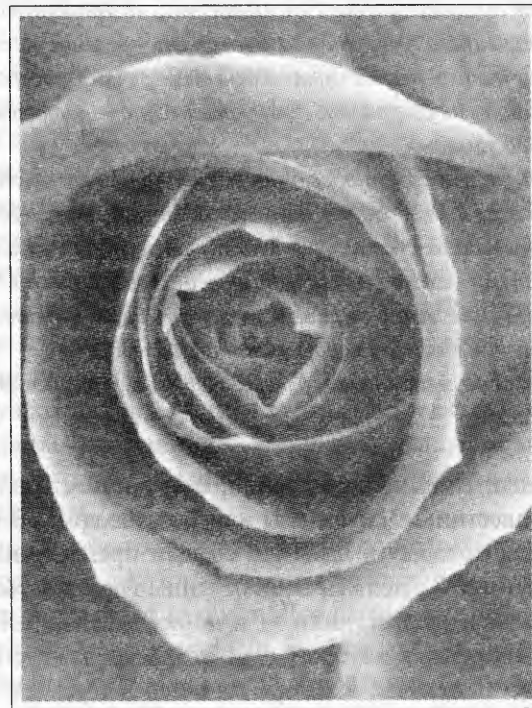
А теперь две минуты абсолютного молчания, закройте глаза, никакого движения. Пусть этот храм будет тихим, как будто в нем никого нет.

...Позвольте.

Возвращайтесь... Возвращайтесь к жизни.

Хорошо, Маниша?

Достаточно искусства слушать

Прежде чем ты сможешь услышать собственное сердце, ты должна будешь слушать песню реки, песню порыва ветра в кронах сосен. Ты должна будешь слушать молчание, которое царит здесь в это самое мгновение.

Любимый Ошо,

В «*Esse Homo*» Ницше написал:

Тот, что говорит здесь, не пророк из числа тех печальных гибридов патологии и воли к власти, что называются основателями религий. Слушатель должен быть превыше всего, чтобы уловить тон, этот безмятежный тон речей, что роняют его уста, чтобы не совершить плачевной несправедливости к смыслу его мудрости...

Тот, что говорит здесь, не фанатик, и нет у него никаких проповедей, и не требует он никакой веры: из вечного изобилия света и глубины счастья падает капля за каплей, слово за словом — темп нежной плавности определяет скорость этих дискурсов. Такие вещи достигают лишь самых избранных: быть слушателем здесь — несравненная привилегия.

Ошо, это, несомненно, о Тебе. Не был ли Ницше твоим предвестником?

Маниша, Ницше, несомненно, мой предвестник, как мои предвестники Чжуан-цзы или Бодхидхарма. В мире были мистики, которых я называю своими предвестниками. Но это не значит, что я должен во всем с ними соглашаться.

Они только предвестники — я не *пост*вестник! Я — это я сам. Есть пункты, в которых я не согласен даже с Гаутамой Буддой, и есть пункты, в которых я не соглашусь и с Фридрихом Ницше. Но дух Фридриха Ницше, несомненно, мне ближе всех, включая Гаутаму Будду, — по той простой причине, что это единственный мыслитель, который не вызвал слепого следования. Он остался отстраненным и одиноким. Все, что он просил, — просто будь слушателем. Он никогда не просил ему сдаваться. Вот в чем он отличается от многих основателей религий. Они — поработители человека.

Может быть, Фридрих Ницше неправ во многих пунктах, но, несомненно, это человек, который любит свободу и уважает

индивидуальность другого. Он так любит другого, что не может превратить его в последователя. Потому что превратить другого в последователя — значит его разрушить, разрушить его цельность, его подлинность; значит создать лицемера, духовного раба. И именно это делали все основатели религий. Они создали во всем мире духовное рабство.

По крайней мере, Ницше не совершил этого греха. Он был способен — гораздо больше, чем Иисус или Мухаммед, Махавира или Кришна, — производить на людей впечатление, влиять, завоевывать слепых последователей. Но он этого не сделал, и за это я его очень уважаю.

Он никогда никому не позволял быть последователем. Все, что он просил, — это быть тем, кого Махавира называет *шраваккой* — слушателем. Ты должен только быть слушателем. Достаточно искусства слушать; не требуется никакой другой дисциплины. Если ты рядом с таким человеком, как Фридрих Ницше, тогда само слушание трансформирует твое существо.

Больше ничего не нужно.

Но слушать не так просто, потому что ум постоянно болтает. Даже когда ты слушаешь, ум не молчит. А если ум не молчит, ты не можешь быть слушателем; ты можешь только слышать, но не можешь слушать.

Тебе нужно понять разницу — ясно понять — между слышанием и слушанием. Каждый, у кого есть уши, слышит, но это не значит, что он сможет слушать. Для слушания требуется больше, чем просто механизм ушей; человек должен уметь быть таким, чтобы его сердце и уши объединялись. Обычно они абсолютно разъединены. Уши ведут к уму, не к сердцу. И в основе всего вашего образования, религиозного или мирского, лежит фундаментальное правило: каждого ребенка нужно заставить подключить уши к мыслительному процессу, не к любви, не к сердцу.

Только сердце знает молчание, способное слушать. Только влюбленный слушает; все остальные только поддерживают разговор.

Это напоминает мне о двух профессорах, которые сошли с ума, — в этой профессии это случается нередко. Быть профессором — значит уже быть на грани.

Суперинтендант сумасшедшего дома подумал, что, так как оба профессора имели великую репутацию, интересно будет поселить их вместе и посмотреть, что из этого выйдет.

И он поместил их в одну палату и, спрятавшись, попытался подслушать происходящее. Вскоре он почувствовал, что если послушает еще немного, то *сам* сойдет с ума! В палате происходил великий диспут, но никто никого не слушал. Один профессор говорил, другой молчал; казалось, он слушает. Когда первый замолкал, второй начинал говорить — но проблема была в том, что между ними не было никакой связи! Первый говорил одно, а второй отвечал совершенно другое — даже отдаленно не связанное с первым!

Суперинтендант некоторое время слушал, но затем почувствовал, что запутался... самым загадочным было, почему один замолкает, когда второй начинает говорить? Желание узнать это было непреодолимым. Он открыл дверь палаты и спросил, что происходит.

Они сказали:

— Ты что, оглох? Происходит великая беседа. Ты думаешь, мы не умеем беседовать? Один говорит, другой молчит — это простой метод. Пусть говорит все, что хочет. Когда он устанет, настанет моя очередь. Тогда я отомщу! Мы благодарны, что ты поместил нас вместе. Эта беседа продолжится день за днем. Это вопрос престижа.

Когда я об этом услышал, я подумал: не это ли происходит во всем мире? Такое умение вести беседы — один говорит, другой молчит — не значит, что он действительно молчит. Это просто значит, что он *притворяется*, что молчит. Его ум свивает тысячу и одну мысль. Его ум где-то далеко, а он притворяется, что внимательно слушает.

Это происходит повсюду. Даже если ты видишь, что разговор очень дельный, его дельность — это произвольная стратегия. Ты остаешься молчаливым и продолжаешь ткать свои мысли, прятать тысячу и одну мысль; где-то, за углом, в уши падают слова. Из них ты выхватываешь отдельное слово и с него запрыгиваешь в разговор. Разговор кажется связным; он совершенно несвязный, это только притворство. Ты делаешь точно то же, что и эти два профессора.

Фридрих Ницше говорит: Все, что нужно знать, — это искусство слушать. Слушать ветры, слушать облака, слушать танцующие деревья, падающие листья — в полном молчании, чтобы ум не свивал никаких мыслей, чтобы не происходило никакого мышления — вот самое основное в слушании. Это не значит, что ты должен соглашаться. Нет вопроса о согласии, потому что Фридрих Ницше не такой человек, который хочет, чтобы с ним соглашались. Он просто хочет, чтобы его поняли, а дальше — твое дело, согласен ты или нет. Согласен ты или нет — по крайней мере выслушай!

Естественно, очень немногие люди в мире способны быть молчаливыми, медитативными, способны слушать. Это странное явление: если ты можешь научиться этому искусству, дело уже не в том, чтобы слушать мои слова или слова Фридриха Ницше. Дело в искусстве слушания.

Оно у тебя внутри.

Другими словами, я называю это медитацией — просто быть молчаливым. Даже слушание не дает аккуратного описания состояния, которое необходимо, чтобы найти истину собственного существа. Но слушание, несомненно, один из самых легких методов медитации.

Весь смысл пребывания с мастером в том, чтобы научиться слушать не только слова, но и молчание. И не только молчание, но и его жесты, глаза, само его существо, биение его сердца.

Потому что биение сердца мастера сонастроено с биением сердца Вселенной. Если ты можешь сонастроиться с мастером, сам того не зная, ты состроишься со Вселенной. Мастер — это только средство. Может быть, Вселенная — это слишком

много — если бы кто-то сказал: «Пойди и сонастройся со Вселенной», это было бы слишком много, почти непостижимо.

Мастер просто говорит: «Слушай, что я говорю, и слушай внимательно, чтобы не упустить молчание». При помощи этой простой стратегии мастер подводит тебя ближе ко Вселенной. А когда ты научишься слушать, мастер исчезнет, устранился и позволит тебе слушать ветер, дождь, облака и весь пульс Вселенной. В этом слушании ты раскроешься; твой бутон станет распутившейся розой.

Я просмотрю вопрос еще раз, потому что именно это я здесь делаю.

Тот, что говорит здесь, не пророк...

Все религии и их священники, высшие священники, против меня по той простой причине, что я говорю, что каждый, кто претендует на то, чтобы быть пророком, ненормальный. Будущее всегда неизвестно. В этом его красота, в этом все приключение жизни: постоянно идти в неизвестное. Пророк объявляет: «Я знаю, что произойдет завтра. Я знаю, что произойдет через двадцать пять веков». Пророк объявляет, что для него будущего нет; для него нет ничего неизвестного. Он низвел все неизвестное до известного.

Естественно, он не просит слушать; он просто просит верить. Дело не в понимании, дело в отречении от себя, тотальном приятии, вере. Не случайно все религии называются «верами». Они основаны на вере. И ни один из пророков не оказался прав в своем пророчестве.

Сама идея «Я знаю, а ты не знаешь» бесчеловечна. Она некультурна, нецивилизована. Может быть, я что-то испытал и хочу поделиться с тобой, но я не могу объявить тебя невеждой. Я могу только сказать: «Может быть, ты это упустил, может быть, ты прошел мимо. Может быть, по невинности ты на это не посмотрел».

Я не могу назвать тебя невежественным, подразумевая, что я знаю, и принизить тебя, отнять твое достоинство, свободу, поиск и предложить тебе верить. Это делали все пророки. Пророки — это преступники высокого класса, потому что они разрушают свободу человека, его достоинство, его собственный

поиск и исследование. Они просто дали тебе заповеди. Кто они такие?

Просто посмотри на жизни этих людей — и ты увидишь, что, должно быть, они были ненормальными. Но им поклонялись — и до сих пор поклоняются. Никто этого не оспаривает.

В Индии Кришна — великий пророк — а он был причиной величайшей из всех индийских войн. Он попытался убедить лидера одной из партий — своего ученика Арджуну — идти на войну. Хорошо, что Рональд Рейган не нашел своего Кришну. Арджуна пытался спорить; всю *Шримад Бхагавадгиту* он спорит и возражает: «Нет необходимости в войне — какое это имеет значение, буду ли править я или мои братья? В этой войне будут замучены миллионы людей. Победа не будет великой победой; она будет победой над миллионами мертвых. Я лучше пойду в Гималаи и отрекусь от мира».

Но Кришна не отпускал его. И последняя стратегия, к которой он прибег, когда все аргументы иссякли и он не смог убедить Арджуну: «Послушай, — сказал он, — это решение Бога; я говорю как проводник Бога. Я совершенное воплощение Бога; мое слово — это слово Бога. Твое предназначение — идти на войну».

Теперь о споре не может быть и речи. С Богом не спорят. Даже если ты его встретишь, ты не будешь с ним спорить — это выглядит неправильно. И когда Кришна сказал: «Я совершенное воплощение Бога», Арджуна просто пошел на войну и искалечил всю страну на пять тысяч лет. Эта война была такой разрушительной, и ее раны в существе Индии еще живы. Индия стала так бояться войны, что всевозможные проповедники ненасилия... Не было ни одной войны. Это не совпадение. Без Махабхараты, великой войны, созданной Кришной, было бы невозможно учение Махавиры против войны, учение ненасилия Будды, потому что люди увидели, к чему может привести насилие.

Но даже эти пророки... Махавира так настаивал на ненасилии, что растянул логику за пределы психического здоровья. Нельзя даже быть садовником, потому что тогда тебе придется подрезать растения, а у каждого растения есть жизнь. Поэтому

последователи Махавиры не становятся садовниками. Понятно, что не нужно убивать ради еды; это бесчеловечно, это варварство. Но доводить этот аргумент до глупости и абсурда...

Но Махавира абсурден во многом. Человек не должен владеть вещами. Это понятно, потому что, если человек владеет вещами, это создаст богатых, бедных и классовую борьбу и однажды возникнет коммунизм и столкновение между коммунизмом и капитализмом. Если бы Махавиру послушали — «Не владей, делись», — тогда не было бы бедности и богатства, но была бы счастливая и комфортабельная жизнь. Но доведите что угодно до крайности — и это станет абсурдным. Махавира довел аргумент до того, что отбросил даже одежду, чтобы ничем не владеть.

Заставить все человечество быть голым? Это будет сушей чепухой. Человек больше не может оставаться голым во все времена года. Может быть, миллионы лет назад были времена, когда человек оставался голым, как животные, но тогда все его тело было покрыто шерстью, которая его защищала. Когда приходит зима, у животных растет шерсть, когда приходит лето, они линяют. Но теперь тело совершенно забыло этот язык. Заставьте кого-то оставаться голым и посмотрите, вырастет ли у него зимой шерсть! Скорее всего, он умрет. Или будет едва живым, он будет все время дрожать, потому что дрожь немного согревает. У него будут стучать зубы, потому что это создает тепло.

Но Махавира настаивал: «Если хотите узнать истину, вы должны достичь состояния наготы». Именно поэтому он отказывал женщинам в возможности достичь истины. Сначала они должны достичь того, чтобы родиться мужчинами, потому что только мужчина может достичь истины, потому что только мужчина может оставаться голым. Только из-за одежды женщины не могут... одежда мешает женщинам реализовать свою душу.

Здоровье значит равновесие. Здоровье значит всегда быть посередине, а безумие значит всегда двигаться в крайности.

Махавира претендовал на то, что был последним пророком в своей линии — а в его линии было только двадцать четыре пророка; двадцать три уже были, он был двадцать четвертым. За звание двадцать четвертого пророка было большое соревнова-

ние. Были люди, которые говорили Махавире: «Ты не двадцать четвертый пророк, я двадцать четвертый пророк». Как решить? У них не было на теле номеров, татуировок: «Этот парень двадцать четвертый».

Но Махавира оказался гораздо безумнее остальных семи.

Гаутама Будда тоже в этом участвовал; он был одним из претендентов. Но он был недостаточно безумен, чтобы отбросить одежду; он выбыл из состязания. Не было смысла. Махавира был таким яростным экстремистом, что даже не позволял лезвию коснуться своего лица, не мог подстричь волосы или бороду. Он выдергивал волосы руками, потому что пользоваться лезвием — значит зависеть от вещей. Предельная свобода требует, чтобы ты ни от чего не зависел, поэтому ему приходилось выдергивать волосы руками... Гаутаме Будде это не удалось. Это было слишком; этот человек был слишком безумен; лучше было выбыть из состязания.

Остальные шестеро были того же статуса, того же разума... но каждый из них пытался быть кем-то особенным, пророком. Это был последний шанс. Пройдут миллионы лет — лишь тогда появится первый пророк. Поэтому проиграть было нелегко — «Ничего страшного, пусть сегодня побудет пророком, а я буду завтра». Завтра было слишком отдаленным.

Согласно джайнской традиции, когда существование кончается и начинается новое, снова приходят двадцать четыре *тир-танкары*. После Махавиры пройдут миллионы лет — если только Рональд Рейган не сойдет с ума по-настоящему.

Но не думаю, что ему хватит духу, и, в любом случае, он ничего не знает о Махавире.

Эти шестеро должны были найти свои способы быть особенными. Гаутама Будда, увидев, как трудно состязаться с Махавирой... потому что у Гаутамы Будды было более чувствительное тело. Он был более красивым человеком, выросшим в роскоши, и не мог состязаться с Махавирой, у которого было такое сильное тело, что он мог тридцать дней поститься и всю зиму ходить голым.

Но Будда тоже должен был быть особенным, и он создал идею: «Я не из той линии, в которой Махавира двадцать четвер-

тый. Я принадлежу к другой линии пророков. Фактически, моя линия это *моя собственная* инкарнация двадцать четыре раза. Раньше я был в этом мире двадцать три раза, и это мой последний приход».

Число двадцать четыре стало таким важным, потому что джайны говорили: «У нас двадцать четыре тиртханкары». И Будда создал абсолютно вымышленную историю... У джайнов было двадцать четыре тиртханкары, и Будда тоже создал двадцать три воплощения, абсолютно вымышленных. Его собственная инкарнация!

Индуисты пришли в растерянность, потому что до сих пор они верили в десять инкарнаций бога. Теперь они выглядят очень бедными. У буддистов двадцать четыре, у джайнов двадцать четыре, а у них только десять? После Гаутамы Будды и Махавиры все индуистские писания отбросили идею о десяти. Они изыскали двадцать четыре. Число двадцать четыре стало абсолютной необходимостью.

А причина, по которой индуисты верили в десять воплощений, была в том, что у человека десять пальцев. Человек считает — особенно в первобытные времена — на пальцах, и десять — это предельное число. И фактически это *и есть* предельное число. После десяти все повторяется: одиннадцать, двенадцать, тринадцать... еще одно повторение десяти чисел. Можно продолжать до миллиона, миллиарда, но все это будут одни и те же десять цифр — снова и снова десять.

Джайны, увидев индуистскую идею десяти и не желая никому подражать, нашли свой выход. Они сказали: «Так как в дне и ночи двадцать четыре часа, во всем цикле существования двадцать четыре тиртханкары. На каждый из двадцати четырех часов приходится один тиртханкара».

Иисус постоянно пытался убедить евреев только в одном... потому что Моисей предсказал: «Я риду вас спасти», и евреи ждали его прихода. А Иисус сказал: «Я пришел — я тот пророк, о котором говорил Моисей». И евреи не могли поверить, что сын плотника, незаконнорожденный, необразованный...

У них были великие ученые раввины — Иерусалим во времена Иисуса был очагом великой учености и мудрости. Они не

могли принять этого необразованного парня, который вел себя как деревенщина. Он не мог себе позволить ничего, кроме ослы, — он сидел на своем осле, и за ним следовали двенадцать необразованных, неграмотных, бедных людей, которые стали его последователями, потому что он дал им утешение и обещание: «Если вы последуете за мной, я, единственный сын Бога, приведу вас в Его Царство».

Эти бедняги прекрасно знали, что сами по себе не смогут попасть в Царство Бога, а этот парень... кто знает? Может быть, он прав. Можно сомневаться, но терять нечего. Не исключено, что в конце концов он окажется прав. Если он окажется неправ, мы ничего не потеряем, потому что у нас ничего нет.

И все эти двенадцать апостолов идут за ним, а он объявляет, — сидя на осле — переходя из деревни в деревню: «Я единственный сын Бога, я последний пророк евреев». Евреи не могли этого потерпеть. Это было слишком. Шутка не должна выходить за определенные рамки. Иудея была небольшой территорией, неизвестным уголком мира. Обидно было каждый день сталкиваться с этим парнем, который смотрит на вас как на грешников, и только его двенадцать последователей — добродетельные святые. И он — единственный сын Бога! И последний пророк евреев!

В конце концов они так на стену... Иисус ничего плохого не сделал, распятие было абсолютно неправильным, но распятие показывает, насколько он вывел людей из себя. Евреи — не насильственный народ; должно быть, он много раз провоцировал их.

Они говорили ему: «Мы уже все это слышали. Просто возьми своего осла и иди куда-нибудь в другое место. Мы верим — ты единственный сын Бога! Но не докучай нам. Ты что, не можешь пойти в другое место? В твоём распоряжении весь мир». Но он продолжал курсировать по этой небольшой территории. Естественно, если какой-то тип на осле ездит кругами, донимая тебя — «Послушай, куда ты идешь? Я сын Бога», — даже ты начнешь думать: «Не пристрелить ли мне этого парня?»

Всем этим пророкам нужно психиатрическое лечение. Я в полном согласии с Фридрихом Ницше, когда он говорит:

Тот, что говорит здесь, не пророк из числа тех печальных гибридов патологии и воли к власти, что называются основателями религий.

Его прозрение очень ясно. Он говорит, что все эти основатели религий демонстрируют не что иное, как волю к власти. Если создать религию, создать верующих, миллионы последователей, это даст ощущение огромной власти.

Просто посмотрите на Папу: если бы он стоял здесь, на Эм-Джи-Маркет, вы не увидели бы в нем ничего духовного — просто глупо выглядящий человек. Я слышал, что в Польше есть великие идиоты, но никогда не думал, что из Польши придет человек, который станет Папой! В чем его власть? В шестистах миллионах католиков.

Может быть, вы не знаете, что Папа избирается кардиналами, и до сих пор Папы вели себя достойно — обычно они умирают через год или два. Это было многовековой традицией. Кого-то выбирают Папой, когда видят, что он скоро умрет и другие получают шанс на власть.

Но они никогда не думали, что этот поляк не умрет так легко. Если только сами христиане его не разопнут, он не умрет. Он еще держится, и кардиналы очень опечалены тем, что они сделали. Они думали, что он последует традиции, а он с каждым годом становится моложе и моложе. Они никогда не принимали во внимание, что люди у власти становятся здоровее, потому что власть усиливает эго. Люди у власти становятся сильнее и живут дольше; как только их отстраняют от власти, они умирают очень скоро.

Теперь этот Папа собирается мучить католиков бог знает сколько. Но, кажется, нет ни малейшего следа никакой болезни, никаких признаков приближающейся смерти. Он прекрасно себя чувствует. Теперь кардиналы начинают понимать, что совершили ошибку.

Существует иерархия, от священника до епископа и кардинала, и эти двести кардиналов выбирают Папой старейшего,

самого вероятного кандидата на смерть. Это значит: пусть хотя бы год наслаждается властью. Это Ротари-клуб.

Но этот человек из Польши не понимает, что должен умереть. Время идет, а он становится сильнее и сильнее. Я видел его фотографии — с каждым днем он выглядит все моложе. Я не удивлюсь, если однажды католики устанут от него и его пристрелят, потому что это Ротари-клуб; каждый год президент должен сменяться, и так было до сих пор восемнадцать столетий. Очень немногие Папы жили дольше, чем полтора года, это было пределом. Этот человек не понимает, что то, что он делает, абсолютно против традиции.

Ницше прав. Эти основатели религий, эти пророки, эти аватары, инкарнации Бога, тиртханкары... все они не что иное, как исполнение глубокого желания власти.

Ницше ненавидели и осуждали — очевидно, потому, что он был, может быть, первым в истории человечества, кто сказал правду и назвал лопату просто траханой лопатой. Никто не смог его простить. Лопаты, конечно, простить не могут, но почему злятся другие?

Истина — это самое горькое лекарство. Очень немногие люди готовы принять истину как лекарство.

Ложь очень сладка. Ложь сладка, потому что это твое собственное изобретение, и ты можешь положить в нее сколько хочешь сахара.

Но истину ты не можешь создать, ты можешь только ее открыть. Очень немногие люди достаточно храбры — как Фридрих Ницше, — чтобы ее сказать. Хотя они ее и открыли, они молчат, потому что нет необходимости подвергаться напрасному осуждению.

Ницше донимали, осуждали всеми возможными способами, а все его преступление было в том, что он говорил правду, голую правду, ничем ее не прикрывая.

Абсолютно правильно, что сама идея того, что ты кого-то выше, исходит из комплекса неполноценности, из болезни. Эта воля к власти — единственное преступление, потому что она создает войны, она создает нации, она создает религии, она

создает все виды насилия. И все только потому, что кучка людей хочет быть президентами, а другая кучка — премьер-министрами.

Я сказал своим людям: «Не волнуйтесь. Какую вы хотите планету? — Я объявлю вас Королем Луны, Королевой Луны, Первой Дамой Луны». Все, что захотите! Зачем беспокоиться о Земле? Доступна вся Вселенная. И никто не может обратиться в суд с жалобой, что ты вторгаешься на его территорию. Есть миллионы звезд. Выбери одну звезду, и ты король этой звезды; носи сколько хочешь цветных полос.

Почему бы не проявить некоторую изобретательность? Без необходимости бороться за то, чтобы быть президентами, премьер-министрами, совершать всевозможные преступления... тебе придется — ведь ты должен обойти многих — тебе придется шагать по их головам. Нет необходимости. Жизнь может быть более игрой.

Некоторые люди мне писали... они хотят быть Королями Марса. Я сказал: «Все в порядке. Никто не претендует на марсианский трон».

Почему бы не выбрать свежую территорию? Зачем продолжать сражаться за уродливые, окровавленные места? Всем известно, что в Белом Доме в Вашингтоне живут привидения. Хорошо известен факт, что в Белом Доме живет привидение Авраама Линкольна. С ним сталкивались многие люди. Фактически, часть Белого Дома, где до сих пор президентствует Авраам Линкольн, закрыта.

Не могу сказать, правда это или нет... Но сколько было убито людей в этих дворцах, в этих столицах? Сколько людей мучили, сколько людей насильовали, уничтожали?

Зачем жаждать власти? Ты не можешь есть власть, ты никоим образом не можешь создать ничего красивого, чтобы улучшить жизнь, потому что никакой властный человек никогда не бывает творческим. Можно ли сказать, что Махавира что-то создал? Что создал Иисус? Картину? Скульптуру? Небольшой велосипед? В чем их вклад? У единственного единородного сына Бога не было даже велосипеда — ему должно быть стыдно! Богу должно быть стыдно: «Посмотрите, что делает мой сын...»

Нет никакой необходимости. Не нужно никаких пророков и основателей религий, не нужно никаких людей, называющих себя инкарнациями.

Достаточно быть человеком. Более чем достаточно быть медитативным человеческим существом. Достаточно узнать себя, вместо того чтобы добиваться власти над другими.

Подлинная религиозность заботится о том, чтобы познать саму себя, быть собой, наслаждаться собой, праздновать себя. Она не имеет ничего общего ни с каким превосходством, ни с какой волей к власти.

Но никто не слушал Фридриха Ницше, и я знаю, что очень немногие послушают меня. Его слушало еще меньше. Он прожил очень одинокую жизнь, потому что люди не могли увидеть истинность его слов. Он шокировал, и это разрушало их утешения.

Он говорит:

Слушатель должен быть выше всего, чтобы уловить тон, этот безмятежный тон речей, что роняют его уста, чтобы не совершить плачевной несправедливости к смыслу его мудрости...

Тот, что говорит здесь, не фанатик, и нет у него никаких проповедей, и не требует он никакой веры: из вечного изобилия света и глубины счастья падает капля за каплей, слово за словом — темп нежной плавности определяет скорость этих дискурсов. Такие вещи достигают лишь самых избранных: быть слушателем здесь — несравненная привилегия.

Маниша, истина — это очень редкий опыт. Несомненно, он не доступен на рыночной площади, несомненно, он не может быть найден в толпе. Толпа может называть себя католиками, индустрами или мусульманами, но это не важно. Истина должна быть найдена внутри себя.

Но, прежде чем ты сможешь услышать собственное сердце, ты должна будешь слушать песню реки, песню порыва ветра в

кронах сосен. Ты должна будешь слушать молчание, которое царит здесь в это самое мгновение. Ты должна будешь научиться в жизни только одному искусству: искусству молчаливого слушателя. И тогда ты сможешь использовать то же самое искусство, идя глубже в себя.

Это одно и то же искусство — слушаешь ли ты реку или океан, слушаешь ли ты биение собственного сердца или молчаливый танец розы на ветру, под дождем. Наблюдая, мирно слушая, постепенно ты найдешь себя.

Ты можешь найти себя в это самое мгновение.

Маниша, ты говоришь: «Ошо, это, несомненно, о тебе».

Да, я могу сказать, что эти слова — мои слова, сказанные Фридрихом Ницше. Не важно, кто их говорит.

Ты спрашиваешь: «Не был ли Ницше твоим предвестником?»

Да, но я согласен не со всем, что говорит Ницше. Я думаю о том, чтобы говорить о Ницше... Я ждал, пока вы не будете готовы слушать, потому что каждое мгновение каждое слово Ницше будет сильным ударом для вас. Каждый день я наношу вам удары, просто чтобы подготовить вас.

Ницше, конечно, мой предвестник, и, очевидно, предвестник не может быть во всем прав. Он совершил много ошибок. Но люди не беспокоились о Ницше. Он самый пренебрегаемый великий человек в истории мира. Но я не пренебрегу им.

Фактически, то, что я говорю каждый день, просто подготавливает вас к тому, чтобы слушать его безумные слова — безумные, потому что никто не верил, никто не думал, что они могут быть правильными. Люди его не распяли, но сделали нечто худшее: заперли его в сумасшедший дом. В распятии есть слава, в распятии есть достоинство. Упрятать такого человека, как Ницше, в сумасшедший дом против воли — гораздо более уродливо и бесчеловечно.

Но Ницше воскреснет: его истина не может умереть. В сравнении с Ницше Иисус и Сократ очень отсталые. Ницше еще не нашел своих современников. Он все еще ждет. Может быть, мои люди станут его современниками.

Только вчера одного журналиста озадачил тот факт, что я называл Иисуса психологически больным, а все мои люди-христиане, но никто не возразил и никто не был задет. Кажется, никто не разозлился. Он был обеспокоен: если эти люди могут слышать такие вещи об Иисусе, хотя они были воспитаны в христианском обществе, в христианских школах, наверное, эти люди претерпели определенную трансформацию. Они слушают не из предрассудков. Они слушают непосредственно, из своего собственного понимания и ясности.

...Пришло время для серьезности.

Ковальский принял местный сумасшедший дом, чтобы выводить питомцев на прогулки. Однажды пациентов с самым лучшим поведением повели на баскетбольный матч.

— Ладно, лезьте в автобус, психи! — говорит Ковальский, и они выезжают.

— Постройтесь, психи! — кричит он, когда они занимают места.

— Садитесь, психи! — и пациенты послушно садятся смотреть игру.

Через полчаса в сумасшедшем доме раздается звонок из полиции, и директора просят немедленно приехать.

Когда он прибывает на стадион, там царит полный разгром.

— Что случилось? — спрашивает директор Ковальского.

— Мимо прошел один парень, — говорит тот, — крича: «Мороженое! Мороженое!»

Потом прошел другой, крича: «Хот-доги! Хот-доги!»

А потом еще кто-то начал кричать: «Арахис! Арахис!»*

Сестра Тереза наконец отправляется в своей первый отпуск на берег моря после многих лет преданной службы священнику отцу Салливану.

Прежде чем уехать, она дает подробные инструкции сестре Бернардетте, как присматривать за стариком, пока ее не будет.

* Игра слов: peanuts звучит как «Pee, nuts!»: «Писайте, психи».

Отец Салливан лежит в постели, когда на следующее утро сестра Бернардетта вносит завтрак. Он говорит ей, что у него между ног ключ, а у нее замок.

— Если я вставлю ключ в замок, — говорит старый священник, — он откроет царство небесное.

Через две недели, когда сестра Тереза возвращается из отпуска, сестра Бернардетта радостно объясняет ей о небесных вратах.

— Лживый старый ублюдок! — кричит сестра Тереза. — Двадцать лет назад он сказал мне, что это рог Габриэля, и с тех пор я в него трубила!

На свидании Сидни Смолпис и его подружка Сэйди идут в кино.

Герой сжимает героиню в страстных объятиях, и тут Сидни внезапно понимает, что у него упал парик. Он начинает искать его на ощупь в темноте под сиденьями.

Не понимая, что происходит, Сэйди начинает страстно стонать.

— Горячо, дорогой! — проворковала она. — Вот-вот. Вот здесь, прямо у тебя под рукой!

— Ничего подобного! — отрезал Сидни. — Я не расчесываюсь на прямой пробор.

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

А теперь две минуты молчания.

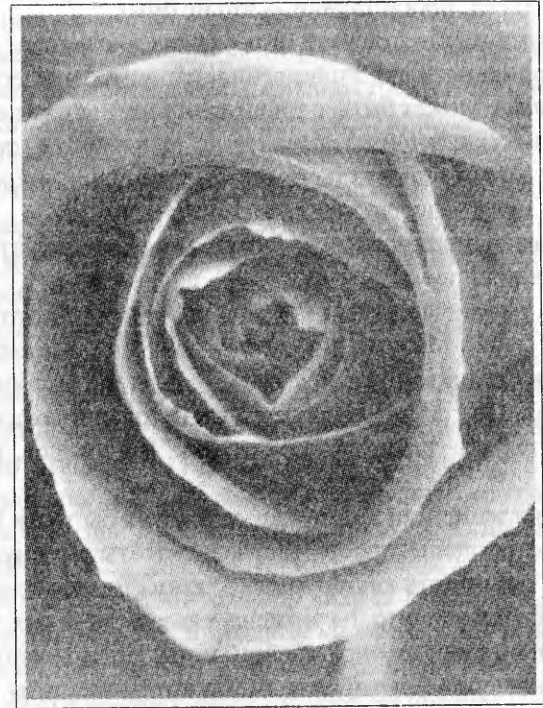
Закройте глаза, никаких движений тела; просто замрите как статуи...

Теперь расслабьтесь — *позвольте*.

...Возвращайтесь к жизни.

Хорошо, Маниша?

Когда твои руки пусты

Ни одно слово не способно передать существо просветления. Оно за пределами языка. Можно сказать, это запредельное. Это наша глубочайшая и предельная природа.

Любимый Ошо,

Как ты переживаешь опыт своего просветления?

Миларепа, просветление — это не опыт. Опыт всегда отделяет от себя переживающего опыт. Но просветление не знает двойственности; опыта нет, есть только *переживание*. Может быть, с точки зрения языка это неправильно: фактически, это и *не может быть* правильным, потому что лингвист не поймет, что ты подразумеваешь под «переживанием». Для этого человек должен его знать.

Но можно приложить некоторое усилие; можно дать некоторые указания и намеки.

Когда ты влюблен, опыт ли это? Объективно ли это? Отдельно ли от тебя? Можешь ли ты это показать? Можешь ли ты представить улику, доказательство, довод? Нет, любовь просто знает себя. Она самоочевидна. Ей не нужно ни доказательств, ни свидетельств. Ей не нужно ни улик, ни доводов, ни философии.

Просветление гораздо глубже, чем какая бы то ни было любовь. Просветление просто означает, что ты проснулся. Можешь ли ты описать какой-то опыт, когда просыпаешься каждое утро? Вот все, что ты можешь сказать: «До сих пор я не осознавал ни себя, ни окружающий мир». Но это очень поверхностно — именно поэтому я называю это «намеками».

Если ты проснулся в глубочайшем ядре своего существа, в самом центре своего существования, есть только молчание, безмерная радость и празднование. Но найти выражение для этого было невозможно до сих пор и будет всегда — это можно сказать с абсолютной определенностью. Язык остается так далеко позади, что, когда ты пытаешься выразить глубочайшее пробуждение, все становится искаженным. Посредством языка невозможно отразить его чистоту.

Язык не предназначен для того, чтобы выражать такие глубокие пробуждения. Язык произрос на рыночной площади, где люди обсуждают и спорят о вещах, объектах. Поэтому ни одно слово не способно передать существо просветления. Оно за пределами языка.

Можно сказать, это запредельное.

Это наша глубочайшая и предельная природа. Это тотальное пробуждение... в котором нет никакой темноты, никаких снов, никаких мыслей, но лишь чистое пламя, чистая любовь, которая не знает никаких пределов, никаких границ. Она скорее как аромат, который нельзя схватить руками. Если он есть, его можно почувствовать, но он так невидим...

Оно точно воздух: он есть, и ты не можешь без него жить. Но ты не можешь поймать воздух в кулак. В тот момент, когда ты сожмешь руку в кулак, воздух окажется снаружи; он не пойман, он ускользнул.

Когда твоя рука открыта, в твоей руке — весь воздух мира.

Один дзэнский мастер, Бокудзю, говорил ученикам: «В тот день, когда вы приходите к такому, чего не можете выразить, как бы ни пытались, — ни одно слово не достаточно, ни одно слово не уместно, фактически, слово разрушит его красоту, его радость, его жизнь, — тогда приходите ко мне. До тех пор — медитируйте».

Другими словами, он говорил: «Когда ваши руки пусты, и все небо в ваших руках, приходите ко мне с абсолютными, невыразимыми глазами, почти лишившись дара речи».

Один из его великих учеников обычно получал от Бокудзю пощечину почти каждый раз, когда приходил к нему. В традиции дзэн это не только принято, но и уважаемо. Пощечина мастера — это его сострадание. Бокудзю давал пощечину главному ученику каждый раз, когда тот приходил сказать, что нашел невыразимое. Он наносил ему сильный удар — «Если ты нашел то, что не может быть выражено, даже сказав, что это не может быть выражено, ты что-то выразил!»

Ученик был в растерянности. Если ты что-то говоришь, у тебя проблемы. Если ты говоришь: «Это невыразимо», у тебя проблемы.

Однажды он пришел и, ничего не говоря, просто сел рядом с мастером. Мастер посмотрел ему в глаза, рассмеялся и сказал:

— Позволь мне ударить тебя еще раз, в последний раз. Потому что это больше никогда не будет возможным. Ты нашел. Почему ты так молчалив? Почему ты не говоришь?

Ученик продолжал молчать, и мастер провоцировал его говорить:

— Дай мне возможность в последний раз получить удовольствие и дать тебе пощечину. Я больше никогда не смогу тебя ударить. Ты нашел. Эта пощечина — твой диплом.

Дзэн — это очень странная традиция, но одна из самых глубоких. Ученик встал и дал пощечину мастеру! Мастер сказал:

— Правильно! Мне долгое время нужно было, чтобы кто-то дал мне пощечину. Мой старый мастер мертв — он это делал. Никто не может сделать это так, как он, с такой же любовью, но тебе это удалось. С сегодняшнего дня тебе разрешается давать пощечины другим. Ты можешь сидеть здесь, потому что я старею, и целый день раздавать пощечины... это очень утомительно. Если ты здесь сидишь и кто-то приходит... — потому что учеников были сотни и каждый приходил доложить о том, что нашел. И время от времени каждому приходила идея: «Может быть, это оно».

Кто-то видел прекрасный закат... полное молчание. И, естественно, возникала идея: «Боже мой, вот оно — просветление!» И он спешил к мастеру. Мастер обычно просто давал ему пощечину — наносил сильный удар — «Закат, как он ни был красив, и молчание, которое приходит из опыта заката, еще не просветление. Просто иди обратно и возвращайся, когда найдешь».

Найти самого себя — самый таинственный опыт.

Ты и то, и другое — и познающий, и познаемое.

В этом трудность, и именно поэтому это нельзя выразить — есть ли кто-нибудь, чтобы выразить?

Ты — сам опыт.

Но в то мгновение, когда ты выражаешь, ты становишься отдельным, и это абсолютно неадекватно.

Ты спрашиваешь меня, Миларепа: «Как ты переживаешь опыт своего просветления?»

Я просто не переживаю опыт. Просто я — это и есть просветление. Это не опыт, это мое существо. Это не нечто случившееся со мной, это сама моя душа.

Поэтому я не могу ничего сказать, кроме «Йаа-Хуу!».

Любимый Ошо,

Что такое в точности это правильное воспоминание, о котором говорит Будда?

Я постоянно помню всевозможные вещи, которые Ты сказал, и мои собственные прозрения, но не попытка ли это моего ума обмануть ум? И кто это помнит?

Ананд Агья, то, что Гаутама Будда называет правильным воспоминанием, — это не то, что подразумеваешь под воспоминанием ты. Чтобы повести различие между тем, что он имеет в виду, и тем, что понимаешь под воспоминанием ты, он использует слово «правильное»; другой необходимости в этом слове нет.

Его оригинальное слово — *саммасати, сати* значит память, воспоминания. Это все опыты, через которые ты прошел. Правильное воспоминание — это не воспоминания; это значит помнить себя — кто ты такой. Не образование, культуру, цивилизацию, религию, профессию — но *кто ты сам*. В то мгновение, когда ты помнишь себя — «Вот я... это мгновение, это сознание, это блаженство, эта вечность», — это правильное воспоминание.

Каждый мистик страдал от бедности языка. Даже Будда не смог сделать ничего большего. Ему пришлось воспользоваться словом из языка, который ничего не знает о душе; который

знает все обо всем остальном в мире, но не спрашивай — «кто ты?», потому что это создает огромную тревогу.

Просто подумай: если кто-то спрашивает тебя: «Кто ты?» — очевидно, он хочет знать не твое имя, очевидно, не касту, очевидно, не национальность. Кто ты такой? Не твое тело, потому что оно меняется каждый день. Сможешь ли ты узнать себя в своей фотографии в тот день, когда твой отец сделал мать беременной? Твоя фотография будет не более чем точкой на бумаге. Сможешь ли ты себя узнать?

И с тех пор ты менялся в каждое мгновение. Когда-то ты был ребенком, когда-то ты был юношей, когда-то ты состарился, и однажды ты умрешь. Ты — постоянная перемена. Это не фотография, это фильм.

Но во всей этой перемене, в этом подобном реке существе... кто же ты? Только глупец это скажет; мудрый сохранит молчание. Тот, кто не знает, скажет: «Я вот это; я мужчина, я женщина, я юноша, я индуист, я христианин...» Только глупец ответит.

Мудрый останется абсолютно молчаливым. Он тоже отвечает — его молчание и есть ответ. Будда называет это молчание «правильным воспоминанием»... *саммасати*.

Ты говоришь: «Я продолжаю помнить всевозможные вещи, которые ты сказал, и мои собственные прозрения...» Агья, я понятия не имел, что у тебя тоже есть прозрения! Но... ладно.

Помня всевозможные вещи, которые я сказал, и то, что ты воображаешь интуицией... просто попытайся найти хоть одну интуицию, которая действительно твоя, и ты будешь удивлен. Это заимствовано. Ты либо это услышал, либо прочитал. Может быть, ты не помнишь источник, но все мысли заимствованы.

Когда начнут функционировать твои собственные прозрения, ты не будешь задавать вопросов. Твое прозрение будет ответом на любой вопрос, который только можно задать. Именно поэтому я говорю без колебаний, без малейшей неуверенности, что ты дурачишь себя тем, что считаешь своими прозрениями.

И, кроме того, просто прозрения достаточно — в единственном числе, не во множественном. «Прозрения» — все это вооб-

ражение. Они тоже заимствованы; может быть, ты забыл, из какого источника. Ум имеет тенденцию забывать источник, чтобы он мог объявить: «Это моя мысль, мое прозрение. Я его создатель».

Но затем ты спрашиваешь: «Не мой ли это ум пытается обмануть ум? И кто это помнит?»

Определенно одно: не я! Определенно одно: никто другой этого не помнит. Это по-прежнему твой ум, который тебя обманывает. Это не самовспоминание Гаутама Будды.

Как его отличить? Различие очень просто. Если бы это было твоим прозрением в собственное существо, если бы твои внутренние глаза были открыты, этот вопрос бы не возник. Но поскольку возникает вопрос, кто это помнит...

В тебе есть только чистое сознание. Чистое сознание само по себе значит постоянно помнить — не многие вещи, но только одну: само-сознание.

Ум — это свалка мусора. Он продолжает накапливать всевозможные вещи. Он очень наслаждается накоплением всевозможных глупых коллекций — почтовых марок и других странностей вещей, что позволительно только детям, но я видел даже стариков, собирающих марки, покупающих марки. Это огромный рынок; во всем мире есть идиоты, которые продают свои коллекции, и те, кто их покупает. Древние монеты, которым, может быть, две тысячи лет...

Я был гостем в одном прекрасном доме в Греции. Дом принадлежит известному кинопродюсеру. У него есть коллекция керамики — всевозможных древних горшков; может быть, он величайший коллекционер старых горшков.

Ум собирает снаружи, ум собирает внутри. Ум — это такой великий коллекционер — мысли, которые возникают в тебе как прозрения, — это не что иное, как заимствованные мысли, источники которых ты преднамеренно забыл. Если захочешь, ты можешь их вспомнить, потому что бессознательное до сих пор хранит запись о каждом забытом источнике. Но то, что говорю я или Гаутама Будда, — просто быть в состоянии, где нет ни мысли, ни прозрения, ни воображения, ни эмоций, ни переживаний.

Просто чистое сознание, предельно пустое.

Лишь в этом предельно пустом сознании расцветает мистическая роза. Это само твое существо. Из этого существа возникают все виды экстаза, но это не мысль. Это не часть ума.

Напротив, это называется не-умом, не-мыслью, не-прозрением. Гаутама Будда очень настаивает, что, пока ты не достигнешь состояния ничто, ты не нашел себя. Для ума это выглядит противоречиво, потому что ум ищет что-то, а Гаутама Будда говорит: «Пока ты не найдешь ничто, ты не найдешь себя». С точки зрения логики Будда делает иррациональное заявление. Но в экзистенциальном смысле это абсолютно истинно.

И мы здесь не для того, чтобы учиться логике, мы здесь для того, чтобы чувствовать существование, чувствовать жизнь и ее пламя у тебя внутри. Это возможно, лишь когда тебя окружает абсолютное молчание.

Когда все отброшено, когда ничего не остается, ты есть. Только ты не можешь быть отброшен.

Как ты можешь отбросить самого себя?

Именно поэтому Будда абсолютно прав — он пытался отрицать, уничтожить все, пока не останется ничего, что можно отрицать. Но *ты* остаешься, ты, который отрицал все.

Этот великий отрицающий был назван многими именами. Одним из названий было *просветление*.

Любимый Ошо,

Говорят, что Гурджиев прокомментировал:

«Пока человек не обнаружит, что не может быть беспристрастным в своих обычных действиях, он не может быть беспристрастным».

Может ли непробужденное существо быть беспристрастным?

Мада, непробужденное существо никогда не может быть беспристрастным. Такой человек не знает себя; у него нет такой осознанности, которая могла бы сделать ясным, что правильно, а что неправильно. Он не умеет различать; он может быть только предубежден. Его предрассудок может быть древним, его могут поддерживать религии, писания, но предрассудок есть предрассудок, и ум полон предрассудков. Люди никогда не думают, что их суждения основаны только на предрассудках. Все их суждения будут предубежденными.

Меня арестовали в Америке; на меня работали лучшие адвокаты. И странную вещь они мне сказали: «В суде вы не должны говорить ни слова».

Я сказал:

— Странно, потому что со мной совершили все возможные беззакония: меня мучили и притесняли в шести тюрьмах, не давали спать двенадцать дней. У них не было никаких оснований меня арестовывать. Не было даже ордера на арест. И вы мне говорите, что я не должен ничего говорить?

— Нам жаль, но мы должны сказать, что, что бы вы ни сказали, все равно не добьетесь справедливости! Это невозможно нигде в мире. Мы просмотрели ваши книги, и даже мы были шокированы вашими словами и их истиной. Будет лучше, если вы будете молчать. На вашей стороне трое лучших адвокатов страны; мы будем бороться за вас.

— Это будет странная борьба. Вы затыкаете мне рот. Они сковали мне руки и ноги, а вы сковываете мне даже рот!

— Нам жаль, но вы не добьетесь справедливости, потому что умы судей, с которыми нам предстоит иметь дело, уже предубеждены. Прежде всего, вы не белый; это затрудняет дело. Во-вторых, вы основали коммуны, что указывает на коммунистические склонности. Вы сделали утверждения, которые абсолютно правдивы, но идут вразрез с христианскими предрассудками. А все эти судьи — христиане, американцы; их умы не беспристрастны — и не могут быть беспристрастными. Мы боремся за вас, потому что нам за это платят, но даже мы, просматривая ваши книги, многого не можем принять — мы знаем,

что это правда, но наши умы... Мы не можем принять, что Иисус был психологически немного нездоров.

— Если вы встретите на дороге человека, — сказал я, — и он скажет, что он единственный сын Бога, какой будет ваша реакция?

— Очевидно, этот человек сумасшедший, — сказали они. — Никто не видел Бога, а этот парень заявляет, что он Его сын? Наверное, он сукин сын, не сын Бога.

— Если бы вы встретили Иисуса, какой была бы ваша реакция? Какая разница, встретите вы А, Б или В? Суть в том, что это утверждение нелогично, абсурдно. Он не может представить никаких доказательств. Думаете ли вы, что раввины, которые согласились на распятие Иисуса, были варварами? Нет, они были образованными людьми, настолько же образованными, как и вы.

Но я могу понять. Перед распятием Иисус был представлен римскому правителю Иудеи — Иудея не была независимой страной; она была под властью Римской империи. Понтий Пилат не был евреем. Естественно, у него не было еврейских предрассудков; у него были собственные предрассудки, римские предрассудки.

Он видел, что этот человек абсолютно ни в чем не виновен, и хотел его спасти, потому что он не совершил никакого преступления. Даже если он объявил себя сыном Бога, ну и что? Может быть, так и есть. Если можно верить в Бога, которого никто не видел... по крайней мере этот парень Иисус видим, осязаем. По крайней мере с ним можно поговорить, попроситься; он реален. И что плохого он сделал? Если Бог гневается, он накажет его. Кто ты такой, чтобы его наказывать? На каких основаниях? Кто дал тебе власть мешать людям объявлять себя единственными сыновьями Бога?

Будучи римлянином, Понтий Пилат не был полон еврейских предрассудков. Он не мог увидеть никакого смысла — «Почему поднимается столько шума?» И не только много шума — его принуждают распять этого человека.

Мои адвокаты сказали мне:

— Вы гораздо опаснее...

Потому что Иисус не говорил ни слова против иудаизма. Он ничего не говорил против евреев — фактически, он просто говорил: «Я — исполнение ваших ожиданий. Вы ожидали, что Бог пошлет своего сына. Он послал меня».

Мои адвокаты сказали:

— Вы гораздо опаснее, потому что вы против всех обусловленностей всех религий, против их основных гипотез. Вы против наций и их границ, вы против религий и их претензий. Естественно, будет лучше, если вы будете сохранять полное молчание.

И вы удивитесь, что в двух судах, где рассматривалось мое дело, я просто молчал. Мои адвокаты не давали мне говорить — как я понял, ради моего же блага, потому что, что бы я ни сказал, это было бы использовано против меня.

Дело было не в правде или неправде. Все решалось предрассудками людьми.

Только просветленный человек может быть беспристрастным.

Вот твой вопрос: «Говорят, Гурджиев прокомментировал: Пока человек не обнаружит, что не может быть беспристрастным в своих обычных действиях, он не может быть беспристрастным».

Гурджиев выражается свойственным ему несколько окольным путем. Таким был его стиль — то, что можно сказать прямо... он говорил косвенно. Он написал книгу в тысячу страниц. Это такая головная боль... — потому что он ничего не говорит. Но я тоже упрям — я продолжал. И в этой большой книге я нашел достаточно материала по существу, чтобы заполнить обыкновенную почтовую открытку. Но он так выражался. Он впадал в аллегории и... я не возражаю, я просто говорю, что в этом его уникальность. Мало кто его слушал, потому что это было пыткой.

Здесь он просто говорит, что пока ты не пробужден, то не можешь быть и беспристрастным. Но вместо того, чтобы ска-

зять это просто, он говорит: Пока человек не обнаружит, что не может быть беспристрастным в своих обычных действиях, он не может быть беспристрастным. Пока человек не обнаружит, что не может быть беспристрастным... естественно, такой человек станет пробужденным. Если он может установить, что не может быть беспристрастным, он отбросит суждения.

Все наши суждения — это предубеждения.

У человека, который пробужден, нет предубеждений. Он не делит людей на святых и грешников, на хороших и плохих, потому что они ничем не отличаются. Может быть, у них разные предубеждения, но настоящая проблема в самом предубежденном уме. Сделал ли тебя твой предубежденный ум святым в глазах других предубежденных умов...

Вы можете увидеть: например, если спросить джайна, который верит в ненасилие: «Что ты скажешь об Иисусе, который пил алкоголь и ел мясо... возможно ли, что Иисус пробужден, просветлен?» Джайн просто скажет «нет». Речи быть не может о том, чтобы такой человек был пробужденным, потому что он не может понять даже простые азы истины. Он очень далек от пробуждения. Но спроси христианина, считает ли он Махавиру великой религиозной фигурой. Он спросит: «А сколько сиротских домов он основал? Сколько школ для бедных? Что он говорит о том, чтобы служить бедным?» Он ничего не говорит. Согласно христианскому предубеждению, его нельзя назвать религиозным.

Но действительно религиозный человек знает, что каждый, кто предубежден — его предрассудки могут быть хорошими или плохими; он может быть очень святым, очень милым, но, если он не просветлен, его доброта, святость и добродетель — это только игра ума. Грешник играет в одну игру, святой играет в противоположную игру.

И, фактически, для любого футбола нужно две команды — иначе игра остановится. Хочешь остановить все игры в мире? Это тоже просто игра — что кто-то святой, великий святой, а кто-то грешник. Думаешь ли ты, что нет грешников, которые изо всех сил не объявляли бы себя величайшими грешниками? Какая разница? И те, и другие утверждают свое эго.

Я слышал...

Человека приводят в тюрьму, и в назначенной ему камере уже кто-то сидит — отдыхает в самом дальнем углу камеры. Он спрашивает новоприбывшего:

— Сколько ты здесь пробудешь?

— Я осужден на десять лет, — отвечает тот.

— Ладно. — говорит первый, — тогда бери кровать, которая у входа, потому что скоро выходишь. Я осужден на тридцать лет. Не входи слишком далеко. Оставайся у двери, потому что ты выходишь очень скоро.

— Странно, — сказал он, — почему люди совершают небольшие преступления? Если тебе хватит духу, соверши что-то большое — всего десять лет тюрьмы, тебе еще даже не станет стыдно.

Странно — у грешников свое чувство собственного достоинства. Он еще дилетант; старый грешник многоопытен, может быть, уже несколько раз был в тюрьме. И, может быть, это последний раз, потому что теперь ему предстоит здесь провести тридцать лет.

Я слышал историю о трех христианских монахах.

Было три христианских монастыря, и главы этих трех монастырей однажды случайно встретились на дороге. Шел дождь, и они остановились под одним деревом.

Один сказал:

— Я признаю, что у вас прекрасные монастыри, но вы не можете состязаться с нашим в вопросах учености. Наш монастырь — самый ученый в мире.

— Я это признаю, — сказал второй. — Я это знаю, но ученость мало что значит. Суть в том, чтобы быть добродетельным, а что касается добродетели, мы далеко вас обогнали, вы далеко позади. Никто не может состязаться в добродетели с нашим монастырем.

И они оба посмотрели на третьего. Он сказал:

— Вы оба правы. Но что касается скромности... Мы превзошли всех в скромности!

Даже у скромного человека есть свое эго.

Именно из-за этого факта я не учу вас быть добродетельными, следовать определенной дисциплине, иметь определенную систему верований. Я просто хочу, чтобы вы были более бдительными, более пробужденными, более молчаливыми.

Другими словами — ты должен быть больше самим собой и меньше умом.

В тот день, когда ты совершенно разотождествишься с умом, ты — просто невинность, ты прибыл домой.

Теперь пришло время немного помолиться.

Однажды в воскресенье, возвращаясь из церкви со своими родителями, маленький Эрни к всеобщему удивлению объявил:

— Думаю, что я смог бы стать проповедником, когда вырасту.

— Это прекрасно, — говорит его мать, — но что навело тебя на такую мысль?

— Видишь ли, — отвечает Эрни, — если мне все равно придется каждое воскресенье ходить в церковь, стоять и ораторствовать гораздо забавнее, чем сидеть и слушать.

В холмах Вирджинии турист видит одного из местных жителей, который растянулся на солнышке и загорает, тогда как его жена тащит в дом хворост.

— Скажите, мистер, — говорит турист, — вам не кажется, что эта работа несколько тяжелая для женщины?

— Может быть, — отвечает тот, — но мы работаем по сменам.

— А, — говорит турист, — когда она устает, вы начинаете?

— Я? — кричит человек в ужасе. — Когда она устает работать на улице, я позволяю ей смениться и начать работать на кухне.

Гигантский негр входит в бар глубокого Юга Соединенных Штатов. Он ведет за собой на веревочке трехметрового аллигатора.

— У вас есть мартини? — спрашивает он у бармена, тшкетно пытающегося спрятаться за стойкой бара.

— Да, — бормочет бармен, — есть.

— А как насчет черномазых?

— Никаких проблем, — говорит бармен.

— Ладно, — говорит человек. — Мартини для меня и черномазого для моего аллигатора.

Рональд Рейган летит в Индию, чтобы встретиться с Радживом Ганди, и самолет сбивается с курса и садится в Бомбее. В довершение замешательства, созданного его приездом, Рональд Рейган теряется в толпе и оказывается лицом к лицу с офицером паспортного контроля, который его изводит. Рональд позволяет проверить свой паспорт по компьютерной сети, но когда компьютер выдает, что он опасный преступник и ему не разрешен въезд в Индию, Рональд Рейган выходит из себя.

— Этот Бомбей, — кричит он, — это задний проход мира!

— Да, сэр, — соглашается офицер, — а вы как раз через него проходите, не так ли?

Эдвард, молодой зоолог, и его жена Бетти возвращаются из свадебного путешествия. На следующий день Эдвард берет из зоопарка гориллу и привозит ее в лабораторию, чтобы продолжить изучение поведения горилл.

Он так поглощен работой, что, когда приходит время идти домой, он обнаруживает, что зоопарк уже закрыт и все сотрудники ушли домой. И вот он надевает на гориллу свой пиджак, делает ей инъекцию транквилизаторов и везет ее в машине домой. Когда дверь открывает служанка, Эдвард ее просит отвести его друга в комнату для гостей, потому что он плохо себя чувствует.

— Не беспокойтесь о нем, — продолжает Эдвард, — я обо всем позабочусь утром.

Ночь проходит, и утром Эдвард отвозит гориллу обратно в зоопарк.

Позднее, в тот же день, служанка спрашивает Бетти, настолько ли Эдвард страстный, что и в свадебном путешествии.

— О да, — отвечает Бетти, — прошлой ночью он занимался со мной любовью дважды.

— Это еще что, — отвечает служанка, — вам нужно было видеть друга, которого вчера привел с собой ваш муж. Он занимался со мной любовью пять раз, даже шубу не снял.

Джерри Джостел входит в бар в небольшом городе, заказывает напиток и бьется об заклад с барменом на пятьдесят долларов, что тот будет плакать три минуты.

— Идет, — говорит бармен. — Я не плакал с тех пор, когда мне было десять лет. Тогда кто-то переехал мою любимую лягушку.

Две минуты проходят в молчании и в конце концов бармен говорит:

— Ты знаешь, осталось только тридцать секунд, а мне все не хочется плакать.

— Это ничего, — отвечает Джерри, — скоро придет мой друг Буу, и он тебе поможет.

— Буу-Хуу?* — говорит бармен. Он пожимает плечами, лезет в карман и дает Джерри пятьдесят долларов.

Джерри обходит бар, находит большого черного Дугги, который пьет пиво в углу, и делает ему то же самое предложение.

— Парень, — говорит Дугги. — Я не плакал с тех пор, как был младенцем.

Две минуты проходят в молчании, и Дугги смотрит на часы.

* «Boo who?»: «Кто такой Буу?»

— Не волнуйся, — говорит Джерри, — мой друг Буу скоро появится. Он заставит тебя заплакать.

— Да? — говорит Дугги. — Хуу-би-Буу?*

Не знаю, кто этот Буу. Наверное, дальний родственник Хуу. Но Хуу заставляет людей смеяться, а Буу — плакать.

Так что помните: если хотите насладиться смехом, скажите: «Йаа-Хуу!» Если хотите насладиться слезами — что тоже тонкое блюдо, — сядьте и скажите: «Йаа-Буу!» И как только вы начнете наслаждаться слезами, вы увидите, какими свежими это вас сделает. Вся собравшаяся пыль смывается этими слезами. Они очищают глаза, улучшают работу сердца.

Так что помните, «Йаа-Хуу!» не холостяк. У него тоже есть жена, известная как «Йаа-Буу!». Иногда вы можете практиковать это здесь.

Что скажешь, Нискрия? Хорошая мысль?

Если каждый действительно плачет... потому что во всем мире в газетах и журналах, по телевидению и радио говорят о «Йаа-Хуу!» Теперь я представляю вторую половину: «Это чепуха — теперь приветствуйте жену — “Йаа-Буу!”»

Сядьте вместе с четверьмя или пятью друзьями, начните плакать и посмотрите, какими молодыми и свежими это вас сделает. Однажды мы сделаем это здесь, но сегодня просто две минуты будьте в молчании. Никаких движений, закройте глаза... почувствуйте, что словно застыли, как каменная статуя.

...Теперь расслабьтесь, *позвольте*.

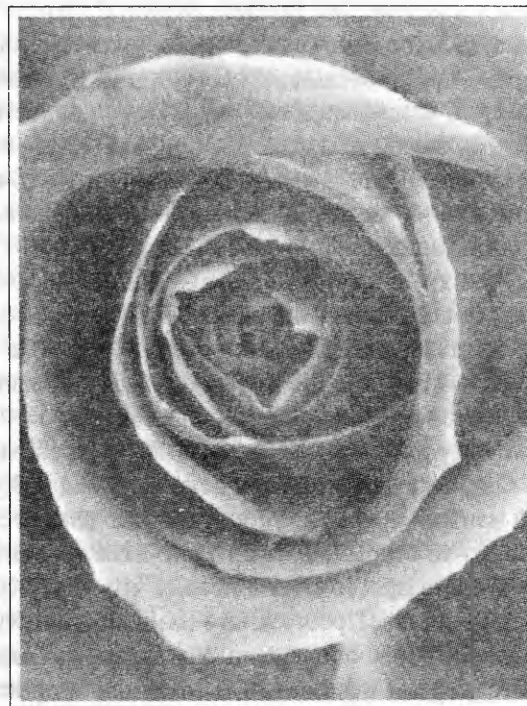
Возвращайтесь к жизни...

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

* «Who be Boo?»: «Какой еще Буу?»

Смех и слезы: очищение сердца

Все, что нужно этому миру, — это хорошее очищение сердца от всего насилия прошлого. Смех и слезы могут сделать и то, и другое. Слезы высвободят сдерживаемую внутри агонию, а смех разрушит все, что мешает экстазу.

Любимый Ошо,

Я уверена, что в «Йаа-Хуу!» заключено больше, чем видно на первый взгляд. Готовы ли мы понять настоящий смысл «Йаа-Хуу!»?

Маниша, ни одно слово само по себе не имеет смысла; весь смысл — придуманный, произвольный. Каждое слово — это просто звук, бессмысленный звук. Но мы можем придать смысл каждому звуку, и, когда мы придаем звуку смысл, он становится словом. Иногда смысл очень значителен, иногда — нет. Как правило, он незначителен — он произвольный, практический; утилитарный, но не экзистенциальный.

Поэтому языки не состоят из экзистенциальных слов. Например, в звуке *Ом* нет смысла, это не часть речи, но в нем есть некая экзистенциальная цель: он провоцирует в тебе звук вечного. Это нечто подобное самому звуку существования — неточным, отдаленным эхо, он все же передает его.

Такой же природы слово «Йаа-Хуу!». Хуу — древняя практика суфиев. Они открыли, что, если повторять «Алла-Хуу» вместо обычной мантры «Алла», это помогает идти внутрь себя глубже. А затем кто-то открыл, что не нужно даже говорить «Алла-Хуу» — достаточно просто «Хуу», потому что звук «Хуу» бьет в самый центр существа. Просто много раз повторяя «Хуу», — ты будешь удивлен — ты оставляешь ум далеко позади, мысли прекращаются, время исчезает, и тыходишь в пространство, которое всегда было твоим, но ты не знал о нем.

К «Хуу» я присоединил «Йаа», потому что у меня такое чувство, что звук «Хуу», несомненно, работает, но он очень серьезен. Он делает тебя центрированным, но в твоём центре нет смеха, нет танца. Несомненно, цветок расцветает, но у него нет аромата. Звук «Йаа» не выполняет никакой работы; он дополняет и завершает окончание «Хуу». «Йаа-Хуу!» не только бьет в твой центр, в само твоё существо, но и приносит безмерное чувство радости, смеха, танца. Это — празднование.

Просто повторяя «Йаа-Хуу!», — вы будете удивлены — вы не становитесь печальными и серьезными, как полагается святым, но раскрывается совершенно новое измерение: смеющийся святой, танцующий бог. «Йаа-Хуу!» это только выражение, передающее смеющееся и танцующее существо.

Я выбрал Лилу, одного из моих терапевтов, чтобы она создала медитативную терапию. Первой частью будет мантра «Йаа-Хуу!» — три часа люди просто смеются совершенно без причины. А когда их смех начинает стихать, они снова говорят «Йаа-Хуу!», и он возвращается. Копая три часа, вы удивитесь тому, сколько слоев пыли скопилось на ваших существах. Это разрежет их, как меч, — одним ударом. Непрерывно семь дней, три часа... вы не можете себе представить, какая трансформация может случиться в ваших существах.

И вторая часть: «Йаа-Буу». Первая часть удаляет все, что мешает смеху, — все насилие прошлого человечества, все подавления. Она их отсекает. Она приносит в вас новое пространство, но все же вам предстоит пройти еще несколько шагов, чтобы достичь храма своего существа, потому что в вас подавлено столько печали, столько отчаяния, столько тревоги, столько слез — все это внутри, все это покрывает вас как пыль и разрушает вашу красоту, грацию, радость.

В Древней Монголии считалось, что в какой бы жизни ни была подавлена боль... а боль действительно подавляют, потому что ее никто не хочет. Ты не хочешь, чтобы тебе было больно, и подавляешь, избегаешь боли, смотришь в другую сторону. Но она сохраняется.

В представлении монголов — и я с ними согласен — жизнь за жизнью, боль продолжает накапливаться в тебе; она становится почти как твердая скорлупа. Именно поэтому, хотя все святые и мудрецы говорят вам, кричат — «Идите внутрь себя!», вы их слушаете, но не идете. И тому есть причина: вы знаете, что, пойдя вовнутрь, вы столкнетесь с болью; пойдя вовнутрь, вы столкнетесь с несчастьем, страданием, агонией. Лучше оставаться снаружи — занятым, увлеченным. Никогда не будь один, потому что в одиночестве ты можешь начать бессозна-

тельно двигаться вовнутрь. Оставаясь в одиночестве, если тебе больше нечего делать, ты можешь начать смотреть вовнутрь.

Люди изобрели всевозможные способы бежать от самих себя: они курят сигареты... Дело не в том, что они им нужны. Я никогда не чувствовал никакой потребности в сигаретах, и не могу себе представить, что кому-то необходимо делать эту глупость. Когда доступен чистый воздух, он вдыхает чистый яд — и платит за это! Но для этого должна быть какая-то причина. Почему миллионы людей продолжают курить? Причина в том, что это удерживает тебя занятым. Даже если ты один, ты не остаешься без дела.

Это уловки твоего ума. Есть люди, которые жуют резинку. Заниматься такой чепухой! — жевать резинку? Ты что, ненормальный? Ты не можешь жевать что-нибудь другое? Ни один здоровый человек не будет выполнять это бессмысленное жевательное упражнение. Но оно удерживает человека занятым, и миллионы людей жуют резинку.

Ни в каких ваших беседах, ни в каких ваших так называемых делах нет никакой цели, ничего дельного. Но это помогает в одном: ты не сталкиваешься с самим собой. В тебе слишком много боли.

Поэтому вы можете слушать пробужденных, мудрецов, и кивать головой — «Ты прав, но наше время еще не пришло. Пожалуйста, прости нас; мы по-прежнему должны жевать резинку и курить сигареты. Ты великий человек и можешь все это отбросить; мы маленькие люди, как нам отбросить сигареты и резинку?»

Просто увидь глупость этого. Но за этой глупостью должна стоять некая психология, и вот эта психология: ты вооружаешься всем, что помогает тебе бежать от самого себя. Футбольный матч, волейбол, бокс... кто-то другой что-то делает, а ты просто смотришь, но это отвлекает тебя от собственного внутреннего пространства.

Если ты идешь вовнутрь, ты найдешь и то, и другое — и смех, и слезы. Именно поэтому иногда происходит так, что в смехе внезапно приходят и слезы — это очень сбивает с толку, потому что обычно мы считаем, что они противоположны друг

другу. Когда ты полон слез, не время смеяться, а когда ты смеешься, нет причины плакать. Но существование не верит в твои концепции, идеологии; существование трансцендирует все твои концепции, дуалистичные, основанные на двойственности. День и ночь, смех и слезы, боль и блаженство — они неразделимы.

Когда человек достигает своего глубочайшего существа, он находит сначала слой смеха, потом слой агонии, слез.

Поэтому семь дней вы должны позволить себе плакать, рыдать, совершенно без причины — просто на глаза наворачиваются слезы. Ты их сдерживал. Просто не сдерживай, и, когда чувствуешь, что они не приходят, скажи «Йаа-Буу».

Это чистые звуки, используемые как техника, чтобы высвободить все слезы и весь смех и полностью тебя очистить, чтобы ты снова стал невинным ребенком.

Это абсолютно моя медитация.

Лила будет ей заведовать, и вы удивитесь: ни одна медитация не даст вам столько, как эта небольшая стратегия. Это мой опыт многих медитаций: все, что нужно сделать, — это разбить в вас эти два слоя. Ваш смех был подавлен; вам говорили: «Не смейтесь, это серьезное дело». Вам не позволяли смеяться в церкви, в классе...

Поэтому первый слой — это смех, но, когда смех кончится, ты обнаружишь, что тебя наводняют слезы, агония. Но и это явление освободит тебя от великого бремени. Многие жизни боли и страдания исчезнут без следа. Если ты можешь избавиться от этих двух слоев, ты нашел себя.

Маниша, в словах «Йаа-Хуу!» и «Йаа-Буу» нет смысла. Это просто техники, звуки, которые ты можешь использовать с определенной целью — войти в собственное существо.

Может быть, вы это чувствовали — крича «Йаа-Хуу!», может быть, вы почувствовали внезапный порыв ветра свежести и радости.

Я не хочу, чтобы здесь плакало так много людей; поэтому я не использую вторую часть. Она предназначена для специальных групп.

Я изобрел много медитаций, но, может быть, эта — самая основная и фундаментальная. Она может охватить весь мир. Уже сейчас я получаю вести из всех стран — что это за «Йаа-Хуу!»? Люди выдумывают собственный смысл, но слово распространилось по всему миру. Теперь дело за «Йаа-Буу». И весь процесс Йаа-Хуу и Йаа-Буу, пара, свадьба... сфабрикованная свадьба!*

Каждое общество причиняет такой вред, становясь на пути нашей радости и наших слез. Если старик заплачет, вы скажете: «Что ты делаешь? Тебе должно быть стыдно; ты не ребенок, чтобы плакать, если кто-то отобрал у тебя банан. Возьми другой банан, но не плачь».

Только попробуй — встань посреди улицы и начни плакать, и вокруг соберется толпа и начнет тебя утешать: «Не плачь! Что бы ни случилось, забудь об этом, но не плачь». Никто не знает, что случилось, никто не может помочь, но все пытаются — «Не плачь!» И причина в том, что, если ты будешь продолжать плакать, начнут плакать и *они*, потому что и они переполнены...

Слезы почти у них на глазах.

Это очень здоровая вещь: плакать, рыдать, смеяться. Сейчас ученые обнаружили, что плач, рыдания, смех безмерно здоровы; не только физически, но и психологически они способны сделать тебя более здоровым. У всего человечества немного поехала крыша по той простой причине, что никто не смеется, потому что окружающие люди скажут: «Что ты делаешь? Ты что, ребенок? — в таком возрасте? Что подумают твои дети? Тише!»

Если ты плачешь, рыдаешь без причины, но просто как упражнение в медитации... никто не сможет в это поверить. Слезы никогда не принимались как медитация. А я говорю вам, это не только медитация, но и лекарство. У вас улучшится зрение, у вас улучшится внутреннее видение.

Я даю вам очень фундаментальную технику, свежую и никем не использованную. И она, без всяких сомнений, распро-

* Одним из обвинений, предъявленных Ошо американским правительством, была «организация сфабрикованных свадеб с целью получения американского гражданства». — *Прим. перев.*

странится по всему миру, потому что ее эффект покажет, что человек становится более молодым, любящим, изящным. Человек становится менее фанатичным; человек становится более гибким, более радостным, более празднующим.

Все, что нужно этому миру, — это хорошее очищение сердца от всего насилия прошлого. Смех и слезы могут сделать и то, и другое. Слезы высвободят сдерживаемую внутри агонию, а смех разрушит все, что мешает экстазу. Однажды научившись этому искусству, ты будешь безмерно удивлен: почему до сих пор тебе этого никто не говорил? Была причина: никто не желал человечеству свежести, аромата и красоты цветка розы.

Я назвал эту серию лекций «Мистическая роза». «Йаа-Хуу!» — мантра, которая приносит мистическую розу в сам твой центр, чтобы раскрыть центр и высвободить аромат. Впервые твоя жизнь становится осмысленной, не просто полезной. Прямо сейчас она всего лишь полезна — ты отец, вот твое назначение. Что без тебя будут делать твои дети? Ты мать, вот твое назначение; ты жена, в этом твое назначение — что будет делать без тебя твой муж? Он может сбиться с пути.

Он уже сбивается с пути, и ты должна быть всегда рядом! Если муж слишком радостный, жена не может поверить, что он радуется из-за нее. Наверное, есть какая-то другая женщина: «Только скажи, как ее зовут? Кто эта женщина? Почему ты смеешься!»

Муж не может плакать, потому что жена скажет: «В чем дело? Я тебе всегда говорила, эти шуры-муры до добра не доведут. Женщина ушла и оставила тебя плакать и рыдать?»

Два старика, муж и жена, пришли в суд. Мужу было девяносто пять лет, жене девяносто, и они хотели развестись. Судья не мог в это поверить. Он сказал:

— Боже мой, в таком возрасте? Зачем? Сколько вы были женаты?

— Никто уже не помнит, — ответили они. — Может быть, шестьдесят лет, может быть, семьдесят — мы не можем дать точную дату. Это было так давно.

— Но если вы столько прожили вместе, — сказал судья, — что не можете даже вспомнить, когда поженились, почему же теперь вы разводитесь? Если вы жили плохо, если не ладили друг с другом, вы должны были прийти в суд давным-давно!

— Мы хотели, — ответил старик, — но дети... Теперь все дети умерли, и мы решили что больше нет смысла мучить друг друга. Теперь мы должны развестись: ты можешь мучить кого-то другого, если найдешь кого; я буду мучить кого-то другого, если найду кого. В любом случае быть поодиночке гораздо лучше, чем вместе. Вместе нам становится так грустно: «Эта женщина разрушила мою жизнь...», «Этот мужчина разрушил мою жизнь...»

Люди женятся не по любви — любовь не знает брака, потому что она не подписывает никаких контрактов. Это не деловая сделка. Любовь не знает брака, потому что это не бизнес, это не закон. Она не принизит свободу другого. Она увеличит и усилит свободу другого.

Любовь не может обрезать другому крылья. Она усилит крылья и расширит твои небеса, даст безграничные пространства чтобы летать и жить.

Но этого не происходит. Брак утилитарен. Это потребность, не празднование.

Все в жизни стало таким обыденным, таким скучным, и вы не знаете, что еще делать, куда идти. Каждый страдает собственным страданием. Вы не можете поменяться местами. Даже если бы можно было поменяться местами, мы бы этого не сделали, потому что, по крайней мере, это страдание — наше собственное и хорошо знакомое.

На вечеринке одного человека спросила жена:

— Я слышала, что вон та женщина — твоя любовница?

Не желая поднимать шума на людях, муж прошептал:

— Да, у каждого здесь есть любовница, поэтому не создавай проблем.

— Скажи мне, кто чья любовница?

— Вон та женщина — любовница вон того мужчины, а его жена — любовница кого-то другого. Все так запутанно... — Он рассказал ей обо всех. Одни и те же мужчины и женщины, но у всех есть любовницы, у всех есть жены.

Женщина обвела их взглядом и заключила:

— Наша лучше всех.

Любовница ее мужа! Это агония, но *наша!* «Все остальные идиотки — эти ужасные женщины... Я знаю их всех».

Даже в агонии постепенно боль становится привычной, старой и знакомой. Ты не можешь с ней расстаться, ты не можешь ее упустить.

Я видел людей, которые начинали скучать, когда жена уезжала навестить родителей, всего через три или четыре дня. Два или три дня муж такой радостный, но на четвертый начинает скучать по жене. Я им говорил:

— Ты всегда хотел избавиться от жены. Хорошо, что она продлила отпуск — наслаждайся!

И что же говорит друг?

— Да, это правда: когда она здесь, мне хочется ее убить. Но когда она куда-то уезжает, я все время пишу письма и телеграммы, каждый день звоню — «Скорее приезжай! Без тебя жизнь не жизнь!»

Странные люди! А когда она приезжает, они хотят ее убить. Они не убивают, только потому что знают, что это очень рискованно. Если бы за убийство жен награждали, не думаю, что нашелся бы кто-то, кто не пожелал бы принять участие в соревновании. Впоследствии они будут плакать, рыдать и вспоминать эти золотые дни, но сейчас это кошмарный сон.

Вся жизнь стала просто утилитарной; ты инспектор или полицейский комиссар, министр или учитель — просто функция, которую может выполнять любой робот.

Единственное, чего не может делать робот, — медитация. Другими словами, те, кто не медитирует, остаются роботами, не осознавая, что они — просто утилитарные функции, что они не нужны.

Но человек медитации впервые осознает, что неважно, нужен он или нет, — он сам себе в радость. Он сам по себе блаженство, и его блаженство не зависит ни от кого другого. Это единственно возможная в мире свобода. Иначе, каждый — раб.

Я хочу, чтобы мои люди понимали, что пока ты не станешь блаженным сам по себе, пока роза не распустится в твоём собственном существе, ты — просто товар, вещь, предмет. Медитация раскрывает твою субъективность. Субъективность — это твоё сознание, а твоё сознание — это опыт, который делает жизнь осмысленной, значительной, вечной, бессмертной, без всякого начала и конца... празднование, танец из мгновения в мгновение.

И пока ты не трансформировал свою жизнь в танец из мгновения в мгновение, ты упускаешь данную тебе существованием возможность.

Любимый Ошо,

Не расскажешь ли ты нам о смехе, его медитативной силе, его химическом воздействии на мозг, трансформирующих и целительных силах... О его связи с молчанием, промежутком, ясностью, видением...

О его заразительности, связи с различными эмоциями... О homo ridens — основном человеческом состоянии, о том, как отличить истинный, подлинный смех от истеричного, показного, лицемерного смеха... Как быть проводником чистой радости?

Прем Нистал, я только что говорил о смехе, его медитативных и целительных свойствах. Несомненно, он изменяет твою химию; он изменяет волны мозга, он изменяет твой разум — ты становишься более разумным. Части ума, которые раньше спали, внезапно просыпаются. Смех достигает глубочайшей части мозга, сердца.

У человека смеха не бывает сердечных приступов. Человек смеха не может совершить самоубийство. Человек смеха автоматически познает мир молчания, потому что, когда прекраща-

ется смех, внезапно наступает молчание. И каждый раз смех становится все глубже, и глубже — следующее за ним молчание.

Несомненно, он проясняет тебя — очищая от всех традиций, от всего мусора прошлого. Он даёт тебе новое видение жизни. Он делает тебя более живым и сияющим, более творческим. Если ты певец, песня становится небесной; если ты музыкант, музыка выходит за пределы звука и начинает достигать промежутков молчания. Если ты скульптор, тогда твоё скульптура будет тем, что Гурджиев называет объективным искусством...

Обычный художник или архитектор или человек любого другого измерения творчества... это только проекция, воображение. Но есть другого рода искусство: не твоё воображение, но прозрение.

Например, сидя в молчании напротив Тадж-Махала в ночь полнолуния, ты найдёшь, что без всякого усилия погружаешься в молчание.

Тадж-Махал был создан суфийскими мистиками. В истории говорится, что построивший его человек более тридцати лет оплачивал услуги тысяч художников, но история понятия не имеет о том, что архитекторы были суфийскими мистиками. Он не был игрой воображения; он был создан таким образом, что, если кто-то сидит в молчании и смотрит на него, это создаст то же чувство, ту же вибрацию, в которой жил архитектор.

Тадж-Махал — это священное писание, послание, это не просто красивое здание. Он предназначен не только для того, чтобы к нему приходили туристы и делали фотографии, но и для того, чтобы медитирующие сидели и наблюдали: сама архитектурная форма создаёт в тебе нечто. Люди, создавшие это здание, осознавали, что создают средство для медитации.

Вы знаете о египетских пирамидах — когда впервые в начале века эти пирамиды открыли... сначала открыли самую большую пирамиду. Пирамиды оставались закрытыми тысячи лет. К удивлению ученых, в пирамиде была найдена мертвая кошка — но не разложившаяся, без малейших признаков разложения, будто она не была мертва уже три тысячи лет. Когда пирамиду закрывали, должно быть, каким-то образом туда попала кошка и умерла. Но не было никаких признаков. Она выгляде-

ла так, будто умерла только что, и никто не мог понять — в чем же дело? В конце концов было решено, что, вероятно, дело в самой форме пирамиды.

Если ты сидишь внутри структуры пирамидальной формы, то без труда впадаешь в молчание и медитацию. А мертвое тело можно хранить в могиле пирамидальной формы; оно не начнет разлагаться. Оно останется свежим, как будто умерло в это самое мгновение.

Теперь пирамиды используют... небольшие пирамиды есть в продаже; если под ними сидеть, это улучшает самочувствие. Они ничего не делают, но сама их форма отражает солнечные лучи таким образом, что внутрь попадают только оздоравливающие лучи. Дело в самой форме.

Люди веками недоумевали о форме пирамид. Самой старой из пирамид три тысячи лет. Это показывает, что в те времена люди знали, что определенные формы — одежды, строений — полезны для здоровья; другие формы не полезны.

Теперь мы об этом не заботимся, мы об этом не думаем. Создавая дом, ты не думаешь, даст ли тебе этот дом здоровье или болезнь, сделает ли он твою жизнь долгой или укоротит ее.

Когда ум исчезает и оставляет за собой молчание, пространство медитации, твое видение во всем, что ты делаешь, становится совершенно другим. Если ты художник, ты нарисуешь что-то не из ума, но из ясности, и твоя картина будет давать здоровье, прозрение, покой, молчание всякому, кто на нее посмотрит.

В этом смысле мы более примитивны, чем такие люди, как Моцарт или Бетховен. Наша музыка очень бедна, наша музыка просто неуклюжа; она не создает никакого духовного мира, она не дает медитативного молчания; чаще всего она сексуальна. Она воздействует на сексуальный центр. Она подводит ближе к животным, чем к буддам.

Классическая музыка поднимает тебя очень высоко, за пределы досягаемости обычного; может быть, сам по себе ты не смог бы подняться до этих высот. Просто слушая эту музыку, ты отправляешься в новое путешествие, прочь от мыслей, прочь от эмоций, в пространства вечного.

Ты спрашиваешь, как отличить истинный, подлинный смех от истерического, показного, лицемерного смеха.

Нужно помнить две вещи: первое, ты не должен беспокоиться о других. Ты не должен быть судьей. Нет способа судить снаружи, подлинный ли смех человека, здоровый он или истерический; показной, лицемерный или реальный, исходящий из глубочайших источников его существа.

Поэтому, во-первых, не беспокойся о другом человеке. Это не цивилизованно. Просто думай о себе, этого достаточно, и тогда различить нетрудно.

Подлинный смех не имеет конкретной причины. Он просто возникает в тебе, как на дереве распускаются цветы. У него нет ни причин, ни рационального объяснения. Он таинствен, мистичен; отсюда название «мистическая роза».

Истерический смех болезнен. Это смех над кем-то другим; он не здоров и не принесет тебе той пользы, о которой я говорю. Он безумен.

Показной смех — это когда человек смеется, только чтобы показать другим, что ему смешно, но смех не исходит из его существа. Он поверхностный, социальный. Если все остальные смеются, а ты нет, это немного невежливо.

Говорят, что, если рассказать анекдот англичанину, он засмеется дважды: первый раз из вежливости, просто чтобы показать: «Да, я понимаю». Второй раз он смеется среди ночи, когда действительно понимает.

Если рассказать анекдот немцу, он рассмеется только один раз. Второй раз никогда не наступит. Он никогда не поймет.

Но никогда не рассказывай анекдотов еврею, потому что он остановит тебя посередине. Он скажет: «Это тухлая старая шутка, и ты рассказываешь все неправильно». Бесплезно рассказывать анекдоты еврею — он не будет смеяться. Более того, он и тебя загрузит — зачем говорить с этим человеком?

Разные национальности будут вести себя по-разному. Но одно ты должен понять сам: смеешься ли ты только для того, чтобы подстроиться под других... тогда смех — это только показуха. Ты не понял шутку, но смеешься — это лицемерие.

Но не забывай: не осуждай других. Это очень примитивно, нецивилизованно, бесчеловечно. Смотри только на себя.

Пациент в больнице случайно испражнился в кровать. Не желая, чтобы об этом узнали сестры, он свернул простыню и выбросил в окно.

Она упала прямо на Ковальского, который шел по улице под окнами. После упорной борьбы Ковальский освободился от простыни и зашел в бар, чтобы успокоить нервы.

— Боже мой! — сказал бармен. — От тебя воняет!

— От тебя бы тоже воняло, — ответил Ковальский, — если бы ты только что вышиб дерьмо из привидения!

В отдаленной сельской местности молодой фермер и его жена были вне себя от радости, когда рядом с их домом приземлилась марсианская пара.

Молодой фермер пригласил марсиан на ужин. Они так подружались, что решили обменяться партнерами на ночь.

Жена фермера и марсианский мужчина приготовились лечь в постель, но вдруг она заметила, что у него очень маленький член.

— Что, по-твоему, ты собираешься с этим делать? — засмеялась она.

— Смотри, — ответил он и скрутил правое ухо. Тотчас же член вырос до размеров двенадцати дюймов, но остался тонким, как карандаш. Затем он скрутил левое ухо, и он стал толстым, как сосиска. Они провели вместе прекрасную ночь.

На следующее утро, простившись, марсиане улетели, и фермер повернулся к своей жене:

— Как все прошло? — спросил он.

— Потрясающе, — ответила она, — действительно невероятно. А у тебя?

— Ничего особенного, — признался фермер. — На самом деле даже немного странно. Всю ночь она играла с моими ушами.

Одному мужчине после автомобильной катастрофы ампутировали член. В качестве эксперимента врачи пришили ему хобот слоненка.

Через некоторое время он отправился обедать во французский ресторан. Когда он сидел рядом со своей подружкой, внезапно хобот слоненка вырвался у него из штанов, схватил со стола булку и спрятался обратно под стол.

Девушка не могла поверить своим глазам и ничего не сказала. Но через несколько минут, посреди разговора, внезапно из-под стола снова выскакивает хобот слоненка, шарит по столу, хватая другую булку и снова прячется.

— Боже мой, — говорит девушка. — Что это было?

Мужчина крайне смущен, но ему удается рассказать всю историю.

— Но это потрясающе! — восклицает девушка с энтузиазмом. — Можешь сделать это снова?

— Мог бы, — ответил он, — но не думаю, что мне в задницу поместится еще одна булка.

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

А сейчас две минуты молчания, закройте глаза и прекратите двигаться; просто будьте абсолютно неподвижны, словно замороженные.

Расслабьтесь... отпустите все.

...Хорошо, возвращайтесь обратно.

Об авторе

Учение Ошо не поддается никакой классификации, оно охватывает все сферы — от индивидуального поиска смысла жизни до самых насущных социальных и политических вопросов, которые стоят сегодня перед обществом. Он не писал своих книг, это распечатки с аудио- и видеозаписей его бесед, которые всегда были импровизациями и проводились перед слушателями разных стран на протяжении тридцати пяти лет. Лондонская газета Sunday Times назвала Ошо одним из «тысячи людей, которые определили лицо XX столетия», а американский писатель Том Роббинс сказал о нем, что «это самый опасный человек со времен Иисуса Христа».

Ошо как-то сказал, что он помогает создавать условия для рождения нового человека. Он часто называл такого человека «Зорбой-Буддой», потому что тот будет способен радоваться и земным удовольствиям, как Грек Зорба, и пребывать в тихой безмятежности, как Гаутама Будда. Красной нитью через все сферы деятельности Ошо проходит представление, охватывающее извечную мудрость Востока и высочайшие возможности западной науки и технологий.

Ошо также известен своим революционным вкладом в науку внутренней трансформации и таким подходом к медитации, который соответствует ускоренному темпу современной жизни. Уникальные «Динамические медитации» Ошо разработаны прежде всего для высвобождения накопленных стрессов тела и разума, чтобы было легче перейти к расслабленному и свободному от мыслей состоянию медитации.

Более подробную информацию об Ошо и его трудах вы можете найти на сайте:

www.OSHO.com

Это насыщенный информацией портал на нескольких языках, где размещен онлайн-тур по Центру медитаций, содержится описание курсов, каталог книг и записей, перечень информационных центров Ошо по всему миру, а также избранные места из бесед Ошо.

Или пишите нам на адрес электронной почты:

Osho International
oshointernational@oshointernational.com

Международный центр медитаций Ошо

Международный центр медитаций Ошо — это место, где люди более полно, расслабленно и с большим удовольствием могут попробовать пожить по-новому. Он расположен приблизительно в ста милях на юго-восток от Мумбая в городке Пуна, Индия. Тысячам людей, которые каждый год приезжают сюда из более чем ста стран мира, центр предлагает самые разнообразные программы.

Городок Пуна возник как место летнего отдыха для махарадж и богатых британских колонистов, а теперь это процветающий современный город, в котором расположено несколько университетов и предприятий компьютерной индустрии. Центр медитаций занимает площадь около сорока гектаров в окруженном зеленью пригороде, который называется Корегон-парк. В городке центра может разместиться ограниченное количество гостей, но рядом есть много отелей и частных квартир, где можно остановиться на пару дней или на несколько месяцев.

Программы центра основаны на концепциях Ошо о формировании качественно нового человека, который может творчески участвовать в обычной жизни и расслабленно погружаться в тишину и медитацию. Большинство программ проводятся в современных помещениях с кондиционерами и включают различные индивидуальные занятия, курсы и мастерские, охватывающие всё — от занятий искусством до процедур по общему оздоровлению организма. Также проходят курсы по личной трансформации и терапии, эзотерическим наукам, дзэнским методикам занятий спортом, обсуждаются вопросы взаимоотношений и значимых изменений в жизни у мужчин и женщин. Одновременно с ежедневными медитациями в течение всего года проводятся индивидуальные занятия и групповые мастерские.

В уличных кафе и ресторанах на территории центра предлагается традиционная индийская кухня и блюда разных стран мира. Вся еда готовится из овощей, выращенных без химических добавок на ферме общины. В центре налажено собственное снабжение чистой, фильтрованной водой.

Посетите наш сайт www.osho.com/resort, где вы сможете найти более подробную информацию, включающую стоимость проезда, расписание занятий и порядок резервирования мест в гостинице центра.

Литературно-художественное издание

ОШО

Мистическая роза

Перевод: *Ма Прем Пуджа*

Редактор *И. Старых*

Корректоры

Т. Зенова, Е. Ладикова-Роева, Ма Прем Танмайю

Оригинал-макет: *Т. Петушкова*

Обложка: *И. Панарина*

ООО Издательство «София»,

107140, г. Москва, ул. Красносельская Нижняя, д. 5, стр. 1

Для дополнительной информации:

Издательство «София»,

04073, Украина, Киев-73, ул. Фрунзе, 160

Подписано в печать 30.09.2008 г.

Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 25,20.

Тираж 4000 экз. Зак. № 9040.

Отделы оптовой реализации издательства «СОФИЯ»

в Киеве: (044) 492-05-10, 492-05-15

в Москве: (499) 317-56-22, 317-56-44

в Санкт-Петербурге: (812) 235-51-14

Книга — почтой

в России: тел.: (495) 476-32-58, e-mail: kniga@sophia.ru

в Украине: тел.: (044) 513-51-92, 01030 Киев, а/я 41,

e-mail: postbook@sophia.kiev.ua,

<http://www.sophia.kiev.ua>, <http://www.sophia.ru>

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Символ мистической розы вызывает к жизни безмерно важные воспоминания... Однажды ранним утром точно такое же собрание искателей, как и вы... но двадцать пять веков назад... ожидало, когда выйдет Гаутама Будда и произнесет утреннюю проповедь. Все были удивлены... В некотором роде, ужасно жаль, что вас там не было. Центр сцены: Просветленный Мастер, мистик, мудрец, волшебник и Мастер Церемоний – Ошо.

Эта книга ведет вас, шаг за шагом, в зачарованное путешествие слов, молчаний и картин. Она ведет вас в мир, где волшебство оставалось на сцене вечер за вечером, и тайна спускалась на землю и играла среди нас.

ISBN 978-5-91250-740-3

9 785912 507403

СОСНУЯ